

STAR TREK
DEEP SPACE NINE™

СВОЕВРЕМЕННЫЙ СТЕЖОК

Эндрю Дж. Робинсон

Эндрю Робинсон
Своевременный Стежок

Stitch in Time

2000 год публикации

Своевременный Стежок

2018 год перевода

Перевод выполнен для ознакомительного чтения на добровольной основе и переводчики, редактор и публики-распространители не преследуют коммерческих целей. Любое распространение данного перевода и/или его фрагментов с коммерческими целями нарушает закон об авторских правах и является уголовным деянием.

Над переводом работали:

Melissa_Bennett

Parab_Ellum

Paul_Schadel

Редактор: Paul_Schadel

Иллюстрация: Ramon Salamander

Часть I	6
1.1.	7
1.2.	9
1.3.	11
1.4.	12
1.5.	14
1.6.	15
1.7.	19
1.8.	21
1.9.	25
1.10.	27
1.11.	33
1.12.	37
1.13.	39
1.14.	47
1.15.	51
1.16.	57
1.17.	61
1.18.	64
1.19.	70
1.20.	72
1.21.	75
1.22.	80
1.23	81
Часть II	85
2.1.	86
2.2.	88
2.3.	92
2.4.	94
2.5.	98

2.6.	99
2.7.	102
2.8.	105
2.9.	118
2.10.	120
2.11.	125
2.12.	129
2.13.	135
2.14.	138
2.15.	143
2.16.	148
2.17.	159
2.18.	160
2.19.	173
2.20.	177
Часть III	188
3.1.	189
3.2.	195
3.3.	197
3.4.	203
3.5.	208
3.6.	211
ЭПИЛОГ	218

Часть I

- *Вы прошли большой путь от того наивного юноши, которого я встретил пять лет назад. Вы стали подозрительным и недоверчивым. Вам это идёт.*
- *У меня был хороший учитель.*

1.1.

*Кому: доктору Джулиану Баширу
Старшему офицеру медицины
Глубокий Космос 9*

Запись:

Какие же вы странные, люди. Или это только те, кто служит в Звёздном Флоте? Капитан Сиско только что предложил мне принять участие в наступлении, за что я ему безумно благодарен. Возможность освободить свою родину оживляет и пробуждает мой павший дух. Но добрый капитан и не думал напомнить о том, что данное вторжение стало возможным благодаря инциденту с ромуланцами. Я должен был просто явиться в его кабинет «в 9:00» с предположениями, где линия обороны Доминиона может быть наиболее уязвимой. О, наше общение носит сказочно официальный характер («мистер Гарак», «капитан Сиско»), но поразительно, как он делает вид, словно никакого инцидента и не произошло. И вы, и я знаем, как тяжело на нём сказались всё случившееся. И только когда наши взгляды пересекаются, я вижу в глубине их... что? Гнев? Предательство? Попирание?

Странный вы народ.

Кажется, что люди, испытывая за жизнь бесконечное множество отношений и ситуаций, принимают их за чистую монету. Они редко заглядывают за край маски, где обитают настоящие намерения, наши истинные мотивы. И люди чаще всего отрицают, что у них есть какая-либо маска. Такие люди (вас я сюда не включаю, доктор — скоро я дойду до этого момента) считают то, что они показывают миру, и, напротив, то, что мир демонстрирует им, истиной. Вера в это делает их опасными.

В кардассианском обществе нас с ранних лет учат скрывать свои чувства и мысли, избегать любого опознания и наблюдения извне. Задача этого обучения — создать гражданина, способного работать в группе для достижения общей цели, установленной лидером, и в то же время работать таким образом, чтобы никто из других членов группы не знал, что он или она делает. Если цель достигнута — никому нет дела до того, как именно ты выполнял работу.

Поэтому меня сбивает с толку, что капитан Сиско так расстроен тем, что я достиг цели (которую он же и задал!) вовлечения Ромула в войну против Доминиона. И это не из-за тех немногих жизней, что были принесены в жертву. Расширение Федерации сильно сказывается на бесчисленных формах жизни, о большинстве из которых она и по сию пору остается в счастливом неведении. В тот самый момент, когда ты шагнул в сад и начал возделывать и подрезать, ты становишься убийцей. Возможно, капитана огорчило то, что он сомневался сделать необходимое для обеспечения сохранности своего сада. Сентиментальность — ещё одно свойство, которое делает людей опасными.

Но почему я пишу это вам вместо того, чтобы философски разглагольствовать за одним из наших обедов? Я вижу эту излишне вежливую улыбку, вашу маску под названием «Переходите к делу, Гарак».

Терпение, дорогой доктор.

Во-первых, позвольте объяснить, почему я делаю из вас исключение в плане человеческой зависимости от видимости и сентиментальности. Задолго до того, как раскрылось, что вы были генетически «усовершенствованным», я распознал в вас интеллект, способность к пониманию, чего я не находил в других людях. Насколько бы эта тема вас ни злит, вы были не столько усовершенствованы генетически, сколько приспособлены. У людей, которые сделали это с вами, были определённые причины, которые вы давно переросли. И, усвоив эти изменения, вы приноровились к этому

«приспособлению» согласно требованиям вашей жизни. Я воспринимаю вас больше кардассианцем, нежели человеком. Вот почему я делюсь с вами этим документом... вот почему я присел за ваш столик в нашу первую встречу.

Прежде чем вас в ужасе передёрнет от мысли о том, чтобы быть кардассианцем, позвольте привести вам пример.

Человеческая память выборочна и линейна. Проще говоря, человек вспоминает самое лучшее в последовательном порядке, начиная с самого раннего детства. С безоблачными воспоминаниями могут соперничать только кошмары. Кардассианец же помнит всё, во всей степени, постоянно. Для нас прошлое и настоящее не имеют таких чётких граней. Мы всегда живём в настоящем моменте — включая кошмары. И вы тоже. Для человека это было бы хаотично, невыносимо. Для нас же это просто в порядке вещей.

Это — одна из причин, по которым я адресую вам эти воспоминания. Линии судьбы сводятся в одной точке, как память умирающего. Мне нужно это написать, доктор, и вы единственный человек на этой станции, кто меня поймёт. Вторжение на Кардассию знаменательный акт. Погибнут многие. И если я не выживу, я хочу, чтобы вы доставили копии этого текста тем, чьи имена я приведу в конце документа.

Есть и другая причина. Я знаю, что мы отдалились друг от друга, так и должно быть. Мы учимся у определённых личностей тому, чему можем, а когда получаем то, что нужно, движемся дальше. Когда мы не узнаём о себе ничего нового в отношениях, тогда они заканчиваются. Или они заканчиваются в тот момент, когда мы боимся узнать что-то новое о себе. Но то, что о себе узнавал я... что бы ни вспыхнуло во мне, что бы ни бросило мне вызов, когда я впервые встретил вас... это тесно связано с этой историей. Я незавершённый человек, доктор, словно костюм, висящий на раме и ждущий последних штрихов, которых может и не быть; мне нужно рассказать вам эту историю, чтобы примириться с теми частями себя, которые остались незаконченными. Для исцеления. Уделите мне немного внимания, если сможете, вы нужны мне в качестве наблюдателя.

Дорог своевременный стежок ...

1.2.

Запись:

Когда я достиг возраста выпуска, меня отправили в Институт Государственной Разведки — Бамаррен, где бы я начал учиться на государственного стража. Чести учиться в этом заведении обычно заслуживали дети нынешней правящей элиты, и крайне редко — дети обслуживающего персонала расценивались как перспективные. Я был из последних.

Мой отец был мастером технического обслуживания, ответственным за сады, монументы и мемориалы сектора Тарлак, величественного и призрачного места, посвященного героям Кардассианского Государства. Моя мать была экономкой Энабрана Тейна, владельца дома, в котором мы жили, состоявшего в Обсидиановой Ордене — таинственном департаменте, отвечающем за «государственную безопасность». Наша «квартира» располагалась в подвале дома «дяди» Энабрана, и мои родители с гордостью величали себя слугами Кардассианских публичных ритуалов и чистоты.

Ожидалось, что я стану учеником своего отца. Большинство из моих самых ранних воспоминаний — это подготовка и уборка по случаю государственных похорон и обрядов посвящения. Я был серьёзным мальчиком, ответственно исполнявшим свои обязанности. Иначе никак. Отец был намного старше матери, никогда не говорил помногу, но если он говорил — то чётко и по делу. Любой, кто работал на него, понимал, что если бы ему пришлось повторять, их бы очень быстро понизили до обслуживания городской канализации.

Мать не только вела дом Тейна, но и работала с ним в Обсидиановом Ордене. Он особенно заботился о той, кто готовил и убирал для него, и зависел от моей матери во всех своих личных потребностях. Я никогда точно не знал, чем он занимался. Я просто предполагал, что он был достаточно значимым для того, чтобы позволить себе дом и прислугу. Обсидиановый Орден в те дни размещался в нижней части здания Ассамблеи, и в течение нескольких лет я даже не знал, где находится вход. В детстве я отправлялся в сектор Тарлак вместе с отцом, и пока он был занят руководством, я одиноко играл среди черно-белых угловатых памятников, представляя себя великим галом или легатом, произносящим похоронную речь для павшего товарища. В Обсидиановом Ордене не было ничего, что бы могло вдохновить или стимулировать мои детские фантазии. Ничего, кроме тишины и таинственности.

Но дома Тейн загадочным не был. Дядя Энабран нередко брал меня на какую-нибудь экскурсию, которая включала в себя долгую прогулку по городу. Во время таких прогулок он испытывал мой разум, предлагал мне описать дом или прохожего, мимо которого мы только что прошли. Если я был невнимательным и не мог вспомнить подробностей, прогулка заканчивалась, и мы возвращались домой под тяжестью его неодобрения. Кажется, он следил за моей учёбой в школе, и если не был удовлетворён моим прогрессом или поведением, то наказывал. Я был трудолюбивым, но себе на уме, и мне нравилось вовлекать других в сомнительные мероприятия и организовывать все так, что бы ловили их, и им приходилось брать вину на себя. В тех редких случаях, когда ловили меня, Тейн каким-то образом узнавал об этом и наказывал меня, но не за мой проступок, а за то, что попался. И после того, как он обнаружил мой страх перед ограниченными тёмными пространствами, его любимым наказанием стало удерживать меня в подобных местах, пока я не убеждал его в том, что проанализировал и полностью понял, что в схеме моего хулиганства пошло не так. Мне казалось странным, что ни мать, ни отец никогда не противостояли этим наказаниям.

Однажды вскоре после выпускной церемонии школы, когда я уже считался мужчиной, я вернулся домой, чтобы помочь отцу для организации посвящения на

Военном Мемориале Болтар. Я был удивлён, увидев своих родителей дома в компании незнакомца. Обычно в это время их здесь не было, и у нас редко случались гости. Родители были очень замкнутыми и даже отговаривали меня от того, чтобы я приглашал домой одноклассников. Им обоим явно было неловко с нашим гостем, которого они представили мне как официального представителя Института.

Сначала я подумал, что у меня проблемы, и мое лицо, должно быть, отразило этот страх, потому что отец попытался успокоить меня вымученной улыбкой. Но нехарактерная неискренность в его поведении и едва скрытое волнение только ухудшили ситуацию. Я никогда не видел его таким. Лицо матери казалось маской: оно ничего не выражало. Она говорила таким тоном, словно мне нужно было умыться после дневной работы, прежде чем приняться за еду.

— Элим, похоже, у тебя нашёлся спонсор. Тебя отправляют в престижный институт. Ты уезжаешь сегодня.

Вот так просто. Любой ответ был вне моего понимания — я понятия не имел, что это означает. Я стоял посреди комнаты, глядя на этих троих, которые смотрели на меня в ответ, ожидая какой-то реакции.

— Институт Бамаррен, — добавил отец так, как будто это было жизненно важное и необходимое уточнение, которое бы меня просветило. О, я знал об институтах. Какой школьник не знает? Я знал, что каждому ученику нужен спонсор, кто-то высокопоставленный в правительстве или армии, который дал бы рекомендации и гарантировал его или её эффективность. И я знал, что достиг того возраста, когда ученики переходили на следующий образовательный уровень, определяющий их трудовую жизнь. Но мои одноклассники, которым были подготовлены места в институтах, заранее знали, куда именно они поступают. И кто их спонсор. Когда же я начал спрашивать, кто же был моим, отец прервал меня:

— Это не твоё дело, Элим. Сейчас твоё дело — привести себя в порядок и быть готовым к отъезду.

— Его дело — служить Кардассии и Империи мыслями, словом и делом, — произнёс чиновник. — Твоё детство закончилось, Элим Гарак.

Я был ошеломлён. Я хотел узнать больше, я хотел спросить о церемонии посвящения в тот день, но я не посмел. Взгляд отца был тем самым, когда кто-то из рабочих не понимал его с первого раза. Но что я сделал не так? Мать, будто бы прочитав мои мысли, внезапно повернулась ко мне:

— Это большая честь, Элим, — со страстью в голосе произнесла она.

Это поразило меня, её маска приоткрылась. Я почувствовал, что это действительно было так.

Прошло много времени, прежде чем я узнал правду о своём «спонсоре».

1.3.

Вам будет приятно услышать, доктор, что я вызвался работать с подразделением экстренной медицинской службы в Городе. Всегда, когда в завалах находили выживших, нас звали оказать помощь и убедиться, что их можно переправлять в медицинское учреждение. Просто чудо, как некоторые выживали днями, даже неделями, погребённые под тяжеленными обломками зданий. Буквально вчера спасатели обнаружили признаки жизни посреди завалов высотой, как минимум, этажа в четыре. Когда нам удалось добраться до выживших, мы нашли погибшую мать и её ребенка, который был ещё жив. Доктор Пармак, глава подразделения, с неистовым трудом стабилизировал маленькую девочку, и, когда транспортная часть эвакуировала её, он окончательно обессилел. Он очень хороший, этот доктор Пармак; он кажется мне похожим на вашу более старшую версию, доктор. Но ирония в том, что доктор Пармак однажды оказался косвенно вовлеченным в дело о нелегальной политической группе, и, когда его арестовали, угадайте, кто был ответственным за его допрос? Этот мужчина — кто угодно, только не трус, но в нём была некая уязвимость; мне было достаточно таращиться на него часами, и тогда он рассказал нам всё, что знал.

Он утверждает, что ему и по сей день тяжело смотреть мне в глаза.

Я просил у него прощения, и он оказался достаточно добр, чтобы дать мне его. Я надеюсь, что у новой Кардассии будет больше таких же граждан, как он.

Этим утром я отправился в сектор Тарлак и посетил похоронную службу в честь легата Дамара и возложение скромной мемориальной доски в память о нём. Когда Киру и меня назначили работать с группой сопротивления Дамара, я намеревался убить его при первой же возможности — отомстить за убийство Зиял. Но, когда мы начали работать вместе, я понял, что он был истинным сыном кардассианского милитаризма и глубоко преданным своему долгу. Когда Зиял «предала» своего отца, Дуката, и решила остаться на станции, Дамар увидел, что его старший по званию находится в смятении, и счёл своим долгом убить её.

«Но, Гарак», скажете вы, «для убийства беззащитной женщины нет оправданий».

Нет... если только вы не выросли в нашей системе.

Со временем я начал восхищаться идеализмом Дамара, благодаря которому он отвергнул приверженность Доминиону. Если у Дамара и был недостаток, то это его склонность к затянутым речам. Но, учитывая, что никто не идеален, он был бы хорошим лидером.

На похоронной службе я думал о всех тех торжествах, виданных мною здесь в детстве. Никто из наших героев и государственных деятелей никогда не удостоивался таких неприятных почестей — и никто из них, начиная с Трета Аклина, не заслуживал большего, чем Корат Дамар.

Я думал и о кардассианском чувстве долга, о том, как оно во многом повлияло на то, что привело к нынешним обстоятельствам. Я спросил доктора Пармака, как целый народ может оказаться подконтрольным этому долгу и быть слепо преданным государству, которое сходит с ума и убивает собственных детей.

— Губительная педагогика, Элим, — ответил он. — Мы верим в то, чему нас учат.

1.4.

Запись:

Институт Бамаррен расположен в высокогорье, примыкающем к пустошам Мекара, в жаркой засушливой зоне с потрясающе красивыми горными образованиями и бесконечной сетью подземных пещер. Сначала пейзаж казался чужим и даже угрожающим с точки зрения моих городских тела и разума. Небо, выглядящее бесконечным, и пустота на горизонте без следов влияния цивилизации вызывали у меня беспокойство.

Да и сам по себе Институт беспокоил меня. Каждая минута, которую мы бодрствовали, планировались и учитывались. Кардассианская образовательная система работает, отталкиваясь от идеала о том, что каждому поколению нужен избранный круг лидеров, элита, в каждом сегменте общества. Художники, военные, политики, учёные, бизнесмены, торговцы — во всех сферах имеются институты, в которые дети отправляются после выпуска из школы. В этот период он или она «идентифицируется» и распределяется в то место, где будет жить и учиться удалённо от дома и семьи на протяжении последующих девяти лет.

Курс обучения делится на три прогрессирующих уровня.

Каждые три года студент либо продвигается с одного уровня на другой, либо возвращается служить обществу в необходимой, но относительно скромной профессии. Если же студент переходит на третий уровень и завершает его, то он или она попадает в правящий авангард этого сегмента.

Первый день уже задал тон моей новой жизни.

После ориентирования новых студентов, в ходе которого Первый Префект и глава Института уподобили нас «недостающим частям мозаики кардассианской цивилизации», взрослые передали нас студентам старшего Уровня. Те быстро разделили нас по половому признаку, отобрали все личные вещи, выдали нам наши колючие тусклые униформы (болотно-зеленый с чёрным, неудивительно, что я стал портным, правда?) и распределили нас по жилым помещениям. В помещениях находилось по десять узких кроватей, к каждой из которых прилагался шкафчик для наших малочисленных вещей, и дверь в прилегающую комнату для гигиены. В течение следующих трёх лет, за исключением наших преподавателей, мы редко вступали в контакт со взрослыми. Моё детство действительно закончилось.

Я был распределен в группу Лубака на Первый Уровень, и моё числовое обозначение было Десятый. С этого момента я больше не был Элимом Гаракком, я был Десятый Лубака, и нас строго предупредили, чтобы мы никогда не обращались друг к другу никак иначе, кроме как по данным обозначениям группы и номера. Мы были «недостающими частями», и, чтобы найти своё место в мозаике цивилизованного общества, мы должны были быть разрушены и созданы заново.

— Десятый Лубака!

И тем, кто начал это разрушение, оказался нашим руководителем секции — Первый Тарнала, физически сильный индивид Третьего уровня с толстой шеей и близко посаженными глазами.

— Д-да?

— Да, руководитель секции!

Мне было поручено пойти в кладовую и взять инвентарь для уборки гигиенической комнаты. После того, как он дал мне указания, он сказал, что я мог бы взять с собой столько моих соседей по секции, сколько считаю нужным для того, чтобы они сопровождали меня. Я был несколько смущён предложением, но подумал, что это

испытание моей уверенности в себе и ответил, что я могу справиться с поручением и в одиночку.

— Тогда иди!

После блуждания по тому, что казалось запутанным лабиринтом, в котором я встречал других новичков с аналогичными поручениями, я наконец-то нашёл кладовую. Дверь открылась, и студент моего возраста вывалился и заковывал прочь со своим инвентарём. Он выглядел крайне неопрятно. Бросив на меня быстрый испуганный взгляд, он исчез в коридоре. Я подумал, что его следует наказать за подобный внешний вид.

— Следующий!

Изнутри раздался характерный грубый голос. Я вошёл и удивился окружившей меня темноте.

— Здравствуйте?..

Я застыл на месте, боясь обо что-нибудь споткнуться.

— Ты пришёл один? — спросил Грубый Голос.

— Да, я пришёл чтобы...

Прежде, чем я успел договорить, чья-то рука схватила меня за волосы, и вспыхнул свет. Передо мной стояли три старших ученика, возможно Второго Уровня.

— Почему ты пришёл один? — Грубый Голос принадлежал обладателю руки, не дававшей мне даже дёрнуть головой. Когда я попытался обернуться, рука усилила хватку до боли.

— Я подумал, что...

— Ты подумал только о себе. Ты не подумал о группе. С этого момента ты будешь учиться никогда не думать о себе отдельно от группы.

После этого меня несколько раз ударили руками и ногами. Я пытался сопротивляться, атаковать, но их оказалось слишком много. Я опустил на колени, пытаюсь восстановить выбитое из меня дыхание. Явно побеждённый, я отказывался плакать и отказывался признать поражение. Я бы скорее умер, чем признал это.

— Достаточно! — произнёс Грубый Голос.

Один из нападавших поставил меня на ноги, другой протянул мне два ведра с чистящими растворами и инвентарём.

— Бери и возвращайся в свою секцию. И помни, Десятый Лубака, это то, что происходит, когда ты отделяешься от своей группы. Все особи подвергаются охоте и нападению. По отдельности ты не твёрже пудинга. Мы будем следить за тобой.

Меня подтолкнули к двери, и свет погас. Дверь открылась, и, споткнувшись о свои ведра, я чуть было не наткнулся на другого ученика, который ждал, чтобы войти. Мы обменялись взглядами, и я узнал это неодобрение в его лице. Я хотел было предупредить его, но что-то подсказывало мне просто вернуться в секцию. Я поспешно прошёл мимо него и услышал, как рывкнул Грубый Голос:

— Следующий!

1.5.

Запись:

— Скажите, мистер Гарак, — вкрадчиво начал капитан Сиско, пристально рассматривая карту Кардассианского союза, — как вы считаете, в каком месте кардассианская линия обороны наиболее уязвима?

Я расхохотался. Как объяснить пришельцу, что периметр Кардассии не может быть уязвимым?

Добрый капитан одарил меня озадаченным взглядом.

— Если желаете найти слабость, ищите в командной цепочке, — ответил я, — ворта, исполняющие приказы Основателей, снабжение солдат джем'хадар наркотиком. Но, если периметр устанавливали кардассианцы, не ищите в нём слабинку.

— Вы кажетесь уверенным в своей оценке, — скептически отозвался Сиско.

— Капитан, кардассианцы рождаются с осознанием защищённости своих границ, доктор бы сказал: «доминирующим инстинктом рептилий», они готовы умереть, защищая свои границы.

Кивнув, капитан вернулся к изучению карты.

Я чуть было не ляпнул, что мы оттачиваем свои инстинкты в таких местах, как, например, Институт Бамаррен.

1.6.

Запись:

На Первом и Втором Уровнях Бамаррена студентов разделяют по половому признаку. Хотя у нас и были некоторые общие доценты и внешние учебные площадки, каждая группа имела свои собственные жилые помещения и удобства. Нам объяснили, что до тех пор, пока мы не будем дисциплинированы в наших отношениях с «дополнительным гендером», такое разделение поможет нам добиваться лучшего прогресса. Когда я спросил Первого Тарнала, как же мы обучимся этой дисциплине без взаимодействия между полами, он моргнул и пробормотал что-то об «отвлечении». Когда я попытался уточнить, что это значит, мне ответили, что я слишком много болтаю, и в качестве наказания назначили пять дней гигиенического обслуживания.

— Ты слишком мало знаешь, чтобы задавать столько вопросов.

Я стал спрашивать его, как же я могу научиться, не задавая вопросов. Тогда он вытащил свою «салажную дубинку» (получившую своё название потому, что ее использовали для избияния «салаг» — так называли учеников Первого Уровня), ударил меня по ноге и велел отправляться на склад инвентаря для уборки. Когда боль отступила, я оглянулся в поисках группы «поддержки». Можете мне поверить, на этот раз я хотел, чтобы меня сопровождало как можно больше помощников.

В комнате находилось пять учеников, но когда я обратился к ним с этой просьбой, четверо нашли отговорки, от малоправдоподобных до весьма подозрительных. Третий Лубака, самый крупный в нашем классе и тот, кого бы я больше всего хотел взять с собой, заявил:

— Руководитель секции прав, ты слишком много болтаешь.

К сожалению, единственным оставшимся учеником был тихий Восьмой Лубака, который предпочитал держаться сам по себе. Он согласился сопроводить меня и быстро двинулся к двери. Низкий, худой, тёмноглазый, с длинными ресницами, он казался моложе всех нас. Слишком нежный для кардассианца.

Особо не вдохновляло, но у меня не было выбора. Выходя из помещения, я неосознанно сымитировал Грубый Голос из моего предыдущего опыта.

— Всё, что мне нужно — это дополнительная пара глаз. Просто держи их открытыми, и разберёмся с этим поскорее.

Восьмой, молча, последовал за мной.

Путешествие в кладовую вышло небогатым событиями, и мы получили наш инвентарь без происшествий. Однако на обратном пути мы заметили, что на пересечении двух коридоров стало гораздо темнее, чем раньше. Восьмой, который шёл сзади, коснулся моего плеча.

— Я думаю, мы кое-что забыли, — нехарактерно громко произнёс он и жестом предложил мне следовать за ним.

Мы вернулись к предыдущему перекрестку, повернули направо и двинулись по другому коридору, пока не дошли до третьего перекрестка.

Он остановился, взял у меня инвентарь и осторожно положил его на пол. Затем выбрал швабру и вручил её мне. Себе он взял более короткое орудие. Восьмой выглянул из-за угла в темный коридор и быстро перебежал на противоположную сторону. Я было дёрнулся за ним, но он дал мне знак оставаться на месте и ждать. Всё это время он молча контролировал всё происходящее, причем настолько уверенно, как если бы делал это уже много раз. Откуда он знал, куда идти? Как?..

Мы услышали шаги, раздававшиеся из коридора в том направлении, где ждал Восьмой. Он поднял два пальца, показывая количество идущих. Когда они приблизились, мы скрылись из их поля зрения по обе стороны коридора. Лицо Восьмого было мрачным,

напряженным, сконцентрированным. Бровные гребни, которые были необычайно сильно выражены, бросали тени на глаза. Мое сердце забилося быстрее, когда я понял, что планировал Восьмой. Конечно, они были старшими учениками, но он не сомневался и не колебался.

Когда двое ничего не подозревающих ученика почти достигли нас, тот, что был ближе, заметил меня, но было уже поздно. Мы напали, и мы точно знали, что делать. Сначала разоружили их, отобрав их «салажные дубинки», а затем начали наносить удары по рукам и ногам. Мы вложили в это столько свирепости, что они бросились бежать по коридору.

— Я покажу вам, кто тут пудинг!

Я хотел броситься в погоню.

— Нет!

Сила его голоса потрясла меня. Я остановился, и прежде, чем смог спросить, почему, раздался громкий свист аварийного сигнала о немедленной помощи, про который мы совсем недавно узнали в полевом учебном классе. Схватив инвентарь, мы помчались в свою секцию так быстро, как только могли.

Покрасневшие и запыхавшиеся, мы вбежали в комнату. Большая часть группы находилась в помещении, и они хотели узнать, что произошло. Взволнованный, я только собрался рассказать, когда Восьмой бросил ведро с инвентарем, тем самым отвлекая внимание на себя. Он одарил меня осуждающим взглядом.

— Ч-что? — запнулся я.

А затем проследил за его взглядом до двери, в проёме которой стоял Первый Тарнала и пристально рассматривал меня. Восьмой скользнул в свою спальню, где тихо занялся чем-то в своём приватном отсеке. Я тут же закрыл рот, собрал инвентарь и отнёс его в отсек гигиены.

Вскоре после того, как мы остались одни, я спросил Восьмого, откуда он знал о коридорах. Он не ответил, отвернулся, взял свой ориентационный чип и ввёл код. Я было собирался прокомментировать его непослушание, когда он повернулся и протянул мне чип. Это была схема комнат и коридоров этажа со складами. Всем нам были выданы карты Бамаррена. Я предполагал, что никто не обратил на них внимание.

Тогда я не знал, смогу ли когда-нибудь назвать Восьмого другом. В нём было что-то странное и непроницаемое. Но это не имело значения. По крайней мере, я знал, что в моей секции я могу доверять уже хотя бы одному. Как я его недооценил. Было очевидно, что Восьмой имеет то, что кардассианцы зовут свирепым духом, и что я могу научиться у него многому.

* * *

Основы кардассианского образования, особенно в первые годы, сосредоточены на изнурительной и беспощадной физической подготовке. Тренировочная площадка на Глубоком Космосе 9 меня всегда забавляла. Люди соревнуются сами с собой на тренажерах с утяжелением перед зеркалом. Результаты же, видимо, в большей степени направлены на внешнее укрепление тела, чем на укрепление характера.

В наших учебных центрах навыки одного индивидуума испытывались в его противостоянии против другого. Но тогда как клингоны считают физический бой основным испытанием мастерства, для нас это лишь начальный уровень подготовки, а далее мы переходим к более тонким способам противостояния. Всех этих знаний хватило бы на две жизни, но ученик должен был овладеть ими, прежде чем переходить на следующий уровень. Именно во время этих испытаний мы и узнавали друг друга.

Мы собирались в раскаленных песках Арены, где каждый день проходили длительные сеансы «глаз, рука и нога». Арена была опаснейшей тренировочной площадкой в Бамаррене. Она действительно позволяла оценить каждого ученика. Эти

начальные сеансы были фундаментальной основой для всех последующих тренировок. Говоря просто: концепция тренировок заключалась в том, чтобы научить глаза, руки и ноги действовать независимо друг от друга в многочисленных комбинациях на уровне рефлексов. Эти комбинации назывались стратегиями. И стратегии варьировались от простых сочетаний ударов руками и ногами до сложных упражнений, которые напоминали религиозный транс.

Каликс, наш военный доцент, был сварливым стариком со стеклянным глазом. Ходили слухи, что он служил пехотным галом, пониженным в должности потому, что не воспользовался привилегией своего статуса и подставил себя под удар вместе со своими подчинёнными. Именно после понижения он и посвятил себя овладению стратегиями. Разумеется, мы называли его Каликс только за спиной, потому что в наших сказках были такие юркие мускулистые зверьки со множеством конечностей. Подобно сказочным каликсам, наш доцент был способен ослепить своей боевой доблестью, но в состоянии покоя казался не примечательнее камня.

В наш первый день на Арене мы простояли в строю, казалось, часы, он же в то время просто наблюдал за нами. Солнце припекало так, что пот лился по мне. Шестой упал в обморок, а когда Пятый попытался наклониться к нему, Каликс плюнул ему в лицо. Как и для людей, для нас это также оскорбительное и унижительное действие. Мы были поражены.

— Шаг вперёд, Пятый.

Его голос звучал омерзительно ласковым, и полуулыбка сменилась маской безразличия. Пятый просто вылупил на него, с его подбородка капала смешавшаяся с потом слюна. Он вёл себя так, как будто доцент говорил на инопланетном языке. Диссонанс происходящего заставил растеряться всех нас.

— Встань передо мной, — приказал Каликс.

Пятый был жилист, его натренированное атлетическое тело двигалось осторожно в ожидании нападения. Он остановился перед Каликсом, ухмылка которого обнаружила, что большинство его зубов было обломано, а некоторые и вовсе отсутствовали.

— Я хочу, чтобы ты заставил меня сойти с моего места, не сходя со своего, — приказал Каликс.

Казалось, эта ухмылка парализовала Пятого. Я не был уверен, что он понял приказ. Я не был уверен, что и сам его понял. Мы сохраняли построение, пока они стояли друг напротив друга. Это противостояние продолжалось вечно. Пятый покачивался, но сохранял свое положение, ни на секунду не отрывая взгляда от Каликса.

Моё тело горело от боли.

Арена находилась вдалеке от других учебных площадок. Каждая площадка была обнесена оградой, поэтому мы не могли видеть, что происходит на других. Голоса и звуки маячили на границе моего сознания.

Мой разум был рассеян.

Я был уверен, что слышал женские голоса учениц, которые доносил ветер. Внезапно появилась мать... она выглядела виноватой. Я хотел сказать ей, как сильно я скучаю, но её образ растаял...

И на её месте появился отец. Я знал, что он хотел сказать мне что-то очень важное, но моё головокружение нарастало, и я боялся, что присоединюсь к Шестому, упав в обморок...

Слова унёс ветер. Отец растворился, и я постепенно начал осознавать, что с правой стороны от себя периферийным зрением наблюдаю какую-то фигуру. Фигура была одета в черно-зеленую униформу и медленно двигалась...

Нет! Она была одета... в классическую длинную юбку.

Но это же против правил. Что она здесь делает?

Она плавно переместилась и встала между Каликсом и Пятым. Сухие ветры пустыни Мекар колыхали ее юбки и развивали иссиня-чёрные волосы, скрывающие её лицо.

Видел ли её ещё кто-то? Я хотел осмотреться и найти подтверждения её реальности, но не мог отвести взгляда. Она остановилась и обернулась ко мне. Ветер отбросил длинные волосы назад, позволяя мне увидеть её глаза. Она что-то сказала... но я снова не расслышал ни слова.

Я шагнул к ней. Она сияла, и меня неудержимо влекло к ней... Всё остальное скрылось в тени, словно я шёл по туннелю...

— Куда прёшь, Десятый? Ты нарушил строй!

Это был тот самый Грубый Голос из кладовой. Девушка из моего видения отреагировала на голос и обернулась в том направлении, из которого он исходил. Я проследил за её взглядом и начал различать контуры второй фигуры — высокого, грациозного, появление которого придало всему видению негативную окраску. Я испытал болезненный ледяной спазм, который вернул меня обратно на Арену. Казалось, что-то сжало мое сердце.

Я пошатнулся и с трудом устоял на ногах.

— Ты выглядишь потерянным, Десятый.

Я повернулся на голос, который оказался знакомым и звучал по-доброму. Это был Каликс, и я стоял напротив него.

Что случилось с Пятым?

Я захотел осмотреться.

Я хотел увидеть ту девушку, увидеть обладателя грубого голоса. Но я не смел отвести взгляда от Каликса.

— Ты кого-то видел или слышал? — спросил он.

Я был поражён — откуда он мог знать?..

— И то, и другое, — ответил я.

— Ты узнал их?

— Мои... родители. И еще двое.

Кто-то позади меня засмеялся, но взгляд Каликса тут же свёл всё веселье на нет.

— Еще двое. Это из-за них ты нарушил строй?

Я кивнул.

Он задавал вопросы так мягко, почти интимно. Я не понимал, почему уже не удивлялся тому, что он знает. Я был благодарен, что он не сказал мне, что я сошёл с ума.

— У тебя есть работа, Десятый.

Я снова кивнул, так как будто некоторая часть меня поняла, что он имеет в виду.

— Ты сможешь справиться с этим? Ты научишься сохранять место в строю?

Я просто уставился на него, не зная, что ответить. Вдруг он дважды резко подул мне в глаза. Слеплённый, я отшатнулся.

— Ты сможешь найти и сохранить своё место? — спросил он.

Я вернулся в своё взмокшее тело, чувствуя себя полностью измученным и разбитым. Занятие было окончено, нас отпустили, и я наблюдал, как все уходят. Я не понимал, что со мной случилось.

Моя работа была определена. Каликс сказал: мне нужно найти свое место и держаться за него.

Так с чего мне начать?

1.7.

И как нам перестраивать мир, что больше не существует? Мир, который остался только в моём разуме, приносящий сухую горечь пыли во рту. Я никогда не был в таком отчаянии, доктор, в каком живу сейчас. Оно подобно призрачному спутнику, который следует за мной по пятам и подвергает сомнению всё, что я делаю.

«Зачем его спасать?» — спрашивает оно, когда мы достаём мальчика из руин школы. — «Ты спасаешь его ради будущего, исполненного хаоса и лишений. Разве работа с похоронной группой не была бы более удовлетворительной?»

Мне хочется закричать на этот призрак, заставить его умолкнуть. Однажды я внезапно развернулся и занёс руку для удара. Когда я понял, что его не было, оказалось слишком поздно. Всё подразделение таращило на меня; уверен, я был похож на сумасшедшего. Доктор Пармак попытался отправить меня домой, но я отказался — в одиночестве мне было ещё хуже. Он дал мне релаксант, и я положил его в карман.

— Потом, — отрезал я. — Сейчас меня от него только начнёт клонить в сон.

И мы продолжили откапывать детей.

Когда я вернулся в свою хижину, моросил дождь. Я продрог до костей. Я нашел остатки рокассового сока и встал в дверном проёме. Достал таблетку, которую дал мне доктор Пармак, и запил.

Я смотрел, как дождь смешивается с мутной пылью, превращая всё в грязное болото. Мои мышцы расслаблялись, и в тумане начали появляться и обретать очертания силуэты. Они стояли, неотчётливые, безмолвные, лицом ко мне, словно ожидая моих указаний или решения. Они не казались угрозой; это были лишь очертания детских тел, терпеливо ждущих. Моё отчаяние наконец-то утихло, и я ощутил расслабление, которого не чувствовал уже давно. Я подумал, что они могли оказаться моими старыми однокурсниками из Бамаррена, и я хотел с ними заговорить, поблагодарить их за возвращение в мою жизнь.

Да, подумал я, передышка после кошмара. Нужно будет взять у Пармака еще этих таблеток. Когда я попытался рассмотреть лица расплывчатых детей, они начали приближаться ко мне. Проходя сквозь дождь и туман, они становились отчётливей. Можете ли вы поверить, доктор? Это не были мои однокурсники, это были кардассианские сироты из Центра Переселенцев на Баджоре, который мы однажды посещали с вами. Сироты, оставшиеся после отступления кардассианских оккупационных войск. Всё та же маленькая девочка стояла во главе, и на её губах читался тот же вопрос.

«Вы пришли забрать нас домой?»

Я подскочил. Стены хижины надвигались, она грозила меня поглотить. Я выбежал наружу под дождь, в темноту.

— Дома больше нет! Неужели не видите? Оглянитесь вокруг! Он погиб! — закричал я им, падая на колени в вязкую грязь. Они продолжали пристально смотреть на меня тем самым взглядом хрупкой веры в то, что я каким-то образом развею их страхи и верну домой. Я не мог больше видеть их и рухнул в уличную грязь. Моё отчаяние больше не было просто голосом; оно было тем чудовищным миром, который сотворило зло, оно окружило и сразило меня.

Не знаю, сколько я так пролежал, в грязи, свернувшись клубком.

Я ощутил, как меня подняли и не то что бы внесли, скорее даже втащили, обратно в хижину.

Это был доктор Пармак.

Он умыл меня, как мог, передел. И приготовил чашку таркалеанского чая, который напомнил мне о вас, доктор. Какая ирония — ещё один доктор достаёт старого Элима из

ила отчаяния, но на этот раз — кардассианец. Пармак предложил ещё одну таблетку, но я отказался.

— Боюсь, они мне не помогут, — пояснил я.

— Понимаю, — ответил он.

Я задался вопросом — действительно ли он понимал?

Понимал ли, что я должен жить с этой горькой реальностью — жить в ней! — без надежды на лёгкое спасение? Так же, как на Глубоком космосе я научился жить без имплантата, спасавшего меня от моей боли.

Такой же суровый урок.

Я уверен, что Пармак понимал. В конце концов, он тоже вынужден жить здесь. И он доктор.

Кардассианский доктор.

Быть может, у нас ещё есть надежда.

1.8.

Запись:

Все уроки в Бамаррене были суровыми. Никто здесь, как и мой отец, не собирался повторять дважды приказа или инструкции. Если бы повторить всё же пришлось, то вы бы за это жестоко поплатились. Если бы вам потребовалось пересдать какой-то урок, то сделать это было бы в два раза сложнее, чем при первой попытке. Последствия всегда оказывались тяжелее.

Как и в любой другой группе из десяти студентов, мы сосуществовали в условиях жёсткой дисциплины: мы прикрывали спины друг друга и сами наказывали тех, кто ставил нашу безопасность под угрозу. Мы очень быстро осознали, что работа группой всегда предпочтительнее, а индивидуальные усилия — лишь вынужденная мера при отсутствии возможности сформировать группу.

Уроки, которые ждали нас на Первом Уровне, проводились в пустошах Мекара. Чаще или реже нас вывозили в заброшенные отдаленные районы пустоши. Там мы получали задание: охотится в составе группы или же избегать преследования охотников в одиночку.

Если это была групповая охота, то нам объявляли, что где-то неподалеку в пустоши скрывается несколько наших противников. Наша задача заключалась в том, чтобы выследить их и взять под стражу. Нам не предоставляли никакого оборудования, никаких инструментов для навигации, никакой информации о расположении врага. Если мы возвращались, не пленив всех, то миссия считалась проваленной. Говорить, что любой провал в Бамаррене имел серьёзные последствия, будет излишним.

В групповых упражнениях мы были довольно успешны. Так как мы не представляли, в каком направлении начинать охоту, мы использовали сложную систему знаков и сигнального свиста, передаваемых из нашей центральной базы. Когда один из противников был обнаружен, сигнал передавался только тем охотникам, которые располагались в том же квадранте, и они отправлялись на его захват. Остальные продолжали поиск в своих квадрантах, пока все мы не собирались в центре радиуса поиска с добычей или без неё.

Был только один случай, когда охота затянулась так сильно, что у нас закончились все припасы, и ко времени возвращения в Бамаррен мы были почти критически обезвожены и истощены. Шестой (ученик, упавший в обморок на Арене) отреагировал на это упражнение тяжелее всех. Он был прилежным и хорошо успевал в занятиях по теории, и хотя он был крупнее Восьмого, у него не было выносливости последнего. Как-то раз он даже был на грани смерти и почти два месяца восстанавливал силы, после чего по собственному желанию вернулся в группу.

В ходе нашего обучения мы узнавали друг друга. Одна из первых вещей, которые стали очевидны нам и в классе, и на Арене, и в пустоши — это то, что наши числовые обозначения никак не зависели от наших способностей. Считалось, что наши номера определялись в зависимости от того, насколько хорошо мы успевали в школе. Но также важным, хотя и редко упоминаемым, фактором был социальный статус наших семей.

Восьмой, как и я, происходил из семьи служащих, и вскоре всем стало ясно, что именно он должен был быть Первым Лубака. Но фактически такое обозначение носил тот, кто происходил из высших эшелонов нашего общества, о чём свидетельствовали его поведение и речь. Девятый, однако, выходил из семьи важных политиков, но в нём, как в безлунной ночи, не было совершенно ничего выдающегося. Третий был ненамного умнее, но его впечатляющие физические данные и сила, а также близость его семьи к власти, обеспечили ему более высокое положение.

Подобие политических альянсов в группе было также неизбежно, как металлические опилки на магните. Чтобы удержать низкорожденного, но одаренного Восьмого на его месте, Первый немедленно заручился поддержкой Третьего и Девятого. Не только потому, что они были того же социального уровня, но и потому, что Первый мог интеллектуально доминировать над ними. Второй придерживался их группы, но был искусным политиком, и это позволило ему поддерживать хорошие отношения со всеми. Четвёртый тоже присоединился к ним, но единственное, что занимало его внимание, была возможность установления контакта с девушками. Именно благодаря этой заинтересованности и хорошо развитым плечевым гребням он казался старше остальных.

Пятый был спортсменом, который к тому же хорошо успевал в классных занятиях. Я видел, что ему нравился Восьмой. Как и мне. Седьмой казался самым юным и плохо подготовленным в группе. Он был одним из «прислуживающих салаг», и его преданность распространялась на того, с кем он поговорил последним.

Шестой, когда не находился на лечении, предпочитал компанию своих книг и держался на расстоянии ото всех. Он отчаянно хотел добиться успеха в Бамаррене, но ему мешало его физическое состояние.

Каждый из нас знал, что в основе всех наших повседневных взаимодействий лежали привязанности и предпочтения. Но также мы знали и то, что главная маска, которую мы должны были носить, это маска единства. Особенно в пустоши.

Моё первое упражнение в качестве добычи успехом не увенчалось. Четвёртый, Восьмой и я вынуждены были разделить и разойтись по отдалённым областям пустоши. Нашим заданием было вернуться в Бамаррен, не будучи обнаруженными ни одной поисковой группой студентов. С собой у нас было только то, что можно распахать по карманам.

Когда у меня закончились все мои припасы, я впал в отчаяние.

Это совершенно не похоже на город.

Пейзаж выглядел суровым и неприступным. Он не давал ни одной подсказки относительно того, где и как далеко находился Институт. Я блуждал по раскалённым пескам, делая всё, что мог для того, чтобы меня нашли. Я ужасно измучился. И конечно, обнаружить меня не составило труда для группы Фуртан. Поиски Четвёртого заняли немногим больше времени. Восьмой же успешно вернулся в Бамаррен, не будучи обнаруженным.

Мой опыт был признан ужасным провалом. Мне было назначено одиночное заключение для того, чтобы я понял, что бывает, если не приложить достаточно усилий, и для того, чтобы я мог подумать о том, что мне нужно сделать, чтобы стать лучше.

Но именно на Арене, во время моей работы с Каликсом, я страдал сильнее всего. Я мечтал стать «свободной личностью».

— У тебя нет хватки, нет концентрации! Как ты можешь найти свою силу, если не можешь даже удержать своего места в строю? Жить мечтами — всё равно, что жить в изгнании.

Его слова разбивали мне сердце. Только моя решимость найти свое место в Бамаррене, в группе, в себе самом, только она удерживала меня от полного отчаянья. Но я был очень близок к тому, чтобы бросить всё.

После особенно тяжелого занятия на Арене, когда Третий впечатал меня лицом в песок и чуть не сломал мне шею, я задержался на тренировочной площадке, чтобы немного побыть одному и осознать своё позорное поражение. Самым худшим поражением было то, которое я нанёс сам себе. Я не был таким сильным, как Третий, но ведь я был гораздо умнее! Мои инстинкты работали гораздо лучше! Однако, несмотря на это, какую бы стратегию я не разрабатывал, всегда наступала точка, в которой я терял контроль и впадал в панику.

Это всегда происходило одинаково: сложное движение под давлением противника, превосходящего меня по физической силе, и... что-то щёлкает. Болезненный удар,

ошеломляющее оскорбление, мысль или ощущение безнадежности — и я теряю контроль и свирепо набрасываюсь на соперника, словно обезумевший. Меня охватывает ярость, красная пелена гнева, вырывающегося из самой глубины, застилает глаза. Сначала я выглядел настолько разъярённым, что мой противник отступил. Но Восьмой, конечно, без труда заметил мою потерю контроля и понял всю бесперспективность такого поведения. Без Восьмого Третий, разумеется, купился бы на мой свирепый внешний вид.

Когда я сидел на скамье и обдумывал, где же именно допустил ошибку, с соседней площадки послышался женский голос. Голос говорил что-то о том, что считается преступлением в тайных операциях. Я не слышал никого, кто бы отвечал, и потому подумал, что у меня просто очередное видение. Я встал и попытался уйти до того, пока меня вновь не охватит им. Сейчас это было последним, чего бы я хотел.

Но голос очаровал меня. Он был таким мелодичным и глубоким, и в то же время твёрдым и уверенным. И этот монолог, состоящий из сухих юридических терминов, успокаивал меня. Он действовал как бальзам для моих синяков, скрашивал горечь моего поражения. Я испытывал такую непреодолимую тягу! Все равно, что услышать внезапно любимую музыку в тот момент, когда меньше всего этого ждёшь.

Как же я скучал по матери и по работе в садах с отцом. Как же мне хотелось домой. Я отбросил бдительность и сдался этому голосу. Слезы, которые я сдерживал всё это время, полились из глаз, сопровождаемые волнами удушающего стыда и облегчения, печали и эйфории. Мне наконец-то хватило смелости признаться себе, насколько я несчастен.

Я перестал слышать голос. Когда я смог немного взять себя в руки, я вытер глаза грязным рукавом и захотел уйти быстрее, чем кто-нибудь меня увидит.

Я поднял глаза... и это была она. Девушка из моего видения. С тем лишь отличием, что я понял, что на этот раз это была не галлюцинация.

— Тебе больно? — спросила она.

Я хотел сказать «да». Я хотел спрятаться. Но я застыл, глядя на неё и не понимая, как её глаза могли быть одновременно такими непостижимо чёрными и такими ясными.

— Спасибо, — справился я с собой.

— За что? — она выглядела смущённой и обеспокоенной сразу, но я видел в её глазах озорной огонёк.

— Я... у тебя прекрасный голос.

Прекрасный! Казалось, я и правда сжался в комок.

Но она рассмеялась. Казалось, она была в восторге.

— Тогда что я такого сказала? — весело спросила она.

— Что?

Я не понимал, что она имеет в виду.

— Ну, раз это не мой прекрасный голос заставил тебя плакать, то, наверное, это была моя речь? — она продолжила смеяться. — Но я тебя не виню! Создание Габбуритского Кодекса и его актуальность для тайных разведывательных миссий могут и ангелов заставить плакать.

— Что за ангелы?

— Религиозная традиция землян. Вам об этом расскажут на Втором Уровне. Гораздо интереснее, чем Основы Кардассианского Законодательства. Ты в порядке?

— Да... я... — я смущённо кивнул.

— Госкуешь по дому, я понимаю. Это место может быть очень жестоким. Но ты же знаешь секрет, правда? — она спросила это с преувеличенной таинственностью и оглянулась так, как будто нас окружали шпионы.

— Нет, мне так не кажется.

— Твоё чувство юмора. Без него ты пропадёшь.

Я не был уверен, что понял.

— Ты кажешься мне серьёзным и амбициозным. Это хорошо для большинства учеников, — терпеливо разъясняла она. — Но здесь довольно весело!

— Ну не знаю, — я, по меньшей мере, сомневался.

— Серьезно. Ты ведь учишься у Каликса?

— Да, — ответил я.

— Понимаю. Арена на Первом Уровне не была моим любимым местом. Но посмотри в его глаза, когда он проводит инструктаж или когда смотрит на других. Они блестят. Ему весело. Как тебя зовут?

— Десятый Лубака.

— Нет, твое настоящее имя.

— Но мы не должны... — я запнулся, потрясенный её простотой.

— Я никому не скажу. Меня зовут Паландин. А тебя?

— Элим.

Я с трудом смог произнести собственное имя.

— Это будет нашей тайной, ладно?

Видя ее улыбку, я согласился бы на что угодно.

— Ладно.

Внезапно она засуетилась.

— Я должна донести эту глупость до следующего класса. Помни: всё это весело.

Подумай об этом... Элим.

Она прошептала мое имя, рассмеялась и скрылась за ограждением. Я даже не успел попрощаться. Я даже не узнал ее числового обозначения и группы. Я огляделся вокруг. Я попытался найти на Арене хоть что-то забавное, но мой разум оказался пока не готов к такой концепции. Я даже не был уверен, что у меня вообще было это самое загадочное чувство юмора.

Внезапно я разозлился.

Да как она смеет? Она только что нарушила два правила, из-за которых у нас обоих могут быть серьезные проблемы.

И я, как дурак, выболтал ей своё имя. Использование настоящих имен было серьезным нарушением. С самого начала обучения нам вдалбливали, что чем меньше оперативники знают друг о друге, тем меньше информации они смогут представить врагу в случае захвата. Я почувствовал, как будто даю совет кому-то, кого я даже не знаю. В Бамаррене нет ничего «веселого».

Пока я возвращался в секцию, я думал рассказать кому-то о произошедшем. Но как бы была интерпретирована моя роль в этом? И как насчёт соглашения о секретности, которое мы заключили с Паландин?

Я не знал, как правильно поступить, но... я чувствовал себя намного лучше.

1.9.

Запись:

— Доктор Башир с шефом О'Брайаном. Обещал вернуться в 15:00. Если только это не срочно.

Я заверил сестру Джабару, что ничего срочного, кивнул в знак благодарности и вышел на променада. Постояв с минуту, я попытался отрицать, что огорчился. Вот уже который раз я шёл пригласить доктора на обед и узнавал, что он уже был занят с шефом.

Они играли в дартс. Воссоздавали модели старых войн. Занимались сражением с врагами из древности в старинных летающих машинах в какой-нибудь голографической программе. Или самым новым времяпрепровождением — слушали унылую лаунж-музыку у Вика Фонтейна. Детские забавы.

Всё, решил я, если он захочет пообедать, то позовёт меня сам.

Увальень-баджорец чуть не впечатал меня в витрину парфюмера и, даже не оглянувшись, пошёл дальше. Сдержав свой первичный порыв, я последовал за ним. На променаде былолюдно, и я скользил сквозь толпу, пока не пробрался прямо за спину того баджорца. Я просунул левую ногу между его ногами, зацепил его правую лодыжку и с силой толкнул левой рукой в потную поясницу. Он рухнул, словно обрушенное здание, зацепив за собой двух-трёх невинных пешеходов, а я ушёл к Кварку.

Входя в бар, я слышал, как разгорается драка.

Моё действие служило двойной цели — я не только разобрался с увальнем, но и бар опустел, стоило драке усугубиться. Увальни и болваны, а мы отправляемся на войну, спасти их от Доминиона. Баджорцам сложно представить себя на стороне победителей; кажется, они всё больше и больше предпочитают безнадёжную сторону. Интересно, не привели ли это общество ближе к пропасти действия Кай на променаде.

Вместо того чтобы сесть на своё обычное место на втором уровне, я уселся в дальнем конце бара. Я точно не знал, надолго ли я здесь; мне просто нужно было выбраться из толпы и взять свои эмоции под контроль.

Я находился в опасном состоянии.

Ещё с той нелепой программы для голокомнаты, подумал я. Со шпионской игры.

Конечно, это игра. Всё это — игра. Но это не программа для голокомнаты. И всё же в тот момент, когда Джулиан ранил меня своим вздорным увлечением, всё изменилось. Я считал, что это был блистательный момент. Джулиан показал, что у него есть характер для того, чтобы играть в игру так, как следует. Но почему он потом отступил? Почему он не мог зайти дальше этого момента? Почему наши отношения закончились?

— Гарак!

Голос Одо был достаточно резким, чтобы прервать мои размышления. Он стоял рядом со мной, с этой маской бесстрастной вальяжности, которая была на нём, когда он решал, что виновник — ты. Маска поверх маски.

— Констебль. Рад вас видеть. Вы ещё не пообедали? — ненавязчиво поинтересовался я.

Он лишь одарил меня многозначительным взглядом.

— Да, да, знаю — вы не едите, но всё же присоединяйтесь, — я указал на стул рядом с собой.

Одо не сдвинулся с места.

— Кое-кто видел, как вы создали прецедент на променаде, — сообщил он.

— Прецедент? Правда? В последнее время я редко что-то создаю. С этим надвигающимся вторжением...

— Вы напали на баджорца по имени Лондар Парва? — твёрдость Одо была непоколебима.

— Уверю вас, у меня нет привычки нападать на незнакомцев в общественных местах. В толкотне у нас зацепились ноги, и он упал — а за пару секунд до этого я едва не повалил витрину с духами, когда он проигнорировал тот факт, что я у него на пути. Надеюсь, он не пострадал.

— Я жду от вас большего, Гарак, — резко потребовал Одо. — На нас на всех оказано большое давление.

— И на меня тоже, констебль. Хотя бы присядьте, пожалуйста. Я чувствую себя учеником, которого отчитывает ректор.

Одо вздохнул и неловко уселся на барный стул рядом с моим. Я отмахнулся от приближающегося бармена-ференги, без сомнений, ещё одного «родственника» Кварка, работающего за рабскую плату.

— Я не могу надолго задерживаться. Мне нужно закончить разбираться с этим...

— ...прецедентом, — завершил я. — Вам очень повезло, Одо.

— Почему же? — удивился он.

— Жители стали вам доверять. Они полагаются на вас. У вас здесь появилась настоящая взаимосвязь.

Одо лишь усмехнулся. Из осторожности я не упомянул майора Киру, зная, насколько замкнутым он становился, если затронуть эту тему.

— Вы всё ещё хотите вернуться домой? — спросил я.

Вопрос застал Одо врасплох, и на секунду маска формальной скрытности покинула его лицо. Я впервые затронул этот вопрос со времени его признания мне при «допросе» в ромуланской военной птице и злополучной попытки Тейна уничтожить родную планету Основателей.

— Я... не могу сказать, — неопределённо ответил он.

— Ну, а я могу. Здесь меня точно ничего не держит.

— Я так и не сказал, как я сожалею о смерти Зиял, — Одо мог быть очень тактичным в вещах такого рода.

— На самом деле вы говорили, — кивнул я. — Но, в любом случае, спасибо.

— Всё же у вас с доктором Баширом тесная связь.

— Не сказал бы, — выпалил я. — Боюсь, всё то, что я могу предложить, изжило себя. И уж точно не составит конкуренцию игре в дартс, — в моём голосе промелькнула обида, Одо это заметил.

С минуту мы сидели в молчании.

— Как я понимаю, вы будете участвовать в наступлении. Вы, должно быть, довольны, — Одо увёл нас от повисшей удручённости.

— Да, — ответил я, благодарный за перемену темы. — Очень приятно знать, что можешь быть чем-то полезен в этих стараниях.

Одо собирался что-то ответить, как вдруг увидел приближающегося Кварка и резко встал из-за стола.

— Нужно вернуться к работе, — сообщил он.

— Когда хотите продолжить консультацию? — поинтересовался я.

Несомненно, что Одо под влиянием зарождающихся отношений с майором хотел приодеться получше. Но я понял, что Кварк был последним, с кем бы констебль хотел делиться подобной информацией.

— Посмотрим, — ответил он, кивнув Кварку и быстрым шагом возвращаясь на променад.

— Куда это он торопится? — поинтересовался Кварк.

— У него «прецедент» на променаде, — сообщил я.

— Большая стычка. Жаль, я её пропустил. А в чём было дело?

— В том же, в чём всегда, — ответил я. — Все спешили домой.

1.10.

Запись:

Заключение было невыносимым. Единственное, что помогало мне пережить его — переосмысление своих взглядов на Арену и пустошь, сосредоточенность на стратегии, на способе улучшить её. Таким же образом я выносил удушающее заточение в шкафу, в котором меня запирали дядя Энабран.

Было ли это вселенской пыткой за провал, думал я.

Также я вспоминал Паландин, мысленно прокручивая нашу встречу. Именно так мне удалось отодвинуть отчаяние на второй план, и я смог вздохнуть полной грудью.

Когда я вернулся, даже занятия на Арене не казались уже такими изнуряющими.

Однажды во время занятия Каликс подмигнул мне, и это каким-то образом успокоило мои опасения.

В следующий раз, когда мне приказали избежать захвата в пустыне, я решил дождаться темноты, прежде чем отправляться обратно.

Я находился на краю длинной узкой горной гряды, которая спускалась к южной части пустошей Мекара, где, как говорили, до сих пор жили последние хонги — летающие ночные хищники, чей средний размер не давал верного представления об их силе и свирепости. Известно, что их стремительные атаки могут как нанести серьёзные ранения, так и убить. Днём они ютились в подземных гнёздах, и когда я спрятался за уступом, чтобы хоть как-то унять свой немалый страх, то дрожал от перспективы встречи с одной из птиц. От боязни дикого хонга, сильной жары и усиливающегося приступа клаустрофобии мне стало тяжело дышать.

Я не только снова провалю задание, но и, вероятно, умру ужасной смертью.

Будучи полностью неподвижен, я считал свои вздохи. Как только я начал подавлять растущую панику, то заметил движение спереди.

Хонг! — было первой моей мыслью, сердце гулко ухнуло в рёбра, словно желая вырваться из тела.

Но движение больше походило на порыв ветра, вздувавшего рыхлый песок. Я присмотрелся и понял, что шевеление было вызвано колонией пустынных регнаров, рептилий, которых редко встретишь, и известно почему: они настолько идеально сливаются с обстановкой, что, только оставаясь неподвижным продолжительное время, я смог их различить. Я был уверен, они знали, что я там, и пытались отойти подальше. Но совершенно не паниковали. Они делали шаг только тогда, когда ветер или колеблющиеся тени скрывали их движение.

Эти существа полностью завладели моим вниманием. Я был очарован: они двигались бесшумным строем, расплзаясь в стороны, словно песчинки, гонимые ветром. Это был элегантнейший образец хореографии. Я наблюдал, как меняла цвет их кожа при их перемещениях между светом и тенью, камнем и землёй. Я насчитал пятерых. Они двинулись к более глубокой нише, которая, скорее всего, вела в безопасное укрытие. Инстинктивно я понял, что они подсказали мне выход из этой невероятно трудной ситуации.

Также я понимал, что с наступлением темноты потеряю их навсегда, как и, казалось мне, последнюю надежду. Я потянулся к ближайшему регнару, поражаясь своему самоконтролю. Ещё больше меня удивило, когда я смог стремительным движением схватить его, аккуратно, не причинив вреда.левой рукой я снял защищающий от солнца платок, набрал в него песка и положил туда регнара. Перед тем, как завернуть платок, я заметил, что у регнара были глаза, но их взгляд был расфокусирован. Эти прекрасные, невероятно адаптивные создания пустошей были слепы, но всё же более чувствительны, чем любая технология, которую мы могли представить или изобрести. Я положил

завёрнутого регнара в большой карман, где он не помнётся. Далее я извинился перед другими за похищение члена их семьи, поясняя тем, что испытываю большую потребность в этом создании. Мила (как я позже назвал его) был не только ответом моим текущим проблемам, он был так же важен, как любой из доцентов Бамаррена, за исключением, возможно, Каликса.

Я выбрался из своего укрытия, только когда наступила ночь. На моё счастье, ни одной из трёх лун не было видно. С величайшей осторожностью, ведь поисковые группы уже разошлись по пустоши, я встал в полный рост, давая своим затёкшим мышцам прийти в норму на ночном воздухе. Талувианские созвездия мерцали в замысловатом ритме, что, по словам доцента Рилона, указывало на высокий показатель интеллекта, над загадкой которого астрофизики бьются до сих пор. После нескольких часов самозащиты в пыли и жаре эта свежесть, многообразие ароматов и звуков и прикосновения ночного воздуха к моей коже были ошеломляющими. Я стал совершенно новой личностью, которую более не пугала поставленная задача. В отличие от прошлого раза, я был готов, и у меня имелся союзник.

Благодаря Каликсу и его тренировкам на Арене я наконец-то научился ощущать энергию оппонента, предупреждать его нападение и мгновенно выбирать нужную стратегию. Всё издаёт энергетические сигналы, говорил он, и эти сигналы передаются по электромагнитной сети, которая покрывает всё мироздание. То же касается и наших намерений: они тоже издают энергетические сигналы.

— Если вы натренируете свою эмпатию, чтобы настроиться на взаимозависимость энергии, то тогда сможете предвидеть действия противника.

Каликс сказал, что предвидение было лишь началом, и когда мы станем сильнее, мы сможем «знать наперёд», под чем он подразумевал, что мы сможем знать всё о противнике ещё до того, как он появится в поле зрения. Взгляд Каликса тогда задержался на мне, в его глазах мелькнула тревога.

Сперва я убедился, что поблизости никого нет. Удовлетворённый тем, что моих преследователей не оказалось рядом, я сориентировался по Первому Талувианскому созвездию, чтобы понять направление. Когда я определил нахождение Бамаррена, началась тяжёлая часть. Меж горных образований находились великие просторы плоской пустыни. Всё, что передвигалось по этой площади на протяжении дня, даже издалека читалось невооружённым глазом. Да и полуденная жара карала любого, кто был достаточно глуп, чтобы идти по открытой местности. Солнце Мекара было вызовом даже для теплолюбивых кардассиан. За ночь я должен был пройти максимально далеко и найти укрытие в скалах до рассвета. Конечно, охотники это знали, и пока кто-то осторожно перемещается в ночи, самая страшная опасность — не найти неприметной ниши на день. Тут и просыпался мой самый жуткий страх: чем лучше укрытие, тем сильнее приступы клаустрофобии. Моя недавняя уверенность начала угасать.

Я ощутил лёгкое движение в кармане, где лежал Мила. Было ли это одним из знаков Каликса или нет, но я понял, что пора в путь.

За ночь и раннее утро я продвинулся достаточно далеко. На рассвете я ощутил присутствие ночного охотника и тут же распластался на песке, ещё до того, как он смог бы меня заметить. Я определил его направление и прикинул, как скоро можно продолжить путь.

Я ощутил сигнал ещё до появления охотника, это было хорошим знаком.

До восхода солнца оставалось порядка часа, когда я заметил на горизонте нечто, напоминавшее кривоугольную постройку, оказавшееся протяжённым образованием породы, сужающееся кверху. Пока я размышлял, стоит ли двигаться вперёд в надежде найти иное укрытие, я услышал отдалённый свист и ответный сигнал от поисковой группы. Я бросился в первую попавшуюся на глаза трещину, казавшуюся надёжным укрытием в предрассветном сумраке. Уткнувшись в тупик, я беззвучно скрючился. Над моей головой навис выступ, а валун слева был достаточно большим, чтобы скрыть большую часть моего

тела, но ноги, сколько бы я их не поджимал, торчали на виду, и их можно было разглядеть невооружённым глазом, стоило только заглянуть в щель. Я знал, что солнце взойдёт с другой стороны формирования, и здесь станет невыносимо, когда лучи доберутся до моего укрытия, открывая меня, как на ладони.

Либо меня сразу же заметят, либо я зажарюсь до хрустящей корочки.

По мере того, как солнце поднималось, потусторонняя красота пустыни постепенно раскрывалась с каждой последующей фазой рассвета. Я был глубоко очарован таким наличием цвета в том, что первоначально казалось мне мертвым миром. Начиная с холодного бледно-серого, рассвет протекал через целый ряд голубых оттенков в нежно розовый, а затем и горячего красного, который вскоре уступил место беспощадному белому свету полудня. Я увидел, сколько территории покрыл за прошлую ночь.

К моему несчастью, поисковая группа, чьи позывные я слышал, решила раскинуть дневной лагерь в том же формировании, посменно рассылая малые поисковые отряды. Их было трое, и они расположились над выступом, правее меня. Прислушиваясь к их унылым отрывочным диалогам, я понял, что, по иронии судьбы, они оказались из группы Фуртана, которые поймали меня в прошлую жалкую попытку. Судя по звуку их голосов, они находились довольно близко. Я молил, чтобы они не только не болтались по округе, но и как можно скорее двинулись дальше, чтобы я смог найти более надёжное убежище.

Утро было в самом разгаре, но охотники даже и не думали двигаться дальше. Моё беспокойство усиливалось: солнце поднималось выше, и единственным источником тени становился выступ над головой. Один раз я развернул Милу, чтобы посмотреть, в каком он состоянии. По крайней мере, так я уверил себя. Я боялся, что если признаю, что хотел получить помощь от регнара, то определённо и безвозвратно потону в пучине безумия. Меня охватило отчаяние. Как раз тогда, когда один из охотников решил осмотреться перед следующим броском по жгучему полуденному солнцу.

Я слышал, как он шёл в мою сторону.

Держа Милу в руках, я скрючился, насколько смог, утопая ногами в песке. Я не знал, что ещё можно было сделать. Я взглянул на Милу — тот был совершенно спокоен. Почувствовав мой взгляд, он начал принимать окраску окружающей среды. Услышав приближающиеся шаги, я закрыл глаза в наивной попытке оказаться невидимым.

Всё, что я слышал — громкий стук моего сердца. И если он меня бы не выдал, то прерывистое дыхание — однозначно. Я пытался сдерживать вздохи, но с каждым разом сердце билось всё сильнее. Я запаниковал и снова взглянул на Милу, которого было едва видно. Как он мог оставаться таким спокойным, таким умиротворённым? Я изучал его так, словно от этого зависела моя жизнь. Я заметил, как медленно раздувались его бока от вдоха, и как медленно оседали на выдохе. Продолжительную паузу не было никакого движения, и позже цикл начинался вновь. Я настроился на его ритм, и моё сердцебиение начало нормализоваться.

Шаги затихли как раз возле моей трещины. Я продолжил дышать в одном ритме с Милой.

Тишина.

Я слышал дыхание охотника, стук его сердца и чувствовал его энергию, когда он исследовал щель. Должно быть, он смотрел прямо на меня. Я понимал, что каким-то образом мне следует подавить свою энергию, чтобы он меня не смог заметить. Также, как Мила.

Думай о Миле. Смешивайся с окружающей средой. Балансируй на грани света и тени. Мимикрируй изменчивыми оттенками, когда свет меняет угол, распространяясь по поверхности. Моя концентрация локализовалась, моя энергия замедлилась, как и моё дыхание, распространяясь вокруг меня, поглощаемая ближайшими поверхностями. Я променял Элима Гарака, Десятого Лубака, все свои личности на камни и песок. И я ощутил ясность, спокойствие и... направление.

Мне казалось, что прошла вечность, когда охотник отошёл.

Я оставался в состоянии полного спокойствия, пока солнце не переместилось, и я ощутил его жар на своей шкуре. Я понимал, что долго не протяну и нужно передвинуться. Однако моё спокойствие преобладало, я знал, что мне делать.

Я положил Милу на песок напротив меня и замер в ожидании. Его кожа начала менять окраску. Я последую за ним, куда бы он не пошёл, даже вглубь скалы, если придётся.

Он двинулся к выходу. Спустя пару шагов я размял болезненно затёкшие мышцы и, припав к раскалённому песку, пополз следом. Каждый раз, когда Мила беззвучно перебежал на новую позицию, я следовал за ним. Жар от песка был невыносимым, мои руки пылали от боли. Это было очередным шоком, испытывавшим моё тело. Мы двигались влево, подальше от охотников, которые, судя по всему, расположились в тени.

Мы держались скалы, стараясь не показываться в поле зрения. Я начал предвидеть шаги Милы, и скоро мы двигались совершенно синхронно. Со стороны это должно было выглядеть ужасно смешно: взрослый парень ползёт по песку вслед за регнаром. Но каким облегчением было найти учителя и возможности за пределами общепринятых знаний и педагогики.

На другой стороне формирования сидели ещё трое из группы Фуртан, но Мила нашёл укромную впадину, её следовало немного раскопать, а нас так и не заметили. Мы забрались внутрь, замаскировав вход песком и камнями. Спустя неопределённый временной промежуток охотники из Фуртан ушли.

Пока мы ждали ночи, я провалился в глубокий сон.

Он оказался беспорядочным потоком изображений и действия, в центре которого находилась Паландин, смеющаяся над чем-то, чего я не видел.

В какой-то момент меня разбудили голоса другой группы. Они исследовали нашу территорию, но я был убеждён, что мы в безопасности.

— Доставай свой грейфер и проверь верхнюю щель, Третий! Если мы не поймаем этого салагу — наказание понесут все.

Моё сердце готово было выскочить из груди. Это был Грубый Голос.

Я не сразу успокоился, но вскоре группа ушла.

Какой салага? Я? Неужели остальных уже поймали? Определённо не Восьмого. Я не мог поверить, что такое возможно.

Я двинулся к выходу, когда удостоверился, что опасность миновала. Последние закатные отблески тускло серели на горизонте. Когда я положил Милу в карман, пришло время двигаться дальше.

Сориентировавшись, я выбрал направление и пошёл.

Я был намерен избежать захвата, и тем более — не Грубым Голосом.

Ночь вышла длинной и изматывающей. Фонари разведчиков то и дело прорезали тьму.

Мы ускользнули от двух групп, включая Тарнала. Я слышал, как наш руководитель секции, Первый Тарнал, подгонял их такими же угрозами наказания.

Как много поисковых отрядов было ещё? И продвинулись ли они так далеко, как группа Тарнала?

Поскольку тогда меня поймали слишком быстро, я не мог знать. И я отказывался даже и думать об этом, чтобы не мешать первостепенной задаче.

Я шёл, я бежал, я полз, сворачивался клубком, закапывался в песок... Я делал всё необходимое.

Один раз проходившие мимо охотники должны были меня заметить. Я был поражён, когда они прошли в полуметре от скрючившегося меня. Возможно, они решили, что это просто камень. Уроки Милы не прошли даром.

Незадолго до рассвета я приблизился к центральным вратам. Часовые потеряли дар речи от удивления.

— Десятый Лубака вернулся с миссии, — сообщил я.

Изящный высокий силуэт скользнул из темноты в яркий свет прожектора.
— Нечему радоваться, салага.

Кровь застыла в жилах. Это был он. К несчастью, я продолжил излучать самодовольную улыбку. Это было уже слишком для моей недавно обретенной способности приспосабливаться под обстоятельства.

— Так доволен собой, да? — спросил Грубый Голос. — Был ли ты также доволен своей великой победой в складских коридорах?

Очевидно, что он знал обо мне и Восьмом, и я не забывал произошедшего. И продолжал улыбаться.

— Посмотрим, что будет за тот случай... и за твою идиотскую улыбочку. Возвращайся в свою секцию!

— Да... эм... — я не знал, как к нему обращаться.

— Первый Чарабана, идиотина! — и он скрылся во тьме.

— Чарабана? — робко вторил я, глядя ему вслед. Главенствующая группа Второго Уровня. — Они были назначены на этот поиск? — спросил я у часовых.

— Был призван весь второй уровень. Это случается раз в год. Как тебе удалось избежать их? — этим вопросом младший из часовых нарушил все протоколы и ранговые различия.

— Довольно, Шестой! — шикнул второй часовой. — Ты слышал Первого Чарабана, болван. Возвращайся в свою секцию! — он подтолкнул меня к воротам.

Проходя вдоль зданий, просыпавшихся поутру, я пытался собрать воедино всё произошедшее.

Грубый Голос был лидером Чарабана, что значило, что он главный всех мужских Первого и Второго Уровней. Поразительно, что он не был доволен мною. Провал элитных кадров Бамаррена в поимке салаг не сделал бы им репутации и, скорее всего, вряд ли бы поспособствовал Первому Чарабану продвинуться на главенствующую позицию на Третьем Уровне. Хотя я и понимал, что мне следует остерегаться Первого Чарабана, я признавал, что никогда ещё не видел кого-то более мужественного и привлекательного. Он был похож на идеал, о котором я мог лишь мечтать.

Вернувшись в свою секцию и получив поздравление от однокурсников, я был озадачен не столько появлением нового командующего в своей жизни, столько осознанием нашей крепкой связи. Но какой связи?

Было ли это как-то связано с тем видением, увиденным в первый день на Арене у Каликса?

С тех пор никто из Бамаррена больше не ловил меня. И это вовсе не из-за отсутствия попыток. Я стал кем-то вроде легенды. Другие студенты интересовались моими техниками скрытности. Когда я отказывался делиться, то они неохотно соглашались, что разглашение такого рода информации сделает меня уязвимым в дальнейших охотах. С изрядной долей правды я намекал, что с такими доцентами, как Каликс, подобная информация вполне доступна всем студентам Бамаррена. Но всей правды, конечно же, я сказать не мог.

Да и как?

Пришлось бы рассказать им про Милу. Питомцы были категорически запрещены, и любого бы пойманного на нарушении наказали бы, а животное уничтожили.

И как я мог сказать им, что Мила преподавал мне урок, позволивший незаметно скрываться в пустоши?

И как объяснить эти уроки? Я и сам себе с трудом их толковал: культивирование тишины и спокойствия, меньше внимания зрению, слуху и физическим касаниям, развивая более тонкие чувства для сбора информации. Как много из того, что мы видим и слышим, не является истинной в любой из имеющихся ситуаций. Иногда просто необходимо закрыть глаза и застыть, чтобы расширить своё осознание за пределы того, на что мы привыкли полагаться в силу своих сенсорных возможностей. Только тогда мы

можем познать терпение, довериться тому, что вся нужная нам информация сама к нам придёт.

Великая мудрость регнаров. Знание, которое помогло мне удержаться на месте в первое время.

К лучшему или нет, это знание установило мой неожиданный жизненный путь.

1.11.

Запись:

Как-то раз, доктор, Одо и я обедали в реплимате. После нашего прошлого разговора Одо обещал организовать обед. Напряжение на станции росло с каждым днем, и чем больше откладывалось вторжение, тем больше усиливалось массовое беспокойство. Ткань общественных взаимодействий истончилась, вспышки импульсивности не ограничились теми, что случались в баре «У Кварка». На самом деле, после моего «происшествия» променад стал свидетелем ещё нескольких подобных стычек.

Каждый день мы ожидали знаков, которые могли бы указывать, кого, когда и куда назначат и с каким заданием. Каждый день мы всё более разочаровывались, напряжённость росла ещё больше, подпитываясь слухами от правдоподобных до самых фантастических. По мере роста числа жертв многие из нас старались бороться с всепоглощающим чувством обречённости с помощью того, что доктор Башир называл «юмором висельника».

— Я сегодня утром слышал кое-что про вас, Гарак, — судя по интонации Одо, он с нетерпением ждал этого момента. — Меня предупредили, что вы не просто меняющийся, но ещё и медленно травите всех нас, и именно поэтому вы проводите столько времени в реплимате.

— Я уверен, что реплимат и без меня прекрасно справится, — почти пошутил я.

— Наверное, это тот же самый, который пожаловался мне, что вы нанесли на его рубашку смертельный яд, — заметил доктор.

— Да, помню его. Он не хотел платить за рубашку.

Конечно, я помню его — очередной баджорец, который пытался почувствовать себя лучше, вымещая свой негатив на кардассианском портном.

— Когда я провёл анализ рубашки, то не нашёл ничего, кроме естественных выделений его организма, — продолжил доктор.

— Они, конечно, токсичны, но только в его непосредственном присутствии, — добавил я как раз перед тем, как мы услышали, что в очереди у репликаторов завязалась драка.

Два ромуланца решили, что стоять в очереди — выше их достоинства, другие же посетители были с ними категорически не согласны. Одо не порадовало прерывание разговора, и он наскоро преподал нашим новым союзникам грубый урок станционного этикета. Они ушли с насмешливым презрением на лицах.

С такими-то союзниками...

Одо вернулся на своё место и выразительно посмотрел на меня.

— Привлечь их было решением капитана Сиско, не моим, — я ответил на немой вопрос.

— Хм, — это был весь ответ, которым он меня удостоил.

— А что насчёт вас, доктор? — спросил я, возвращаясь к теме нашего разговора. —

Кажется, есть какие-то общественные движения, борющиеся за то, чтобы вы заменили капитана Сиско.

Доктор судорожно вздрогнул.

— Это правда? — спросил Одо.

Мы оба посмотрели на доктора, ожидая от него подтверждения слухам. Он вздохнул.

— Существует группа... генетически усовершенствованных людей, которые считают, что во время чрезвычайной ситуации станцией должен руководить такой же, как они. И они обратились в Совет Федерации. Но это Джек и его компания... и никто их не принимает...

Вдруг он раздражённо прервался:

— Гарак, а вы откуда об этом знаете?

— Клиенты говорят — я слушаю.

Это действительно так: какой-то ученый идиот, безумно гордящийся своим генетическим усовершенствованием, не затыкался ни на секунду, пока находился в моем магазине. Я, конечно же, поощрял его красноречие, и к тому времени, когда он ушёл, я уже знал о существовании некой организованной попытки воздвигнуть доктора Башира на руководящую должность. Я видел, что доктор был недоволен тем, что я поднял эту тему. Очевидно, все эти генетические дела — не самый его любимый предмет для беседы.

— Мне стоит обратить на это внимание? — спросил Одо, внимательно поглядывая на нас.

— Нет, вовсе нет, — заверил доктор. — Это только люди Джека. Это произошло почти год назад, я просто считаю, что у них слишком много свободного времени. Как и у некоторых других моих знакомых.

Он демонстративно отвернулся от меня, когда Одо продолжил разглядывать нас, пытаясь расшифровать подоплеку нашего последнего взаимодействия. Неудивительно, что он был прекрасным шефом службы безопасности. Одо отмечал любое изменение тона и напряжения между говорящими и изучал его до тех пор, пока не устанавливал его причину.

— Скажите мне, Гарак...

Было понятно, что он нашёл подходящий момент для того, чтобы задать какой-то важный вопрос, которых давно находился в списке первостепенных вещей в его голове. Он всё ещё оставался скрытным и тактичным, когда дело касалось других, но в последнее время стал более явно выказывать свою любознательность. Я задавался вопросом, было ли причиной этому влияние майора Киры?

— Конечно, констебль, — ответил я.

— Если Кардассия останется под влиянием Доминиона, вы останетесь на станции?

— Судя по тому, что здесь носят, — я оглядел толпу, переполняющую помещение, — хороший портной здесь пригодится.

Я улыбнулся, не веря ни на секунду, что выживу, если вторжение кардассианцев прервётся, или что станция всё ещё будет существовать, если мы потерпим неудачу. Это был один из тех обедов, на которых мы обсуждали неприятные вещи.

— Но если Кардассия освободится от контроля Доминиона... — начал Одо.

— КОГДА Кардассия освободится, — поправил я.

— Вы вернётесь?

— А вы бы вернулись в Великое Слияние?

Вопрос разозлил Одо. Это было нечестно, хотя бы потому, что, пусть мы оба и были изгоями, мы находились в совершенно разных обстоятельствах. Хотя он всё ещё учился существовать в гуманоидной форме, его отношения с Кирой давали ему новое звено в его существовании. Каким бы сложным не был выбор, у него была альтернатива. У меня же её не было.

— Да, я знаю. Вы не можете ответить.

Я пожалел, что снова спросил. Я видел, что вопрос вызвал у него дискомфорт.

— Вы бы вернулись на ту самую Кардассию? — спросил доктор.

— Что значит «ту самую»? — уточнил я, прекрасно понимая, что он подразумевал.

— Та Кардассия, политическая и социальная обстановка на которой сделала возможной нашу теперешнюю ситуацию.

— Мой дорогой доктор, это та самая Кардассия, которая «сделала возможным» теперешнего меня.

Я почти надеялся, что моя шутка завершит этот разговор.

— Да, конечно. Но с учетом тоталитарных стремлений, вы действительно считаете, что предыдущий режим служил народу? Освобождение позволило бы новому правительству обеспечить свободу и благополучие своих граждан за счет следования

демократическим принципам.

Я не ответил. Мы уже спорили по поводу демократии земного типа в наши предыдущие обеды. Доктор Башир считал, что кардассианская политическая система сделала возможным образование множества конкурирующих групп, действующих вопреки воле народа. Особенно преуспели в этом Обсидиановый Орден и Центральное Военное Командование.

Никто не удивился, когда Совет Детапа, орган гражданского правительства, сверг Центральное Военное Командование. И очень немногие оплакивали распад Обсидианового Ордена. Хотя я и не был однозначно не согласен с анализом доктора, я считал его мнение во многом упрощённым. Нельзя понять политический контекст в отрыве от социального. К тому же, это его продвижение демократических идеалов казалось мне довольно высокомерными. Но я знал, что это было благородной миссией доброго доктора, я был настроен проявить хорошие манеры и позволить ему продолжить.

— Я уверен, что вы, Гарак, с имеющимся у вас опытом смогли бы стать связующим звеном между Кардассией и Федерацией.

Доктор замолчал в ожидании ответа. Но его не последовало.

— Однажды я предложил вам посетить Землю в качестве изгнанного члена кардассианского правительства...

Я не смог сдержать смеха.

— Простите, доктор, но те, которые называют себя нашим правительством в изгнании, даже обедать бы со мной не стали, а я не доверил бы им чистить мою обувь.

— Но вы же видите, — воскликнул доктор, — в этом-то и проблема! У каждой группы свои задачи. И вы все так заняты поиском причин для ненависти друг к другу, что у вас не остается времени на то, чтобы попытаться найти общий язык. И это так характерно для вашего...

— Рептилоидного мышления, — подсказал я.

— Ну... да.

Я снова засмеялся, но в глубине души я уже начал терять терпение.

— Да, Гарак. Демократические принципы — это как раз об этом. О корректировке границ, обсуждении различий... нахождении каких-то точек соприкосновения.

— Ваши принципы общности?

Никто не мог обвинить меня в том, что я не слушаю. Особенно ключевые фразы.

— Да, потому что без принципов общности не останется ничего, кроме эгоистичных интересов, которые в конечном итоге приведут к анархии. Разве вы не видите? Вот почему Кардассия стала такой лёгкой добычей для Доминиона.

Я обернулся к Одо. Он кивал, как будто услышал что-то новое и интересное. К тому же за ближайшими столиками несколько посетителей внимательно прислушивались к страстной тираде доктора так, как будто он был не только лидером станции, но и спасителем всего Альфа-квадранта. Конечно же, они были в восторге от его анализа Кардассианской Империи Зла.

— Вот поэтому я настаиваю на вашей экскурсии на Землю — познакомиться ближе с демократией, которая развила и объединила столько разрозненных групп...

Довольно!

— Прежде всего, доктор, я не понимаю, что вы вкладываете в понятие «демократические принципы». Кошмарную нехватку дисциплины и самоконтроля, которые я ежедневно видел на этой станции? Возвышение индивидуальной свободы над пользой для группы? Тот факт, что «первый среди равных» в демократическом обществе всё равно получает все привилегии?

— Возвращайся на Кардассию! — крикнул кто-то из сидящих в зале.

— Доминионский шпион! — раздался ещё один голос.

— Достаточно! — прорычал Одо.

Он не собирался дать ситуации выйти из-под контроля.

— Ещё один принцип? Да, доктор? Свобода слова? — я кивнул в сторону толпы.

— Да, Гарак.

— Просветите меня, доктор. Видимо, я ничего не понимаю в этих принципах. Что насчёт того, что определенные действия определенных государственных служб замалчиваются, потому что не соответствуют этическим стандартам Федерации? Это тоже принцип? В то время как ложь, обман и воровство поощряются и вознаграждаются до тех пор, пока поддерживают колесо торговли и приносят прибыль? Видите ли, друг мой, я немного запутался. Очевидно, демократические принципы одного оказываются политическим и социальным кошмаром для другого.

Мой голос звучал нехарактерно громко. Он всё ещё звенел у меня в ушах, когда доктор уставился на меня, как на микроба, которым был крайне озадачен. Да я и сам был озадачен. Я даже не представлял, почему случилась эта вспышка.

Я знал, что мы отделились друг от друга около года назад, я знал, что инцидент в голокомнате и разоблачение его генетических улучшений были только симптомами, а не причиной. Всё закономерно — мы совершенно разные. Я также знал, что в своих попытках навязать Кардассии федеральную модель он преследовал самые благие цели.

Заблуждающийся, да, снисходительный и высокомерный. Но едва ли этого было достаточно для того, чтобы вызвать такую неловкую потерю контроля на публике.

Я пробормотал какое-то вялое оправдание, которое добрый доктор и Одо столь любезно приняли и не стали провоцировать ответ, потом отправился в свой магазин. Когда я проходил мимо Кварка, мы обменялись взглядами и кивнули друг другу.

Почему я и его приплёл к ответу в своей вспышке эмоций? Это меня тоже озадачило. Я скорее восхищался его находчивостью и предприимчивостью. Особенное же восхищение у меня вызывало то, как он умудрялся по-своему трактовать правила Федерации, получая от этого выгоду.

Вернувшись в магазин, я попытался поработать над одеждой, которую раскроил, когда придумал несколько интересных моделей для Одо. Его коричневая униформа была настолько невзрачна, что я несказанно обрадовался, когда он согласился прислушаться к моим советам касательно стиля.

Да что же со мной происходит? Ясно, что дело не в капитане Сиско, игнорирующем мой вклад в ромуланский вопрос. Я отлично знаю, что лучшая награда за проделанную работу — сама работа. Я участвовал во вторжении в кардассианское пространство, вне зависимости от того, насколько мало было это участие и когда оно произошло. Остальное же — медали, памятники, признание — не имело для меня никакого значения.

Значение имело лишь то, что я чувствовал, что я незаменим, что мои способности необходимы для служения большому общему делу. И делать Одо более привлекательным для майора Киры во время ожидания этого вторжения — это ведь тоже важная задача?

Я отбросил свои эскизы.

Я не хотел оставаться в магазине наедине с этими мыслями. Но когда я собрался уходить, что-то остановило меня.

Я знал, что: вопрос Одо.

Что, если Кардассия останется под контролем Доминиона? Что я буду делать? Доктор перебил меня, не позволив ответить. Но на самом деле ответа у меня не было. Я не знал, что бы я стал делать. Но ещё больше меня тревожил другой вопрос: будет ли у меня дом, если Кардассия освободится?

1.12.

Запись:

Обучаясь на Первом Уровне Бамаррена, я приобрёл репутацию изобретательного и серьёзного студента. Я не только побил все предыдущие рекорды по избеганию поимки в пустошах, но и преуспел в обучении. Единственным членом моей группы, который так же хорошо показал себя во всех областях, был бессловесный Восьмой.

У меня не было друзей как таковых, и я говорил себе, что одиночество было ценой за успех. Я считал игры и поведение своих однокурсников ребячеством, что любое излишнее взаимодействие будет только отвлекать от работы. На самом же деле, конечно, я не знал, как создавать подобные связи. Мне хотелось быть ближе к Восьмому, в меньшей степени — к Пятому, который не только был одним из лучших стратегов Арены в Бамаррене, но и справедливым во всех своих действиях. Остальные — кто-то в большей степени, кто-то в меньшей — казались мне завистливыми и склонными к манипулированию.

Когда я начал делать успехи после удачи в Пустоши, Первый и его пособники, очевидно, почувствовали от меня угрозу и начали кампанию, чтобы исключить меня из единения, которое мы как группа должны были создать. Так же они поступали и с Восьмым. Поскольку это прямо противоречило нашим целям обучения, им приходилось применять коварство и изворотливость. С Пятым им было сложнее, поскольку он не был таким же холодным, как я и Восьмой. Мы упрощали им работу — Восьмой своей молчаливостью, а я — Милой.

Вдохновленный своим ориентиром Милой, я экспериментировал со становлением малозаметным, когда приходилось оставаться в помещении с теми, кто мне не нравился.

Конечно, я не мог менять окрас, как регнар, но с помощью постоянной практики я научился изменять узы мыслей, чувств и восприятия, которые определяют моё нахождение в пространстве. Если я сижу на камне, я поддаюсь величине колебаний этого камня, пользуясь техниками, которым я начал учиться в пустошах. Чем лучше у меня получалось, тем чаще я мог удерживать остальных учеников на достаточном расстоянии — особенно тех, которые были так увлечены своими вопросами, что не уделяли должного внимания.

Когда я тайно пронёс Милу в свою секцию, я сделал ему домик за полками моего личного стенового шкафа. Этот шкаф был единственным, в чём право ученика на личное пространство было нерушимым. Никому не позволялось просматривать эти шкафы, даже главам высших уровней. Без этой толики уединения я бы никогда не смог оставить у себя Милу. Я устроил ему жильё с пустынным интерьером, и мне нравилось открывать шкаф и просто наблюдать, особенно когда я скучал по дому и семье.

Однажды после изнурительной тренировки я развалился на кровати. В комнате находилось ещё несколько моих товарищей по секции, я не хотел участвовать в их идиотской беседе, поэтому я применил свою технику «исчезновения». Я работал над уравнениями по калибровке из инженерных уроков и тут услышал, как Третий воскликнул:

— У Десятого есть что-то в шкафу, — в Третьем было это всепобеждающее сочетание надменности и глупости, и он говорил так, словно меня здесь не было.

— Зачем же ещё он так долго туда таращится? — требовательно спросил Третий. Остальные в комнате, Шестой и Девятый, тоже не замечали меня, и их беседа перетекла в спор о том, проверить ли Третьему мой шкаф на контрабанду. Шестой, к своей чести, оторвался от своих занятий и напомнил Третьему, что под любым предлогом подобные проверки были запрещены. Третий ухмыльнулся на возражение Шестого и с логикой хамов доказывал, что его обыск был на пользу группе и что наш лидер секции поддержал бы его. Девятый, ещё один гигант мысли, согласился.

— Десятый думает, что он умнее всех. Посмотрим, насколько он умён, — я никогда не нравился Третьему, но его отношение больше уходило корнями в старинное мнение о том, что, раз его гребни выдавались больше, чем у остальных в группе, то он имел право нами командовать. Идеи о расовом превосходстве, подкрепленные его размерами и силой, делали его очень опасным. Когда Третий направился к моему шкафу, я с помощью дыхания глубже погрузился в транс, моя энергия разлилась жидкостью, стала частью покрывала на койке, где я лежал. Когда он уже собирался открыть мой шкаф, я «вернулся» в комнату и сел. Его величественные гребни едва не отвалились.

— Я понимаю, конечно же, что ты хочешь позаимствовать у меня освежитель дыхания, Третий, но для этого тебе нужно моё разрешение, — я вскочил, ожидая неизбежного физического противостояния, которое было неотъемлемой частью нашей коллективной жизни.

Мы постоянно устанавливали и переустанавливали свои границы. Но Третий просто уставился на меня, тарасился так, словно увидел самого Могрунда — призрачное существо из кардассианского мифа, которое время от времени возвращается из мира духов, чтобы восстановить моральное равновесие нашего мира. В детстве нас пугали тем, что за плохое поведение к нам обязательно придёт Моргунд.

Я перевёл взгляд с бледного, застывшего лица Третьего на остальных. Они все были похожи на статуи, застывшие в мгновение ужаса.

И мне это нравилось.

В тот момент я понял, что они были под моим контролем и что у меня больше не будет проблем с ними. В особенности с Третьим. Я почувствовал, как эта власть, словно наркотик, течёт по моим венам. И ощутил, как увеличилась дистанция между нами из-за этого страха. Я принял этот перенос границ. Усилившаяся изоляция была справедливой ценой за неприкосновенность Милы и меня.

Мы заработали бóльшую свободу — свободу в удовольствии от компании друг друга.

1.13.

Запись:

После моего успеха в пустошах у меня было несколько коротких встреч с Паландин. Единственный раз, когда мы смогли поговорить (снова на тренировочном участке рядом с Ареной), я придумал себе оправдание и поспешно ушёл. Я оправдывал своё неожиданное поведение тем, что эти встречи были против правил. Она была студенткой Второго Уровня, а значит, должна была быть ответственнее. Я не знал, чего она от меня хотела, но её присутствие казалось мне угрожающим и вводящим в заблуждение.

Доцент Райлон разрешил мне заняться исследованиями феномена червоточины в Архивном центре. Студентов Первого Уровня не пускали в центр без специального разрешения, но я доказал, что я усердный ученик, и стал одним из любимцев Райлона. Когда я при входе вставил чип допуска, бесплотный голос дал мне указание:

«Займитесь своим делом в секции 3, ряд 8, монитор 5. У вас две единицы времени».

Дверь открылась, и я вошёл, направился к назначенному мне месту и ввёл запрос на специальную информацию о пространственных свойствах, которые дают нам знать об активности червоточин. Я приготовил записывающий чип для заметок и принялся за тихое и приятное исследование одной из моих любимых тем — воронки червоточины, которая соединяет наше «здесь и сейчас» с той неизведанной бесконечностью. Эта тайна всегда меня пленяла, и те, кто посвятил жизни её изучению, были моими героями.

К примеру, Джоран Кайн, который выбрался из червоточины Луны Прайм в старом шаттле класса «Галор» и ожидал следующего раскрытия прохода. Он полагал, что расшифровал циклическую регулярность и что следующее открытие даст ему время войти в червоточину, пролететь на другую сторону, заняться исследованием, возможно, взять образцы и вернуться до того, как она закроется. Это было всё равно, что сказать, что после смерти сможешь ожить. Все считали, что он отправился в безумную самоубийственную миссию. Никто не верил, что ему это удастся. А когда ему удалось, и он доложил о своих открытиях, научное сообщество отказывалось ему верить. Его описание путешествия и по сей день волнует меня. Но когда другие попробовали использовать его циклические расчеты и затерялись в пространстве, Кайн был опорочен; в конце концов, он умер в бесчестии.

— Элим.

Услышав своё имя, я в первый момент посчитал, что голос доносился из изучаемой мною Базранской червоточины.

— Элим!

В этот раз я обернулся и увидел сидящую по соседству Паландин.

— Должно быть, ты особенный, если тебя сюда пускают, — с долей иронии заметила она.

Я огляделся: был ли кто ещё в нашей аудитории?

— Здесь никого нет. Я ждала, пока ты останешься один. Почему ты меня избегаешь?

Я застыл от такой прямоты вопроса и не знал, что ответить.

— Я тебя оскорбила? Ты был очень груб ко мне в нашу последнюю встречу.

— Мне... неуютно... когда меня зовут Элимом. Никто так меня не зовёт, — пытался объяснить я.

— Сколько у тебя осталось времени? — спросила она.

Я взглянул на экран.

— Меньше половины единицы.

— Пойдем со мной, — с восхитительной лёгкостью попросила она.

— Не могу.

— Почему? Какой доцент дал тебе разрешение? — спросила она.

— Райлон.

— А, да, — узнав, ответила она. — А ты, конечно, достаточно прилежен, чтобы быть его лучшим студентом, — теперь в её голосе проскользнула ирония. — Что бы у тебя ни было, этого для твоего доклада достаточно. Идём, я хочу тебе кое-что показать.

Я не знал, что делать. Меня трясло от беспокойства.

— Тебе всё ещё не весело, Элим?

— Нет. Особенно когда ты меня отвлекаешь. Оставь меня в покое. И перестань называть меня «Элимом». Я — Десятый Лубака!

Она уставилась на меня так, словно увидела кого-то другого. Было заметно, что я её уязвил.

— Я извиняюсь... Десятый Лубака. Я больше вас не побеспокою, — весь её блеск, вся воздушная легкость омрачились искренним разочарованием, почти грустью. Она улыбнулась, хоть в её глазах улыбки не было, и ушла.

Почему? — спрашивал я себя.

Почему?! Я, хоть убей, не мог понять, почему ей было важно, чтобы я ответил. Почему она — такая красивая, такая живая, была разочарована из-за того, что я не отвечал на её... что? Что она от меня хотела? Дружбу? Но почему со мной?

Я находился в замешательстве. Её грациозность и манеры, то, как она наклоняла голову и её полуулыбка, когда она слушала, как будто её все забавляло... это было похоже на запретную мечту о недостижимом. Притяжение было болезненным, потому что я инстинктивно знал, что, хотя моя жизнь и была бы проще и лучше регулировалась бы без неё, она была бы тусклой, как моя униформа Бамаррена.

Я понимал, что к червоточине сегодня уже не вернусь. Я вынул чип, встал и пошёл за Паландин, не задумываясь о направлении. В этой аудитории было несколько рядов, разделённых ограждениями. Я быстро заблудился и уже начал паниковать, что не смогу найти её. Сейчас я действовал на каком-то эмоциональном уровне, который не могло остановить никакое рациональное мышление. Где она?

Я свернул за угол и практически столкнулся с Паландин.

— Прости, — из-за нервов и волнения у меня перехватывало дыхание. — Я не хотел показаться недружелюбным. Я просто не знаю, почему ты... я хочу сказать, я не очень... я изо всех сил пытаюсь со всем здесь справиться, не нарушать правил и быть... а ты... смущаешь меня.

Она склонила голову, и на её лице начала появляться эта сводящая с ума улыбка.

— Я всего лишь салага! — почти кричал я.

Она радостно рассмеялась.

— Ты надо мной насмехаешься? — только в тот момент, как я задал этот вопрос, я понял, насколько боялся стать объектом её насмешек. Она перестала смеяться и впервые замолчала. Но что-то за моей спиной привлекло внимание Паландин, выражение её лица изменилось мгновенно.

— Нет, тебя не должно здесь быть, салага. Ты заблудился. За мной! — перемена была поражающей. Она прошла мимо меня, и я и правда последовал за ней. Затем я увидел причину изменения. К нам приближался интерн Третьего Уровня. Это был последний Уровень, на котором тебя уже не звали студентом.

— Доброго дня, сэр, — она легко кивнула, когда он остановился перед нами.

Он кивнул ей и взглянул на меня.

— Кто это? — спросил он, как будто я был экземпляром для исследований.

— Заблудившийся салага, сэр, — её лицо застыло маской.

— Чип допуска, — потребовал интерн.

Я протянул ему карту, интерн не сводил с неё взгляда.

Я ощутил, что потею.

— Кто твой доцент?

— Райлон... сэр.

— Это не техническая секция. Почему ты здесь? — он смотрел мне прямо в глаза. Никакой нерешительности в этом интерне не было; он знал своё дело.

— Я думал, что шёл тем же путем, каким и вошёл. Простите, сэр.

— За что простить? — поинтересовался он.

— За то, что неверно сориентировался.

— Именно, — согласился он. — Тебе нужно больше работать в пустошах. Кто твой руководитель?

— Первый Тарнала, сэр.

Если бы он только знал, что как раз в пустоши практика мне и не нужна...

— Первая Китэй, — обернулся он к Паландин.

— Сэр! — с рвением откликнулась она.

Я не был знаком с Уровнями у женщин, но «Китэй» показалось смутно знакомым.

— Проследи, чтобы глава его секции знал, что этому ученику нужно оттачивать навыки в пустоши.

— Прослежу, сэр.

— И пусть он покинет центр сейчас же.

— Да, сэр, — Паландин опять поклонилась и жестом указала следовать за ней.

Интерн по-прежнему смотрел на меня, как на экземпляр для исследований, но теперь к тому же и дурно пахнущий экземпляр. Я последовал за Паландин, мы вернулись ко входу, зарегистрировали чипы и покинули здание.

Мы шли по тропе, ведущей за Архивный центр.

— Увидимся в следующий раз, — произнесла она, глядя строго вперёд.

Я предположил, что она говорила о том, что собиралась мне показать.

— Элим.

— Да?

— Зови меня Паландин.

Я колебался.

— Элим, когда я впервые тебя встретила, я знала, что ты можешь стать хорошим другом. Не спрашивай, почему, это лично моё дело. Если только ты не полный идиот, который пытается завести друзей путём высмеивания их... только если они сами тебя не попросят, — она покосилась на меня: — Понятно?

— Да.

— Что «да»?

— Да... Паландин.

Она остановилась и широким жестом, как мне показалось — шире, чем нужно, указала на дорогу справа от нас.

— Тебе туда, салага, — подмигнув мне, она свернула налево.

Я смотрел ей вслед, пока не обернулся и не увидел, что интерн следил за нами из окна центра. Я направился обратно в Образовательный Центр Первого уровня, чувствуя, что, будь это в моих силах — я бы полетел туда.

Китэй!

Я всё понял в тот момент, когда Восьмой пнул мою правую ногу, разворачивая меня вокруг моей оси, и я растянулся на песке Арены после неподвижного противостояния, продолжавшегося уже в ночи. Шестой упал в обморок, Третий дважды отключался, а галлюцинации Седьмого были настолько сильными, что Каликсу пришлось вмешаться.

Когда я поднимался на ноги, отплёвываясь от песка, меня не столько смущал мой промах, сколько будоражило осознание того, что Китэй была элитной женской группой Второго Уровня, а обозначение Паландин как Первой значило, что она была на равных с Первым Чарабана.

— Ты всё в мечтах, Десятый? — усмехнулся Каликс.

Восьмой выглядел так, словно ему преподнесли сюрприз. Проведённое время было изматывающим для всех, и то, что оно закончилось, стало большим облегчением. Но, даже учитывая мою оплошность, это было, пожалуй, моим лучшим выступлением на Арене, учитывая совершенные боевые уловки и качество моего противника. Никто не мог продержаться дольше Восьмого. То, что я нашёл в пустыне, он нашёл на Арене.

— Всего одна мысль, уносящая тебя из настоящего момента, может оказаться последней, Десятый. Ни восстановления, ни второго шанса, — закончил свою мысль Каликс и ушёл.

Занятия закончились. Для него самого не было начала или конца — только сам процесс.

Я всегда уходил с Арены последним. Я уверял себя, что это из-за того, что я медленнее других, но на самом деле я втайне надеялся вновь увидеть Паландин после нашей первой встречи, и особенно после последней. Но в этот раз, вопреки обыкновению, Восьмой тащился вместе со мной. Ещё необычнее оказалось то, что он, судя по всему, хотел поговорить.

— Сегодня ты был хорош, — начал он.

— Спасибо, — я был искренне благодарен за его поддержку.

— Ты видел его?

— Кого? — я оглянулся.

— Первый Чарабана наблюдал за нашими стратегиями. Ушёл под конец.

— Чарабан следил за нами? Откуда ты знаешь, что это был он? — нервно спросил я.

В последний раз, когда мы встречались у Центральных ворот, он обещал, что будет наблюдать за мной.

— Это был он, — уверенность Восьмого рассеяла все сомнения.

— Но зачем? — удивился я.

— Не знаю. Но, думаю, нам следует быть осторожными.

Я кивнул, соглашаясь. На минуту повисло неловкое молчание.

— Идёшь обратно в секцию? — спросил он.

— Нет... я еще немного побуду тут и... позанимаюсь, — выдавил я.

Восьмой ещё несколько минут маячил рядом. Я чувствовал, что он хотел сказать мне ещё что-то. Внезапно он развернулся и исчез за барьером. В воздухе зависла недосказанность. Он был таким же робким, как и все, кого я знал.

Пока я ждал, не придет ли Паладин, я сдержал свое слово и прорабатывал удары ногой с вращением, с которыми Восьмой справлялся с легкостью, а я — путался.

Когда я уже решил, что никто не придет и собрался уходить, я услышал звук приближающихся шагов. Я обернулся в их направлении и оказался лицом к лицу с Первым Чарабана.

Я немедленно вошёл в «режим Арены» с совершенно иным методом самообороны.

Чарабан это заметил и рассмеялся. Его реакция полностью разоружила меня. Был ли это тот же самый студент?

— Не бойся, Десятый. Свою дубинку я оставил на складе, — только его грубый голос выдавал в нём того самого нападавшего, всё остальное претерпело изменения.

Его высокое жилистое тело было расслаблено, а улыбка казалась искренней. Я было тоже начал расслабляться, а потом напомнил себе, что как назначенный Первым он был, скорее всего, искусным борцом Арены. Я хранил сосредоточенность.

— И я пришёл только посмотреть, а не бороться, — добавил он, правильно восприняв мою адаптацию. — Ты и твой приятель провели замечательную демонстрацию. У вас получились сложные манёвры. Каликс, должно быть, высокого мнения о вас обоих.

— Восьмой говорил, что вы за нами наблюдали.

— Он заметил, а ты нет? — расплылся в улыбке он.

— На Арене Восьмой — самый сильный из всех, — признал я.

— Из всех ли? Сильное заявление, однако.

— Из нашей группы и, наверно, в Первом Уровне, — похвастался я Восьмым.

— Ты так говоришь, потому что он бы тебя побил? — Чарабан раскусил моё хвастовство. Он был прав. — Что ж, я, конечно, хочу поговорить и с ним... когда придёт время. Прошу, пошли со мной, Десятый. У меня есть предложение.

Я застыл на месте, заинтригованный его словами. Он заулыбался шире и жестом пригласил следовать за ним.

Идя во главе, Чарабан направился к площадкам Бамаррена, закрытым ограждением по периметру. Внутри был другой мир — с клумбами растений, за которыми ухаживали так же, как в общественных парках возле моего дома. Я почти видел здесь работу отца, и напоминание об этом кольнуло меня старательно скрываемой тоской по дому. Тропинки вели по слою мягкой почвы через цветущие кусты, тянущиеся вверх и касающиеся ветвями друг друга у нас над головами. Я впервые попал сюда — студентам Первого Уровня можно было войти сюда только в присутствии старших студентов — и был поражен мягкостью и безмятежностью, особенно во тьме, которую пронзал свет стоящих вдоль фонарей. Это казалось огромным облегчением после подавляющей суровости Бамаррена.

Чарабан остановился возле скамейки и пригласил меня сесть. В такой обстановке я не мог не расслабиться, но в то же время мой разум пытался отгадать смысл его приглашения.

— Тебе известно о Турнире? — Чарабан словно читал мои мысли.

— Симуляция боя в конце курса, — выдавил я.

— «Симуляция» означает, что никто не умрет, но она может оказаться тяжелой, — пояснил он. — А грядущая будет тяжелее большинства других, потому что в этот раз у нас необычный набор лидеров. С тобой кто-нибудь говорил об этом? — спросил он.

— Нет.

Я подождал, пока Чарабан объяснит, почему кто-то стал бы мне объяснять, но он следовал своей логике. Он смотрел на меня так, будто оценивал неодушевленный предмет.

— Некоторые впечатлены тобой. Мой второй по старшинству, сильнейший охотник нашего уровня, не мог поверить, что прошлой ночью ты смог скрыться от него. Он упорно считает, что ты не следовал правилам, — бросил он.

Я понял, что это замаскированный вопрос о том, как я избежал поимки.

Когда я не ответил, Чарабан расхохотался с тем же обезоруживающим изяществом.

— Я не ждал, что ты ответишь... ты и не должен. Пока. Это даёт тебе власть и возможности. Вроде тех, что я хочу тебе предложить. Скажи мне одно: ты кому-нибудь рассказывал о своих методах? — спросил он, не переставая улыбаться.

Я собирался уже ответить, как вдруг что-то подсказало мне молчать.

Это был тот голос, который Каликс побуждал меня слушать. Голос, который был слышен только тогда, когда страх и фантазии не контролировали текущий момент.

Когда я так и не ответил, то увидел, что Чарабан удивился. На этот раз он не смеялся, а лишь кивнул.

— Да. Ты уже не салага, верно? Но то, что вопрос без ответа, уже говорит мне всё, что я хочу знать, — выражение его лица изменилось, он определил мою ценность.

Внезапно послышались лёгкие шаги и женский голос. И в этот самый момент я понял, насколько напряжённой была моя беседа с Чарабаном.

Я сконцентрировался, но испытал шок, когда из темноты появились Паландин и ее подруга.

Паландин не смотрела на меня. Они кивнули Чарабану, он кивнул в ответ, и девушки исчезли под шум листвы на пустынном ветру. Мимолётная несовместимость. Весь вечер походил на сон наяву.

— Тяжело, да, Десятый? — резко встрял Чарабан. — Когда к тебе относятся так, будто тебя и нет. Но она, конечно, ко всем так относится, не только к салагам, — он смотрел вслед девушкам, как будто он еще мог их видеть.

Он говорил о Паландин? Первый повернулся ко мне, полностью сосредоточенный на деле.

— Глава Третьего Уровня вызвал нас на Турнир раньше обычного на том основании, что они слабее нас. Я в первую очередь имею в виду группу Рамаклана. Это моя прерогатива как лидера Чарабана. Их пример не вдохновляет и не объединяет Бамаррен, и я настаиваю на преемственности по праву испытания, — по легкости, с которой это было сказано, было ясно, что Чарабан был сообразительным и организованным в политике. А ещё амбициозным.

Я почувствовал, что меня пустили в святая святых и сделали причастным к революционному решению.

— Для того, чтобы успешно бросить вызов, мне нужна лучшая команда, какую я только могу собрать. У Третьего Уровня свои преимущества. У Первого Рамаклана есть не только повиновение самых проверенных интернов, но и на самом Турнире от них требуется всего лишь защитить свою позицию, ничего более. Как тем, кто бросит вызов, нам нужно разработать стратегию нападения, которая только подтвердит их более низкое положение. Это непростое дело, Десятый, — подчеркнул Чарабан, чтобы я осознал, что он обращается ко мне напрямую.

— Сомневаюсь, что оспаривающий позицию лидер когда-нибудь просил ученика Первого уровня участвовать в подготовке плана... уж точно не ученика с обозначением Десятого, — снисходительно добавил он.

— Я отвечаю за свою работу, а не за обозначение, — страстно напомнил я ему.

Он прекрасно знал, что затронул болезненную тему.

— Тем не менее, ты — Десятый и, пока не докажешь обратное, всегда будешь оставаться Десятым. И я не говорю о том, чтобы преуспевать на занятиях или избегать поимки, пусть даже и блистательно, и не о том, чтобы идти на второе место в Арене. Я говорю о планировании и выполнении действий группы, которые приводят только к безоговорочной победе, к кардассианскому идеалу успеха, на котором строилась эта школа!

Воздух вокруг нас звенел от этого пламенного вызова.

Чарабан был прав, он предлагал мне возможность — и я понимал это.

— Что вы от меня хотите? — меня била дрожь, словно от холода.

— Больше всего, Десятый, я хочу, чтобы ты отбросил возможность проигрыша. Для него в твоей жизни больше нет места. Договорились? — Чарабан протянул руку.

Я ухватился за нее, словно тонущий.

Уверен, он почувствовал, как я пытался держать своё дрожащее тело под контролем.

— Договорились, — я всё ещё волновался.

За исключением битв это был первый раз, когда я вступил в физический контакт с другим студентом. Мы долгое время стояли на тёмной тропе, держась за руки. Он был единственным, кроме Паландин и Восьмого, кому бы я смог смотреть прямо в глаза.

Чарабан опустил руку.

— Я сообщу тебе через Девятого Лубака насчёт наших совещаний, — сказал он.

Я удивился. Почему Девятому?

— Он мой двоюродный брат, — снова прочитал Чарабан мои мысли.

— Девятый?! — я не поверил. — Но он... — я вовремя остановился.

— Он... настоящий Девятый, — ответил Чарабан с дипломатической улыбкой. — Но сообщение сможет передать, а в войне нужно использовать каждого солдата в соответствии с его силами. Нам лучше вернуться. Я отпрошу тебя с вечернего собрания.

Пока Чарабан не упомянул о собрании, которое я пропустил, я и не понял, насколько уже поздно. Мы подошли ко входу и расстались без слов.

Когда я остался один, я почувствовал, что вновь могу дышать.

И тогда начал сомневаться в нашем соглашении.

В Чарабане была видна яркая личность, но откуда я знал, что он говорит мне правду? Это могло быть каким-то испытанием... ловушкой. В конце концов, он был тем, кто побил меня на складе.

Пробираясь в темноте по окраине тренировочной зоны, я пребывал в оцепенении. Да, я хотел доказать, что я не был Десятым, и Чарабан об этом знал. Какому студенту не хочется отличиться? Но мои сомнения только усилились.

— Элим, — раздался шёпот.

Я настолько погряз в противоборствующих мыслях, что не заметил, что возле дороги стояла Паладин. Во тьме она больше походила на призрак, который я видел в первый раз.

— У тебя очень странные друзья, — я попытался разглядеть ее лицо, но и без этого услышал удивленную иронию в ее голосе. — Не каждый вечер видишь, как Баркан Локар прохаживается с салагой по площадкам.

— Локар? Мой отец организовывал похороны легата, Турата Локара, — не подумав, ответил я.

— Твой отец его убил? — пошутила Паландин.

Но я не смеялся. Локары были легендарной семьей, и похороны старика были самыми пышными из всех, что я видел.

— Баркан — его внук и светоч нашего поколения. Так какие же у него дела с тобой, Элим? — продолжила поддразнивать Паландин.

— Мне... пора возвращаться. Уже поздно, — я собрался уходить.

— Дело в Турнире, да? — её вопрос остановил меня.

— Откуда ты знаешь? — я опять не подумал, я просто реагировал. И тут же поморщился от того, как терял при ней сноровку.

— Элим, знать — это моя работа. Вот почему я здесь. Вот почему ты здесь.

— Думаю, я знаю, почему я здесь, Первая Китэй, — напряжение в моём желудке нарастало, от чего меня подташнивало.

Я хотел закончить этот разговор.

Паландин долго смотрела на меня, не скрывая тени улыбки, замечая всё и ничего не выдавая.

— Пополнить ряды Баркана — великая честь. Он настолько же талантлив, насколько амбициозен. И наверняка получит то, что хочет — обычно так и бывает, — добавила она со знанием дела.

— Я даже не знаю, буду ли я участвовать в этом Турнире, — признался я.

— Правда? — слегка удивилась она и подошла ближе. Теперь было видно её лицо, черты которого смягчали сумерки. — Почему? — нежно спросила она. — Чего ты боишься?

— Кто сказал, что я боюсь? — но, как только я задал этот вопрос, я понял, что боюсь.

— Элим, как думаешь, зачем у нас эти гребни? — она погладила ряды хряща и кости, шедшие вдоль ее шеи и плеч, с деликатностью, от которой у меня перехватило дыхание. Напряжение отпустило и превратилось в жидкость, перетекающую в мой пах. Весь остальной мир накрыла тьма, и я снова оказался внутри туннеля.

— Они... просто есть, — глупо ответил я.

— Потому что они нам нужны. Не для того, чтобы поддерживать слабый позвоночник, как предполагают некоторые инопланетяне, а потому что мы — раса воинов и развили эти гребни для защиты от хищников. Но если бы в битве мы полагались только на гребни, то были бы не лучше клингонов. Вот почему мы здесь, Элим — чтобы развивать разум... и сердца, — расслабив пальцы, она положила ладонь себе на грудь.

Второй раз за вечер я был очарован чьей-то пылкостью. Чарабан и Паландин очень по-разному удерживали меня на своей орбите, как мощные солнца.

— Быть великим воином — значит быть великим стратегом, и Баркан предлагает такую возможность.

Вновь это слово. Но здесь, в этом туннеле, отгораживающем остальной мир, у возможности было иное значение. Я узнавал о себе кое-что новое — зарождающееся желание власти, но власти, которая имела отношение не столько к господству над другими, сколько к связи с ними. К тому, как я ощущал связь с Чарабаном... и особенно с Паландин.

— Кажется, ты знакома с Чарабаном, — высказал предположение я.

— Я знаю, что он может помочь тебе достичь своих целей. Тот факт, что он выразил к тебе интерес... — она улыбнулась и покачала головой. — Он обычно расхаживает так, будто стоит выше всех остальных.

— Он то же самое говорил о тебе.

— Правда, что ли?! — в её смехе послышалось откровенное наслаждение.

— Что ты относишься к остальным так, как будто их не существует, — сумел вспомнить я.

— Правда? — повторила она. — Что ж, поделом ему. Слишком крупные головы у мужчин плохо смотрятся.

Как древний зов, вдалеке раздался ночной горн, сигнализирующий возвращение в жилища. Стены туннеля рассеялись, я вошёл в другой мир.

— Спокойной ночи, Элим. Я знаю, что ты сделаешь для себя верный выбор, — с этими словами она убежала.

Мне понадобилось несколько секунд, прежде чем я снова смог пошевелиться. А когда я пошевелился, то понял, что второй раз в жизни мог бы взлететь.

1.14.

Запись:

Никаких новостей по поводу предстоящего вторжения.

Мне не хотелось возвращаться в магазин, поэтому я и задержался в реплимате, сидя за стратегически выбранным столом, из-за которого открывался прекрасный вид на двери шлюза: прибывающих и покидающих станцию. Особой активности не было, в основном клингоны, прибывшие с фронта или отправляющиеся на него.

Вскоре я заскучал и решил сменить пункт наблюдения, перебравшись на второй этаж «У Кварка».

Когда я вошёл в бар, я был удивлён, увидев мрачного Рома за стойкой и сидящего напротив простофилю Морна. Вокруг дабо-стола столпились возбуждённые клингоны, но моё внимание привлекла сосредоточенная дабо-девушка, я не встречал её раньше. Будь Кварк на месте, он обязательно бы прочитал ей лекцию о конгениальности.

Я искренне посочувствовал девушке, проведи я пару дней в окружении пьяных вояк...

— Ч-чем м-могу п-мочь, Гарак? — поинтересовался Ром.

— Что заставило тебя вернуться обратно в бар? Только не говори, что скучаешь по своему брату.

— Н-нет, — ответил он. — Он уехал по д-делам, и я соглас-сился приглядеть з-за баром, пока ег-го нет.

— Как любезно с твоей стороны, — кивнул я. — Я хотел бы заказать канара, буду наверху.

— К-конечно, — кивнул Ром.

Одарив Морна улыбкой, я прошёл мимо дабо-стола, атмосфера вокруг которого явно накалялась. Тем не менее, новая девушка сохраняла чарующее спокойствие.

Мой любимый столик оказался занят, как и большинство других на этом этаже. Определённо я был не единственным, кто захотел расслабиться в свободное от работы время.

Наконец-то я нашёл место, с которого открывался вид не только на нижний уровень, но и на верхний ярус променада. Вскоре появился Ром с небольшой бутылкой канара, одетый в костюм моей работы.

— П-прошу, Гарак! Н-надеюсь, вам п-понравится! — само гостеприимство.

— Благодарю, Ром. И, прошу, не позволяй своему воротнику лежать подобно мёртвому таргу, — я потянулся поправить ткань; на его лице застыла сладостная улыбка, пока я возился с воротом.

Ром спустился вниз, а я, глотнув напитка, понял, что нахожусь не в лучшем расположении духа.

Надо же: пью в разгар дня. Доктор был бы крайне разочарован во мне. Когда я не могу погрузиться с головой в работу, мою голову наполняет полчище мыслей, завоёвывающее весь покой и сносящее равновесие. Канар — единственное стоящее оружие против этого войска. А те таблетки, которыми меня снабжает доктор — лишь слабая замена.

Даже после той ромуланской афёры и нервного срыва капитана Сиско (кроме доктора, с которым я поделился вскоре после инцидента, никто об этом не знал, но симптомы узнаваемы), я был одержим воспоминаниями о Бамаррене. Каким-то образом сплетения в моём мозгу походили на моё изгнание на этой зависшей в пространстве тюрьме. Более непохожих мест придумать трудно.

Клингонская возня у дабо-стола мгновенно отвлекла меня от мыслей.

Я отпил ещё один глоток горько-сладкого напитка.

Третий Лубака был прав: я считал себя умнее других. Но в то же время я не чувствовал себя принадлежащим Институту. Я был чужаком без родословной, некоторые студенты не давали мне забыть об этом. Первый Лубака и его вырождающийся клан. Но я был также настроен на поиск власти, как и любой другой в Бамаррене, и решил заслужить свою награду в Турнире.

Я рассмеялся своим мыслям, ко мне обернулась пара голов. Я кивнул, отсылая ответную улыбку.

Один пьянчуга разговаривал сам с собой.

Внезапный вопль врезался в мои мысли, отдаваясь эхом в затихшем баре.

Взглянув вниз, я увидел, как Ром перелетел через стойку, а Морн спешил на выход. В баре остался всего один клингон, но здоровенный, схвативший перепуганную дабо-девушку за руку. Не долго думая, я швырнул бутылку канара вниз, и она взорвалась осколками прямо под ногами здоровяка. Он поднял глаза, и я понял сразу две вещи: он был безмерно пьян, и он был одним из солдат ударных войск, заслуженным ветераном наступления ближнего боя. Я сделал глубокий вдох, на фоне основного сброда клингон выглядел весьма впечатляюще. Моё настроение резко и неизмеримо улучшилось.

— Ты, ложкоголовый! — прорычал он.

Я терпеть не мог этого ярлыка.

— А ты... великий воин, который поверг дабо-девушку одним махом!

Он уставился на меня, соображая, было это оскорблением или похвалой.

— П'так!

— Я хотел сказать, что ты величайший трус Клингонской Империи! — прокричал я.

Отбросив дабо-девушку в сторону, он двинулся к винтовой лестнице, и я подумал, что он был ещё и самым огромным клингоном в Империи.

Я огляделся в поисках преимущества. Сражение будет неравным, и мой огромный друг в состоянии берсерка жаждет крови.

Я выдохнул.

Я слишком стар для всего этого дерьма, подумал я. Мне нужно замедлить его и найти более удобное место.

Когда его голова показалась в проёме, я присобрался, ухватился за поручни, развернулся и ударил обеими ногами прямо в его лоб.

Это его только разозлило.

Я поспешил к верхнему ярус променада, подумав, что Каликс наслаждался бы происходящим, где бы он ни был.

Рык гиганта привлёк всеобщее внимание в верхней части променада, в том числе и шефа О'Брайана, выскочившего из ниши, в которой он проводил какие-то работы с панелью.

— Гарак, во что ты ввязался на сей раз? — спросил он, направляясь ко мне.

— Позовите охрану, шеф, и попросите их приготовить самую большую камеру, что есть... или маленький гробик для меня, — с этими словами я скользнул в нишу и забрался в шахту, которую ранее закрывала панель.

У меня появилась идея.

Я слышал, как шеф позади пытался вразумить разбушевавшегося клингона, но тот просто оттолкнул его.

Я оказался в шахте коммуникаций. Я не был уверен, в какую сторону двигаться, но времени особо выбирать не было. Мой преследователь протискивался в узкий проход, он не собирался легко сдаваться.

— Налево, Гарак, — любезно подсказал шеф, — а потом в третий проход направо! Кажется, он понял мой план.

Огромный клингон преследовал меня, когда я на карачках передвигался по шахте. Первый, второй, третий проход. Пролезу ли я? Нет времени на размышления.

Втянув живот, я протиснулся вперёд. Клингон схватил меня за левую ногу и потащил назад. Я пытался вырваться из его хватки... и выскользнул, в его руке остался лишь мой ботинок.

Выбравшись из поля досягаемости, я забрался в параллельную шахту, к моему счастью — более широкоую.

Я обернулся посмотреть, был ли клингон настолько глуп, чтобы ползти за мной. Ловушка была очевидной.

Его отчаянный рык послужил мне ответом на все вопросы.

Каким-то образом он ухитрился протиснуться в проход, пока окончательно не застрял. Он не мог двинуться ни вперёд, ни назад. И я узнал выражение на его лице. Он испытывал приступ клаустрофобии. И чем больше он дёргался — тем паршивее ему становилось.

— Не двигайся, будет только хуже, — предупредил я.

В его глазах плескалось желание убить меня на месте, сменяющееся отчаянной мольбой о помощи.

— Не шевелись!

Он застыл.

— Дыши глубоко. Глубже. Да, вот так.

— Помоги мне, — простонал он.

Я был тронут тем, как по-детски сдался этот здоровяк. Я прекрасно понимал, каково ему.

— Помогу, — ответил я, сам себе поражаясь, с чего бы мне соглашаться.

Я размяк, усмехнулся я. Однако мне нужно было найти кого-то, кто бы помог мне вызволить клингона.

— Не бросай меня! — его голос срывался в приступе паники.

Теперь мы определённо поменялись ролями.

— И не собирайся, но пообещай мне, что будешь себя вести хорошо, когда мы выберемся.

В его глазах блеснула ярость.

Я решил, что могу извлечь пользу из ситуации.

— Я не стану тебе помогать, пока ты не пообещаешь вести себя, как истинный джентльмен.

— Обещаю... — приступ клаустрофобии пересилил даже клингонское понятие о гордости.

— И пообещай мне ещё кое-что, — напоследок попросил я.

— Чего?

— Никогда не называть меня или любого представителя моего вида ложкоголовым.

— Но вы и есть ложкоголовые, — изумился он.

Данная просьба казалась ему чем-то несусветным.

— Предупреждаю тебя, если ты не дашь торжественного обещания воина, то тут тебя и оставлю.

— Обещаю...

Бедолага едва не плакал. Мне было его почти что жаль.

На следующий день после инцидента Одо вызвал меня, чтобы принять моё заявление. Когда я подошёл к его офису, из него вышел вчерашний клингон в сопровождении двух охранников. Завидев меня, он остановился, я приготовился к худшему, как и оба охранника.

Но он всего лишь поблагодарил меня за то, что я сидел с ним в шахте, пока шеф О'Брайан и Одо не подоспели на помощь.

— Я не ожидал такого от... кардассианца. Как видите, я не забыл о своём обещании, — уверил он меня.

Они двинулись дальше, и, должен признать, я был полностью ошеломлён.

Видимо, есть честь у этих твердолобых.

Одо был в своём репертуаре. После моего изложения событий он посчитал, что, раз ущерб оказался минимальным, а клингон возвращается на фронт, то дело можно закрыть.

— А что насчёт дабо-девушки? — поинтересовался я.

— Она не выдвинула обвинений.

— Как великодушно с её стороны.

— Великодушием тут и не пахнет, Кварк ей не позволил, — с отвращением отрезал

Одо.

— А-а, позвольте угадать: плохо для бизнеса.

— Да. Но, кажется, она заинтересована встретится с вами, чтобы выразить свою благодарность, — с ноткой иронии сообщил он.

— Что же, это необязательно.

— Как пожелаете. Её зовут Тир Ремара.

Имя показалось мне смутно знакомым.

Я уже собирался уходить, как тут Одо поинтересовался по поводу покроя его «нового» элегантного костюма. Я видел, что он пытался скрыть свою озабоченность, и заверил, что эскизы для него — одни из моих лучших творений, и одежда будет готова в течение недели.

Он благодарно ухмыльнулся, и я вышел на променад.

Любовь всех нас делает дураками.

1.15.

Запись:

Приготовления к Турниру кружили голову. Они начались, когда Девятый подошёл ко мне, одиноко сидевшему в нашем жилище и читавшему первую часть «Вечного чужестранца» Сайлона Парега, саги, растянувшейся на несколько поколений одной кардассианской семьи во времена Раннего и Среднего Союза. Завороженный её волшебством, я старался не отрываться от чтения, пока не увидел на лице Девятого, стоящего рядом в ожидании, сумасшедшее благоговение. И тогда я понял, зачем он был здесь.

— Первый Чарабана говорит, что первая встреча...

— Тебе обязательно говорить об этом здесь, Девятый? — перебил я.

Может, он и мог передавать новости, но не умел сообщать их правильно. Заметив Девятого рядом со мной, появившийся в этот момент Восьмой замер в дверях, прежде чем отправиться к себе. Девятый был сконфужен и не знал, что делать. Я положил пада обратно в шкаф, погладил Милу, который был виден только мне, и быстро вышел.

После секундного замешательства Девятый последовал за мной.

Когда он догнал меня в коридоре, то попытался продолжить свое сообщение, но я жестом приказал ему молчать. Меня изумляло его почти полное отсутствие понимания; должно быть, он и, правда, происходил из очень важной семьи, раз так долго продержался в Бамаррене. Очевидно, тонкости вопросов безопасности от него ускользали.

Мы уже давно вышли на общий участок, огороженный треугольником из зданий первых трех уровней, когда я остановился и повернулся к нему лицом.

— Это было обязательно? — спросил Девятый. Судя по его оскорблённому выражению лица, он считал себя выше всякой секретности.

— Что ты хочешь мне сообщить, Девятый? — улыбнулся я ему.

Мне хотелось ударить по его худому рожденному кровосмешением лицу, но я сомневался, что это помогло бы делу. Я ему не нравился ещё больше, особенно в нынешней ситуации.

— Первый Чарабана... — слова застряли у него в горле.

Почему я, худородный Десятый без связей, был получателем этого сообщения?

Я выжидал, не переставая улыбаться.

— Да, Девятый? — он скривился, как будто проглотил что-то горькое.

— Первая встреча сегодня, после твоего семинара. Ты должен прийти к Палестре на уборку. А вместо тебя будет Первый Тарнала, который тебя там встретит, — теперь Девятый вернулся к своей обычной официальнойности. — Это строго конфиденциально, Десятый! — закончил он последней попыткой сохранить свое превосходство.

— За исключением Восьмого, полагаю, — ответил я.

— Что? — он не представлял, что я имею в виду.

Восьмой вошел, увидел нас и в данный момент составлял у себя в голове сценарий, который оказался бы близок к правде.

— Конечно, нет! Никто не должен знать. Судьба Бамаррена зависит от этих планов, — подчеркнул он.

Мудрость этого юноши состояла из клочков, от которых отказались другие.

— Спасибо, Девятый, — благосклонно ответил я.

Я знал, что он отчаянно хотел спросить меня, почему я участвовал в миссии его двоюродного брата. Спросить Чарабана он точно не посмел. А спрашивать меня было ниже его достоинства. Он сглотнул, как будто почувствовал ещё большую горечь, и вернулся к жизни убывающей отдачи. Это только к лучшему, что Восьмой был

предупреждён. Одной из моих целей было вовлечь его до того, как его завербует Рамаклан.

Когда я прибыл к Палестре после семинара по компьютерным системам, где меня строго отчитали за несобранность, состязания Второго и Третьего уровней, усиленный этап обучения после Арены, как раз заканчивались. Первый Тарнала встретил меня в главном атриуме и повёл к опекунскому помещению, где меня обеспечили всеми принадлежностями и сказали работать, пока не очищу 12 студий и две гигиенические комнаты в здании.

— Тебе должен был помочь еще один салага, но ему дали другое назначение, и его место никто не занял. Не тяни резину, не спи и вали отсюда к утренним занятиям. Приступай! — уходя, я слышал, как опекун спрашивает Тарнала, чем я заслужил это наказание.

— Никто мне не сказал. Но я знаю, что он точит на него зуб, — ответил Тарнал.

Когда я был уже на пятой комнате, то ршил, что Чарабан меня подставил, чтобы я получил наказание, как вдруг в дверях появилась незнакомая фигура.

Он оглянулся, чтобы удостовериться, что я один.

— За мной, — сказал он, убедившись в этом.

У его тела был низкий и мощный центр тяжести, а острый взгляд сверлил меня. От такого нельзя было отпереться. Бросив свои дела, я подчинился. Он молча провёл меня через три подземных уровня в зал совещаний, в котором на одной из стен висел большой монитор.

Нас ждали Чарабан и студент с необычайно излишним весом. Бесформенность последнего контрастировала с компактностью моего гида.

— Это тот самый салага? — спросил грузный.

— Ты его не узнаешь, да? — ответил с улыбочкой Чарабан.

— Он такой грязный, — грузный окинул меня пренебрежительным взглядом.

— Я полночи занимался уборкой! — негодовал я.

Уже самой работы было достаточно, а тут ещё и оскорбления.

— Твоего мнения не спрашивали, салага! — отгрызнулся полный студент.

Остроглазый студент продолжал рассматривать меня, что только усиливало мою дезориентацию.

— Салага, который дважды прошел мимо тебя, — кольнул его Чарабан. Он утверждался за счёт грузного, а инструментом для этого был я. — Кажется, раньше за тобой такого не водилось, — Чарабан повернулся ко мне: — Ему все еще не верится, что с ним случилось такое.

Студент с отвращением фыркнул, подёргивая желваками.

Мне стало интересно, как кто-то настолько грузный смог выдержать устои физических тренировок в Бамаррене. Он и вправду был исключением из главенствующего идеала — тощего и мускулистого ученика.

— Следует начать, — тихо предложил Острые Глаза.

— Это Десятый Лубака, — поспешно представил меня остальным Чарабан. — Десятый, это Первый Дрбара, — он указал на Острые Глаза, — а это — Второй Чарабана, которому очень хотелось наконец-то познакомиться с тобой, — Второй снова хмыкнул и вздрогнул.

Первый Дрбара подошёл к панели управления и ввёл код. На мониторе появилось изображение, которое было частично топологической картой, а частично — схемой.

— Повсюду действуют шпионы, и большинство из них нам знакомы. Лучшие, конечно же, те, о которых нам неизвестно, — улыбка покинула губы Чарабана, когда он посмотрел на меня. — С тобой свяжется Рамаклан, если только уже не связался, — он сделал паузу, и все трое уставились на меня. Теперь я понимал предназначение Первого Дрбара.

— Нет. Кроме Чарабана никто не говорил со мной о Турнире, — я обращался напрямую к Дрбару. Пристально глядя мне в глаза, он изучал меня, затем обернулся к Чарабану, который отметил его взгляд, прежде чем продолжить.

— Рамаклан ещё объявится. Жди этого, Десятый, — приказал Чарабан.

Меня впечатляло, с какой варп-скоростью он умел переходить от улыбчивого шарма к негибавшему руководству.

Я кивнул в ответ.

Он указал на монитор.

— Горное образование в центре Грамарги успешно защитили два Турнира назад. Тарналы и коснуться его не смогли. Оно не похоже на сложное испытание... но только пока сам там не окажешься. Местоположение, склон рельефа... все работает в пользу обороны. Учитывая ставки этого Турнира, Рамаклану было бы разумно защищаться здесь, — он указал на очевидную укрепленную позицию для обороны в убежище. — Это очень сложная задача, — Чарабан умолк, и мы вчетвером принялись внимательно рассматривать изображение.

Это была та часть пустоши, с которой я не был знаком. Чарабан был прав, с первого взгляда формирование не выглядело особо внушительным. Но когда раскрылась трёхмерная карта, нам открылся пологий и коварный угол поднимающегося склона, ведущего к горному образованию. Мы поняли, что форма возвышенности не оставляла не прослеживаемых зон. 360° свободного просмотра для полноценной обороны.

— Есть идеи? Наблюдения? — спросил Чарабан.

— Рамакланские ублюдки! — выплюнул Второй Чарабана. — Вы только посмотрите! — его короткий и толстый палец очертил в воздухе круг. — Они видят всё. Им не понадобится много солдат для исследования местности. Поэтому они, конечно, отправят лучшие отряды на фланги, по обе стороны горного образования, чтобы пресечь любые попытки зайти им в тыл.

— Что может сработать нам на руку, — сказал Дрбар.

— Как? — спросил Чарабан.

— Если небольшая силовая группа сможет пройти за их позицию, то внезапная атака встретит меньшее сопротивление, — ответил Дрбар, не сводя взгляда со схемы.

— Но как нам пробраться к ним в тыл? — поинтересовался Чарабан.

— Обойти их фланг. Это единственный способ, — сообщил Второй Чарабана.

— С обеих сторон? — напирал Чарабан.

Его толстый подчиненный неуверенно молчал.

— Да, — наконец ответил он.

— И кто же тогда останется на главную лобовую атаку, если мы направим отряды с обеих сторон? — не дожидаясь ответа Чарабан. — Нет, Дрбар прав. Нужна атакующая группа, внезапно нападающая с тыла и сдерживающая противника, пока основные силы будут атаковать с фронта, — в этом Чарабан был уверен и ждал пояснений: — Как нам пройти в тыл, Дрбар?

— Ещё не знаю, — ответил Дрбар.

— Десятый? — в глазах Чарабана мелькнула злоба, словно вопрошающая, что я делал в одном помещении с ними. Всё обаяние и учтивость исчезли.

Я растерялся; это был тот же взгляд, которым он одарил меня у Центральных ворот, когда я беззаботно заявил о своем успехе.

— Я кое-чего не понимаю, — осторожно начал я, — почему небольшая силовая группа не может разместиться за противником раньше, чем они выстроят позиции по флангам?

— Да потому что им разрешается установить позиции до начала нашей атаки, салага! — Второй Чарабана с раздражением покосился на своего Первого.

— Они могут окопаться, — объяснил Дрбар, — а потом у нас будет время от заката до заката на то, чтобы сместить их с позиции...

— ...и занять их место! — подчеркнул Чарабан.

— Зачем же мы ходим вокруг да около, Первый? — поинтересовался его помощник.

— Ты не просто так пригласил этого салагу, и уж точно не ради глупых вопросов.

Все уставились на меня: Второй Чарабана с нетерпимой ухмылкой, Драбар — так, словно я был очередным изображением на мониторе, а Первый — с вопрошающей улыбкой, интересующейся, понимал ли я, что настал удачный момент для использования возможности.

Перед моими глазами возник образ Паландин, поглаживающей свои гребни.

— Я здесь, потому что я знаю, как пробраться к ним в тыл, за горную грядку, — уверенно сообщил я, что казалось чистой воды бравадой.

— Правда? Что ж, друзья, я рад быть свидетелем второго пришествия гала Минока! — ехидно воскликнул грузный Чарабан.

Гал Минок был легендарным героем Раннего Союза.

Я отплатил той же монетой, продолжая стоять на своём.

— Нам известно состояние лун на ту ночь? — спросил я.

— Что у тебя на уме, Десятый? — вопросом на вопрос ответил Чарабан.

— Если они выбирали не только место, но и время, то все три луны будут полными, — ответил я.

Он утвердительно кивнул. Теперь я чувствовал себя уверенней.

— Но это не так уж важно, — вставил Драбар, — на Турнире все ночные разведчики отправляются из одного места, с защищённой территории, они подготовлены к встрече атаки с ожидаемой стороны. Ночь — не то преимущество, на которое можно рассчитывать.

— Но все же его достаточно для основной части атаки, — заявил Второй.

— И это преимущество пропорционально мастерству незаметности у сил на флангах, — добавил Чарабан, глядя на меня.

Я знал, чего он хотел. Не нужно быть гением, чтобы понять, что мои успехи в пустоши были связаны с моей способностью не привлекать к себе внимание. Но дать то, что он хочет, означало бы, что я должен научить этому умению и остальных. С чем бы тогда я остался? Выдал бы я источник своей силы? И что бы получил взамен?

Образ Паландин помог вспомнить, о чём я узнал той ночью: мне была предложена ещё большая сила. Чарабан наблюдал за мной. Я дошел до пределов своего опыта, и единственным способом расширить их было действие.

— Сложность в том, чтобы найти учеников, способных осуществить необходимый манёвр, — произнес я в ответ на взгляд Чарабана.

— Что? — для полного Чарабана это было слишком большим пробелом в логике. — Какой манёвр?

Драбар тоже не понимал, но это только усиливало его внимание.

— Незаметность, Второй Чарабана. Ты вообще выходил из комнаты, или уже пора спатеньки? — Чарабан был резок с подчиненным. Он снова обернулся ко мне: — Всё куда сложнее. Ты сможешь воспользоваться помощью только кого-то из своей группы. И, раз ты решаешь, сколько из них тебе понадобятся, помни, что на горном образовании ты должен сформировать эффективное сопротивление, чтобы создать нужный нам отвлекающий манёвр, — потребовал Чарабан.

— С дизрапторами мы сможем...

— Никаких дизрапторов в горах, — перебил Чарабан, — только на открытом пространстве. Когда будете внутри, только рукопашная, — он был всё более напорист. — Что ты планируешь, Десятый?

— Нужно шестеро. Две группы по трое, — я вспотел, пытаюсь представить себе операцию, рассматривая карту.

— Да? — потребовал ответа Чарабан.

— Одну группу я поведу вдоль южного фланга, который труднее. Первый Лубака поведёт...

— Нет, — поправил Чарабан, — ты не можешь позвать Первого.

— Почему? — спросил я.

— Твоё лидерство будет возмутительным для него. Он уже видит в тебе угрозу.

Первый никогда не должен узнать, чем ты занимаешься.

— Значит, я не могу взять себе никого из его союзников, — мысли о том, как собрать команду из оставшихся одnogруппников, вызывали волнение.

— Если только они не увидят в тебе больших возможностей, — голос Второго Чарабана звучал практически вежливо.

Возможности. Ну конечно. Амбиции. Власть у того лидера, за которым готовы пойти, потому что он обещает дать недостающее преимущество. Я начал понимать, в чём заключался обмен.

— Так кто поведёт другую группу? — продолжил Чарабан.

— Восьмой, — это был самый логичный вариант, раз уж я избавлен от обязательств перед Первым Лубака.

— И если он правда такой отличный боец Арены, как ты говоришь, тогда он должен сработаться с остальными, — Чарабан помнил мою оценку, хоть и подвергал сомнению.

— Крайне важно, чтобы члены твоей команды хорошо себя проявили на боевом этапе, — добавил Драбар.

Кроме Восьмого и меня были ещё Пятый... и Третий. Я терпеть не мог Третьего. Плюс он ещё был союзником Первого. Но огромная сила Третьего соответствовала его жёсткости. Чарабан знал, что я затруднялся с выбором.

— Кто бы это ни был, Десятый, убедись, что Рамаклан их ещё не завербовал. Наша задача и без того сложна, а предательство сделает ее практически невозможной, — предупредил он.

— А предательство означает, что лидер не заработал доверия своих последователей, — добавил к предупреждению тучный Чарабан.

Когда я закончил уборку в последней комнате и вернул все принадлежности на место, свет первых лучей рассвета стелился по пустоши, освещая мне дорогу к жилой зоне Первого Уровня. Я был изнурен испытанием долгой ночи. Я заключил свой первый союз и теперь стал частью когорты, стремящейся силой захватить политическую власть. Я чувствовал себя нагим, брошенным на произвол судьбы. Мальчишку, который играл среди величавых монументов в секторе Тарлак и притворялся вершащим подвиги героем, оставили позади. Теперь, когда я оказался лицом к лицу с тяжелым бременем настоящего лидерства, страх перед провалом — тем самым, чему, как мне говорил Чарабан, не было места — приобрёл другие масштабы.

Найди себе союзников, припомнил я слова Каликса, начинать нужно с этого.

Тем утром нас с Восьмым назначили на стройку, чинить старое ограждение на западном периметре. Я сказал, что хочу поговорить без посторонних ушей, и мы сумели найти место для работы поодаль от остальной команды.

Он знал про Турнир и знал, что Рамаклан и Чарабан набирали участников в команды. Так уж вышло, что у Восьмого была назначена встреча с вербовщиком Рамаклана на сегодняшний вечер.

— Но я знал, что со мной свяжешься ты, — с поражающей простотой произнёс он.

— Откуда? — спросил я.

— Чарабан предупредил меня, — ответил на моё недоумение Восьмой. — Он разве не упоминал о нашем разговоре?

— Нет, — моё замешательство сменилось гневом, но нам нужно было продолжать определять ненадежные участки стены и помечать их для ремонта. И надо было продолжать собирать свою команду. — Что он сказал?

— Попросил меня присоединиться. Когда он сказал, что ты участвуешь, я и согласился, — с той же простотой ответил он.

Мы скребли стену, чтобы приглушить нашу беседу.

— Спасибо, — с облегчением выдохнул я.

В Восьмом заключалась разница между взлётом и падением, особенно в отношении остальных. Восьмого уважали все, даже Третий. Первый же презирал Восьмого за помеху для своего статуса лидера.

— Он сказал, что ты возглавляешь нашу команду, и назначаешь в неё тоже ты. Это большая честь, — Восьмой был впечатлён со свойственной ему скромностью.

Я описал нашу миссию и то, что хотел от него. Он должен был взять Пятого и Третьего и прорвать северный фланг, а я в то же время со Вторым и Четвертым буду на южном. Я подкрепил свой выбор ограничениями, которые установил Чарабан.

— Не бери Второго, — посоветовал Восьмой.

— Почему?

— Ему нельзя доверять, особенно если Первый не участвует. Они семья.

Откуда кто-то, кроме меня, знал эту личную информацию?

— Если Второй согласится, то, возможно, окажется шпионом Рамаклана.

— А кто остаётся? — я был уверен, что никого.

— Седьмой, — ответил Восьмой.

— Он слишком неопытен. У него только-только гребни затвердели. Нам нужны бойцы, — протестовал я.

— У него храброе сердце, и он преданный. Я позабочусь о том, чтобы он был готов к борьбе, — уверил меня Восьмой. — Я возьму его в свою команду, а ты возьми Третьего. Это будет непростым испытанием. И если ты сможешь провести Третьего через их фланг незамеченным...

Сигнал к окончанию работ прервал речь Восьмого, но я знал, что он имел в виду. Незаметность требовала устойчивого терпения, которое почти напрочь отсутствовало в Третьем. Если для проигрыша не было места, значит, у каждой проблемы наверняка есть решение. Мне очень хотелось верить, что так оно и было.

1.16.

Запись:

В ожидании Турнира я отрывался от подготовки к нему только тогда, когда нам с Паландин удавалось побыть какое-то время вместе. Кроме учебной территории мы встречались в самых укромных уголках Архивного Центра и в тех частях двора, которые она считала безопасными. Этим вечером мы сидели в укромном месте, окружённом деревьями с густой листвой. Это было то самое место, которое она хотела показать мне прежде, чем мы были прерваны интерном Центра.

В ходе наших бесед мы обсуждали всё, что было запрещено: имена, личные данные, положение и значимость наших семей, и самое главное — истинную структуру власти в Бамаррене. Институт представлял собой микрокосм кардассианского общества, которое издалека контролировалось взрослыми — префектами, доцентами, опекунами. Идея была в том, что ученики будут более эффективными членами большего общества, если научатся существовать в его микрокосме.

В Бамаррене происходило непрерывное стремление вверх, как и в широком социуме. И на самом высоком уровне это стремление трансформировалось в имперскую экспансию. Студенты Бамаррена готовились стать будущими стражами безопасности Кардассии, глазами и ушами военных, дипломатов и политиков. На наших встречах Паландин учила меня использовать свои уши и глаза, дополняя уроки Каликса и Милы.

— И тебе нужно чаще пользоваться этой чудесной улыбкой, Элим.

— Как это связано с умением слушать?

В этом месте Паландин обычно совершала скачок в рассуждениях, логику которого я не мог понять. А ещё она забывала, что я кардассианский мужчина, и улыбка не считается нашей сильной стороной.

— Если собеседникам будет с тобой комфортно, то они сами тебе всё расскажут и раскроют все свои самые глубокие секреты.

— Но что, если эти истории окажутся неправдой? — я бросил ей вызов. — Я могу улыбаться, пока щёки не заболят, но ты всё равно можешь выдумать всё, что угодно о себе — и что я узнаю, кроме того, что ты выдумала?

— Если бы ты на самом деле слушал, ты бы знал, какую историю я использую для самоопределения, — настаивала она.

— Но это же неправда! — продолжал я.

— Почему нет? Потому что это не то, чему ты веришь или потому, что это не соответствует тому, чему тебя учили раньше? Смотри на тех, кто тебя окружает, Элим.

Паландин махнула рукой, словно вокруг нас столпились эти самые «окружающие».

— Наблюдай за ними. Как они ходят, как разговаривают, как держатся, как едят. Это то, во что они сами о себе верят. Правда ли это? Действительно ли это так? Я не знаю. Может быть, это ложь. Но ложь о себе самих становится рассказами, в которые они верят и которые хотят рассказать о себе.

Это разговор начался после того, как я сказал, что другие, и в особенности сама Паландин, недоступны для моего понимания. Он принял форму одной из наших горячих дискуссий на тему сбора информации и установлении самой природы истины.

— Истина, такая, какой мы её определяем, не только переоценивается, — продолжила она со сдерживаемой страстью, — она призвана удерживать нас во тьме.

Последнее заявление остановило меня.

— Ты имеешь в виду и то, чему нас учили?

— Конечно.

— Как насчёт нашего правительства?

— Они рассказывают нам то, что нам нужно знать для того, чтобы быть хорошими гражданами, — осторожно ответила она.

— Они не говорят нам правды, вот что ты имеешь в виду, — заключил я.

— Опять ты за своё. Они говорят нам свою собственную правду, Элим, и мы здесь за тем, чтобы научиться слушать.

Паландин сделала паузу и посмотрела на меня тем самым взглядом, который насквозь пронизывал меня и вызывал дрожь.

— Ты такой серьёзный, Элим, такой хмурый, что ты рассказываешь историю ещё до того, как отрываешь рот. Но невербальные истории самые опасные, потому что их можно интерпретировать по-разному. У тебя есть власть. И если ты будешь слушать собеседника с таким выражением лица, как сейчас, это заставит их думать, что ты их критикуешь, подвергаешь сомнению или, что ещё хуже, высмеиваешь их рассказы. А нет ничего хуже, чем быть высмеянным. Ты и сам знаешь.

Так и есть. Возможно, именно поэтому я так сопротивлялся идее улыбаться. Это заставляло меня чувствовать себя уязвимым перед другими, таким уязвимым, каким я чувствовал себя перед Чарабаном той ночью у Центральных Ворот.

— Пусть те, у кого нет силы, хмурятся и ожесточаются. А ты улыбайся. Это приглашение для собеседника установить связь. И как только приглашение будет принято, расслабься и слушай... ты узнаешь о нём столько, сколько нужно, — произнесла она с такой улыбкой, которую я принял с огромным удовольствием.

* * *

Паландин также познакомила меня с поэзией, в частности, с работами Марана Брея, который был известен тем, что критиковал оккупацию Баджора.

*«Окрашенный дымкой и пылью туманности Кориллиона призрачный свет,
Танцующий в моих снах, он ниспадает сияния волной,
Заполняя пространство между явью и сном,
И облачит одиночество, рождением тебя обнажён».*

Она открыла глаза и в свете Слепой луны, третьей и самой слабой в нашей системе, стало заметно волнение, которое вызывали у неё эти стихи. Сейчас я готов был умереть и отправиться в Галерею Воспоминаний, если бы только я мог взять с собой этот момент.

— Да, «Солнечные ветры», — проговорил мягкий, почти неузнаваемый, голос, — а я люблю его «Оду Кундере».

*«Мой компаньон, хранитель тайн, мой матриарх,
Возвращена твоим целебным поцелуем
Цена, которую платили своей кровью,
Герои, защищающие нас
От вечной ночи».*

Это был Чарабан. И столь же ошеломляющим, как его внезапное появление, стал выбор им стихотворения «Кундере», празднующего победу над клингонами и неприятно контрастирующего с мотивами Баджорской оккупации.

Он озадаченно наблюдал за нами, стоя в узком просвете листвы, через который мы зашли в наш тихий зелёный уголок. С присущей ему лёгкой грацией и улыбкой, он будто всегда здесь стоял.

— Я и не знала, что ты любишь Марана Брея, Баркан.

Паландин вела себя так, как будто ожидала его.

— Ты никогда не спрашивала... Паландин, — ответил он, удивленный использованием имен. — И какой пример мы подаём Элиму Гараку?

Это был первый раз, когда я услышал своё полное имя с того момента, как покинул родной дом. И внезапно это меня смутило. Я встал, неловко держась на ногах.

— Нет, нет, пожалуйста, — отреагировал Чарабан, — я не хотел нарушать ваши... поэтические чтения.

Паландин рассмеялась более радостно, чем когда-либо до этого.

— Нет, нет, сказал Моргунд, я не хочу брать плохих детей в подземный город, — процитировала она с жёсткой интонацией Моргунда.

— Надеюсь, ты не сравниваешь меня с Моргундом? — насмешливо возмутился Чарабан.

— Ну, я думаю, ты выглядишь немного посимпатичнее, чем он, — допустила Паландин.

(Моргунд был колючей глыбой с несколькими пугающими красными глазами).

— Если где-то есть ошибки, мне нужно, чтобы они были исправлены, — Чарабан подражал голосу существа, что было достаточно легко для него, так как его собственный голос наполовину уже напоминал тот.

Я понимал, что они шутят, но чувствовал себя уязвимым и пойманным в ловушку. Согласно правилам, я был там, где не должен, к тому же с девушкой, и придавался «личным излишествам». Но если они оба и были обеспокоены происходящим, то, конечно, не показывали этого.

— Я бы никогда не догадался, что вы двое разделяете любовь к поэзии, — с искренним удивлением сказал Чарабан.

— Кто нас разоблачил? — спросила Паландин.

— Драбар. Я попросил его проверить Десятого Лубака на надёжность. Ты ведь не шпион Рамаклана, правда, Первая Китэй? — с беспокойством в голосе спросил он.

В ответ она снова рассмеялась и бросила такой провокационный взгляд, который оспаривал все предположения, которые он осмелился сделать о ней.

Я вскочил.

— Клянусь, — начал я, пытаюсь преодолеть сухость во рту, — я ничего ей не рассказывал о наших планах, Первый Чарабан, а она никогда и не спрашивала.

Это была правда. Мы говорили о чем угодно, кроме нашей работы.

— Почему нет? Разве не стоит говорить об этом? — спросил он с самым серьёзным выражением лица.

Я понятия не имел, как отреагировать.

— Ты смущаешь его, Баркан. Это не очень хорошо.

— Мои извинения. Поверь мне, Десятый, я был бы удивлён, если бы ты это обсуждал.

— Но Драбар думает, что он только этим и занят, — подметила она.

— Нет, на самом деле это был Второй Чарабан, — ответил он.

— Так эта «проверка надёжности» теперь стала общеизвестной, — заметила она с усмешкой.

Я подумал о том же.

— Настолько, насколько возможно, — заверил он ее.

Паландин кивнула в ответ, внимательно глядя на него. Чарабан улыбнулся ей с той открытостью, которая, казалось, служила ответом на её беспокойство. Он уселся на камень, посмотрел на меня, оценивая по-новому, а затем отвернулся.

В дальнейшем молчании каждый из нас был занят собственными мыслями.

Паландин сидела, скрестив ноги, и рассматривала свои изысканные руки. Теперь, когда нас стало трое, динамика уголка изменилась, и мы все испытывали напряжение.

Я больше не был наедине с Паландин, но, к своему удивлению, я и не возражал. На самом деле мне было приятно, что здесь присутствовал Чарабан. Его молчание, как и всё остальное в нём, выражало изящество и силу. Я снова взглянул на него и удивился, что это был тот же студент, с которым я впервые столкнулся в кладовой. Он вернул мой взгляд, и в следующие несколько мгновений между нами возникла связь, о которой я никогда не думал.

Свист от взмаха крыла ночной птицы привлек наше внимание к видимой части мерцающего неба.

— Я люблю Слепую Луну, — мягко произнёс Чарабан.

— Почему она так называется? — спросил я, глубоко успокоенный мистическими изменениями, произошедшими между нами.

— Это время для романтических свиданий, — ответила Паландин, — луна дает достаточно света для того, чтобы встретиться, но недостаточно для того, чтобы быть обнаруженными.

— Так что, если бы ты и Элим действительно были бы любовниками, я не смог бы вас найти, — поддразнил Чарабан.

— Верно, Баркан, — ответила она, глядя прямо на него.

Я изменил своё положение в дальнейшем молчании и постарался скрыть разочарование, вызванное её ответом. Но в то же время то удовольствие, которое я ощущал в компании этих двоих, продолжало расти.

— Видишь? — Паландин внезапно обратилась ко мне. — Ты можешь.

— Что?

Я был поражен её восхищением.

— Улыбаться. Смотри, Баркан! Разве ты бы не поделился бы с кем-то с такой улыбкой всем, что он хочет знать? — спросила она.

— Первый раз, когда я увидел его... ну то есть, второй, — поправился он, — я хотел стереть эту улыбку с его лица.

Он говорил о том раннем утре перед Центральными Воротами.

— Но тогда была не та улыбка, — настаивала Паландин.

— Нет, — признал он, — определенно не эта.

И правда, эту улыбку я ощущал всем своим телом.

Мы находились в тишине до тех пор, пока Слепая Луна не скрылась в листве. Тогда я был уверен, что для каждого из нас эта встреча была драгоценной отсрочкой от непрекращающихся амбициозных стремлений Бамаррена. У нас случались и другие подобные встречи, но эта была той, которую я бы взял с собой в Галерею Воспоминаний.

Если бы я только мог остановить время...

1.17.

Запись:

Сегодня я решил пообедать в недавно открывшемся клингонском ресторане в честь своего нового друга, застрявшего в коммуникационных тунелях, который оказался племянником генерала Мартока. Продвигаясь по променаду, столпотворение на котором увеличивалось с каждым днём, я думал о той дабо-девушке, Тир Ремара, и почему её имя мне казалось таким знакомым.

Когда Одо сказал, что она хотела встретиться со мной, чтобы выразить благодарность, я посмеялся от иронии ситуации: баджорка хочет поблагодарить кардассианца.

Какой-то импульс заставил меня сменить направление, и я направился напрямиком к Кварку.

Стоило мне войти в бар, как Кварк меня заметил:

— Спаситель дабо-девушек! — ухмыльнулся он. — Знаешь, Гарак, обычно у тебя репутация того, кто себе на уме. Что же случилось? Канар был настолько плох?

— Не хуже обычного, — я одарил его улыбкой.

Наш друг Кварк, само сострадание. Судя по присутствующей шумной толпе клингонов, он мог не беспокоиться о падении прибыли.

Ремара заметила меня, наши взгляды встретились. Закончив выдавать латину за прошлую игру, она попросила другую дабо-девушку заменить её за столом и направилась ко мне. Кварк выглядел крайне недовольным.

— побыстрее, Ремара. Клингоны пришли ради тебя, а не Билы, — ференги крутился рядом с нами, словно собираясь подслушать, о чём мы говорим, но Ремара одарила его таким красноречивым взглядом, что он ошалело моргнул.

— Ты меня слышала, — заявил он, уходя.

Когда она взглянула на меня своими ясными серыми глазами, я сразу же понял, почему столько народу хотели сыграть в дабо, когда она стояла у колеса.

— Спасибо. За вчерашнее, — с поражающей простотой произнесла она.

— Да я... не думаю... — я был потрясён и не мог произнести связанную фразу.

Но она отлично понимала, что я хотел сказать.

— Он был ужасно пьян и собирался мне навредить. Он неплохой парень, но он из тех, кто при достижении определённой точки становится опасен.

Мне оставалось лишь утвердительно кивнуть.

Она была старше, чем мне показалось раньше, и, очевидно, умнее обычных дабо-девочек. Её можно было назвать девочкой с тем же успехом, что меня — мальчиком. Кроме Литы, это была первая дабо-женщина, которую я когда-либо видел. Я был уверен, что её популярность среди клингонов была колоссальной, иначе бы Кварк не позволил такой образованной и умной женщине вращать колесо.

Стоя там я и забыл, что она была одета в это легкомысленное, излишне откровенное, платье. Её поза, прямота взгляда...

Также я забыл, что она была баджоркой.

— Мне пора возвращаться к работе, но я хотела бы пообщаться с вами. У нас был общий друг. Я закончу после второй смены. Это не слишком поздно для вас?

— Н-нет. Нет, совсем нет, — собственные губы предали меня. Я звучал в точности как Ром. — Встретимся здесь?

— Нет. На обзорной палубе на втором ярусе.

Когда она вернулась к столу, я заметил сидящую за столом в углу майора Киру. Она одарила меня тем же взглядом, который применяла когда я пребывал в обществе Зиял. Я не мог понять, какие мысли скрываются за этими жёсткими непроницаемыми глазами.

Мне оставалось лишь гадать, что она подумала о нашем обмене любезностями. Я кивнул и... улыбнулся.

Было уже поздно, на втором ярусе оставалось немного посетителей. Пока я ждал на обзорной палубе, до меня дошло, почему имя Ремара мне показалось знакомым — она была подругой Зиял.

Теперь я вспоминал, как Зиял рассказывала, что Ремара была кем-то вроде учителя на Баджоре и иногда подрабатывала в качестве дабо-девушки, чтобы содержать свою семью. Когда она накопит достаточно латины, то вернётся к своей жизни на Баджор. Кварк смирился с этим соглашением, потому что её статуарная красота привлекала многих, не только клингонов, и не только игроков у стола. Даже тех, кто никогда не играл в дабо.

— Спасибо, что пришли, — раздался её голос за моей спиной.

От неожиданности я подпрыгнул на стуле. Она стояла рядом в скромном, но выполненном со вкусом платье.

Я встал, и без её дабо-туфель она оказалась одного роста со мной. На её лице не было и следа косметики, а её распущенные волосы ниспадали на плечи. Они казались темнее, чем обычно, и я задумался, не подсвечивала ли она их чем, когда работала у стола. В её взгляде присутствовала некая отстранённость, сочетаемая с его ясностью, что создавало какую-то чарующую динамику. Так и читалось во взгляде: «Подойди ближе, если осмелишься».

— Вы застали меня врасплох, — произнёс я, напоминая себе, как дышать. — Я ждал, что вы придёте с другой стороны.

— Мне хотелось снять те яркие тряпки. Надеюсь, вы не разочарованы.

— Что вы, — рассмеялся я. — Я счастлив. Честно сказать, мне несколько неудобно от вида подобных нарядов.

— Неужели? Они настолько будоражат ваше воображение? — поинтересовалась она.

— Вовсе нет. Но покроей раздражает до одури, — теперь настала её очередь смеяться.

— Поразительно, не правда ли? Похоже, все так озабочены тем, как они выглядят.

— Думаю, им нравится не то, как выглядит сам костюм, — высказал предположение я.

— Что же, — скромно улыбнулась она, — я не жалею, пока это приводит в движение дабо-рулетку.

— Что, в конце концов, радует Кварка, — подытожил я.

— Именно, — она выбрала себе стул, и я уселся напротив.

— Элим, верно?

— Да, Элим Гарак.

— Зиял о вас хорошо отзывалась. Она была благодарна за вашу доброту, что всегда интриговало меня.

— Почему? — спросил я, догадываясь, к чему она клонит.

— Вы — кардассианец.

— Боюсь, с этим ничего нельзя поделать.

Какое-то время мы смотрели друг на друга, дистанция между нами увеличилась. Я задался вопросом: сможем ли мы пойти друг другу навстречу?

— Кажется, Зиял упоминала, что вы были учительницей, — я перевёл тему разговора на неё.

— Можно и так сказать. Я психолог. Конечно, не тогда, когда я дабо-девушка у стола. Здесь моя работа заключается в том, чтобы склонять клиентов транжирить латину.

— А на Баджоре? — уточнил я.

— Я помогаю жителям справиться с их кошмарами после оккупации, — совершенно ровно произнесла она.

— О, — ответил я наиболее дружелюбной улыбкой, какую смог изобразить.

— А вы — портной.

— Именно.

— Вы всегда были портным?

— А хоть кто-то занимается одним и тем же всегда?

— Вы обучались этому мастерству?

— Можно и так сказать. Этому, и много чему другому...

— Например?

— Какое-то время я работал садовником, — ответил я.

Она задавала вопросы безо всякого стеснения. Либо у неё был большой аппетит к информации о других... либо происходило нечто иное.

— Мне нравятся сады, — ответила она.

— Правда? Тогда вам очень повезло. Климат Баджора благоприятно сказывается на растительности.

— О, так вы бывали на Баджоре?

— Нет. Не совсем.

— «Не совсем»? — переспросила она, озадаченно глядя на меня.

— Я как-то прилетал... однажды. По пути сюда, если точнее. И пробыл столько, сколько занимает пересадка в шаттл. Но ваш климат широко известен.

— На Кардассии, — добавила она.

— Да. И, уверен, в других краях тоже.

Игра шла полным ходом, я был возбуждён и бросил вызов, лишь бы узнать, что за игру мы ведём.

— Какое ваше любимое растение? — спросила она.

— Эдоссианская орхидея, — не задумываясь, ответил я.

— Да, — кивнула она. — У неё необычайные цветы.

— Вы их выращиваете? — поинтересовался я.

— Нет. Боюсь, мне не хватит терпения.

— Не столько терпение, полагаю, сколько желание жить с их тайной.

— Что вы имеете в виду?

Определённо она была невероятно любопытной особой.

— Они обманчивы. Поначалу они выглядят невероятно простыми, но если за ними хорошо ухаживать... если внимательно следить за их поведением... то они сами расскажут тебе, как их растить.

— О, у меня никогда не создавалось впечатления, что они простые, — её улыбка выглядела располагающей, и я почувствовал, как уменьшается расстояние между нами.

Мы начали достигать понимания.

— Мне нужно поспать. Дабо-смена рано утром, а вечером шаттл на Баджор.

Мы поднялись. Она протянула мне руку. Это был нехарактерный для меня жест, но я принял её ладонь. Её хватка была тёплой и крепкой, чувства подсказывали насторожиться.

— Когда вернётесь, то надеюсь, что заглянете в мой магазин. Я буду рад служить вам любым способом, — произнёс я.

— Это очень любезно. Спасибо вам, Элим, — знакомое приятное ощущение прошло меня, когда она назвала меня по имени. — Я тоже была бы рада служить вам в силу своих возможностей.

Она несильно пожала мою руку и ушла тем же путём, что и появилась.

Понимание, думал я, наблюдая, как удаляется её изящная сила, было ли это только началом игры?

1.18.

Запись:

На закате дул сильный ветер, я надеялся, что он не прекратится, ведь с его помощью обойти Рамакланов с флангов было бы намного проще. Но стоило солнцу исчезнуть за горизонтом, как ветер стих, звенящая тишина повисла над пустошью. Я сделал глубокий вдох.

— Лубак! — грубо гаркнул Чарабан.

Я вышел из шеренги нашего отряда, выстоявшегося возле Восточных Врат, и строевым шагом направился к Чарабану, по обе стороны которого стояли Драрбар и тучный Чарабан. Меня всегда удивляло то, как Чарабан умел трансформироваться и становиться именно тем, кто нужен в данной ситуации. Я задавался вопросом, не регнари ли он отчасти?

— Мы ожидаем твоего сигнала, Лубак, но при малейшем признаке обнаружения твоих команд — мы атакуем. В этом случае ты должен сделать всё необходимое, чтобы их фланги не обрушились на нас. Понял?

— Да, Первый Чарабана! — отозвался я.

— Размести своих солдат и начинай, — приказал он.

Я кивнул Восьмому, и он вышел со своей командой — Пятым и Седьмым. Я видел, с каким напряжением оглядывался Седьмой, но Восьмой заверил, что он был готов к сражению. Пятый казался надёжным, как и всегда. Оглянувшись ко мне в последний раз, Восьмой повёл свою команду на север и исчез в сгущавшейся темноте. Я подозвал Третьего и Четвёртого, и они покинули строй. Четвёртый, по своему обыкновению, выглядел скучающим, но Третий удивил своим очевидным спокойствием. На тренировках он был трудным учеником, и я тревожился насчёт того, как он проявит себя.

— Во имя Империи! — прогремел Чарабан.

— За победу! — взревели мы в ответ.

Когда основные войска разместились на позициях, я повёл команду на юг от намеченного горного образования. Это были последние скалы, которые могли послужить укрытием перед встречей с противником. Нашему взору открылся пустынный откос, ведущий к вражеской позиции. Нам было сказано ждать здесь, пока не выпустят первую разведывательную группу. Эта группа состояла из нескольких студентов и направлялась к самому центру откоса, напрямиком к цитадели врага. Целью отряда было принять огонь на себя, а мы в это время надеялись узнать расположение их обороны, чтобы начать собственное наступление и провести быстрый бой. Разведка, конечно, была чисто тактическим ходом без каких-либо шансов на успех.

Мы всматривались во тьму, рассеянную лунным светом, в ожидании нужного момента.

— Последняя проверка оборудования, — прошептал я.

— Готово, — спустя секунду ответил Четвёртый.

— Третий? — он меня вообще слышал?

— Что? — огрызнулся он.

— Проверка оборудования!

— Да готов я! Сколько можно спрашивать?! — Третий ненавидел мое главенство и неохотно следовал указаниям во время тренировок, даже когда понял, что мое владение техниками незаметности было совершенно необходимым для успеха. Не будучи шибко умным, он был достаточно амбициозным и надеялся получить звание Первого при следующей сдаче.

Ответная реакция на разведку должна была последовать мгновенно; они вышли, когда мы начали движение. Я мог лишь предполагать, что враг, зная об этой тактике,

позволил группе пройти как можно дальше, почти до укрепления. Тогда их можно было перехватить, не выдавая своих флангов. Разведка была идеей Второго Чарабана, и, когда я упомянул, что противник может на неё и не ответить, он только отмахнулся.

— Что происходит? — требовательно произнес Четвёртый, я впервые слышал такое беспокойство в его голосе.

Он был смыслённым исполнителем, очень наблюдательным, рассчитывавшим ту или иную ситуацию и действуя соответственно. Он не был так же искусен в этом, как Чарабан, и никогда нельзя было угадать, на чьей он стороне, но о себе заботился всегда.

— Ничего, что бы пошло нам на пользу, — ответил я, боясь, что мы теряем драгоценное время. — Идём.

— Мы должны дождаться боя, — не согласился Третий.

На нашем последнем совещании Чарабан сказал мне, что я лидер, и я не должен был позволить испытанию подвергнуть мою позицию сомнениям.

— Построение типа «треугольник». Я впереди, Четвёртый справа, Третий — слева.

Я хотел держать Третьего подалеже от вражеского фланга, поскольку он был самым крупным и заметным из нас.

Мы медленно поползли. Сконцентрировавшись, я тут же ощутил окружение, дыхание задало ритм: двигаться только на долгом выдохе, на вдохе — полная неподвижность. Мы должны были действовать синхронно, и я чувствовал, что Четвёртый прекрасно приспосабливается к моей системе. Третьему же вначале было сложно, как я и полагал, но, взяв пример с Четвёртого и меня, он приспособился.

Мы двигались, как единый организм.

Наконец-то противник отреагировал на разведчиков, и, как я и ожидал, это не выдало их фланги — по крайней мере, на нашей южной стороне. Я и понятия не имел, под каким углом они расположат свой фланг по отношению к центральной позиции, что значило, что нам уже изначально следовало двигаться с величайшей осторожностью. Единственным, что меня тревожило, был не свет лун — мы могли неплохо замаскироваться даже и в этом тусклом освещении, а полное отсутствие ветра, редкостное явление для пустошей Мекара. От нас с Четвёртым не доносилось почти ни звука, но из-за своего объёма Третий полз достаточно громко, чтобы вызывать беспокойство.

И тогда я услышал шевеление в темноте. Я и забыл, что безветрие может работать в нашу пользу. Это не мог быть их фланг, для него было ещё слишком рано.

Почему они двигались? Мы остановились и прислушались: справа налево раздавался негромкий хруст, он приближался.

Фланг шёл прямо на нас!

Я разглядел неясные силуэты вражеских солдат, держащих идеальную дистанцию друг с другом, двигавшихся идеально синхронно для максимально тихого движения. Похоже, что фланг осуществлял манёвр поворота и собирался охватить всю южную сторону. Если северная группа выполняла тот же манёвр, тогда оба фланга, примыкающие к центральному укрытию, вероятно, могли бы встретиться по центру. Но это движение клещей могло грозить заходом с тыла, если только...

Они были уже почти перед нами.

Наше первое испытание.

Я молил, чтобы Третий и Четвёртый сосредоточились, и чтобы... тут нога противника опустилась рядом с моей головой, другая нога задела сумку на моём боку. Я слышал неровное дыхание Третьего, но, к счастью, его заглушало удаляющееся «хрусть-хрусть-хрусть».

Они ушли... и я, обождав, проверил, не предпринимались ли на севере какие-то действия, сигнализирующие о раскрытии нашей команды. Но слышал лишь стихающее похрустывание.

Дыхание Третьего выровнялось, и мы двинулись вперёд.

Время теряет значение, когда максимально концентрируешься на работе; течение его отмечается только предметами и событиями. Но я знал, что у нас достаточно стабильная координация. Я отработывал её с начала тренировок. Одно дело — работать самому, но другое — заставить группу работать, как одно целое. И когда это случается, главный секрет — в том, как сконцентрированная и простирающаяся энергия каждого превращается в общее энергетическое поле, поддерживающее и руководящее движением всех.

Вскоре мы достигли позиции, с которой заметили более рассосредоточенную линию солдат, которые могли предотвратить манёвр Чарабана по нападению с тыла. К тому времени мы были настолько скоординированы, что наше единое движение скрывало нас так надёжно, что можно было не опасаться быть замеченными. Когда я уже понадеялся на лёгкий путь к укрытию, сзади раздался тихий хруст. Клещи смыкались.

Мы остановились, нарастающее беспокойство нарушало наше единство. Пока мы выжидали, я чувствовал, как холод ночи окутывает моё тело, вызывая дрожь. Чем больше я ей сопротивлялся, тем сильнее меня колотило. Я боялся, что моё продрогшее тело выдаст меня приближающимся сзади солдатам. Я уже начал придумывать, что ответить, когда меня обнаружат, как вдруг мягкое похрустывание прекратилось. Мы ждали в долгой тишине, нарушаемой только далёкими криками охотящегося хонга.

Моя дрожь усилилась. Как бы я ни старался прибегать к своей технике, моё тело слишком замерзло, чтобы слушаться. Мне стало интересно, насколько тяжело приходилось Третьему и Четвёртому; я потерял их из виду.

Внезапно хруст песка возобновился. Я схватился за дизраптор. Я был готов вскочить и подстрелить как можно больше противников. Но звук отдалялся. Должно быть, мы вышли из зоны досягаемости этого фланга. Да, теперь они двигались в противоположную сторону. И это значило, что путь к позиции за укреплением, где можно развернуть атаку, был свободен. Только бы группе Восьмого тоже удалось обойти фланг.

Мы двинулись в ускоренном темпе. Я не мог знать точно, сколько времени оставалось до рассвета, но чувствовал, что немного. Рамакланы разместили оборону таким образом, что восходящее солнце светило в глаза атакующим отрядам Чарабана. Нам следовало подобрать время, чтобы при нашем наступлении противник столкнулся с той же проблемой. Если первые лучи рассвета ослепят их, то они частично лишатся преимущества. И стоило троим двинуться как один — я ощутил себя увереннее. И ускорился, понимая, что мы близки к укрытию.

Я остановился, достал из глаза линзу ночного видения, и вот и оно — нам открылся выступ на верхушке образования. Мы всё верно рассчитали, нам оставалось пройти совсем немного. Но, судя по тусклому мареву на линии горизонта, вскоре мы окажемся на виду. Мы предприняли последний рывок к задней стороне скалы. Предраассветный сумрак просачивался в укрытие, воздух вокруг подрагивал от порывов лёгкого солнечного ветра. Я знал, что успех миссии теперь зависел от нашего умения работать со стихией.

Или же я только так думал.

Как раз в то время, когда я искал взглядом группу Восьмого и место для передышки, над моей головой, свистя и хлопая, стремительно пронеслась бледная тень. Сердце ушло в пятки, я решил, что на нас напали.

И да, на нас напали, но не Рамакланы. Я поднял голову и увидел молодых хонгов, выбравшихся на охоту, пользуясь преимуществом сумерек. Должно быть, мы казались им отъевшимися песчаными червями. Света было достаточно, чтобы я мог разобрать силуэты Третьего и Четвёртого.

— Прикройте головы и лежите смирно, — прошептал я. — Тогда они нас не тронут.

Я прикрыл голову платком и свернулся калачиком. Когда я ощутил острый болезненный укол в плечо, то никак не отреагировал. Я хотел, чтобы они улетели и не привлекали внимания противника.

— Прочь! Отвалите от меня! — вскочив на ноги, кричал Третий на нападающих хонгов, отвечавших мерзким ором.

Его огромная фигура оказалась в центре их внимания, он же, размахивая дизаптором и пытаясь прицелиться, вдруг споткнулся о Четвёртого.

— Ложись, Третий! Нас заметят! — хрипло прошептал я, понимая, что уже поздно.

— Кто здесь? — раздался с верхушки голос рамакланца.

— Что делать? Они знают, что мы здесь! — вытаращился Четвёртый.

Третий всё ещё выплясывал свой нелепый танец в попытках отпугнуть хонгов, которые налетели на него со всех сторон. Очевидно, хищники уже вкусили крови, и им хотелось ещё. Становилось всё светлее, и нам следовало что-то предпринять.

— Назовитесь, или мы будем стрелять, — потребовал голос того же Рамаклана.

— Прикрой меня, — бросил я Четвёртому.

— Что ты собираешься делать? — спросил он.

— Просто отвлеку на себя хонгов! — я вскочил. — Всё нормально! Мы его схватили! — заявил я. — Это чарабанский шпион! Мы поймали его!

Я едва различал силуэты над линией скал. Я выстрелил в хонга, стремительно летящего мне в лицо, и он упал, Четвёртый выстрелил в другого, Третий издал полный ужаса вопль. Я отчаянно высматривал команду Восьмого.

— Кто вы? — спросил другой голос сверху.

— Первый Лубака! — соврал я. — Фланг Рамаклана. Чарабанский шпион атакован хонгами.

Выстрелы отпугнули хищников, но Третий был подозрительно тих. Он повернулся ко мне: правая сторона его лица была вся в крови. Когда я присмотрелся, то обнаружил, что его глазница пуста. Он находился в шоке и совершенной дезориентации. Я навёл на него дизаптор и оглушил.

— Что ты делаешь, Десятый?! — воскликнул Четвёртый.

— Мы его взяли, всё под контролем! — прокричал я вверх.

— Приведите его! — приказал второй голос.

Интересно, был ли это Первый Рамаклана.

— Уже идём! — бросил я, пытаясь поднять Третьего, но удержать его бессознательное тело было нелёгким делом. — Четвёртый, помоги.

— И ты собираешься тащить его к ним? — ехидно поинтересовался он.

— Нет, мы собираемся. Помогай! — приказал я колеблющемуся Четвёртому. — У нас нет выбора. Мы воспользуемся им, чтобы добраться туда, и тогда атакуем. Такова наша миссия. Помоги мне, или я и тебя сдам!

Четвёртый поднялся, со страхом озираясь на предмет присутствия хонгов, и помог мне поднять здоровенную тушу. Только сейчас он увидел, что у Третьего не было правого глаза, его руки ослабли, отпуская тело.

— Спокойней, Четвёртый!

— Но его глаз!

— Идём, — скомандовал я. — Давай же.

Четвёртый всё еще пребывал в ужасе. Когда мы взбирались по скале, стараясь держать тело таким образом, чтобы скрыть зелёные чарабанские формы, а не рамакланские чёрные, я краем глаза заметил движение справа.

Пусть это будет Восьмой, подумал я.

— Как только окажемся достаточно близко, мы должны успеть прорваться внутрь до того, как они пустят в ход дизапторы. Используй Третьего в качестве щита, — от натуги мне едва хватало дыхания, а Четвёртый лишь кряхтел в ответ.

Как только мы взобрались на верхушку, я увидел, что на плато стояли трое или четверо ожидающих нас Рамакланов. Шагах в двадцати показались первые лучи солнца, осветившие их фигуры как на ладони. Удачней времени и быть не могло.

— Приготовься, Четвёртый. По моему сигналу, — на последнем издыхании шепнул я.

Мы подошли ближе; их оказалось четверо, их чёрные формы выделялись на фоне скал. Прикрывая глаза от солнца, они взяли нас на прицел.

— Стоп, — сказал стоящий шагах в пяти от нас. — Положите тело.

— Конечно, — ответил я и шепнул Четвёртому: — Не отпускай.

Сделав шаг в их сторону, я намеренно споткнулся, как будто случайно потерял равновесие.

— Стоять! — повторил голос.

— Простите. Ноги не держат, — извинился я.

Между нами было всего два шага.

— Подождите! Он же не... — начал один из них.

— Давай! — крикнул я, и, загоразиваясь Третьим, мы с Четвёртым устремились по плато, сбив, по меньшей мере, двоих, не давая им возможности воспользоваться дизрапторами.

Мы были внутри — и бой закипел не на шутку.

— Вот и они! — услышал я чей-то крик.

В возникшем хаосе я не мог точно сказать, кого они имели в виду: нас, команду Восьмого или главные силы. Всё, что я знал — что мы с Четвёртым боролись в паре так, словно в нас вселились духи воинов. На нашей стороне был элемент неожиданности. Страх переполнял нас, кровь стучала в висках. Всё происходящее виделось лишь смутными очертаниями — действия и противодействия, защиты и атаки, перемещения и стойки, нападение и оборона; между ними не было ничего, ни момента на мысли или паузы. Несколько раз я получал удары, но ничего не чувствовал. В какой-то момент я заметил Седьмого, бьющегося, как оглашенный, и стал напирать ещё отчаянней, вдохновленный его неистовством, наличие которого ранее вызывало у меня сомнения.

— Сюда, Десятый! — я без колебаний бросился на зов.

Я потерял Четвёртого, но сейчас основные силы присоединились к борьбе, и сражение происходило по всей территории. Меня звал тучный Чарабан, на которого обрушились трое рамакланцев. Он боролся со всех сил, двигаясь с восхитительной живостью, но всё это было напрасно. Я схватил одного и отбросил, но прежде, чем я смог развернуться, кто-то схватил меня сзади, поднял, как ребёнка, и швырнул со всей силы о камни. Из меня вышибло дух, и я, стоя на четвереньках, отчаянно пытался вздохнуть, но тут меня сверху припечатало Чарабаном, и тогда я начал задыхаться.

Мой сильнейший страх настиг меня. Кроме воспоминаний о наказаниях Тейна меня мучили кошмары, в которых меня хоронили заживо. Откуда-то во мне взялся сумасшедший всплеск энергии, глаза застилала кровавая пелена, я вскрикнул и, сбросив с себя Второго Чарабана, схватил ближайшего Рамаклана, который оказался раза в два больше меня, вероятно, тот самый, что швырнул меня о камни; я вспомнил все возможные навыки, которым обучился на Арене, чтобы покарать его за то, что из-за него столкнулся со своим смертельным кошмаром. Шок и недоумение застыли на лице здорового Рамаклана, когда я наносил удары, лягался, пихался локтями и колотил его, как только мог. Происходящее замедлилось, словно мы перенеслись в другую реальность. Всё вокруг исчезло, а моя злость и страх сосредоточились на этом студенте.

Я ощутил, как чьи-то руки оттащили меня.

— Довольно, Десятый! — я услышал знакомый голос.

— Нет, недостаточно! — я не узнавал собственный голос. Он казался чужим.

Только теперь, когда я ощутил крепкую хватку и смог вернуться из той пустоты, моя злость начала униматься. Я начал узнавать лица державших меня. Первым, кого я увидел, был Восьмой.

— Ты разве не слышал сигнала? Мы победили, — он смотрел на меня с искренним беспокойством.

Моё лицо было влажным, и я спросил себя: откуда взялась эта влага?

Я хотел спросить его, спросить, что произошло. Глядя в глаза Восьмого, я знал, что он никогда не соврёт мне.

Но я не стал спрашивать.

Мне было стыдно.

— Всё закончилось, Лубак! — я узнал Чарабана. — Всё кончено.

Или же мне показалось, что я узнал?

Это был другой Чарабан, его облик выглядел искажённым в сравнении с изначальным.

Это маска, подумал я. А потом вспомнил, что случилось со мной, когда я был погребён под Вторым Чарабаном, как я безуспешно пытался вдохнуть. И понял, что моё лицо было влажным от слёз.

— Вставай, Лубак, — искренне, но в то же время с наигранным весельем произнёс он. Это была новая маска, без его обычного такта. — Мы — герои! — он повернулся к толпе, собиравшейся вокруг, и объявил: — Мы побили все рекорды Турнира!

— Победа! — он вскинул сжатый кулак.

— Победа! — вторила толпа.

— За Империю! — вновь вскинул руку Чарабан.

— Победа! — ещё громче ответили ему.

Это было занимательно. Маска постепенно сливалась с ним, становясь частью Чарабана. Когда он принимал преклонение и преданность толпы студентов, я видел, что он с растущей уверенностью овладевает своей новой личностью. Видел ли это ещё кто-нибудь?

Я огляделся.

Меня окружали маски.

Я взглянул на Восьмого: его маска была непроницаемой, но глаза остались прежними. Видел ли он то же, что и я? Паландин только бы посмеялась над подобным вопросом.

Как он мог видеть то же самое? — ответил я сам себе, — у него свои глаза.

Восьмой помог мне встать. Я чувствовал себя разбитым, без надежды на восстановление.

— Дыши. И не переставай, как бы больно ни было, — посоветовал Восьмой. Я пытался последовать его указанию, но охнул — воздух, входя в лёгкие, ощущался, как битое стекло. Я отчаянно желал разделить радость победы, которую видел на лицах окружающих, но этот момент смешивался как с физической болью, так и с другим чувством, более сложным.

Мне не понравилось случившееся со мной, когда толстое тело Чарабана почти погребло меня под собой — мой страх перед тем, что я не смогу больше дышать. Тревожило меня и увиденное в лице Чарабана, каким-то смутным образом всё было взаимосвязано.

Я попытался избавиться от этого чувства и мыслей, чтоб отпраздновать вместе со всеми. И с поддержкой Восьмого я встретил момент триумфа на ногах.

1.19.

Запись:

На следующий день Бамаррен выглядел практически сюрреалистично:

Институт казался самым натуральным организованным форпостом, дававшим укрытие больным, раненым и покалеченным на какой-то ужасной войне. От боли я прихрамывал, опираясь на трость: каким-то чудом я избежал перелома левой ноги и позвоночника. Другим повезло меньше — лазареты были переполнены студентами с серьёзными ранениями: такими, как у Третьего, который потерял глаз, а то ещё хуже. Те виды, которые считают кардассианцев лишь бессмысленными хищниками, только укрепились бы в своих убеждениях, если бы увидели элиту нашей молодёжи наутро после Турнира.

Студенты Бамаррена собрались на специальное собрание, где нас уже дожидались Чарабан и Первый Рамаклан. Я сидел рядом с Восьмым и другими Лубака, мы выражали преданность и готовность посвятить свои жизни Империи воодушевляющей версией «Кардассия Навеки». Единство объявили темой собрания, но на самом деле это было ритуалом передачи власти от Рамаклана к Чарабану. Ритуал проводился всеми противоборствующими группировками после каждого Турнира для того, чтобы узаконить новый порядок.

Стараясь не терять достоинства, Рамаклан передал Бамарренскую Саблю, символ студенческого лидерства, Первому Чарабану, который принял её с большим пиететом. В своей речи он отметил «мужественную и хорошо спланированную оппозицию» стороны Рамаклана, и мы все поддержали его, хотя и знали, что ещё никогда в истории Турниров не случалось настолько быстрой капитуляции. Я смотрел, как он произносит свою речь, и пытался вспомнить тот момент вчера, когда я ясно увидел, как он примеряет маску лидера.

Что я видел в тот момент, который не даёт мне покоя? Могу ли я доверять тому, что видел, учитывая то состояние, в котором я был?

Но его мастерство было настолько совершенным, речь и осанка такими изящными и убедительными, что я позволил тому моменту покинуть мою память и присоединился к другим в принятии и преклонении.

Я смотрел на присутствующих со своего места, высматривая Паландин. Это был один из немногих случаев, когда мужчины и женщины собирались вместе. У девушек была своя собственная структура соревнований и лидерства, но все мы принимали участие в любом крупном групповом ритуале. Наконец я обнаружил её, сидящую спереди. Она была сосредоточена на ритуале передачи и на Чарабане. Я понял, что, несмотря на то, что она готовилась к своему собственному скорому турниру, и что бы ни случилось, сегодняшний день для неё был особенным.

А потом произошло это. Ирония ситуации заключалась в том, что я проигнорировал свои вчерашние смешанные чувства и купался в сиянии нашей победы. Я даже наслаждался от ноющего ощущения боли в теле, которое были доказательствами моего участия. Я принимал покровительство и лидерство Чарабана, я готов был служить в качестве члена его совета.

На одном из наших последних сборов по планированию Чарабан сказал мне, что после того, как мы выиграем Турнир, он попросит меня присоединиться к совету в качестве связного на Втором Уровне. Это престижная позиция, которая должна была укрепить мою собственную власть. Я думал, что стану членом внутреннего круга руководства в Бамаррене.

Чарабан представлял каждого члена своего совета: называл его титул и краткое описание обязанностей. Второй Чарабан координирует и организовывает повестку Совета,

Драбар осуществляет надзор над всеми школьными программами обучения. Нервное возбуждение всё больше охватывало меня. В детстве, когда я играл в Секторе Тарлак, все мои мечты и фантазии подпитывались именно желанием такого признания. Я схватил трость, боясь споткнуться, когда буду выходить вперёд.

— И наконец, важная позиция Свяznego Второго Уровня. Она требует умения обеспечить представление всего Уровня и сделать его голос услышанным в политических вопросах...

Все дела Первого и Второго Уровней будут проходить через меня прежде, чем достигнут совета. Сила этой позиции очевидна. Я опёрся на свою здоровую ногу, чтобы суметь быстро подняться. Восьмой, ожидающий объявления моего имени, был готов помочь мне в случае необходимости.

— Девятый Лубака!

Я привстал, ожидая поправки. Я слышал его слова, но моё тело было словно запрограммировано. Однако Восьмой схватил меня за локоть и не позволил выставить себя еще большим дураком.

Девятый? Но поправки не последовало. Девятый, сидящий почти прямо передо мной, встал под приветствия и аплодисменты, которые по праву принадлежали мне.

Девятый?! Я ощутил одуряющую тошноту.

Восьмой обернулся ко мне. Я думал, что он объяснит мне, как снова начать дышать, но он был себе на уме. Я подался назад и надел нейтральную маску.

В конце церемонии мы поднялись, проскандировали Десять Обязанностей и трижды повторили:

Победа!

За Империю!

Я знал, что Восьмой хотел поговорить, но я скрылся за своей маской и ушёл от разговора.

Я не хотел ни с кем разговаривать.

И я не разговаривал несколько дней после церемонии.

Я просто исчез.

1.20.

Запись:

Мне действительно нравится заниматься портняжным делом. Задачи с мерками, выбором ткани и покроя, подходящих к персоне и случаю, резка и сшивание фрагментов между собой в удобный и привлекательный костюм помогают отстраниться от тех реалий, над которыми я не властен. И чем труднее задача, тем большую ясность ума я сохраняю.

Создать костюм для Одо — это редкостный вызов.

Как-то он зашёл в мой магазин и начал изучать настенные панели, словно между ними были скрыты тайные послания. Когда же я поинтересовался, могу ли я быть чем-то полезен, он ответил, что ищет некие «идеи».

— Смена стиля, да?

Одо лишь пожал плечами, стараясь выглядеть незатронутым такими легкомысленными подозрениями. Но я знал, что это всего лишь вопрос времени, когда он решит вырядиться получше ради Киры. И всё же, когда я попытался вызнать специфические детали желаемого им костюма, застенчивость сделала его сдержанным, в воздухе повисло раздражение.

— Что-то не особо... мешковатое, — он указал на свою простенькую форму констебля.

Полагаю, я понимал его опасения. Рядом с затянутой в форму майором Кирой любой из нас бы казался мешковатым.

Я оторвался от изучения эскизов костюма Одо, потянулся и ощутил неприятную скованность в нижней части спины. Я потерял счёт времени.

Я решил, что короткая прогулка снимет напряжение из-за неудобной позы, накопившееся за рабочий день. Когда я выходил из магазина, то едва не столкнулся с доктором Баширом.

— Доктор! Какой сюрприз! — это было неожиданностью для нас обоих.

— Здравствуйте, Гарак... — я понял, что его напускная вежливость была прикрытием неловкости ситуации.

Проходил ли он мимо? Решил зайти в магазин? Или стоял, рассуждая сам с собой?

— Могу я предложить вам чаю? — спросил я, намеренно игнорируя его неловкость.

— Я бы не хотел докучать вам. Вы наверняка заняты, — вежливо возразил он.

— Нисколько. У меня всегда найдётся на вас время. Я как раз хотел сделать перерыв. Самое время, не правда ли?

Улыбнувшись, Башир принял моё приглашение.

Мы вернулись в магазин, где я запросил у своего древнего репликатора два чая: один из красных листьев, второй — Эрл Грей. Доктор прогуливался по помещению, словно его действительно интересовали портняжные рамы. Он явно себя чувствовал не лучшим образом, и я задавался вопросом: как смогла так расширяться пропасть между нами?

И принял решение сузить её.

— Кем на самом деле был этот Эрл Грей? — спросил я, расчищая стойку и ставя два табурета.

— Честно сказать — не знаю. Наверное, какой-то богач девятнадцатого столетия, додумавшийся до такой смеси, — предположил он.

— Больше показухи, чем вкуса, — ответил я.

Аромат этого чая всегда раздражал меня до зубовного скрежета.

Несмотря на состояние дискомфорта, Башир рассмеялся, и в его смехе я услышал знакомые чарующие лёгкие нотки, напоминавшие о ком-то другом.

Мы молча потягивали свой чай. С променада доносились гул толпы и шум шагов.

— Я так понимаю, что недавно вы были прямо рыцарем в сияющей броне, — нарушил тишину доктор, очевидно, вспоминая о моей аванюре с огромным клингоном.

— Прошу, доктор, не стоит никому вспоминать об этом инциденте, — ответил я.

— Почему? Вы проявили доблесть не только по отношению к дабо-девушке, но и с клингонским солдатом. Пребывание с ним и облегчение его страдания превыше зова долга, — искренне произнёс доктор. — Вас смущает ваш поступок?

— Меня смущает то внимание, которое ко мне привлёк этот случай. Прошу, больше не слова об этом, — попросил я.

Покачав головой, доктор переключился на свой чай.

Снова зависла неловкая тишина.

— Что меня смущает, — неожиданно громко заявил я, — так это моя несдержанность на нашей последней трапезе. Это было непростительно.

— Это одна из причин, почему я думал навестить вас. С тех пор мы не встречались, и я хотел убедиться, что с вами всё в порядке, — произнёс он

— Очень мило с вашей стороны, доктор, но я в порядке.

Это меня удивило.

Возможно, встреча, в конце концов, была не такой уж случайной. Он был добр, возможно, самой доброй известной мне персоной. Его вежливость, его внимание, именно его стремление подвергать себя риску ради тех, которых он даже не знает, часто поражали меня. Но я был благодарен ему за его заботу. Я ставил свою решимость выше своего раздражения.

— Уходя, вы выглядели крайне расстроенными, — начал он, отлично зная, каким раздражённым (как он сам выражался) я становлюсь от его желания помочь. — Вы принимали таблетки?

— Нет... то есть да, но мне не кажется, что они помогают, — после того случая, когда доктор удалил мозговой имплантат, тем самым спасая мне жизнь, у меня случались ужасные мигрени. Со временем они значительно уменьшились, но в стрессовых ситуациях голова буквально раскалывалась.

— Вы должны были мне сказать, — доктор предупреждал как-то, что подобные родительские интонации он использует с особо непослушными пациентами. — Я проработаю формулу и к завтрашнему дню синтезирую вам новые таблетки.

— Очень мило с вашей стороны, доктор, — повторил я, стараясь контролировать своё растущее нетерпение.

— Что-то не так, Гарак? Что-то случилось? — спросил он с присущей его профессии деликатностью.

— Ничего, кроме того, я уже состарюсь к тому моменту, когда Федерация наконец-то начнёт слаженно работать для начала вторжения. Неужели так необходимо вовлекать всех? Клингонам и ромуланцам нужно дать приказы, а не консультировать или убеждать! — выражение лица Башира красноречиво указывало, что я вновь работаю на публику. — Как вы видите, моё терпение безгранично.

— Или вы боитесь того, что обнаружите, когда произойдёт вторжение? — поинтересовался он.

— Скорее из-за того, чего я не хочу там обнаружить, — ответил я.

Он кивнул.

Тишина вернулась, и мы допили остывший чай. Даже если бы я и хотел, то как мог бы объяснить ему?

— У Кварка появилась новая интересная голо-программа, — перевёл он тему, как посчитал я.

— Позвольте предположить, это очередная эпохальная битва, в которой осаждённые англичане сражаются против кардассиано-образного непобедимого врага? — поддел его я.

— Нет, нет, — рассмеялся Башир. — Боюсь, сейчас на это нет времени. Реальность вытеснила фантазии. Нет, эта программа позволяет индивидууму навестить его прошлое. Выбрать время, важное событие в жизни.

— И какова цель?

Если бы я был ещё уверен, что моё растущее раздражение предупреждало, к чему это может привести. Я понимал, что должен быть более осторожен.

— С минимальным программированием времени, места, основных действующих лиц вы можете воссоздать сцену, где, по-вашему, произошёл... — Башир замолчал, подыскивая слова.

— ...этот неверный, неправильный выбор, — предложил я.

— Да, — согласился он.

— Чтобы изменить его, — добавил я.

— Конечно нет... но физически и психологически... — он тоже старался быть осторожным.

Я глубоко вздохнул.

— И вы считаете, что и у меня есть что исправлять? — прямо спросил я.

— Честно? Да, думаю, — ответил он, выдыхая от сброшенного с души груза.

— Понимаю, — чай уже окончательно остыл, но я отпил глоточек. — А вам самому не нужна подобная программа, а, доктор?

— О, даже не знаю... Есть некоторые эпизоды в прошлом...

— Нет, — перебил я его. — Я о том, что с вашими генетически усиленными способностями вы сможете спокойно пересмотреть свои «эпизоды» прошлого, сидя в обычной комнате.

Башир не ответил.

Со слабой улыбкой он заглянул в свою кружку, которую держал в ладонях, словно пытаюсь согреть остатки чая.

Болианец спустился по ступенькам и замер перед дверью, заглядывая в магазин. Увидев нас, он развернулся и поднялся на променада.

— Я мешаю вашему бизнесу, — Башир поднялся с табурета. — Не буду больше занимать ваше время.

— Я рад, что вы заглянули, — я собирался проводить его до дверей.

— Нет, не рады, — тихо произнёс он.

— Простите?

— Гараж, я происхожу из культуры, которая совершенна в искусстве лицедейства, — с грустной улыбкой пояснил он.

— Что это значит? — вопрос был неподдельным, я чувствовал изменения в его отношении.

— Это значит, что мы никогда не жалуемся, никогда не признаём наших чувств и никогда не просим о помощи. Этого просто нет, — пояснил Башир. — Все эти люди, «отрицающие жёсткость характера» и настаивающие на передаче их нужд, особенно публично, подвергаются насмешкам... А то и хуже. Звучит знакомо?

— Возможно, — тихо ответил я.

— К тому же я ещё и доктор, Гараж. И я знаю, какого рода личности наиболее страдают. Я действительно не хочу больше отнимать ваше время, — он протянул мне руку, что было редким жестом, и я пожал её. — Спасибо за чай, — он развернулся и вышел из магазина.

Я долго простоял у двери в глубоком расстройстве.

Я ощущал себя пойманным в ловушку внутри самого себя, зная, как мне выбраться, но будучи так и неспособным начать.

Да, доктор, очень знакомо. Но что касается вопроса, какого рода личности страдают больше всех...

1.21.

Запись:

По истечению трёх лет учебы происходил процесс рассмотрения, переходит ли студент на следующий Уровень, и если да — то на какое назначение. Это было тревожным периодом для всех нас. Если вы не переходите на следующий Уровень, то с позором отправляетесь домой. Если же вы проходите — то получаете новую позицию в группе, соответствующую оценке вашей эффективности на протяжении последних трёх лет.

После предательства Чарабана я стал таким же замкнутым и одиноким, каким был, когда только попал в Бамаррен. Я попытался общаться с Паландин, но у нас не получалось — её повседневные обязанности, подготовка и планирование женского Турнира оставляли мало времени на что-то ещё.

Но было и нечто другое: появившаяся между нами дистанция, происхождения которой я не понимал. Я испытывал стыд, вдруг я совершил какой-то промах, что в этом была моя вина, но мне было трудно это обсуждать. Вероятно, я был более одиноким, чем когда-либо.

Что касается моего приближающегося слушания, я испытывал противоречивые чувства. Одинокая и преданная часть меня отчаянно хотела вернуться домой и продолжать работу отца. Я три года не видел своей семьи. И всё же, возможно ли было после всего того, что я испытал в Бамаренне — вкус успеха, признание, власть, которую я получил, провести остаток своих дней за уборкой после парадов и уходом за садами? На место ребяческих фантазий пришли реальные достижения и настоящая дружба.

Нет. Я хотел остаться.

И когда я пришёл к этому решению, я понял, что хочу достичь двух вещей — победить Чарабана в Турнире и завоевать любовь Паландин. Конфликт был решён, я знал, почему я хочу остаться здесь. Всё, о чем мне оставалось волноваться, это моё числовое обозначение. Я был уверен, что буду продолжать прогрессировать, но для этого мне было нужно более высокое место в своей группе. Я пришёл сюда как Десятый, потому что происходил из низших слоёв общества. Остаться Десятым означало бы, что я не произвёл впечатления. И я ни на минуту не сомневался, что этого не произойдёт.

Всем было ясно, что семья и социальный статус имеют значение лишь в начале обучения, всё дальнейшее продвижение зависело от достигнутых показателей. Даже предательство Чарабана было преодолимым.

Когда я прибыл в Префектуру, я был готов к слушанию. Я вошёл в приёмную, где ожидали другие ученики, включая моих соседей по секции, каждый был встревожен в той или иной степени.

Первый был бледен, так как знал почти наверняка, что будет понижен в обозначении.

Десятый ухмылялся, глядя на меня сверху вниз. С тех пор, как его назначили Связным Второго Уровня, он стал считать, что это действительно его заслуга. Но он не мог даже доставить сообщение надлежащим образом.

Я улыбнулся ему в ответ.

Третьего отправили домой, так как инвалидность сделала его непригодным для дальнейшего обучения.

Второй ёрзал, готовился. Я был уверен, что подготовил презентацию для того, чтобы рассказать комиссии именно то, что они хотят услышать. Почему он не стал поступать в политический институт, я никогда не узнаю.

Четвёртый был расслаблен. Ему было нечего бояться. Он продвигался в Бамаррене напрямую, от начала и до конца. Он всегда знал, как о себе позаботиться.

Пятый, несомненно, продвинется вперёд, он проявил ценные качества в каждой области, и после Восьмого был самым достойным в группе.

Шестой уже давно был выслан домой. А он так хотел преуспеть. Но физически не выдерживал нагрузок на тренировках. Я уверен, что он выбрал себе преподавательскую должность.

Седьмой был поразительно спокоен. После турнира он стал совершенно другим. Даже его гребни выглядели мощнее. Он обязательно продвинется.

Восьмой был единственным, кто заслуживал стать Первым так же, как и я, а может, и больше. Моё одиночное поведение не всегда шло на пользу группе.

Мы с Восьмым обменялись обнадеживающими взглядами. Поддержка моего единственного постоянного друга была всем, чего я хотел.

Я сел и оградился от всего остального.

— Десятый Лубака!

Я вскочил и Первый Тарнала, наш лидер секции, пригласил меня в кабинет Младшего Префекта. По порядку нумерации я был последним в нашей группе. И я удивился, когда Первый Тарнала не зашёл в кабинет со мной. Когда мои глаза привыкли к более тёмной комнате, я удивился ещё больше, увидев, что в ней находились только двое: Первый Префект и кто-то в гражданском, стоящий спиной ко мне и разливающий напиток.

Где были оценивающие студенты? Младший Префект? Почему Первый Префект сам занимается оценкой Первого Уровня? И кто это?..

— Здравствуй, Элим.

Незнакомец обернулся.

Это был Энабран Тейн!

— Десятый Лубака.

Первый Префект жестом предложил мне сесть, но я не мог пошевелиться. Двое мужчин с интересом смотрели на меня. Вся моя подготовка к слушанию вылетела из головы, я почувствовал себя так, как будто первый раз оказался в пустошах.

— Десятый Лубака, — повторил Префект.

— Да, Префект, — это было все, что я мог ответить.

Что здесь делал Тейн?

— Сядь, — приказал он.

Я подчинился. Тейн передал Префекту информационный чип, к которому тот и обратился. Во время последующего молчания я взглянул на Тейна, который, как всегда, лучился пронзительной улыбкой. Как мне его называть, подумал я. Уж точно не дядя Энабран.

— Как ты думаешь, чему ты здесь научился? — наконец спросил Префект.

Не столько его вопрос, сколько отношение вывело меня из равновесия. Вопросов я ожидал. Но не этим скучающим тоном, как будто этот день со студентами выдался слишком длинным.

— Я...

Он даже не удостоил меня взглядом. Тейн, однако, продолжал улыбаться, терпеливо ожидая ответа. Каким-то образом его присутствие одновременно дезориентировало и поощряло меня, и я решил адресовать свои ответы ему.

— Я узнал, что внешность обманчива, и что чистота моего мышления прокладывает путь к истине, — ответил я.

— Итак, — начал Тейн, — ты считаешь, что это ложь? — он обвёл жестом комнату.

— Это обманчиво.

— Почему?

— Потому что наше мышление замутнено...

Я всё ещё не знал, как к нему обращаться.

— Это всё? Только чистота мышления? — продолжал он.

— Есть скрытые намерения других.

— Как они скрыты?

— Под тем, как персоны говорят, как они себя представляют. Но чистое мышление способно проникать в эти хитрости и вступать в прямой контакт с истинными намерениями.

Моё доверие вернулось, и я смог поддерживать сильный контакт с Тейном. В обычных условиях было бы крайне неуважительно смотреть на старшего таким образом, но за под его вежливым поведением скрывалось серьёзное испытание. Это было похоже на игру, в которую мы играли, когда он проверял мою внимательность на лице.

— Как чистое мышление может проникнуть за черту внешнего вида?

Улыбка Тейна исчезла. Я колебался.

— Как, Элим?

Вопросы становились более острыми.

— Изначально мы наблюдаем движения глаз отвечающего, частоту или отсутствие моргания, интонацию. Была ли она излишне равнодушной? Слишком выраженной? Был ли ответ на вопрос подготовлен заранее? Дыхание...

— Да, да, — Тейн вытолкнул меня за рамки базовых знаний, — что ещё?

— Может ли индивидуум удержать своё пространство.

— Пространство? Объясни.

— Если окружающее его энергетическое поле потеряет форму, станет менее плотным, то оно не сможет защитить его от моего исследования, и я смогу проникнуть в основное ядро личности.

Когда я посмотрел на Тейна, я понял, что оказался заперт в его энергетическом поле. Мы были подобны воинам на Арене, отрабатывающими стратегию.

— Кто я, Элим?

Я не колебался:

— Тот, кого я никогда не должен упускать из моего сознания.

Это был первый раз, когда меня не пугали его неподвижные немигающие глаза, не отражающие ничего, кроме моих собственных размышлений.

Через мгновение он кивнул и нарушил зрительный контакт.

— И как вы считаете, какой ваш самый серьёзный дисциплинарный провал, Десятый Лубака? — спросил беспристрастный голос Префекта.

Или это был только способ неискренне задавать вопросы, чтобы не раскрывать истины. Я начал говорить о том, что есть некоторые занятия, где я скучал и не делал ничего для мотивирования своего интереса.

— А как насчёт твоего регнара, Элим?

Воздух покинул мои лёгкие. Я изумлённо уставился на Тейна.

— Мила. Его ведь так зовут?

В одно мгновение моя тщательно подобранная для подобного случая маска была сорвана и я испытал такой страх, которого не испытывал никогда в жизни. Тогда я понял, что Тейн знал обо мне больше, чем я мог себе представить.

Префект впервые удостоил меня внимания.

— А, понимаю, — продолжал Тейн, — ты думаешь, что ты единственный, кто умеет «исчезать»? Это большая ошибка, Элим.

Он наблюдал за тем, как я снова начал дышать.

— Какой урок из этого следует, как ты думаешь? — мягко спросил он.

— Если вы освоили инструмент или технику... — начал я, но мне нужно было больше воздуха, и мой язык был сухим и неповоротливым.

Они оба терпеливо ждали, пока я сглотнул и отдышался.

— Тогда есть и другие, кто сделали это раньше.

Мне удалось вывернуться. Каликс научил меня этому.

— Правильно, Элим, — произнёс он так мягко, словно обращался к ребёнку, — что бы ни воспринимал или воображал твой разум, это уже существует в мире. Это не делает мысль или концепцию менее ценной, а просто означает, что обнаруженный метод должен быть использован осторожно и с пониманием того, что, если ты используешь его против других, то его могут использовать и против тебя.

С ясностью, которой я не знал ранее, я услышал то, что он действительно имел в виду. Чарабан обманул меня, скрывая свои истинные намерения за дружбой, которую он на самом деле не собирался выводить за пределы Турнира. Я считал само собой разумеющимся, что раз он подружился со мной, значит, у него не было никаких скрытых намерений. Я почувствовал прилив стыда. Каким же дураком он меня выставил. И тут меня посетила ещё одна тревожная мысль: а делала ли Паландин то же самое? Я знал, чего хотел от меня Чарабан, но чего хотела она?

— Выходит, вам известно о Первом Чарабана и Первой Китэй, — я глядел на них обоих.

— Это значит, ты выучил урок. Я впечатлён, Элим, — Тейн обернулся к Префекту, — я считаю, этого достаточно.

Префект кивнул и выключил чип.

— Ты покинешь Бамаррен, — сообщил мне Префект.

Я уставился на него. Очевидно, что слушанье подошло к концу. Но я так ждал нового обозначения.

— Покину?

— Сегодня шаттл встретит тебя перед Центральными Воротами напротив Ассамблеи, — объяснил Префект.

— Но... это... — это было сокрушающим ударом, я отказывался принимать его. — Это несправедливо, Префект... Да, я признаю... Я нарушил правила, но... я добился хорошего прогресса... на Арене... Спросите у Каликса! В пустыне победа Чарабана была...

— Вероятно, он всё равно победил бы, но не так впечатляюще, как с твоим участием. Нам всё это известно, Элим, даже несмотря на его негативную рекомендацию, — добавил Тейн с полуулыбкой.

Я не удивился сказанному им, это лишь обострило горечь в моём рту.

— Тебя переводят в другую школу, — сообщил мне Префект.

— Какую школу? — спросил я, моё сердце ушло в пятки.

— Узнаешь, когда прибудешь туда, — ответил Префект, — сегодня же ты возвратишься домой и скажешь своим родителям, что ожидаешь переназначения. До тех пор, пока не придут приказы, ты будешь работать с отцом. Я советую тебе подготовиться.

Я автоматически встал, но уйти не мог. Было так много нерешённого, непонятного.

— Что случилось, Гарак? — спросил Префект, обращаясь ко мне по фамилии.

Так легко. Я ведь больше не был студентом.

— Если бы я остался... — начал я.

— Но не остался, Элим, — прервал меня Тейн, — чистое мышление не включает в себя формулировок «если бы, да кабы...».

Я взял себя в руки, склонил голову и направился к двери.

— Мила, — голос Тейна остановил меня, — назвать самца женским именем?

Я просто остановился и уставился на них обоих. Знал ли Префект о том, как я связан с Тейном? Знал ли он, что мои родители живут в его доме, и что моя мать — его прислуга?

— Не важно.

Он улыбнулся мне напоследок, и я покинул кабинет.

Зал ожидания снова заполнился уже другими напряжёнными учениками, которые пристально изучали меня, пытаясь разглядеть мою судьбу. Я обратил внимание на себя и решил заявить своё присутствие. Я посмотрел им в глаза.

Я был Первым независимо от того, что могло бы случиться, и с этого момента я собирался заявить о себе.

1.22.

Моя хижина уже создаёт относительный комфорт, но хаос и ограниченное пространство вынуждают меня оставлять дверь открытой. Чтобы занять себя, доктор, когда я свободен от работы в медицинском подразделении, я увлёкся проектом, о котором должен вам рассказать. Он сбивает меня с толку. Быть может, вы мне скажете, не схожу ли я окончательно с ума.

Дом Тейна, как я уже упоминал, разрушен.

Однажды я принялся разбирать обломки и собирать их в кучу. Поскольку для одной кучи обломков было слишком много, я соорудил ещё одну.

И ещё.

Пока через несколько часов аккуратно не собрал несколько груд самых различных форм и очертаний. Я продолжил создавать груды и строил их две или три недели, сам не понимая, чего добивался. Но, доктор, работа приносила удовольствие, она была мне приятна. И каждый день, когда для работы становилось уже слишком темно, я осматривал свои творения и гордился ими, как ничем другим в жизни. Не знаю, откуда возникли эти формы, и уж, конечно, не смог бы объяснить их значение, но почему-то я попал в их власть.

Спустя несколько недель я спросил Пармака, что, по его мнению, это могло значить. Время от времени он заглядывал и следил, как продвигается мой труд на разных его стадиях, но всегда держал свои мысли при себе.

В этот день он шёл между грудями (сейчас их были дюжины), рассматривая их со всех сторон. Он очень наблюдателен.

Спустя, казалось бы, целую вечность он, наконец, остановился перед самой масштабной грудой, горделиво возвышавшейся в центре. Он обернулся ко мне; выражение его лица было очень странным — и он впервые посмотрел в мои глаза.

— Думаю, это твои собственные археологические раскопки, Элим. Ты откапываешь артефакты прежней цивилизации — той, которая уже больше не вернётся — и возводишь мемориал этой цивилизации и её мертвецам. Это твой личный сектор Тарлак. Ты расчищаешь нам путь для продвижения вперёд. Спасибо тебе, Элим. Это честь для меня.

Затем Пармак пропел фрагмент из кардассианской похоронной церемонии. Упомянул в нём нескольких друзей и родственников. Он пел, а нарастающая эмоциональная сила его голоса становилась почти невыносимой. У меня был свой длинный список умерших, и во время пения Пармака я шептал их имена. Потом он порезал себе палец на правой руке острым металлическим осколком и дал каплям крови упасть на центральный «монумент».

— Спасибо, — повторил Пармак и ушёл; кровь так и продолжила стекать из его пальца.

Но чем я озадачен, доктор, так это тем, что я не вкладываю какого-то смысла в то, что делаю. Мне просто нужно это делать. И, сказать по правде, я вовсе не считаю это мемориалом. Напротив, если бы я мог, я бы самолично, мало-помалу, отстроил город.

Я стоял и смотрел, как кровь Пармака засыхает на этой горке щебня, охваченный чувством потери и полнейшего непонимания того, что же означают эти груды.

Просто заверьте меня, доктор, что я не теряю рассудок.

1.23

Запись:

Я знал, что Паландин находилась на тренировочной площадке, и ждал за ограждением, когда завершится занятие её группы. Она разговаривала со своей одноклассницей, когда я заявил о себе. Её одноклассница была несколько шокирована тем, что студент мужского пола вёл себя столь наглым образом, но Паландин сказала, что у неё со мной есть дело, и отправила одноклассницу своей дорогой.

— Так зачем ты меня использовала? — спросил я.

— Когда мы использовали друг друга? — не задержалась она с ответом.

— Отвечать вопросом на вопрос — старый трюк, Паландин.

— Никаких трюков. Мне был нужен друг.

— И теперь друг тебе больше не нужен.

Меня раздражали нотки, возникшие в моём голосе.

— Это сложно, Элим.

Я боялся спросить, почему.

— А ты зачем меня использовал? — спросила она.

Вопрос на самом деле заставил меня задуматься. Я просто хотел её любви. Значит ли это, что я её использовал? Я бы с радостью отдал взамен всего себя. Я отдал бы что угодно... и всё ещё сделал бы это и сейчас.

— Я покидаю Бамаррен, — сообщил я, — сегодня.

— Почему? — она обернулась ко мне.

Теперь настала её очередь недоумевать.

— Они не говорят. Сказали только, что переводят в другую школу.

Как только я сообщил это, моё сердце вновь упало.

— То есть тебя не отправляют домой? — спросила она в искреннем замешательстве.

— Только до переназначения.

— Переназначения? — она секунду подумала. — Элим, ты уверен, что то, куда тебя отправляют — это школа?

— Так сказал Первый Префект.

— Первый Префект? — я ощущал её беспокойство.

— А ты как думаешь, что это может быть? — спросил я.

— Я не знаю. Я слышала о том, что студентов просят уйти, это часто случается. Но я никогда не слышала, чтобы кого-то переназначали. Кто ещё был на твоём слушании?

Одновременно с тем, как я понял, что не должен говорить ей правды, за её плечом появился Чарабан. Она заметила, что я перевёл взгляд, и обернулась. И тут же покачала головой.

— Не сейчас, Баркан, — попросила она его.

— Разве есть время лучше? Это возможность, так почему бы ею не воспользоваться? — спросил он у неё.

Я не имел понятия, о чем они говорили, но я твёрдо чувствовал необходимость быть готовым ко всему. Особенно когда Чарабан сказал, что возможности нужно использовать.

— Привет, Лубак! Ты ещё Десятый или уже Первый? — спросил он.

— Меня зовут Элим Гарак, — ответил я.

— Да, я знаю, — засмеялся он. — Но это за тобой или за Восьмым мне теперь стоит присматривать внимательнее?

Именно такие проявления тепла делали его обаяние настолько непобедимым. С одной стороны я хотел рассказать ему всё, обвинить в двуличности, в негативной оценке, но ясность, которую я познал в кабинете Первого Префекта, всё ещё была со мной. Глядя на него, я вспомнил, как Паландин научила меня улыбаться, когда задаёшь вопросы.

— Тебе стоит присматривать за нами обоими, Баркан.

— Да, Первый и Второй, конечно... Но кто принимает окончательные решения? Кто помышляет пойти против меня? — он продолжал своё наступление.

Он предположил, что имеет некоторое преимущество, и решил воспользоваться им. Я видел три пути для атаки. Он увидел мою позицию и осмотрительно отрезал эти пути.

— Я думаю, это ты, Элим, — ответил он с другой позиции.

— Сегодня он покидает Бамаррен, — сообщила ему Паландин.

Она также сказала ему что-то ещё. Чарабан сохранял свою позицию и ни на секунду не сводил с меня глаз, но выражение его лица изменилось.

— Почему?

Так или иначе, он был ещё сильнее удивлён, чем Паландин. Он не верил, что моё увольнение из Бамаррена было возможным даже с учетом его предательства. Это дало мне понять, что его поведение не сыграло никакой или почти никакой роли в том, что от меня отвернулась удача.

Всё его отношение ко мне переменялось. Я больше не был противником, которого нужно было изучать и искать слабости. Я стал непонятным образцом более низкого уровня. Он предположил, что меня отвергли и отправили домой, и я потерял для него стратегическое преимущество.

Это его слабость, подумал я, но не стал говорить ничего, что бы опровергло его предположение. После затянувшегося момента, на протяжении которого он осознавал, что я не собираюсь делиться подробностями, он продолжил:

— Так это Восьмой, — констатировал он, стирая меня с картины своего мира.

— Я не думаю, что ты понимаешь, Баркан, ... — начала Паландин.

— Ему и не надо понимать, — я тоже стёр я его с картины моего мира. — Если ты не возражаешь, я бы хотел провести несколько минут наедине с Паландин, прежде чем уеду.

Казалось, это его забавляло. Он обернулся к Паландин, она кивнула.

— Конечно, — он расплылся в улыбке, показывающей, насколько он милостив. — До свидания... Элим Гарак. Возможно, мы с тобой когда-нибудь ещё увидимся в Секторе Тарлак.

Я понял, какие обстоятельства встречи он имел в виду. Рабочий класса обслуги Элим создаёт помост для победоносного героя Империи. Но я и сам был в этом виноват. Я рассказал ему о своей жизни всё, что он хотел знать. Ведь всё, что нужно — просто улыбнуться, когда задаёте вопрос.

Я ответил ему собственной улыбкой.

— Возможно, тебе стоит сказать ему, — обратился он к Паландин.

Они переглянулись, прежде чем он развернулся и ушёл. Я хотел спросить, о чём именно она должна мне сказать, но я терпеливо ждал.

— Мы должны быть соединены после Завершения Третьего Уровня, — наконец сообщила она.

И всё стало ясно. Конечно, Паландин и Баркан всё время были связаны. Иначе как еще можно объяснить его внезапное появление? Она была важной частью процесса вербовки.

— Я хотела сказать тебе. Особенно когда я узнала тебя и... какой ты. Прости, Элим.

Я был удивительно спокоен. И не чувствовал ничего.

— Было важно, чтобы мы выиграли Турнир, — произнесла она.

— Мы, — я улыбнулся.

— Да, мы. Наши жизненные пути будут соединены, Элим, мы партнёры, и наш успех может быть достигнут только благодаря нашей совместной работе.

— Значит, он попросил тебя пригласить меня на Турнир, — сказал я.

— Нет. Это была моя идея. Когда я впервые познакомилась с тобой, я уже знала.

— Знала что?

— Что ты... — она колебалась, осторожно держась на расстоянии, — ...другой.

— Ну... Полагаю, я должен посчитать это за честь.

Я изо всех сил старался сохранять свою отстранённость.

— Я хотела тебе сказать, но когда я поняла... я не хотела причинять тебе боль, — я был поражён той мягкости, с которой она это произнесла.

— Мне не больно. Ни один из вас не сможет навредить мне. Успешного вам... партнёрства.

Я больше не хотел оставаться. Моё онемение стало проходить, и я больше не был уверен в том, что смогу контролировать всё, что происходит. Я неловко поклонился, жалкая попытка этикета, и собрался уходить.

— Пожалуйста, Элим, — она остановила меня, — я не врала, когда говорила, что мне нужен друг. Я всегда могла поговорить с тобой. Я всегда буду считать тебя своим другом.

— А Баркан? Он тоже мой друг? Должен ли я принимать за дружбу то, как он обращался со мной, как он меня использовал?

Оцепенение ушло, и боль от потери её стала гораздо сильнее.

— Баркан амбициозен. Я хотела видеть тебя в совете, но он чувствовал, что это только даст тебе преимущество, и тогда ты неизбежно бросишь ему вызов в попытке перехватить руководство. Он мог бы когда-нибудь стать твоим другом, Элим.

Я засмеялся, слишком громко.

Она вспыхнула в ответ:

— Ты такой наивный! Ты все ещё не понимаешь, да?

— Интересно, не ты ли одна из тех, кто...

Я остановился. Я боялся, что как только я начну рассказывать подробности его предательства, я не смогу сдержать ярость, которая, как смертельная болезнь, захватила каждую клетку моего тела.

— Я люблю его, Элим. И я тоже амбициозна. Я хочу того же, что и он. Ты поймешь это, когда найдёшь кого-то, кто будет разделять твои...

— Мне нужно идти, — я закрылся, как закрывается червоточина. — До свидания, Паландин.

Я развернулся и ушёл.

Я — Первый, и я постоянно напоминал себе об этом.

* * *

Восьмой, который теперь был назначен Первым Лубака, помог мне собрать мои вещи. Разговаривали мы очень мало.

Когда мы закончили, я подошел к своему отсеку.

— Позволь мне показать тебе кое-кого, — произнёс я.

Он подошёл ко мне. Я вытащил Милу из его песчаного домика. Сначала он его не увидел, но когда я поднёс руку, то регнар отреагировал.

— Так вот оно что, — протянул он, когда кожа Милы побледнела и изменила окраску, чтобы замаскироваться. — Мы знали, что у тебя там что-то есть, но после того, что ты сделал с Третьим, никто бы не решился попытаться выяснить это снова.

— Именно благодаря этому я преуспел в пустоши, — признался я.

— И в конкурсе, — добавил Восьмой.

Он понял, что я имел в виду.

— Ты можешь победить Чарабана, — я понизил голос до свирепого шёпота.

— Посмотрим, — ответил Восьмой.

— Нет, ты можешь это сделать, потому что у тебя есть качество, которое поможет надавить на его слабость. Хотя Мила учил меня скрывать мои мысли, я всё равно попался в его ловушку. С тобой такого не произойдёт. Ему придется строить предположения о тебе — и все они будут ошибочными.

Мы наблюдали, как пульсирующе менялся оттенок кожи Милы.

— Меня зовут Элим Гарак. Я не знаю, куда меня посылают, но я надеюсь, что ты запомнишь меня как своего друга.

— Когда мне сказали сегодня, что я Первый Лубака, я был удостоен чести... но я боялся, что потеряю твою дружбу. Спасибо. Меня зовут Пифас Лок.

Ни один из нас не отводил взгляда от Милы, который всё ещё пытался вписаться в окружающую среду.

* * *

У меня оставалось ещё достаточно времени, чтобы завершить свою последнюю миссию в Бамаррене.

Я вернулся в пустоши Мекара с Милой, к тому каменному образованию, которое было его изначальным домом. Я нашёл откос, где спрятался в первый день, и положил Милу на землю около расщелины.

Он неподвижно застыл, различные оттенки пустыни играли на его коже.

Что-то шевельнулось внутри меня, я задрожал.

Мила дёрнул головой в сторону, как он делал это каждый раз, когда ощущал изменение освещения и температуры.

Судорога прошла волной из самой глубины моей грудной клетки, и слезы ослепили меня. Я совершенно потерял контроль над происходящим. К тому времени, когда судороги стихли, и я снова смог видеть, Мила исчез в своём доме из камня и песка, из которого пришёл.

Когда я вернулся в Институт, то задумался о том, что возможно, кто-то делает то же самое и для меня — возвращает домой.

Часть II

«Правда — в глазах смотрящего, доктор. Я никогда не говорил вам правды, потому что не признаю таковой...»

«Вы и не обязаны...»

«Не мне объяснять вам, доктор... если вы заметите детальки, оставленные, как путь из хлебных крошек...»

2.1.

Запись:

Боюсь, что «вторжение» шло не так, как я рассчитывал. Давление Доминиона на Кардассию было сильнее, чем когда-либо, и, чтобы его ослабить, требовалось куда больше сконцентрированных усилий со стороны Федерации и её союзников. Наиболее существенным изменением было закрытие червоточины.

А также моего магазина.

И мы потеряли Джадзию. Без неё станцию заполнила серость и грусть. Я был удивлён тому, как остро воспринял её отсутствие. Даже зная, что её симбионт *соединился* с другим человеком... всё равно это не было тем же.

Действительно, зная, что личность Джадзии находится где-то внутри с другими носителями Дакс в новом теле, я был озадачен тем, как я отреагирую, если мы встретимся. С моей стороны требовалась подготовка к подобному. Триллы настолько уникальный вид.

Но только ли они?

Все мы в какой-то мере содержим воспоминания, черты, фрагменты тех личностей, что были до нас. Возможно, и мы *соединены* на более глубоком, более духовном уровне. Первые хебитаанцы верили в это. Каждое новое поколение не только сменяет предыдущее, оно включает в себя опыт прошлых лет, активно влияя на развитие в создании будущего.

Так что толком нет ни прошлого, ни будущего: есть только настоящее.

И должен сказать, что энтузиазм и динамичность Джадзии прекрасно демонстрировали это. Поэтому мы все и слетались на неё, как мотыльки на свечу.

Должен признаться, что поминальные обряды командера Уорфа окончательно сбили меня с толку.

Погружение с головой в ту смехотворную голопрограмму с Виком и его непостижимой земной тарабарщиной, с этими слезливыми песенками...

Доктор напомнил мне, что у каждого есть свой способ справляться с горем, и не нам судить, как он его реализует. Именно так.

Кто вообще сможет понять чужое горе?

— Вы судите людей по той одежде, которую они вас просят сшить? — однажды спросил меня доктор.

Я воздержался от ответа, но он верно подметил. Кроме того, в последние дни у меня не было заказов. Последнее время я был занят расшифровкой военных передач кардассианцев, часть из которых строилась на прототипах тех кодов, что я сам придумал для Ордена.

Это было крайне забавно... и беспокойно.

Одо был загружен сбором перехваченных переговоров и передачей их мне.

Однажды я спросил, не беспокоит ли его тот факт, что мы воюем с его народом. Чувствует ли он себя предателем?

Насколько он был уверен, ведущие эту войну Основатели предают все идеалы Великого Слияния и поэтому должны быть повержены.

Я кивнул, соглашаясь.

Но беспокойство не покидало меня.

Я ненавижу эту работу!

Лучше бы я продолжал шить.

— Что Тир Ремара от вас нужно? — сходу потребовала полковник Кира, отказываясь от предложенного мною чая.

В моей голове тут же сформировалась картина, вдохновлённая её внезапным вопросом: Тир Ремара — шпион, быть может, даже метаморф, охотящаяся на одинокого кардассианца, занятого сверхсекретной работой на Федерацию.

— Она хотела от меня детей, — с самым серьёзным видом ответил я.

— Вы же шутите, — ухмыльнулась она.

— Ничуть. Вы хотите чаю или нет?

— Нет... благодарю... — отказалась она.

Оказать хоть чуточку любезности моему виду для неё было чем-то невозможным.

— Мы друзья с Ремара, не очень близкие. Мы изредка встречаемся. У нас взаимный интерес, — я отпил чаю.

Кира упрямо уставилась на меня, ожидая продолжения.

— У нас был общий друг, и мы решили... проводить время в компании друг друга.

— Какой ещё друг? — удивилась Кира.

Да что общего может быть у баджорки и кардассианца?

— Зиял, — ответил я.

— Ну конечно, — кивнула Кира.

Упоминание имени её бывшей подопечной напомнило ей о нашей общей привязанности к Зиял.

— Зачем вы интересуетесь, полковник?

— Потому что Ремара наводит о вас справки, Гарак.

— Правда?

— И, если вы такие друзья, почему же она не спросила вас напрямую?

— Да, — мой мозг судорожно заработал. — Я думал о том же. Конечно же, если только...

— Что? — выпалила Кира.

— Если она не собралась писать обо мне книгу!

Полковник не оценила юмора.

— Присмотритесь к ней, Гарак. И будьте осторожны в разговоре.

Ушла она также быстро, как и вошла. Я усмехнулся иронии предупреждения не распространяться о себе.

Что происходило?

Киру заботило возможное нарушение правил безопасности? Дружба между баджоркой и кардассианцем?

И если Ремара не писала книгу, то зачем ей вся эта информация?

2.2.

Запись:

— Аккуратней, Элим, у этих растений хрупкие побеги. Опускай их медленно, чтобы они основались в лунках.

Отец подал мне эдоссианскую орхидею, и я медленно опустил бледное свисающее корневище в подготовленную почву. Эти орхидеи были его любимыми цветами, и каким-то чудом ему удавалось вырастить их в почве Тарлака.

— Просто немного поддержи цветок над землёй — корни сориентируются, — почти шептал он. — Теперь смотри внимательно.

Корни покачивались, словно присматриваясь, пока не нашли лунки, которые выкопал отец, и замерли над ними.

— А теперь медленно опускай цветок.

Я послушался. Клубок корней улёгся в углублении, и отец сразу же заполнил его своей особой и, по его словам, секретной смесью. Отовсюду съезжались любопытствующие, желающие увидеть сады Тарлака, особенно — чудо-орхидеи отца, которые, по всем логическим причинам, не могли бы расти в местном климате. Когда кто-нибудь спрашивал, как отцу удавалось вырастить их на открытом воздухе, он оценивал, насколько серьёзен был спрашивающий, и отвечал ему соответственно. Тем немногим, которых он оценивал как достаточно терпеливых, он давал образец почвы и несколько указаний; остальным же он улыбался и говорил, что в Тарлаке есть идеальное секретное свойство. Так оно и было — но лишь потому, что отец добился этого своим уходом и безграничным терпением.

Сады были страстью отца, и, когда я вернулся из Бамаррена, то в ожидании следующего назначения работал его помощником. Сначала для меня было необычно заниматься столь простыми и беспечными задачами. Но позже я начал замечать, что отец стал разговаривать со мной чаще, рассказывая о различных растениях — о кустарниках, о цветах. Мы проводили очень мало времени среди монументов и могил. Постепенно я начал принимать эту перемену и даже наслаждаться ритмом работы. Наверное, в этом и состояла отцовская задумка.

Когда я вернулся домой, мать и отец согласились, что я уже не мальчик. Сами они казались мне постаревшими, особенно отец, а перемены во мне после Бамаррена создали между нами неудобную для всех нас дистанцию.

После возвращения я так и не видел Тейна.

Как-то раз я спросил мать, как он поживает, на что она ответила, что у него всё хорошо, насколько ей известно. Иногда, слыша шаги над нами, я задавался тревожащим вопросом: когда он вернётся в мою жизнь? Но мать и отец никогда о нём не упоминали, а я не спрашивал.

Я редко сидел дома: неподалёку нашлось место для тренировок, где я практиковал боевые приёмы.

Я решительно не желал терять свою отточенную закалку. Время от времени я принимал от кого-нибудь вызов — обычно от отставного солдата или ученика боевых искусств, но они всегда оказывались недостаточно сильными и опытными, чтобы быть мне ровней. Вскоре я проводил официальные занятия, на которых учил разношёрстную группу основным приёмам. И это было намного более ценным, чем борьба с оппонентами слабее себя.

За исключением этого я вернулся к одинокому образу жизни, ожидая новой цели и постоянно спрашивая себя, что мои друзья... и враги... сейчас делали в Бамаррене. У меня были мысли насчет грядущего Турнира, которыми я хотел бы поделиться с Пифасом,

идеи, которые обеспечили бы унижение Баркана. А ещё были чувства, которые бы я не смог описать, но которыми очень хотел поделиться с Паландин.

— Вот кем он стал, Толан. Мужчиной, — услышал я голос матери, подходя к открытой двери нашего дома, вернувшись с тренировки.

— С ним трудно, Мила, — произнёс отец.

— Он и должен быть таким, — ответила она.

— Но не совсем же недоступным? — спросил отец. — Невосприимчивым ко всему? Как он выразит хотя бы свои основные нужды, если замкнётся в себе?

— Так лучше, Толан. Я знаю, что его ждёт, — перебила мать.

На минутку воцарилась тишина.

— Очередной «Бамаррен», — проворчал себе под нос отец.

Вновь повисло молчание, дающее понять, что разговор закончен.

Мне вздумалось прогуляться.

На следующий день мы с отцом пололи и подстригали газоны, начав с детской зоны, куда матери и опекуны приводили детей поиграть. Взрослые разговаривали, работали или читали, а детские голоса создавали щебечущий музыкальный фон. Мы работали тихо и размеренно, но я знал, что отец хотел поговорить.

Но я не знал, почему он колебался.

— Элим, мы с тобой не говорили о первых хебитианцах? — отец нарушил тишину настолько странным вопросом, что я чуть не рассмеялся.

— Нет, — осторожно ответил я.

— Что тебе о них известно?

— Это был... первый народ... ещё до изменения климата, — на истории в школе мы никогда не уделяли много времени хебитианцам. — У них были примитивные солнечные технологии. Когда тропические леса и луга уступили место пустыням, хебитианцы вымерли. Не смогли приспособиться.

— Это то, чему вас учили, — отец едва заметно покачал головой. — Но случилось другое, Элим.

Я ничего не ответил. Мы продолжали работать под звуки детских голосов, оттенённые шумом садовых работ: стрижки, гребли и копки.

— В хебитианцах примитивным было только одно: наше к ним отношение в исторических данных.

Я замер и окинул взглядом окружение. Я впервые слышал, чтобы он усомнился в господствующих взглядах, и прежде всего побеспокоился о том, чтобы нас никто не слышал. Заметив это, отец улыбнулся.

— Вижу, уроки Бамаррена хорошо закрепились. Это благодатная почва для юных умов, — медленно и, как мне показалось, не без боли он выпрямился во весь рост, потянулся и поднял сумку.

— Давай выпьем чаю, — засмеялся он, памятуя, как я поперхнулся его чаем, когда в первый и в последний раз его попробовал. У меня была отдельная тара с распространённым чобанским сортом. Взяв свои контейнеры, мы уселись в тени, глядя на играющих детей.

— Посмотри на них. В их юные головы можно поместить что угодно, и из этого вырастут идеи и убеждения, — он наблюдал, как один ребёнок заходил за игровую зону, пока его не остановила опекунша, которая, судя по жестам, объясняла крохе, почему ему нельзя убежать.

— У первых хебитианцев была развитая культура, во всех отношениях передовая. Да, они опирались на солнечную энергию, но могли себя обеспечить, а большая часть планеты выглядела вот так, — он помахал передо мной контейнером с чаем, указывая на площадки.

Эта мысль показалась мне уж очень необычайной. Мягкий климат и зелень на Кардассии редкость.

— Сложно себе представить, верно? Мы живём в постоянной борьбе с землёй. Мы стали такими же суровыми и сухими... — отец не закончил предложения и отхлебнул чая.

Я вспомнил о своём любимом месте в Бамаррене и уже собирался рассказать о нем отцу — но как описать это укрытие, не упомянув о ней?

— Какими они были? — спросил я, весь обратившись в слух.

— Помнишь, Элим, я брал тебя смотреть хебитианские захоронения за городом Лакариан?

— Да.

Тогда я был ещё маленьким, мы огибали осыпающиеся стены и груды камней и стёртой в порошок плитки. Поездка мне понравилась скорее тем, что мне все было в новинку, чем из-за чего-то ещё, но я запомнил одно резное изображение на стене. Это было крылатое существо с головой кардассианца, смотрящее на солнечный диск. Существо тянулось своими щупальцами к фигуркам, стоящим на сфере и смотрящими на него снизу вверх; щупальца разветвлялись и пронзали тела, проходили сквозь них и в саму сферу. Я рассказал об этом отцу, и он засмеялся.

— Ты это помнишь?

— И ты говорил, что это надо сохранить, пока всё не разрушилось, — вспомнил я его возмущение.

— Да, говорил. Когда я пришёл к начальнику и предложил сохранить всё, что осталось от города, он мне сказал, что этот вопрос уже решается. Что можно было восстановить — продали ромуланским торговцам произведения искусства, а они, в свою очередь, передали это в музеи и коллекции по всему квадранту. Теперь остался один прах, — отец замолчал.

— Какими же они были? — пробормотал он, повторив мой вопрос. — Они ценили душу, Элим. Они были организованными, им приходилось быть, их враги были непреклонными, но они не тратили энергию на покорение других, на накопление ресурсов, которые сами не могли производить. Они умели обеспечивать себя, и эта самостоятельность позволяла холить и чествовать дух общества искусством и культурой.

— А кто был их врагами? — спросил я, поражённый и отчего-то встревоженный словами отца.

— Мы.

От такого поворота я замер:

— Но... как такое возможно? Мы же... потомки того народа, — я вспомнил, как Каликс называл меня «воздушным» и интересовался, не передалось ли это мне от отца. Мать часто жаловалась, что он не мог уяснить суть того, что она называла нашей «реальностью, движимой властью», а он отвечал, что его реальность приводила в движение та же сила, которая растит кусты и другую флору. Из-за этих споров дом всегда казался разделённым и холодным.

— Знаю, тебе сложно понять, Элим. Наша расовая политика запрещает объединяться с покорёнными. Окружающие планеты — то, что мы называем теперь Кардассианским Союзом — завидовали хебитианцам. Пока их планета, которую мы зовём Кардассией Прайм, была здоровой и самообеспеченной, они давали отпор любым попыткам завоевания. Но затем начал меняться климат, ресурсы убывали, дух общества ослабел. Все утратили веру в старый уклад... болезни скосили миллионы... это был лишь вопрос времени. Выжившие сдались захватчикам, которые организовали всё по-своему, опираясь на завоевания и расширение границ, и смешались с побеждёнными. Мы происходим от обеих этих рас.

Отец снова замолчал.

Наше внимание привлёк плачущий ребенок. Я был рад отвлечься от версии нашего происхождения, услышанной у отца, совершенно иной версии. Меня учили, что первые

хебитианцы были примитивными и вымерли из-за климатической катастрофы, что выжившие создали цивилизацию, превосходящую их во всём.

— Мне здесь нравится, Элим. И для меня очень важно, что мы можем провести это время друг с другом за работой, — улыбнувшись, отец положил мне на плечо руку.

Он редко касался меня, и этот контакт меня смутил... но и оставил в теле теплое ощущение. Я почувствовал себя одним из его растений. Он не убрал своей руки с плеча и смотрел на меня с пронизательностью, от которой я испугался того, что ещё он может сказать.

Но он ничего не сказал. Мы молча закончили работу и собрали вещи.

Всю дорогу до дома на общественном транспорте мы молчали. И как раз перед тем, как войти в дом, отец остановил меня, взглянул на меня.

— Я хочу показать тебе кое-что, Элим.

Отец провёл меня в свою уединённую комнату, где он держал всё своё имущество — от резьбы до трудовых характеристик. Он поставил сумку и открыл огромный отсек. Повозившись с чем-то внутри, он достал что-то похожее на лицо, выточенное из камня. Отец протянул его мне. Это оказалось лицо, вырезанное на фреске, про которую я вспоминал.

— Что это? — удивился я.

— Маска для публичных чтений. Хебитианские поэты носили такие на фестивалях в честь Оралия.

— Он был... их лидером?

— В духовном плане.

Моё смущение, видимо, было очевидным, потому что отец понимающе кивнул.

— Я знаю, это непросто. Оралий не был телесным созданием, Элим, он не жил в том смысле, в каком живы мы. Он был явлением, духовной сущностью, которая вела всех к более высоким идеалам, поддерживающим в жизни, — отец усиленно старался описать мне то, что мне совершенно не с чем было сравнить.

— И как это их поддерживало? — поинтересовался я.

— На фестивале поэт перед декламацией надевал маску. Таким образом он уже не был Элимом, Толаном или кем-то ещё. Он был проводником... посредником, дарящим нам мощь Оралия своей поэзией... тем, кому хотелось... — отец подбирал подходящее слово.

— Поддержки? — предположил я.

— Да, — отцу был приятен мой интерес.

— Это и есть твоя... «сила», которая помогает расти цветам?

Отец широко улыбнулся, и я решил, что он сейчас схватит меня. Он никогда не смотрел на меня таким взглядом, и я почему-то гордился тем, что мой вопрос вызвал такую реакцию. Внезапно он уставился куда-то мимо меня, и выражение у него на лице, таком открытом, таком оживлённом в попытках объяснить необъяснимое, стало таким же недостижимым, как у той обезличенной маски.

В дверях стояла мать. Не знаю, сколько она там пробыла, но довольной она не выглядела.

— О, Толан, — только и произнесла она.

— Прочь, Элим, — шикнул отец.

Мне было знакомо это мощное силовое поле, на которое я уже множество раз наткнулся. Из-за него я всегда чувствовал беспомощность, и этот раз не стал исключением. Я с радостью повиновался. Но, выходя из комнаты, я заметил взгляд матери, которым она смотрела на отца. Я бы никогда не назвал их отношения тесными — скорее, это были продуктивность, взаимодействие, — но до этого момента я не понимал, насколько на самом деле велико расстояние между ними.

Я спешно покинул комнату, проскользнув мимо матери.

2.3.

Запись:

— Не слишком жарко? — поинтересовался я.

— Жарко, — Ремара распласталась на влажной каменной глыбе. — Но вполне приемлемо.

Она несколько раз интересовалась, можно ли ей вместе со мной навестить голокомнату с моей излюбленной программой, но я никогда не воспринимал её предложения всерьёз.

— Вы приходили сюда с Зиял, да?

— Нам здесь нравилось. Как тихая гавань после шторма.

— Да, должно быть, трудно, — Ремара повернулась, и я заметил, насколько она вспотела. Её кожа словно сливалась с камнем.

— В чём заключается сложность? — поинтересовался я.

— В ваших отношениях с её отцом. Должно быть, это вам мешало, — ответила она.

— Она знала, кто он, — сообщил я.

— А кто вы, она знала?

— Конечно же! — я расплылся в улыбке. — Простой и безобидный портной, нашедший друга, чтобы погреться на камнях.

Ремара улыбнулась в ответ, но не потеряла нить беседы.

— Знала ли Зиял, что вы сыграли не последнюю роль в смерти её деда? — её улыбка становилась всё более привлекательной из-за жары.

Чем больше она держалась, тем прекраснее становилась.

— Я рад, что жар пришелся вам по душе, дорогая. Я и понятия не имел, насколько выносливы могут быть баджорцы.

— Мы любим принимать солнечные ванны, — ответила она, меняя позу на не менее изящную. — Она связывала его смерть с вами?

— Если и связала, то никогда мне не говорила об этом.

— Разве вам не было любопытно?

— Не столь любопытно, как вам. Когда полковник Кира сказала, что вы наводите обо мне справки, я пошутил, что вы пишете книгу. Возможно, в этой шутке была доля правды. Вы слишком хорошо проинформированы.

— Это Нерис вас попросила, не так ли?

— И ей показалось подозрительным, что вы не спросили непосредственно у меня.

— Не удивлена.

Теперь она лежала на спине, запрокинув голову.

Дышать становилось труднее. Было бы смешно, заверши программу из-за невыносимого жара я.

— В прошлом у нас с Нерис были трения, — её голос звучал словно издалека.

Глаза Ремара были закрыты, и она, казалось, опять стала единым целым с камнем.

— Правда?

— Мы познакомились ещё на Баджоре.

— Неужели и вы состояли в Соппротивлении? — я залюбовался тем, как она подняла и согнула ногу, как переливались сокращающиеся мышцы.

Я сделал глубокий вдох, восстанавливая дыхание. Возможно, всё из-за жары, но, даже учитывая расстояние между нами, её физическое присутствие становилось отягощающим и подавляло меня.

— Когда-то мы были с Кирой очень близки, — мечтательно произнесла Ремара.

Мне казалось, что она скоро уснёт.

— А теперь — нет?

— У нас были кардинально разные жизненные пути, — спустя время ответила она.
— Нет, я не присоединялась к Сопротивлению, — открыв глаза, Ремара села и основательно потянулась. — Знаете, Элим, похоже, я достигла предела своей выносливости.

«И как раз вовремя», — подумал я.

Одним лёгким движением она соскользнула с камня и направилась к выходу. Я застыл, наслаждаясь её движениями, и задался вопросом: как художнику запечатлеть изысканную гармонию её тела?

Также меня заботило то, как продолжать с ней общение, зная, насколько опасно это может быть.

Вопрос полковника эхом отдавался у меня в голове:

— Что ей нужно от вас, Элим?

2.4.

Запись:

Утром я с удивлением обнаружил, что отец ушёл на работу без меня.

— Сегодня ты пойдешь со мной, — это было первое, что мне сказала мать.

Когда я принялся спрашивать, куда мы направляемся, она прервала меня:

— Узнаешь!

За завтраком мы молчали. Напряжение в комнате говорило за нас.

Оказавшись на улице, я быстрым шагом последовал за ней. Она была некрупной и коренастой, со слишком рано поседевшими волосами и волевыми чертами лица, которые сейчас выглядели ещё отчётливее.

Мама всегда была требовательной ко мне, но у меня складывалось ощущение, что было что-то очень важное и весомое, что она постоянно держала в голове. Хотя это и озадачивало, но придавало смысл всем её действиям.

Когда мы вышли на оживлённые и шумные улицы, меня поразило, как это ничем не отразилось на её решительном марше. На кардассианских улицах часто происходили столкновения, прохожие натывались друг на друга, пытались отвоевать хоть немного личного пространства. Мама же двигалась строго своим курсом, и окружающие расступались перед ней. Она вела себя так, что казалось, находилась вне всей этой суеты.

— Сегодня твой первый рабочий день, сын, — не оборачиваясь, произнесла она, вышагивая впереди.

— Я буду работать каждый день своей жизни, — ответил я, вложив в эту фразу всю свою детскую преданность отцу.

— Эта работа не для тебя, — заявила она, — теперь ты мужчина и тебе дана отличная возможность. Я хочу, чтобы ты вёл себя как мужчина и шёл по тому пути, который перед тобой открылся.

— Разве я когда-нибудь действовал наперекор твоим желаниям, мама?

Я посчитал, что она, должно быть, улыбнулась.

В детстве моё прозвищем было Слег. Слег корган — это огромный ползучий зверь, который часть года проводил практически полностью неподвижным.

Я был не совсем уверен в том, каким будет этот путь. Возможно, моя психика запустила защитную реакцию от этой новой «возможности» — слова, которое теперь означало для меня только измену.

— Мне сказали, что в институте ты проявил определённые способности, — продолжила она, — но также мне известно, что были и некоторые упущения... сентиментального характера.

Я промолчал. Мне почему-то стало неловко от мысли, что она знала о Паландин.

— У твоего отца есть некоторые идеи, с которыми я не согласна... мы не будем это обсуждать. Советую тебе забыть о них, потому что это лишь затруднит тебе работу.

Она остановилась и в первый раз посмотрела прямо на меня:

— Пойми, Элим. Тебе дают возможность достигнуть чего-то большего, чем класс обслуги.

Я отшатнулся, услышав то, во что не мог поверить — что работа моих отца и матери была незначительной и унижительной.

— Меня учили, что класс обслуги — незаменимый элемент мозаики кардассианского общества, — грубо сыронизировал я.

— Послушай! — меня поразила страсть в её голосе. — Ты — мой сын! И ты кардассианец, а не хебителианец! Посмотри вокруг! — приказала она.

Мы находились на большой общественной площади, окружённой зданиями, олицетворяющими силу Союза.

— Хебитианцы не строили этого! Это были кардассианцы! Мы с твоим отцом своей службой поддерживаем это, но ни на что не влияем и не руководим судьбой Союза. У тебя же есть такая возможность. Вот почему ты должен подчиниться сейчас! Ты понимаешь меня, Элим? Как только мы войдём внутрь, — мать указала на дверь, ведущую в подземные уровни здания Ассамблеи — помещения Обсидианового Ордена, — ты должен будешь подчиниться своей судьбе.

В маминых глазах плескалась смесь страсти и беспокойства, почти столь же сильные, как и у отца. Я молча кивнул. Она глубоко вздохнула и взяла себя в руки. Неосознанно она пригладила мне волосы и одёрнула тунику.

— Ты хороший мальчик, Слег, — на этот раз мама действительно улыбнулась.

Я проследовал за ней, и мы вошли в здание.

И тут я понял, что у меня не было выбора. Отец определённо тоже понял это, и потому ушёл утром без меня. Остальное же для меня оставалось тайной.

И всё стало только таинственнее, когда человеком, встретившим нас, оказался Энабран Тейн.

— Рад снова видеть тебя, Элим. Спасибо, Мила.

Он отпустил маму, и она ушла, не взглянув на меня и оставив один на один с этой его долгой улыбкой, заставившей меня растеряться. Он вообще когда-нибудь моргает?

— Садись.

Я подчинился.

Повинуйся и не спрашивай, наказала мне мама.

Я огляделся: комната была маленькой и захламленной. В данном интерьере дородная, облачённая в бесформенные одежды фигура Тейна создавала впечатление о нём, как об очень важном человеке. Но теперь-то я знал, что не стоит доверять первому впечатлению, особенно когда речь шла о Тейне.

— Каждый имеет собственное мнение, Элим.

— Простите?

Я что, пропустил начало этого разговора?

— Ты считал Бамаррен подходящим местом для себя? — спросил он.

— Я...

Слушай его и отвечай честно, — посоветовал внутренний голос.

— Да, мне хотелось остаться и завершить обучение.

— Первый Префект не обрадовался, что ему пришлось лишиться такого ученика.

Тейн молча изучал меня.

Слушай — напомнил мне голос. — *Не отводи взгляда. Вдох.*

Это Каликс, подумал я. А пыль этого кабинета вместо песка на Арене.

— Спроси десятерых, и ты услышишь десять мнений. Хочешь узнать моё? — вежливо поинтересовался Тейн.

— Да, — я все ещё не знал, как к нему обращаться.

— Мы всегда добиваемся того, что нам нужно, Элим. Мы выслушиваем много мнений, но в итоге добиваемся того, что нужно нам. Что нужно тебе?

— Я никогда... не задавался этим вопросом.

— Так поступает большинство — руководствуются инстинктом, чтобы удовлетворять основные потребности. Но они не понимают одного — если ты не ответишь себе сам, то другие ответят за тебя. А ты так никогда и не узнаешь, кто ты и что тебе нужно на самом деле.

— Так вот что делаете вы! Отвечаете за меня? — гнев в моём голосе удивил меня самого.

Тейн улыбнулся.

— Ты узнал в Бамаррене всё, что было нужно. Если бы ты остался там дольше, у тебя бы появились... навыки... полезные для других организаций. У нас всё иначе, понимаешь? Я не уверен, что даже Первый Префект понимает.

— И для чего я здесь? — теперь я почувствовал себя смелее.

— Ты здесь для того, чтобы узнать, кто ты есть, и создать свою собственную историю.

— Историю?

— Свою историю. До сих пор твою историю писали другие: Мила, Толан, твои доценты.

— Вы? — поинтересовался я.

Тейн рассмеялся:

— Может быть, но теперь у тебя есть возможность изменить это.

Возможность. Слово как будто ставшее моей тенью. Тейн коснулся панели своего компьютера.

— Лимор, зайдите, пожалуйста.

— Обсидиановый Орден? — спросил я.

— Что ты о нас знаешь?

— Ничего.

— Хорошее начало.

— Что мне делать?

— Для начала ты узнаешь, как собирать и обрабатывать простую информацию.

Одновременно с тем, как Тейн говорил, в кабинет вошёл высокий неприметный мужчина неопределённого возраста. Энабран поднялся ему навстречу.

— И Лимор Пранг поможет тебе начать. Это Элим Гарак, наш новейший младший стажёр, — сказал Тейн Лимору, лицо которого не выражало ровным счётом ничего.

Тейн обернулся ко мне, его улыбка исчезла.

— Больше ты не будешь жить дома. Твои визиты домой будут ограничены праздниками и именинами. Ты никогда никому не расскажешь о своей работе. Для всех ты аналитик в Зале Записей. Когда ты будешь видеть здесь свою мать, называй её Мила и относись к ней так же, как к любому другому коллеге.

Он посмотрел на меня, пытаясь оценить реакцию на последний приказ.

— Ты получишь всю необходимую информацию и задания от Лимора. Благодарю.

Тейн вернулся за свой стол, а Лимор сделал знак покинуть кабинет. Мы были свободны.

Моя жизнь снова изменилась. Тейн заметил мои колебания.

— У тебя остались вопросы, Элим?

Кроме вопросов у меня уже ничего не оставалось.

— Я... я не знаю, как мне вас теперь называть, — сказал я, наконец.

— Ты что, забыл? Меня зовут Энабран Тейн, — он снова улыбался.

— Нет... Энабран.

За всю свою жизнь я ни разу не встречал никого, кто бы столь немногословно мог сказать так много, как Лимор Пранг. Всё, что его составляло, было таким же лаконичным и беспристрастным, как его внешний облик. Он всегда выглядел так, словно находился в тени. В самой светлой комнате приходилось дважды осматриваться, чтобы его заметить. Я думал, что я хорош в искусстве маскировки, но Лимор заставил меня почувствовать себя неуклюжим эксгибиционистом.

В конце нашей первой встречи Лимор выдал мне персональный комчип.

— Здесь твоё расписание и необходимая информация, ответы на все вопросы. Запусти первую программу до того, как покинешь здание.

Я посмотрел на чип, который по размеру был меньше ногтя моего большого пальца. Когда я отвел от него взгляд, Лимор уже исчез. Я сел на единственный стул в помещении и активировал чип.

— Элим Гарак. Кодовое имя: Регнар. Класс: младший стажёр. Поместите чип в правое ухо, — проинструктировала голосовая запись.

Я сделал то, что было велено, и программа ориентации объявила, что связь происходит один раз и более не повторяется. Именно сейчас мнемонические тренинги памяти из Бамаррена оказались бесценными.

Мне назначили жильё, а также сообщили время и место моей первой встречи, проинструктировали о том, где и когда начнётся моё обучение. Затем программа сообщила несколько кодов, которые могли пригодиться мне в различных ситуациях — от установки времени и координат местоположения до описания степени опасности. Когда программа завершилась, моя голова готова была взорваться от обилия жизненно необходимой информации.

2.5.

Продолжая складывать из обломков груды разных форм и размеров, я понял, что первый этаж дома Тейна был построен достаточно прочно, чтобы выдержать разрушительный удар и удержать вес обрушившегося материала. Благодаря этому основание осталось целым. Теперь оставался лишь вопрос очистки пути к люку, ведущему в подвал.

Но я колебался: я знал, что я найду там, доктор.

Когда я начал эту работу, большинство полагали, что я хочу отстроить дом заново. В конце концов, строительство происходило повсюду. Кто-кто, а кардассианцы усердны, и из праха и руин возникал новый город, хоть и более примитивный. Каждый раз, как вырисовывался приблизительный облик дома, с ним рос и моральный дух сектора. Сначала мои усилия сбивали всех с толку. Большинство считало, что я потерял рассудок и что мне нужно было делать что-нибудь, хоть что угодно, лишь бы себя занять. Некоторые даже давали услужливые советы по восстановлению, но, когда поняли, что я не собираюсь их выслушивать, оставили меня в покое. Спустя какое-то время им стало интересно, и их отношение изменилось. Многие стали проявлять уважение, как доктор Пармак, даже почтительность. Однажды вечером я вернулся с работы и встретил небольшую группу, окружившую одну из возведённых груд рядом с дорогой. Как и Пармак, они произносили имена в традиционном отпевании ушедших.

И в этот момент я решил, что не только не стану раскапывать подвал, но и не отстрою дом Энабрана Тейна. Вместо этого я создал самую большую и амбициозную композицию там, где раньше располагался центр дома — кабинет Тейна. Это был мой мемориал Миле, которая останется захороненной в подвале.

Если людям и нужно место для скорби по погибшим, скорби по жизни, что никогда не вернётся, то я предлагаю дом Энабрана Тейна, того, кто ответственен в большей мере за провокацию этих разрушений.

Пармак прав: как иначе нам ещё двигаться дальше?

2.6.

Запись:

Первая встреча с ячейкой состоялась на пустом холодном складе в секторе Мунда'ар, почти полностью состоявшим из хранилищ для продуктов питания и других товаров, поддерживающих жизнь в городе. Войдя в громадное помещение, я обнаружил его пустым.

Я поместил свой чип в правое ухо и получил указание направления к скрытой лестнице, которая привела меня в тёмную комнату, где полукругом стояло десять стульев. Все они были развёрнуты к ещё одному, стоявшему отдельно в луче света.

Два стула были пусты, и только после того, как я занял один из них, то заметил Лимора Пранга, сидящего на стуле напротив. Восемь членов ячейки, опередивших меня, тихо сидели в тени, за границей круга света. Хотя контакты между нами не поощрялись, мы все исподтишка бросали друг на друга взгляды, пока нас не прервал последний пришедший, спустившийся по лестнице. К этому моменту мои глаза уже привыкли к темноте, и когда я украдкой взглянул на опоздавшего, меня поразило, что его лицо показалось мне знакомым. Я знал его, но не мог понять, откуда именно — возможно, из Бамаррена.

— Больше никогда не опаздывайте.

Это было сказано тихо, но таким образом, что каждый в комнате услышал.

Встреча вышла короткой. Мы стали новой ячейкой. Лимор говорил мало, убедился, что мы представились только кодовыми именами. Десятый пришедший, показавшийся мне знакомым, назвал себя Маладек. Лимор сказал, чтобы мы запомнили не только имена, но и лица и голоса настолько хорошо, насколько сможем. Встреч ячейки, подобных этой, у нас больше не будет. Если мы когда-нибудь увидимся снова, то только «на задании». Потому нам необходимо было запомнить друг друга как можно лучше, хотя нам и не позволяли выйти за пределы первых поверхностных впечатлений.

Перед тем, как мы разошлись, я снова взглянул на Маладека. Он тоже смотрел на меня, и я был шокирован, когда понял, что и он узнал меня. И в этот момент я вспомнил — в Бамаррене он был Первым Рамакланом, студенческим лидером, потерпевшим унижительное поражение в Турнире. Однако его взгляд ничего не выражал.

Мы покидали помещение в том же порядке, в котором прибыли. Нас предупреждали, что мы никогда не должны передвигаться группой. И когда я направился к лестнице, Маладек (или Рамаклан) избежал моего прощального взгляда.

Возможно, это было только поразительном сходством.

Я решил отправиться в сектор Торр, где располагалось моё новое жильё, и запросил указания персонального чипа.

Это была потрясающая ночь. Свет Талувианских созвездий, передающий на поверхность планеты какое-то тайное послание, напомнил мне о пустыне Мекар и куда более безмятежных временах. Быть может, если бы я смог расшифровать сообщение, скрытое в потоке звездного света, я мог бы разгадал и тайну, сопровождавшую всю мою жизнь.

Я замедлил шаг, погружившись в мысли о матери, отце и обо всём, что, в конечном итоге, привело меня в мой новый дом. Я чувствовал себя непривычно отчуждённым, будто бы шёл рядом и наблюдал со стороны за Элимом Гараком, играющим отведённую ему роль в собственной судьбе. Судьбе, которой он подчинился и которую не в силах был контролировать.

Появление группы прохожих заставило меня снова вернуться в своё тело.

Как нетипично для этого времени ночи. И как неуклюже они пытались не привлекать к себе внимание, игнорируя друг друга и изображая незнакомцев, которые случайно оказались в одно время в одном месте. Теперь я в полной мере понял, почему Лимор предостерегал нас от такого «группового» поведения. И всё же, изучив этих ребят, я отметил, что в них не было ни капли вины или стыда за своё поведение. Между ними действительно была связь, и как бы они не притворялись, они не могли её скрыть. Это почти заставило меня преследовать их до тех пор, пока я не увижу, как они войдут в одно здание. Однако, я всё же неохотно признал, что мне лучше «подчиниться своей судьбе», и я продолжил свой путь, ускорив шаг.

Мне досталось скромное жилище в старом районе. Коммуникационный чип дал мне код доступа к боковой двери, ведущей в безупречно чистый подвал.

Опять подвал, но гораздо меньше, чем тот, что был дома. Интересно, смогу ли я когда-нибудь жить на уровне земли или выше него, в городе?

Несколько моих личных вещей привезли из дома Тейна и аккуратно сложили на мою койку. Мне понадобилось совсем немного времени, чтобы разобрать их и осмотреть комнату со всеми минимальными удобствами. Когда делать было больше нечего, я решил поспать.

Но только не смог. С лестницы раздался тихий шорох.

Это не Тейн.

Но как я мог быть уверен? Казалось, он мог появиться где угодно в моей жизни. Я подумал об отце и о том, когда снова смогу его увидеть. Смогу ли я когда-нибудь снова посадить эдоссианские орхидеи? Вопрос растворился в густой тьме моего нового дома.

Самые отвратительные изображения растерзанных трупов, массовые бойни везде, куда бы ни упал мой взгляд. Я чувствовал запах... чувствовал... Я понял, что больше не могу. Лица всех, кого я знал — родителей, тех, кто были мне ближе всех в Бамаррене — искажены, застыли в предсмертной агонии, звуки последнего разрушительного катаклизма стали невыносимо громкими и перешли в визг, в котором задохнулась надежда.

А потом ничего не стало. Куда ни посмотри — вокруг лишь мёртвая пустота и одиночество. Тишина конца времён. Не осталось никаких звуков, всё утонуло в горе и скорби. Моё дыхание стало сдавленным. Пустота сжималась, тишина и тьма наступали со всех сторон. Я не мог сглотнуть.

Прекрати. Закончи это прямо сейчас!

— Достаточно, — произнёс Лимор, и я снова оказался в комнате для симуляций.

Он внимательно изучил мою реакцию, пока я изо всех сил стремился восстановить дыхание.

— Тебе нужно повысить устойчивость.

— Я ведь ничего не сказал!

Я слишком сильно оборонялся, мы оба это знали.

Он был прав. Мой ужас вызвал в моём мозгу худшие картины. Я не мог сохранять дистанцию, которая уберегла бы меня от боли. Он всего лишь смотрел на меня, и я знал, что нахожусь на грани. Разве мог бы я выдержать даже не самый тяжелый допрос?

— Мы продолжим работать над этим, — всё, что сказал мне Лимор.

— Раньше... никогда не было такого. Третий уровень, видимо, требует некоторых проработок.

Я понимал, что потерпел неудачу — и я не хотел так просто с этим мириться.

— Есть способы, Элим, — произнёс Лимор, снимая устройство с основания моего черепа.

Я потёр чувствительную область на затылке, к которой было прикреплено устройство.

— На сегодня достаточно.

Лимор забрал усилитель и покинул комнату. Я размышлял о своей неудаче, первой с начала моих тренировок в качестве младшего разведчика.

Усилитель — это модулятор размером с чип, используемый для сложных допросов. «Инструмент последней инстанции» — так называл его Лимор. А это значило, что используется он только тогда, когда все остальные методы воздействия не дали результатов. Усилитель опасен, так как неправильная настройка может привести допрашиваемого к дезориентации, безумию и даже смерти.

После установки он воздействует на «старый» участок мозга, примал нексус, или первичное звено, в котором сохранился «генеральный план» нашего физического устройства и эволюции. Любое выздоровление от болезни или травмы зависит от целостности этого «генплана». Но ещё в нексусе сконцентрирован и наш глубочайший инстинктивный страх смерти и уничтожения.

Усилитель же атакует защитные нейтронные барьеры нексуса, имитирует сигналы, которые новый мозг посылает в старый при возникновении травмы, запрашивая «генплан» восстановления. Так как нейтронные барьеры разрушены, визуальные образы, которые формирует этот инстинктивный страх, «усиливаются» и проникают в новый мозг, словно яд, до тех пор, пока допрашиваемый полностью не дестабилизируется. Или того хуже...

Никто не знает, с какими страхами может жить индивид. И усилитель в руках дурака или садиста — это лишь орудие пытки, а не средство сбора разведывательных данных.

В комнате симуляций Лимор своими глазами увидел мои самые глубокие страхи. Я задавал себе вопрос: повлияет ли это как-то на моё будущее в Ордене? Поэтому к тому времени, когда я изучил различные методы допроса и убийства, получил идентификационные данные, учебные коды и сложные технологические устройства, я уже мечтал поскорее получить задание и проявить себя. Потому я почувствовал большое облегчение, когда пришёл приказ посетить моё первое совещание по подготовке операции.

2.7.

Запись:

Всё, о чем я могу думать, это о Тзенкете, и я вижу, как рушатся стены вокруг меня. Когда я читаю, шью или перемещаю выставленную одежду (оптимистично надеюсь на то, что магазин когда-нибудь снова откроется), я чувствую, как медленно надвигаются стены.

Я поднимаю взгляд — они в полном порядке.

Я с облегчением увидел, что пришло время обеда и что я могу провести какое-то время вне магазина и этих кодов. Тзенкет был местом встречи, где я за годы до этого должен был встретиться со своим баджорским контактом. Только после взрыва я понял, что меня предали. Не знаю, сколько я оставался захороненным заживо в руинах, пока меня не откопала поисковая группа. Только спустя несколько недель я смог вернуться к нормальной жизни.

С тех пор стоит мне оказаться в стрессовой ситуации — в голове возникает образ рушащихся стен. Я проклинал эти кардассианские военные коды. Я знал, как отчаянно Федерации нужно было их расшифровать, но каждый раз, как я начинал заниматься ими, на меня начинали надвигаться стены. А ведь коды не были уж такими хитрыми! Те, которые мы придумывали в Ордене, были гораздо сложнее.

Идя по променаду к лазарету, я отвлёкся от Тзенкета и задался вопросом, почему доктор пригласил меня на обед. Раньше я бы над этим и не задумался, но в последний раз мы обедали так давно, что я насторожился. Наши отношения безвозвратно изменились, и было бы глупо притворяться, что даже простой обед обойдётся без этого.

— Здравствуйте, Гарак, — он ждал у входа. — Надеюсь, вы не против, но я кое-что приготовил для нас и подумал, что мы можем пообедать у меня в кабинете.

— Нет, звучит неплохо, — его предложение застало меня врасплох, поскольку раньше мы никогда не обедали в его кабинете.

Я последовал за ним; он повёл меня к захламлённому участку, где обычно проводил частные приёмы. Когда я увидел, что на столе накрыто для троих, я вошёл в режим полной готовности.

— Мы ждём кого-то ещё, доктор? — спросил я.

— В общем, да... вернее, Одо собирался подойти, но он может задержаться, — Башир был слишком уж непринуждённым, хлопотав с подачей приготовленных блюд. — Он сказал, мы можем начать без него, — доктор снял крышку с моего блюда, одного из моих любимых кардассианских: тоджал в соусе ямок. Теперь я был уверен, что творится что-то неладное.

— Где вы это нашли, доктор? — я не решился ему сказать, что тоджал едят на завтрак.

— Как ни странно, шеф-повар в клингонском ресторане считает себя межгалактическим гурманом. Хотя, боюсь, с картошкой фри у него пока ещё не всё ладно, — произнёс доктор, демонстрируя длинную и сочащуюся жиром полоску того, что он называл жареной картошкой.

— А что за событие, доктор? Вам необязательно было утруждаться. Вы занятой человек.

— Я просто подумал, что было бы славно, если сегодня у нас будет немного уединения, — произнёс он, не смотря прямо в глаза.

— О. Есть какая-то особенная причина? — поинтересовался я, приступая к еде.

— Я... на самом деле я собирался поговорить об этом после обеда, — я видел, что доктор был не в своей стихии. Возможно, его смущало, что нам пришлось обедать без третьего лица.

— Поговорить о чём, доктор? — я отложил столовые приборы и обратил ему всё своё внимание.

— Ну, я надеялся, что к нам присоединится Одо, — доктор скользнул взглядом по двери, лишь подкрепляя мои подозрения.

Он вдруг кивнул.

— Да, верно. Лучше перед едой, проще переварится, — внезапно он вскочил. — У меня есть рокасовый сок... или желаете чаю?

— В чём дело? — моя настойчивость вернула его на место.

— Вы знаете, как важны для нас эти коды. Мне не нужно объяснять, что значит эта информация.

— Никто не знает этого лучше, чем я, — заверил я.

— Конечно же, нет. И я понимаю, что вы по какой-то причине... не можете их нам расшифровать.

— Да? — переспросил я.

— Видите ли, это так сложно, Гарак. Я знаю, какой вы закрытый и как не любите тех, кто вмешивается в ваши дела...

— Для шпиона это иронично, не правда ли?

— Нет, у каждого есть право на личное пространство, но... в нынешних обстоятельствах...

— Капитан Сиско очень хотел бы, чтобы я продолжил.

— Да, — наконец-то признал Башир.

— Мне бы ничто не принесло большей радости. Но скажите, доктор, как мне это сделать? — спросил я. — Как только я вижу эти зашифрованные символы, у меня пережимает горло, и, когда я начинаю работать над ними... — я пожал плечами.

Как объяснить необъяснимое?

— Видите ли, может быть, я смогу помочь вам это решить.

— Ваша голо-программа. Та, которая даёт пережить травмы детства.

— Не знаю, советовать ли её, вспоминая, как вы отреагировали в прошлый раз... но да, думаю, она могла бы принести пользу, — бодро признался доктор.

— О, доктор, — вздохнул я, — мы так отличаемся. Может, когда-нибудь я смогу показать вам, насколько мы разные, — отодвинув тарелку, я глубоко вдохнул, чтобы унять растущее беспокойство. — Все мои так называемые травмы детства находятся прямо здесь и сейчас со мной, в этой комнате.

— Да, конечно, — с готовностью согласился доктор.

— Но они не скрыты. Они случились, оказали своё действие, и всё это включено в ту личность, которой я являюсь.

— Я знаю, — заверил меня доктор.

— Нет, не знаете. Потому что вы действуете по человеческой психологической модели. Вы бы ориентировались на человеческую модель, если бы вам нужно было провести на мне деликатную операцию?

— Конечно, нет.

— И вы это доказали. Не зная кардассианской биохимии, вы отправились в колонию Арават, чтобы получить нужную информацию от самого Тейна и удалить имплантат из моего мозга. Так в чём же разница здесь? — вопрос повис в воздухе.

У доктора не было ответа, и по его выражению лица я видел, что эта ситуация действительно смущала его.

— Прошу, доктор, я понимаю, почему вы об этом просите. Но стресс, беспокойство, страх, которые испытывает кардассианец — не из-за того, что что-то случилось. Мы уже прожили прошлое; нас тревожит то, что впереди.

— А вы не думаете, что то, что впереди, связано с прошлым? — спросил он.

— Конечно, связано, но не так универсально, как вы предполагаете. Одна модель не подходит всему, какой бы замечательной она ни была, — я улыбнулся и указал жестом на доктора, но он был не в настроении для комплиментов.

— У меня нет опыта в этой области, Гарак, и я не стану тратить наше время впустую, но я прошу вас, как друга, помочь мне. Чем сможете. Эта информация может спасти несчётное количество жизней.

— Помочь вам, помогая себе, вы хотите сказать.

— Чем получится.

— Даю слово, доктор. Я сделаю всё, что смогу.

— Я в этом не сомневался, Гарак.

Я кивнул, пристально глядя на третий комплект приборов.

— Скажите, доктор, почему вы сегодня пригласили Одо?

— Я подумал, что, раз вы вместе работаете над этим проектом... — он осёкся: — Думаю, я слишком боялся сделать это сам, — наконец признал он.

— Я ценю вашу честность, доктор. Пожалуйста, заверьте капитана в том, что я получу сегодня новые коды от Одо.

— Спасибо, Гарак, — доктор, казалось, почувствовал большое облегчение. Он взглянул на нашу еду: — Боюсь, всё уже остыло. Почему бы всё-таки не пойти в реплимат?

— Отличное предложение, — с готовностью согласился я.

Комната стремительно становилась слишком тесной. Когда мы вышли на променад, мне стало любопытно, что несёт в себе моё будущее, что меня душит?

И как мне это преодолеть?

Уже при мысли об этом мне было трудно дышать.

2.8.

Запись:

Подойдя к зданию Дипломатической Службы, которое находилось недалеко от Зала Записей, я просмотрел информацию о своём прикрытии. Я должен был представиться Алардигон Раорном, младшим сыном Края, новоиспечённого консула в Посольстве Кардассии на Товуне-III, где до сих пор продолжались мирные переговоры между Федерацией и Кардассией.

Меня предупредили, что я должен быть очень осмотрителен с военными, которые охраняли дипломатическую базу. У них был свой собственный аппарат разведки и безопасности, который сделает все, чтобы дискредитировать Обсидиановый Орден. Армия не доверяла Ордену и тому, как он находился, казалось, вне властной структуры. Тот факт, что Совет Детапы выбрал Орден, а не военных для ведения этих переговоров, только усугубил соперничество между структурами. Иногда бывало, что военные и Орден действовали совместно, но крайне редко, и только тогда, когда Совет не оставлял им выбора.

— Хорошо, проходите, — глиин неохотно пропустил меня после проверки кода безопасности.

Я улыбнулся своей самой благодарной улыбкой (что было полностью проигнорировано) и по пути в назначенный конференц-зал понял, что так называемое соперничество велось в одностороннем порядке. Разум военного не способен к тонким и творческим интригам.

Первым, кого я увидел, войдя в комнату, был Маладек. Он одарил меня ответным взглядом и с откровенно скучающим выражением лица вернулся к своему коммчипу. Пришёл он как раз вовремя. Лимор объяснил, что Маладек будет моим «старшим братом» по имени Бегом. А другой член нашей ячейки, Унал, будет Крайем — нашим «отцом». Когда я внимательно изучил всех троих, то понял, что мы и правда были похожи на семью.

Целью мирных переговоров было урегулирование спора о границах между Кардассией и Федерацией. Спор шёл вокруг нескольких планет, из которых самой важной была Дорван-V. В ходе переговоров было достигнуто мировое соглашение.

Задание, на которое меня отправили, разочаровывало. Унал нёс полную ответственность за все переговоры с его контактными лицами на стороне Федерации, так как был опытным оперативником. Я и Маладек были нужны там только для того, чтобы повысить доверие к прикрытию Унала, а также просто смотреть и учиться.

— Запоминайте свою историю, выполняйте приказы и служите Кардассии, — предупредил Лимор двух «братьев».

Товун-III — приятная, хотя немного влажная и чересчур прохладная планета на границе с Федерацией. В основном она служила форпостом для торговых судов и тех туристов, которые мечтали посетить горные склоны Мандара — огромного вулкана, спящего уже более 200 лет. Посольство Кардассии, по своей сути, состояло из главного административного здания и нескольких жилых резиденций, пристроенных к нему. Они создавались как временное жильё, но со временем превратились в постоянное.

Меня и Маладека поселили в смежные покои. Из-за отвратительной конструкции строений каждый из нас слышал любой шорох из апартаментов соседа. Это обстоятельство заставляло меня стесняться и стараться вести себя тихо. Но Маладек шумел так, как будто не знал об отличной слышимости или ему просто было наплевать.

Странное поведение даже для начинающего сотрудника Службы Безопасности. Ко мне он относился сдержанно, но корректно. Никто из нас не говорил ни о чем, кроме работы, и уж точно не о Бамаррене. Даже после узнавания, произошедшего в первую нашу встречу, я не был уверен в том, помнит ли он, кто я. А если и помнит, то знает ли о моём вкладе в исход Турнира? Эта неопределённость не давала мне покоя.

Нас пригласили на все социальные мероприятия. На приёме в Посольстве Федерации, который давали накануне переговоров, состоялось моё первое знакомство с людьми. До этого вечера я видел их только издали, много лет назад, когда делегация официальных лиц Федерации прибыла в Сектор Тарлак на похороны советника Эруда, который был главным сторонником мирного решения пограничных вопросов, и чьё имя было произнесено несколько раз в течение этого вечера.

Маладек, казалось, был знаком с людьми. И когда он вынес решительное суждение о том, что они являются тупой расой, я посчитал, что он знает, о чём говорит.

— Посмотри на вулканцев, — он указал мне на высокого мужчину с печальными глазами, — да, у них нет хребта песчаного червя, но они, по крайней мере, умны. Они понимают сложность этой политической ситуации. Я просто надеюсь, что Унал не ударит в грязь лицом, — сказал он, переведя взгляд на нашего «отца», разговаривающего с невысоким седым человеком.

— Ты имеешь в виду — Край, — поправил я.

Нам было строго запрещено использовать иные имена, кроме тех, что были нашим прикрытием.

Маладек посмотрел на меня с тем выражением, которое обычно приберегал для людей.

— Я попытаюсь найти более толкового собеседника на вечер.

Он отвернулся от меня и направился к вулканцу, который остался один. Он помнит меня, подумал я, и он знает о моей роли в Турнире. В этот момент я принял решение следить за ним так же пристально, как если бы он был врагом.

— Здравствуйте!

Я был так сосредоточен на Маладеке, что не слышал никого вокруг. Рядом со мной стоял молодой человек, волосы которого были настолько же белыми, насколько мои — черными. Я просто уставился на него. Я никогда еще не был так близко к одному из них.

— Меня зовут Ханс Йорд, — осторожно сказал он, не зная, нахожусь ли я на той же коммуникационной частоте.

— Меня зовут Алардиг Раорн, — наконец смог ответить я.

По знакам отличия на его форме я понял, что он младший лейтенант. Он бы крепко сложен для человека, а его глаза были того светло-голубого оттенка, которого я никогда не видел раньше.

— Простите мое невежество, — начал Ханс, — но какие игровые виды спорта есть у кардассианцев?

— Виды спорта? — вопрос был настолько странным, что я подумал, что мы действительно настроились на разные коммуникационные частоты.

— Игры. Соревнования, — Ханс попытался помочь, но стало только хуже.

Я подозревал, что эта неуклюжая попытка была предпринята с более сложными целями.

— Возможно, я должен объяснить, — смело продолжал он, несмотря на моё полное непонимание, — некоторые из нас пытаются организовать игру в соккер. Вы о таком слышали? Иногда его также называют футболом.

— Я об этом слышал, но, боюсь, что ничем не смогу помочь. Кардассианцы не играют в игры.

— Ах, тогда вы, возможно, захотите научиться? Полагаю, мы могли бы играть вдвоём, — и он окинул взглядом присутствующих: — но, наверное, интереснее будет, если мы привлечём и других.

Голубые глаза Ханса взирали на меня с таким расположением, что мне стало трудно поддерживать дистанцию между нами. Он был младшим членом федеральной делегации и, конечно же, разведчиком. Но это не проблема — я только приветствовал этот контакт.

Итак, это был футбол. Мы не занимаемся спортом, по крайней мере, теми его командными формами, которые федераты так стараются навязать всему квадранту. Я мог бы понять борьбу и бокс как примитивный вариант противостояний на Арене, но баскетбол был бессмысленным и однообразным, а крикет и бейсбол — совершенно непонятными.

— Я был бы рад принять участие, — ответил я, — но чем я могу быть полезен? Я ничего не знаю об этой игре.

Как бы сильно я не хотел установить контакт с людьми, я не собирался выставлять себя дураком.

— Конечно, — Ханс согласно кивнул, — но есть одна позиция, которая требует не столько навыка, сколько атлетических данных.

После этого он объяснил мне длинные и довольно скучные правила игры: защитники, полузащитники и нападающие действуют совместно, пинают мяч (который запрещено трогать руками) с целью попасть им в ворота противника. И Ханс предложил мне побыть вратарём.

— Понимаешь, всё, что тебе нужно сделать — это не допустить того, чтобы противник забил мяч в ворота.

— И мне нельзя использовать руки? — спросил я.

— Нет, вратарь может использовать любую часть тела, — сказал Ханс с самой широкой улыбкой, которую я когда-либо видел.

Дети и их игры, подумал я. Я понятия не имел, во что ввязываюсь, но всё же согласился защитить одни ворота. По крайней мере, эту концепцию я понимал.

Когда приём закончился, и я в своих покоях обдумывал, что надеть на предстоящий матч, я услышал голос Маладека из его комнаты. Он говорил, расхаживая из угла в угол, но голос его был слишком тихим, чтобы я смог понять, разговаривает ли он сам с собой, с кем-то ещё или делает запись. Я понял, что потерял его из виду после того, как познакомился с Хансом, и не видел его до конца вечера. В какой-то момент он рассмеялся — громким, лающим смехом, похожим на звук бьющегося стекла, когда бутылка врежется в стену. Долгое молчание, последовавшее за этим, было прервано звуком, который я мог описать только как стон боли.

Он странный — это было все, что я успел подумать, прежде чем провалиться в беспокойный сон.

— Прикрой угол, Алардиг!

Я услышал совет Ханса, когда нападающий прорвал защиту, не теряя контроля над мячом. Теперь между ним и воротами находился лишь я. Всё случилось, как будто в замедленной съёмке. Нападающий, низкорослый и злобный офицер Звездного Флота по имени Махмуд, сделал обманное движение слева от меня, и я по неопытности бросился в его сторону. Как только это случилось, он отступил вправо и пробил мяч в ворота. Ах да, подумал я, теперь понимаю. Больше этого не повторится.

И не повторилось. Всё дальнейшее время до конца матча я безошибочно вычислял расстояние, угол и скорость, и настолько точно, что гол Махмуда стал последним. Ханс был очень впечатлён тем, что он называл «сверхъестественным предвидением». Он предложил мне продолжать играть и представить эту игру кардассианцам. Я улыбнулся, представив, какой станет игра, если мы начнем в неё играть. Они дают «жёлтые карточки» в качестве предупреждений и удаляют игрока с поля за отгалкивания и подножки. Значит, команда кардассианцев покинет поле в считанные минуты. Даже в сегодняшней игре

были жалобы на агрессивность моей защиты, хотя я и пытался проявлять максимально «спортивное поведение» (говоря словами федератов). В наших «играх» вы выигрываете, устраняя своих противников, или, по крайней мере, строго ограничивая их способность конкурировать.

Тем не менее, игра вышла поучительной, особенно в то время, когда действие разворачивалось далеко от меня (большую часть матча), и я мог просто наблюдать за ними. Несомненно, играть они умеют, и большинство борется именно за победу (на деле оказалось, что люди способны быть столь же агрессивными, как кардассианцы). Но они проявляли такую детскую радость и энтузиазм в ходе матча, что я понял, почему это называлось «игрой».

Однако, что было ещё более странным, согласно моим наблюдениям люди играли, только чтобы играть. Если один из участников команды совершал ошибку, если в ворота отправлялся мяч соперника, они... похоже, не возражали. Некоторые даже смеялись. А в конце они все пожали друг другу руки.

Они не тупые. Маладек опасно недооценивал их. Есть то, чего мы не понимаем в людях, и это снижает эффективность нашей борьбы против них.

Матч собрал довольно большую толпу. Наверное, это было связано с тем, что кроме горного туризма или посещения мероприятий Посольства на этой планете заняться больше было особо нечем.

Сначала я заметил, что Маладек смотрит игру вместе с высоким вулканцем. Ханс сказал мне, что пытался уговорить Маладека встать на другие ворота. Я не был удивлён, что он отказался. Я понял, что он предпочёл провести время с вулканцем, который тоже не стал играть.

Когда мы вернулись со своего перерыва, они исчезли.

— Спасибо, Алардиг, — сказал мне Ханс на встрече игроков. — Я просто не могу поверить в то, как хорошо ты защищал ворота.

— Возможно, у кардассианцев просто правильный темперамент именно для этой позиции в команде, — я наполовину шутил, — жаль, что ты не смог уговорить Бегома встать на другие ворота.

— Тогда ваша команда, возможно, не выиграла бы, — рассмеялся Ханс, — но скажи мне, он плохо себя чувствует?

— Бегом? — уточнил я.

— Да. Я спрашиваю только потому, что он, похоже, разволновался, когда я спросил его о матче.

— Он всегда взволнован, — не подумав, ляпнул я.

В тот момент я понял две вещи — мне не нравился Маладек, и я совершил огромную ошибку. Ханс смотрел на меня своим искренним взглядом, за которым, казалось, не было никакой хитрости или скрытых намерений. Я рассердился на себя и рассмеялся, пока сам отчаянно пытался придумать хоть что-то, что смягчило бы моё замечание. Но смех вышел искусственным, и чем дольше Ханс улыбался мне, тем большим дураком я себя ощущал.

Конечно. Они не идиоты. Люди отлично знают, что делают. И Ханс знал, что делает, когда попросил меня встать на ворота. Ясно, что у них больше информации обо мне, чем у меня о них.

И Маладек прекрасно это понимает.

Эта мысль обрушилась на меня, когда я шел в сервисное крыло, где должен был встретиться с Лимором. Он работал под видом сотрудника Посольства, но я ни разу не видел его с момента прибытия.

Я послал ему сообщение о том, что хочу встретиться как можно скорее, и он направил меня в подвальный отсек.

Я не знал, что делать. В качестве младшего разведчика я имел ряд ограничений. Но каких? Насколько активно я должен отвечать на явный интерес Ханса ко мне? И что делать с моим растущим беспокойством относительно Маладека? Тень переместилась, и Лимор оказался рядом со мной.

— Пойдём, — позвал он.

Откуда он вообще взялся? Я последовал за ним, и он быстро провёл меня в здание через чёрный ход, сопроводив в небольшую комнату, которая показалась мне кладовой уборщика.

— Что?

Мы стояли в темноте.

— Дело в Маладеке. И младшем офицере Звездного Флота Хансе Йорде. И... мне.

Я изо всех сил старался собрать мысли в кучу. Я знал, что связь между всеми этими событиями есть, но у меня не хватало информации, чтобы понять ее природу. Лимор наблюдал за мной и терпеливо ждал.

Я решил начать сначала. И рассказал о Бамаррене, о Турнире, о том, что «Маладек не только помнит, кто я, но и какую роль сыграл в его поражении». Я рассказал ему о контакте Маладека с вулканцем, о его поведении со мной и звуках, доносящихся из его комнаты. И я также рассказал ему о Хансе, футбольном матче и моём недопустимом ответе на вопрос о состоянии Маладека.

— Я понимаю, что что-то происходит, но у меня недостаточно данных. Возможно, если бы у меня было больше информации...

— Ты здесь, чтобы наблюдать и учиться, — напомнил мне Лимор, — информация появится, если твоё задание расширится. В противном случае продолжай делать то, что должен.

Он кивнул, и я собрался уходить.

— Ты можешь слышать Маладека, но он тебя — нет.

Я остановился в дверях.

— Делай один вдох перед тем, как дашь ответ на любой вопрос.

К моменту возвращения в свою комнату я уже понял, что грани моего задания расширились. Также я понял, что это подразумевалось уже в тот момент, когда мне дали это жильё. В нашей работе очень мало случайностей. Даже отсутствие подготовки к взаимодействию с землянами, которое так раздражало меня (и заставляло думать, что Лимор что-то упустил), служило этой цели. Я уверен, что Ханс Йорд не проявил бы такого интереса, если бы я вёл себя «подготовленным» образом.

Я понял — мастерство заключалось в том, чтобы ассимилировать эти уроки, не теряя своей наивности.

По возвращению я сразу же поставил кресло к стене, отделяющий моё жильё от комнаты Маладека. Он был у себя, беспокожно метался и бормотал. Я мог только попытаться представить себе состояние разума, заставляющего человека вести себя так буйно.

Не удовлетворённый своим постом, я стал проверять разные части стены на предмет слышимости. И я не только обнаружил небольшое углубление, которое позволяло мне прекрасно слышать происходящее, но и нашёл хорошо замаскированный широкоугольный оптический прибор, позволяющий мне осматривать комнату Маладека.

Почему они не сказали мне об этом в самом начале?

Потому что ту или иную информацию мне раскрывают только по мере расширения задания, терпеливо объяснил внутренний голос.

Это всего лишь ещё одна часть мозаики.

Маладек передвигался по комнате, как будто находился под обстрелом. Его бормотание состояло из обрывков фраз и реплик, и временами мне казалось, что в комнате действительно находится кто-то ещё, отвечающий ему.

Я мог разбирать только отдельные слова, и то только тогда, когда он повторял их несколько раз, как, например, «ядик» — слово, которым дети обращаются к отцу. Он много бормотал о предательстве и называл кого-то «предателем».

В ходе своего диалога со стенами он активно прикладывался к бутылке кринокса, крепкого напитка, получаемого в результате брожения местных ягод. Я и представить себе не мог такой жалкой картины, видя самодовольное превосходство, демонстрируемое им на публике.

Я наблюдал за ним до тех пор, пока он не напился до состояния ступора и не вырубился прямо в одежде. Больше всего его поведение напоминало мне поведение обвиняемого, который отчаянно пытается оправдать себя перед архонтом, признавшим его виновным. Но ещё более тревожным было то, что казалось, будто эта презумпция вины сводит его с ума.

В ту ночь мои сны отразили моё беспокойство. Я висел на крутом уступе огромной скалы, возвышающейся над пустыней Мекар. Передо мной была её пологая безопасная вершина, а подо мной — заострённые скальные образования, падение на которые означало бы верную смерть. На вершине появилась фигура, предлагающая мне верёвку, за которую я мог бы ухватиться. Солнце освещало фигуру со спины, и я не мог понять, кто это. Я лишь продолжал повторять «Кто ты»? Потенциальный спаситель молчал. Я отказывался хвататься за верёвку до тех пор, пока не услышу ответа. Но мои пальцы соскальзывали с уступа, и держаться становилось всё сложнее. Наконец, у меня больше не

было выбора, и я ухватился за верёвку. Загадочный спаситель удерживал её до тех пор, пока я осторожно карабкался.

Наконец я остановился, чтобы отдышаться и успокоиться.

— Это возможность, Элим, — сообщил голос.

Я поднял глаза и увидел Баркана.

— Это возможность, — повторил он и бросил конец верёвки мне за спину.

Я вскочил на кровати, обливаясь потом. Шестым чувством я понимал, что уже поздно. Мне пришлось одеваться очень быстро, чтобы встретиться с Хансом у главного входа вовремя. Я согласился отправиться с ним в поход к вулкану Мандара. И лишь надеялся, что мои сны не окажутся пророческими. Когда я покидал комнату, я покосился в сторону окуляра в стене — что-то во мне не хотело знать, что происходит с другой стороны. Но это моя работа, и я не мог поступить иначе. Кроме того, мне было интересно узнать, не связан ли мой сон каким-то образом с Маладеком (было такое подозрение).

Я посмотрел в окуляр, но в комнате оказалось пусто.

— Мне сказали, что с этой тропы открываются лучшие виды, — произнёс Ханс, энергично шагая вперёд по тропе. Стало ясно, что он оказался опытным альпинистом, и я следовал за ним особенно осторожно, на ходу обсуждая раскрошенный лавовый камень и причудливо скрученные корни деревьев.

Плотность атмосферы на планете и её сырость прибавляли нагрузки в гораздо большей степени, чем я ожидал. Наконец мы добрались до поляны, с которой открывался чудесный вид на долину Мандары. Она простиралась вверх по склонам вулканических гор, вершины которых плыли над облаками голубоватого тумана. К счастью, солнце подогревало скалы, на которых мы находились, помогая развеять ледяной холод.

— Это напоминает мне о моей родной части Земли, — сказал Ханс, когда мы смотрели на долину.

Он рассказал, что все в его семье любят альпинизм и восхождения на горы.

— Если мы достигнем соглашения, многие земляне захотят посетить эту планету на каникулах. Я думаю, что кардассианцы тоже с удовольствием бы посетили Товум и Дорван, если бы между нашими народами был мир.

— Мы склонны оставаться в пределах нашего Союза.

— Когда речь не идёт о ресурсах, — весело сказал Ханс, внимательно наблюдая за моей реакцией.

— Ну а что бы ты делал на нашем месте? Кардассия не такая богатая планета, как Земля. Нам же нужно как-то выживать! — в своём ответе я был также жизнерадостен.

— Каждый имеет право на жизнь, Алардиг. Но разве это должно быть за счёт других?

— Если это соревнование, то да. Зачастую, Ханс, это игра на выживание.

— Но существуют и другие способы борьбы с дефицитом ресурсов, кроме насильственного захвата чужой родины и низвержения её населения до уровня рабов.

Ханс продолжал улыбаться, и я подумал, действительно ли он верил в то, что говорил? Или это был ещё один пример федеративной фальсификации? Эти люди свели всю свою политику до благочестивых банальностей и построили самую могущественную империю в Альфа-квадранте.

— Ты привёл меня в это прекрасное место, чтобы критиковать нашу политику на Баджоре?

Ханс рассмеялся, глядя на далёкие горы.

Стоило солнцу скрыться за облаками, как поднялся холодный ветер.

Ханс обернулся ко мне. Теперь он не улыбался.

— Твой брат не в порядке. Я уверен, что ты сам знаешь.

Я глубоко вздохнул и кивнул:

— Ему нездоровится уже некоторое время.

Я не знал, что происходит. Но чувствовал, что отвечаю верно.

— Тогда ты беспокоишься о его благополучии.

— Мы все беспокоимся, — высокое искусство заключается в том, чтобы максимально расширить смысл фразы, сведя количество слов к минимуму.

— Он получает необходимую помощь?

Как внимательно, как заботливо. Я снова вздохнул.

— Ну... это сложно в нашей культуре... — я пожал плечами.

— Поэтому он пришел к нам?

— Да, — ответил я быстро, инстинктивно почувствовав, что любое замешательство станет свидетельством моего непонимания происходящего и лишит меня твёрдой почвы под ногами в этой битве.

Я посмотрел Хансу в глаза, изо всех сил стараясь не утонуть в их неизмеримых голубых глубинах. Я вздрогнул от холода, и человек это заметил. Притворяться, что этого не произошло, я не мог.

— Он не предатель. Но ему нужна помощь. Я просил его не обращаться к людям, говорил, что мы найдём способ... — я замолчал, выдавая свою неосведомлённость за реакцию загнанного в угол.

На глаза навернулись слёзы, и я поразился, что они никак не были связаны с моим эмоциональным состоянием.

— Мы знаем, что он не предатель. Когда Саурик подошёл к нам и объяснил ситуацию, он дал понять, что у твоего брата нет другого выхода.

Ага, вулканец. Теперь осторожнее. Вдох.

— Это правда, — ответил я.

— Что обычно случается в вашей культуре с людьми, страдающими... ментальными расстройствами?

Теперь и Ханс действовал деликатно. Очевидно, им нужна моя помощь с Маладеком. Я задался вопросом, действительно ли он сам обращался к ним, или же они старались склонить его на свою сторону. Или всё это вообще было ложью?

— Мы убиваем их, — в голубых глубинах глаз Ханса что-то блеснуло, и я впервые испугался, что зашёл дальше, чем следовало.

Но было уже слишком поздно — всё, что мне оставалось делать, это полагаться на человеческие предрассудки.

— Трусость и безумие непростительны, — продолжал я, — это недостатки, которые невозможно искупить.

Отчасти это было правдой, что касается трусости. Но безумие рассматривалось, как таинственное заболевание, и те, кто страдал им, изолировались и тщательно лечились. В любом случае, никого бы не убили, если в бою не было проявлено трусости.

— Боже мой, — выдохнул Ханс, который, определённо, лишь укрепился в своей вере в то, что мы способны на любые зверства.

Я ненавидел его самодовольное превосходство и просчитал несколько движений, которые помогли бы мне отправить его в полёт в маячившую рядом бездну. Но вместо этого я развернулся, сел на камень, который всё ещё был тёплым, и спрятал лицо в ладонях, чтобы дать ему впечатление моей полной уязвимости.

— Ну, Алардиг, и что мы теперь будем делать?

— Отец надеялся, что если он возьмёт Бегома в это путешествие, то он избавится от давления, которому подвергается дома... но стало только хуже. Отец даже не может сосредоточиться на работе. Мы не должны были сюда приезжать. Я боюсь... — я замолчал, как будто мне показалось, что я зашёл слишком далеко.

— Чего? — спросил он.

Я просто помотал головой.

— Я понимаю, — сказал Ханс, посчитавший, что я в его руках.

Последовало долгое молчание.

— Мы могли бы позаботиться о Бегоме. Даю тебе слово. Я думаю, что знаю способ. Я посмотрел на него взглядом, полным благодарности.

— Спасибо, Ханс.

— Но мне понадобится твоё сотрудничество. Я хочу организовать встречу как можно скорее.

— С Бегомом? — спросил я, скрывая своё волнение.

— Нет, с теми, кто помогут ему.

— Сделаю всё, что смогу, — заверил я его с самой сердечной искренностью.

— Я знаю. Ну... — Ханс посмотрел вокруг и снова улыбнулся.

— Нам лучше возвращаться, пока не стемнело.

Пока мы спускались вниз, я думал о Маладеке и его заболевании, о тех, кто собирались «помочь» ему и о характере своего участия в этом.

В эту ночь я предоставил рапорт Лимору, и он проверил и перепроверил каждую деталь слежки, задавая уточняющие вопросы. Я предположил, что он поступал так потому, что ситуация становилась критической и он был обеспокоен тем, что я оказался в неё втянут. Но другое предположение было более неприятным — этими вопросами, на которые я терпеливо отвечал, он пытался проверить мою правдивость. Я собрался было спросить, не сомневается ли он в моей честности, но он опередил меня.

— Я могу подвергнуть тебя пытке на Усилителе.

Я промолчал. Просто ответил ему тем же взглядом.

— Что ты об этом думаешь? — спросил он.

— Конечно, я бы... подчинился.

— Есть ли что-то, что ты не сказал мне, Элим?

— Нет, — я смотрел ему в глаза.

Я знал, что это лучше, чем задавать ему сейчас какие-то вопросы. Если бы я сделал это, выглядел бы обороняющимся. Поэтому я выдерживал долгое молчание и отказывался отступить.

— Включи коммчип. Есть информация, которую ты должен передать Хансу Йорду при следующей встрече.

Меня отпустили.

Через два дня Ханс связался со мной, и мы снова отправились к Мандаре. Он опять установил быстрый темп подъёма, ещё более изнурительный, чем в прошлый раз, по ещё более крутой тропе. Пока я изо всех сил пытался не отставать от него, мне пришлось в голову, что измотать меня физически было частью его стратегии. Когда мы остановились, чтобы «полюбоваться видом» (сентиментальное выражение Ханса), я не пытался скрывать своей усталости.

Я плюхнулся на землю, тяжело дыша, создавая недвусмысленное впечатление, что не могу идти дальше.

— Ты в порядке, Алардиг? — спросил Ханс, едва ли демонстрируя хоть какие-то признаки усталости после тяжёлого подъёма.

Я кивнул. Он наблюдал за мной, пока я старался совладать со своим дыханием. Он достал из кармана небольшое устройство и поводит им вокруг меня. Лимор предупредил, что я должен отключить свой коммчип, так как Ханс наверняка проверит, не записываю ли я разговор. И человек был удовлетворён тем, что я этого не делаю.

— Мы нашли человека, который сможет помочь Бегому.

Я снова кивнул, делая вид, что мне все ещё сложно говорить.

— Но для того, чтобы мы могли помочь ему, нам потребуется некоторая информация.

Я ждал продолжения.

— Он говорит о предательстве. И он упоминает тебя.

— Меня? — мне не потребовалось изображать удивление.

— Да. Зачем бы ему говорить такое о собственном брате? — спросил Ханс.

— Я не знаю, — я действительно не знал. — Что ещё он сказал обо мне?

— Он сказал нам не верить ни одному твоему слову. По его словам, вы здесь, чтобы дезинформировать нас относительно кардассианской позиции. Вы якобы представляете разведывательное ведомство, которое заинтересовано в срыве переговоров. Он даже сказал, что ты ему не брат.

Я не мог поверить в услышанное.

Чего Маладек добивался, сказав им это? Это его месть за произошедшее в Бамаррене? Или это был ещё один пример того, что на данный момент я знаю только то, что должен знать?

У меня не было иного выбора, кроме как придерживаться своей истории. Я даже не попытался скрыть истинное замешательство от Ханса.

— Ты шпион? — спросил он.

— Нет. Я даже не знаю, за чем именно здесь шпионить. Положения по договору, кажется, общеизвестны. Вывод войск из нейтральной зоны. Наличие невооруженных наблюдателей для контроля перемирия и вывода войск на всех планетах, о которых идёт речь. Кардассианское присутствие на Дорване-V. Это основные моменты. Остальное — детали.

Это было точное подытоживание всех положений.

Ханс задумался.

— Ты хорошо осведомлён.

— Я здесь, чтобы работать с отцом и учиться. И я думал, что и Бегом тоже. Если только...

— Если что? — спросил Ханс.

— Если он не играет в опасную игру. Никто не стал бы утверждать, что урегулирование вопросов с Федерацией единодушно поддерживается Центральным Командованием. В армии есть те, кто заинтересован в провале этих переговоров. Я боюсь, что Бегом может быть связан с ними.

— Итак, теперь вы обвиняете друг друга, — Ханс был настроен скептически.

— Но почему он сказал это обо мне? — горячо воскликнул я. — Он не в форме с тех самых пор, как вернулся из Бамаррена.

— А Бамаррен — это...

— Это наша школа государственной безопасности. Он перенёс там ужасное поражение, и я знаю, что он пытается что-то сделать, чтобы каким-то образом стереть этот позор. Боюсь, что он ввязался во что-то. Он играет с тобой в какую-то игру, Ханс, и я думаю, этим он пытается произвести на кого-то впечатление.

— На кого? — спросил Ханс.

— На отца, — протянул я так, как будто только что понял. — Отец всегда ждал, что именно Бегом отправится в дипломатический институт, последует по его стопам. Когда же брат отправился в Бамаррен, сердце отца было разбито, и он стал возлагать свои надежды на меня. С тех пор Бегом пытается доказать отцу, что сделал правильный выбор. Но после фиаско в Бамаррене...

Я энергично кивнул и зашагал по поляне, вздымая своими шагами облака пыли.

— Я не знаю, что он сказал тебе, Ханс, но если это что-то вроде того, что он сказал обо мне, тогда будь осторожен. Он разгневан, обеспокоен, и он скажет что угодно, чтобы смыть с себя позор. Он всегда был авантюристом. И я уверен, что все эти шпионские дела — очередная его игра.

Ханс ничего не ответил. Он любовался своими обожаемыми тропическими лесами, протянувшимися до самой гряды вулканов. Его лицо ничего не выражало.

— Какая информация тебе нужна от меня? — спросил я после долгого молчания.

Ханс поморщился, как будто прогоняя неприятную мысль.

— Нет, Алардиг. Я думаю, ты уже сказал всё, что мне нужно, — ответил он официально-вежливым тоном.

— Надеюсь, это поможет Бегому.

— Я думаю, это ваши семейные дела, да? Бегому нужно разобраться с его отцом.

— Ах, если бы они могли, Ханс! — вздохнул я.

Мы повторили наш путь в обратном направлении.

Больше я никогда не видел Ханса Йорда.

Тем же вечером я предоставил рапорт Лимору. Пока я пересказывал ему каждое слово, жест или деталь, он не отводил от меня взгляда ни на секунду. Когда я закончил, мы погрузились в тишину, и он сделал несколько пометок в своём чипе, который, казалось, возник у него в руке из ниоткуда.

Тишина усилилась.

Я догадался, что мы ждём, пока кто-то ответит на его сообщение. Вопросов, которые я хотел бы задать ему, было очень много, но теперь я знал, что получу только ту информацию, которая необходима мне для следующего этапа работы, и ни слова сверх того. Я понятия не имел, что происходит с Маладеком, и я беспокоился о своей импровизации с Хансом накануне. Лимор оторвал взгляд от чипа.

— Завтра утром ты возвращаешься на Кардассию. Оставайся в своей комнате до тех пор, пока за тобой не придут, и будь готов немедленно отправляться.

Голос Лимора был более монотонным, чем обычно, и я испугался, что каким-то образом провалил задание — каким бы оно ни было. Я кивнул и пошёл к двери.

— Ты преуспел, — также монотонно сообщил он.

Удивительно, как мгновенно моё настроение полностью переменялось.

— Но сегодня вечером ты должен оставить включённым свой коммчип, чтобы я мог слышать всё, что происходит у тебя в комнате. Понял?

Я не был уверен, но кивнул.

— Да, конечно, — заверил я.

Лимор продолжал смотреть на меня.

— Оставайся на ногах, Элим. Задание ещё не закончено.

Первое, что я сделал, вернувшись в свою комнату — посмотрел в оптическое устройство. Но Маладека в комнате не оказалось.

Я задумался, вернётся ли он когда-нибудь вообще? Перешёл ли он на сторону Федерации? Его убили?

Моё воображение старалось восстановить недостающие части паззла. Что происходит?

Я собрал свои вещи, чтобы быть готовым уйти утром, и сел в кресло, полностью одетый и со спрятанным дидраптором под рукой. Я отрегулировал коммчип так, чтобы Лимор мог контролировать происходящее. Я не был полностью уверен в том, чего именно ждал, но у меня появилась идея.

Множество глаз уставилось на меня.

Странные голубые, изучавшие меня, как диковинный образец. Мягкие карие, в которых светилась жалость. Жестокие красные, которые смотрели на меня с необъяснимой ненавистью. Я открыл собственные глаза, но красные всё ещё продолжали смотреть на меня. Они принадлежали Маладеку, налитые кровью, наполненные

внутренними терзаниями, свидетелем которых я стал с помощью своей оптической системы. Я понял, что уснул.

Как долго он был в моей комнате?

— Маладек... Что? — я попытался встать, но он толкнул меня обратно.

Я не стал сопротивляться, потому что увидел у него в руках дизраптор. Да и мне всё равно было удобнее сейчас находиться в кресле, так как там было спрятано моё собственное оружие.

— Когда я увидел тебя на собрании ячейки, я знал, что ты не доставишь ничего, кроме неприятностей, как и раньше.

Его тон заставил меня потянуться к дизраптору, но я не нашёл его.

— Маладек, я не представлял, что ты болен...

— С самого начала. С Чарабаном. Ты был инструментом моего предательства.

— Какого предательства? — выпалил я. — Это был конкурс, я был обязан сражаться с тобой и пытаться победить.

— Но вы не должны были победить! — крикнул он, вскидывая руку с дизраптором.

Я же по-прежнему не мог найти свой — должно быть, он упал под подушку сиденья.

— Конечно, должны. Победа — обязанность любого кардассианца.

Я не понимал, о чём он говорит. Он рассмеялся своим неприятным громким лающим смехом.

— А ты хорош, да? Они отослали меня обратно. Они сказали, я не достаточно стабилен, чтобы мне можно было доверять. Они сказали, я должен работать с моим отцом! — он снова засмеялся, — Если бы они только знали! Что ты им сказал?

— Кому — им? — спросил я.

— Не играй со мной снова! — он поднял дизраптор и двинулся на меня.

Я задался вопросом, слышит ли Лимор наш диалог.

— Двух раз достаточно, Десятый Лубака! — снова лай. — Десятый! — с отвращением выпалил он. — Ты бросил то тело у нас. Так я и знал, что Чарабан не выполнит условия сделки до конца!

— Какой сделки?

Внезапно мне стало неважно, куда пропал мой фазер.

— Ты не знаешь, да?

— Не знаю.

— Предполагалось, что Турнир закончится патом — никто не победит. Так он мог бы получить руководство, а моё место после выпуска было бы выше стажёра Обсидианового Ордена.

Вдруг он уставился на меня так, будто увидел другого человека.

— Почему ты покинул Бамаррен? — спросил он.

— Мне приказали, — ответил я.

— Почему? — он никак не мог понять. — Ты ведь был руководителем одного из подразделений. Ты должен был продвигаться вместе с этим предателем.

Я промолчал. Я не собирался рассказывать ему о том, как предали меня самого. Маладек зарыдал.

— Что ты им сказал? Ты сказал что-то о моём отце!

Каким-то образом я понял, что он говорил не об Унале.

— Я сказал, что ты во куда-то ввязался, потому что пытался доказать своему отцу что-то.

Его глаза внезапно наполнились гневом. Свободной рукой он схватил меня за шею и приставил дизраптор к моей голове.

— Что ты знаешь? Что ты об этом знаешь? — закричал он мне в лицо.

Я легко схватил его за запястье, разоружил и отправил на пол ударом ноги. Удерживая дизраптор таким образом, чтобы он мог его видеть, я вскочил. Я не был уверен, но мне показалось, что снаружи раздались шаги.

— Что я скажу ему? Они отослали меня. Кажется, ты знаешь всё, что происходит в моей жизни. Как я скажу ему, что снова опозорен? Что мне сказать?

Взгляд красных глаз на его перекошенном лице вызвал у меня озноб. Он действительно ждал, что я ему отвечу.

— Просто скажи ему... что сделал всё, что мог.

Очередной лающий звук потряс меня. Громкий, насмешливый и шокирующий. Я отступил, полностью уверенный, что он атакует. Вместо этого он встал, прошагал к двери и, открыв её, вышел. Я не последовал за ним, так как был слишком ошеломлён увиденной напоследок гротескной картиной.

Я посмотрел в оптический прибор, но он не вернулся в комнату. Я не знал, что мне делать. Каким-то образом ложь, придуманная в минуту необходимости, превратилась в ужасающую реальность, и я почувствовал, что в очередной раз невольно стал одной из причин очередного провала Маладека.

— Входи, Элим.

Сегодня он улыбался мне улыбкой «дяди Энабрана». Я вошёл в его офис, который был более захлапленным, чем когда-либо — мне едва хватило в нём места.

— Мы очень хорошо поработали на Товуне.

— Надеюсь, что мой вклад...

— Да, нам удалось сорвать эти ошибочные переговоры. Нас не устраивает, что Федерация больше заинтересована в преследовании сотрудников нашего Посольства, чем в выработке соглашений.

Я кивнул. У меня было множество вопросов. Как мне удалось завершить миссию, ведь на каждом её этапе я не понимал, что происходит и что я должен делать? Это я уже никогда не узнаю.

Это был мой первый опыт работы по методике Тейна. Для него это была головоломка, а все мы — её отдельными частями, которые он собирал вместе. И я должен был признать, что окончательный результат — срыв переговоров — это именно то, чего он и хотел.

Но один вопрос мне всё же необходимо было задать. Последний взгляд Маладека преследовал меня.

— Что такое, Элим? — спросил Тейн.

— Что случилось с Маладеком?

— Ты не слышал? — он выглядел удивлённым, — Действительно ужасно. Он совершил самоубийство.

Ни один мой мускул не дрогнул. Но я чувствовал, как сжимается горло.

Тейн посмотрел на меня.

— Так печально. По этой причине переговоры и были отменены. Мы даже представить себе не могли, что он настолько нестабилен.

Это было именно то слово, которое использовала Федерация, когда они отослали его. И хотя я верил, что Ханс Йорд посчитал, что у Маладека слишком много обязательств, немигающий взгляд Тейна дал мне понять, что мир гораздо сложнее, чем Бамаррен и Турнир. Наказание за проигрыш может быть необратимым. И мы никогда не можем быть точно уверены в том, какой цели служим.

Но Маладеку, по крайней мере, больше не приходится волноваться о том, что сказать отцу.

2.9.

Город восстаёт из пепла. Из поступающих отчётов создаётся впечатление, что по всей Кардассии города и общины раскапывают и начинают новую жизнь.

Но это тяжело, доктор. У нас так мало природных ресурсов (что диктует нашу экспансионистскую политику), и наша инфраструктура разорена. Поэтому восстающая Кардассия является расколотой и примитивной. И опасной. Каждый сектор пытается организовать упорядоченное распределение продуктов. Должен признать, что Федерация оказалась щедрой и оперативной в своём ответе. Тем не менее, я не знаю, сколько ещё этих «готовых блюд» примет мой желудок. Дайте мне поскорее реплимат.

Одной из проблем с реорганизацией является качество личности, которая отвечает на призыв к политическому лидерству. Прежняя структура руководства была дискредитирована: люди знают, что самой влиятельной группой являются вооруженные силы, и их задача заключалась в том, чтобы сохранить механизм завоевания и расширения хорошо смазанным. Пока они придерживались этой политики, они могли удерживать свою власть. И хотя я думаю, что большинство людей теперь понимают, что прямая ответственность за наши нынешние обстоятельства должна быть поставлена ребром перед военными, есть ещё множество считающих иначе.

В попытках завладеть нашим сектором некий Корбат Мондриг пытается взять политический контроль, обратившись к нашим страхам. Он публично выступает с речами о том, что возвращение к нашей прежней славе — это единственный способ защитить себя от наших древних врагов, которые теперь видят в нас лёгкую добычу.

Какую добычу? У нас ничего не осталось. Однако народ верит его идиотизму, и его организация увеличивается.

Другой обитатель нашего сектора — Алон Гемор, племянник Текени Гемор, легат, который считал, что полковник Кира является его дочерью, строит организацию на основе политической убеждённости в том, что мы должны восстановить новое общество, управляемое гражданским руководством, которое живёт в так им называемой «созидательной гармонии» с остальной частью квадранта.

Интересный факт: мы с Гемором вместе учились. Я увидел его на митинге, который проходил здесь (да, мой маленький Тарлак стал центром для сектора).

Когда он появился, я поприветствовал его:

— Пятый Лубака!

Поначалу он не узнал меня, но потом вытаращился на меня и отозвался:

— Десятый!

Казалось, он был искренне рад меня видеть.

Доктор Пармак, который был ярким сторонником Гемора и организовал митинг, оказался очень впечатлён. Отрадно видеть, что мой старый одноклассник остался порядочным человеком.

Но теперь это наша проблема (я прямо вижу, как вы присобрались, доктор):

Каков наш новый механизм выбора?

Небольшая группа сторонников Мондрига пытается запугать людей, но вовлекать их в организованную оппозицию было бы опасно. У нас есть несколько небольших армий, воюющих друг с другом, чтобы заполнить вакуум силы и кончить под пылью и щепнем. Но этого и жаждет Мондриг — конкуренции. Он утверждает, что предстоящий неизбежный конфликт «оживит наш поверженный дух, и обновленное общество воинов вернёт нас к нашей прежней славе».

В свою очередь доктор Пармак является сторонником демократических принципов, за обсуждением которых вы и я проводили много часов (да что с вами, доктора?). Он и Гемор хотят, чтобы люди этого сектора имели возможность голоса. Для нас это новая

концепция, но все так устали от войны и сопутствующих ей разрушений, что это кажется действенной возможностью.

Да, я так и представляю, как вы сидите, закинув ноги на стол, со своей самодовольной улыбкой просвещения Федерации. И, возможно, вы правы.

2.10.

Запись:

Только подошёл к дому, дверь открылась мне навстречу. Видимо, Мила меня дожидалась. Я остановился у входа.

— Здравствуй, мама.

Прошли годы с тех пор, как я произносил это слово. Дистанция между нами увеличилась, а те несколько раз, когда я видел её в Ордене, мне приходилось звать её Милой. Сейчас она, стоящая в дверном проёме, выглядела старше, тяжелее.

— Входи, Элим.

В этом доме я не бывал тоже годы. Стоял всё тот же запах масла для жарки и гигиенического средства, и казалось, что ничего не изменилось. Кроме того, что отец был болен. Я последовал за матерью вниз по лестнице, в подвал, дурное предчувствие усиливалось.

— Он очень слаб, Элим. Не переутомляй его.

— Сколько он уже болеет? — спросил я.

Очевидно, ситуация была гораздо серьезнее, чем я думал.

— Какое-то время, — мать была немногословной, неразговорчивой.

Она упрямо сохраняла дистанцию между нами.

— Почему ты не позвала меня раньше? — во мне нарастал гнев, и мне приходилось держать себя под пристальным контролем.

— Ты так редко бываешь в городе, а когда приезжаешь, то ты нужен Энабрану.

Это было правдой. На Кардассии я проводил столько времени, сколько было необходимо для подготовки к следующему назначению; остальное время я проводил в тренировках, на которых настаивал Тейн. Я давно отказался от статуса разведчика. И судя по тому, как со мной обращались, то считался одним из протеже Тейна (нас звали «сынами Тейна»), я задавал высокую планку. Мне завидовали, меня боялись, но возвращение домой раскрыло истинные глубины моего одиночества.

Перед тем, как мы вошли в комнату отца, мать остановилась. Ей хотелось что-то мне сказать.

— Он не в себе. Он... под действием лекарств и иногда несёт бессмыслицу. Важно уйти до того, как это начнётся, — я кивнул, и мы вошли.

В комнате было темно, и я ощутил сильный запах прелости. Я начал давиться, и мне пришлось бороться со страхом, который охватывал меня. Когда глаза приспособились к темноте, я едва узнал отца.

Он был размером с ребёнка. Его волосы были абсолютно седыми, лицо — похожим на череп. Я не мог понять, спит он или же умер. Так или иначе, ощущалось присутствие смерти. Я лишился дара речи. Это был человек, чьё тело было жилистым и крепким, тот, кто каждый день работал с неиссякаемым запасом энергии.

— Элим здесь, Толан, — произнесла мать. — Он пришёл поздороваться.

Отец открыл глаза, огромные и блестящие тёмные озёра на сером сморщенном лице. Вся жизнь, что в нём оставалась, сосредоточилась в них.

Спустя минутку он сфокусировал взгляд на мне взгляд и улыбнулся.

— Элим, — прошептал он.

— Здравствуй, отец, — мой голос звучал громко, с притворной радостью.

— Посмотри... Мила. Он — мужчина, — удивлённо произнёс он, будто прошли не годы, а дни.

— Так кем же мне ещё быть? — я попытался пошутить.

Он попытался сесть.

— Помоги мне, Мила.

— Нет, Толан, отдыхай. Элим вернётся, когда тебе будет лучше, — мать была готова вытолкать меня из комнаты.

— Нет! — сила его голоса заставила нас остановиться. — Помоги мне сесть и уходи. На лице у матери застыло недоумение.

Она взглянула на меня.

Я не знал, что ответить.

— Прошу, Толан. Тебе нужно...

— Мне нужно поговорить с Элимом, — он повернулся ко мне. — Помоги мне сесть. Его тело было почти невесомым, и, когда я его поднял и поправил подушку, то удивился — как его не сдувало ветром?

— А теперь оставь нас, Мила, — приказал он.

Мне показалось, что мать сейчас заплачет. Напоследок она одарила отца умоляющим взглядом, но поняла, что это было бесполезно и, развернувшись, ушла.

Оставшись наедине с отцом, я не знал, что сказать. Он жестом попросил подойти ближе. Я опустился на колени, чтобы наши лица находились вровень друг с другом.

— Я умираю, Элим, — он увидел мою тревогу, когда я пытался что-то пробормотать. — Нет, нет, нет. Я стар, я и должен сейчас умереть.

— И всё это время... — пробормотал я, но запнулся. — Прости меня, отец.

— Тебе не за что извиняться, Элим. Это мне жаль.

— Прошу, отец...

— Я не твой отец.

Я пристально всматривался в его лицо, чтобы убедиться, что он не бредит. Но его взгляд оставался чистым, осознанным, глаза ярко сияли.

— Ну конечно же, ты мой отец, — я говорил с ним тем тоном, каким говорят с детьми или дураками.

— Элим, нельзя терять времени. Я всегда любил тебя, как сына. Я всем своим сердцем желал, чтобы ты и был моим сыном. Но это не так.

Теперь я почувствовал себя ребёнком.

— Тогда... не понимаю. А кто же?

Толан вздохнул.

— Это тебе должна сказать мать. Я дал обещание... — и он замолк.

— Я не понимаю, — повторил я: — Почему?

— О, дорогой мой Элим. Душа поэта, только взгляни на себя... твоё замкнутое лицо... все эти секреты... — его подёрнуло судорогой, словно внезапным порывом ветра, прошедшим по водной глади. — Слишком много секретов... они как яд, — он протянул свою дрожащую когтистую руку к моему лицу. — Когда секретов становится слишком много, они отравляют душу, — снова началась судорога, на этот раз сопровождаемая жестоким кашлем.

Когда его отпустило, он указал на стол.

— Красная шкатулка. Открой её, — я увидел, на что он показывал, встал и подошёл к ней.

Почему-то я боялся дотронуться до неё.

— Открой её, Элим, — он опять зашёлся в приступе кашля.

Это была старинная лакированная шкатулка из какого-то органического материала.

Я поддел незамысловатый замочек.

Внутри оказалась хебитианская маска для декламаций. Взяв её, я ощутил шероховатый материал. Беспристрастное лицо маски взирало на меня в ответ.

— Празднуй Оралий. Как можешь. Мешочек тоже открой, — едва слышно произнёс он.

На дне шкатулки лежал белый тряпичный мешочек. Я достал его и открыл.

Внутри обнаружились дюжины срезов клубней эдоссианской орхидеи.

Я взглянул на Толана, он слабо улыбнулся.

— Как можешь, — повторил он, вложив всю энергию, что в нём оставалась. — А теперь возьми их и уходи, — он закрыл глаза и окончательно затих.

Я ещё долгое время стоял на месте. Внутри меня бурлил водоворот мыслей, образов, чувств, которые сталкивались друг с другом, задерживались, развеивались — а я только наблюдал за ними. У меня не было выбора. Отождествить себя с каким-то из них означало неизбежный хаос. Я сохранял отрешённость, пока снова собирал красную шкатулку. Какая-то часть меня отошла в сторону и смотрела, как основной я взял шкатулку, подошёл к Толану и положил ладонь на его холодный сухой лоб.

— Прощай, отец.

Я вышел, Мила ждала меня. Её лицо было таким же безучастным, как у хебитианской маски.

— Почему? — спросил я.

— Это было необходимо, — она не раскаивалась, скорее язвила.

Увидев у меня в руках красную шкатулку, она вздохнула.

— Необходимо было жить во лжи все эти годы?

Она только смерила меня безучастным взглядом в ответ.

Это был глупый вопрос. В нашем обществе рождение ребёнка без законного супруга делало изгоями и мать, и ребёнка. Ему были нужны оба родителя, иначе его или её обозначали как сироту и забирали в учреждение соцобеспечения. Мать публично унижали, а отца ребёнка, если его удавалось установить, жестоко наказывали.

— Почему ты не соединилась с моим настоящим отцом? — поинтересовался я.

— Это было невозможно, Элим.

— И Толан согласился на этот обман?

Это соглашение было опасным. Кардассианская семья — это строго определённая единица, и любое изменение этой единицы считается серьёзной угрозой нашему обществу.

— Толан хороший человек.

— Но твой ребёнок был от другого мужчины! — я был зол, я желал возмездия для неё.

Она это понимала, но отступать не собиралась.

— Его преданность была сильнее неодобрения, — сухо ответила она.

Была ли это та формальность, та дистанция, которая всегда между ними существовала? И была ли когда-нибудь между ними любовь?

— Кто мой отец? — она впервые отвела взгляд.

— Прости, Элим, — мать спустилась по лестнице, как будто выпроваживая меня. — Ты вернёшься завтра? Я не знаю, сколько времени ему ещё осталось.

— Кто он?

— Я не могу тебе сказать.

— У меня есть право знать! — потребовал я.

— А у меня есть право... — она оборвала себя и сделала широкий жест руками, который словно очерчивал всё вокруг.

И тут меня осенило... и одновременно мы оба услышали шаги над головой. По моей коже пробежал холодок.

Ну конечно.

Я подошёл к лестнице и обернулся к матери. Её лицо стало мягче, моложе. На миг расстояние между нами испарилось. Сейчас шаги раздавались прямо над нами. Его присутствие занимало всю мою жизнь. Жизнь матери... и Толана.

Я кивнул и начал подниматься по лестнице.

— Элим... — я остановился и обернулся к ней. Я видел, каким красивым и сильным должно было быть её лицо в молодости.

— Что, мама?

— Будь осторожен, — предупредила она.

— Волноваться не о чем. Я просто поздравляюсь с «дядей» Энабраном, — я отвернулся и продолжил подъём.

Тейн открыл дверь.

Хотя много лет я не бывал здесь, он не удивился, увидев меня.

— Элим. Прямо как в старые времена. Проходи.

И всё действительно было как в старые времена.

Он провёл меня по тому же тёмному коридору в тот же загромождённый кабинет, очаг его домашней жизни. Только здесь прибавилось ещё больше свитков из кожи брангвы (вымершего горного животного вида псовых). Древние кардассианцы из горного региона Рогарин записывали на этой коже поэзию и истории о своей культуре. Тейн гордился своей коллекцией и был активным участником сети коллекционеров.

— Это старая шкатулка, Элим, — он указал на ношу в моих руках, о которой я уже забыл. — Можно взглянуть?

Я заколебался.

— Не виню тебя. Она не для каждого любопытного. Где ты её нашёл?

— Толан дал мне её, — я никогда не звал его Толаном, но если Тейн и заметил эту перемену, то ничем этого не показал.

— А, да. Как он? Я так понимаю, он очень болен.

— Он умирает.

— Батюшки. Он ведь такой хороший кардассианец.

— Мама тоже так говорила.

Последовало долгое молчание, мы просто глядели друг на друга.

Я чувствовал себя оторванным от всего. Что я здесь делал?

— Садись, Элим. Поставь коробку на пол, — я освободил место на стуле, на который он указал, и сел, бережно держа красную шкатулку на коленях. Тейн уселся в глубокое кресло, которое, очевидно, было его любимым.

— Я рад, что ты пришёл ко мне. Мы можем... выразить друг друга так, как нельзя где-нибудь ещё.

И правда, эта тёмная комната с нагромождением свитков, их мускусным запахом и старинными стенными гобеленами со знаками и символами — интересно, было ли что-нибудь из этого хебитианским? — была очень далека от холодного официоза Ордена. Мы сокрыты в пещере, неподвластной годам.

— Меня и Толана объединяла любовь к классической красоте, к старинной эстетике, которая направляла и раскрывала. Он был провидцем, Элим. Дизайн Тарлака, то, как мемориалы скрывались дёрном и насаждениями, которые не давали им калечить нас смертью. Здесь рады и матерям с детьми, и галлам, и легатам. Всё основано на классическом дизайне. О да, он был предан своему делу. Тебе посчастливилось поработать с ним.

Я сидел в кресле, вцепившись в красную шкатулку так, словно боялся, что она разлетится на части. Мне хотелось заплакать, говорить из самых своих глубин, раскрыть свои мечты и желания этому улыбающемуся старшему мужчине, который был моим отцом.

Но я мог только сидеть и крепче сжимать шкатулку.

— Ты на перепутье, Элим. Ты больше не юный разведчик, которого мы бросали в бой почти без всякой подготовки, чтобы посмотреть, как ты будешь думать и реагировать. Ты способный шпион и готов к следующей стадии — если согласен на неё.

Я вспомнил один из немногих случаев, когда Тейн брал меня за город, когда он сажал меня на кардассианского ездового пса. Тейн держал узду и проводил курс обучения. Потом он давал узду мне и шёл рядом, а пёс часто дышал и пускал слюни. «Пора», — затем говорил Тейн. Он с силой шлёпал пса, и тот на полной скорости срывался с места. Но я держался, хоть и был напуган внезапной скоростью и приливающей мощью под

собой. Постепенно я начал приспосабливаться и научился двигаться в такт ошеломительному бегу пса.

— Я никогда в жизни не был счастливее, — произнёс я вслух. — Я повернулся, чтобы помахать тебе, и упал.

Тейн долго и изучающе на меня смотрел и кивнул.

— Но ты поднялся и продолжил. Я помню.

— Но зачем секреты? — спросил я.

— Без них нет безопасности. Только и всего.

— Но это наша работа, — возразил я. — А зачем другие секреты?

— Всё это — наша работа, Элим. Чтобы быть успешными, наши жизни должны быть самыми строго хранимыми секретами. Мы — агенты ночи. Усердней всего мы работаем тогда, когда остальные наши соотечественники спят, мы боремся с тревогами и страхами, которые иначе уничтожили бы нас. Мы должны хранить секреты, запасать их и держаться за них — как ты держишься за свою красную шкатулку.

Тут я понял, что так вцепился в неё, что у меня свело руки. Я хотел их расслабить, но они не слушались.

— Для этого нужна жертва. И каждая стадия нашей работы требует обновление этой жертвы. Мы должны постепенно посвятить жизни этим секретам, чтобы другие чувствовали бы себя в безопасности и выполняли свою работу. Если мы что-нибудь им расскажем, если дадим информацию об угрозах и опасностях, что нас окружают, нас начнут ненавидеть за то, что мы нарушили их покой и способность действовать. От агента требуется большая сила характера, чтобы сохранить эти секреты и не дать им погубить нас.

Впервые я видел, как Тейном овладела страсть. В его расширившихся глазах плескалось стремление к общению. Он не контролировал свои лицевые мускулы, и они работали естественно, отображая значения слов.

— Истина в том, Элим, что эти секреты должны стать источником нашей силы, силы, помогающей всем выстоять перед страхом, силы, которая помогает Кардассии бороться с врагами. Каждый гражданин заслуживает безопасности, и наше дело, дело агентов ночи — обеспечить её.

Я долгое время сидел, прислушиваясь к звукам в доме. Я ничего не слышал ни с лестницы, ни снаружи.

Я встал и посмотрел на Тейна. Его лицо вернулось к контролируемой полуулыбке. Его щёки, казалось, становились шире каждый раз, как я его видел, и мне стало интересно, буду ли я когда-нибудь выглядеть так же, как он?

Энабран остался сидеть в своем кресле, а я покинул комнату.

Я вышел в ночь со своею шкатулкой и дошёл до самого сектора Тарлак. Я направился к детской зоне и сел там, где мы с Толаном сажали эдоссианские орхидеи. В какой-то момент я открыл шкатулку и достал из неё маску. Я изучал лицо без глаз и почти что ждал, что оно заговорит со мной и объяснит, почему моя жизнь стала такой сложной и настолько вышла из-под моего контроля. Но оно, конечно же, оказалось еще одним «агентом ночи», хранящим свои тайны.

Маска цеплялась крючками за уши, и я надел её.

Я сидел и ждал... но мне ничего не открылось.

И, наконец, я заплакал.

2.11.

Запись:

— Если верить моему информатору на Баджоре, эта женщина не просто очередная милашка, — глаза Кварка заговорщицки блеснули, а в голосе послышались драматические нотки. — За такую информацию я должен спросить вдвойне.

— Правда? И что вы обнаружили? — я пытался скрыть свой интерес, но у Кварка был нюх на такие вещи.

— Почему вас так интересуется Ремара? — он собирался выжать всё возможное из возникшей ситуации.

Я вздохнул и огляделся.

— Торжественно клянётесь, что всё останется между нами?

— Полностью. Даю слово, — в детстве нас пугали, что такая неумелая ложь призовет Могрунда, который накажет вруна.

— Как вы знаете, я придерживаюсь аскетического образа жизни и искал друга, который разделит со мной моё скромное существование...

Глаза Кварка заблестели пуще прежнего, он с трудом сдерживал дрожь.

— Конечно же, — продолжил я, — в наше время нельзя быть слишком осторожным, верно?

— Конечно нет, — Кварк хлопнул ладонью по барной стойке. — Вы только что подали мне идею! — он запрыгал на месте. — Гарак, я мог бы стать посредником для будущих пар. У меня есть дабо-девушки, которые ищут супругов, и я мог бы знакомить их с клиентами станции, готовыми заплатить в случае успешного союза, — он огляделся в поисках возможных претендентов. — Конечно же, в благодарность за поданную идею ваш напиток — за счёт заведения.

— Очень щедро с вашей стороны, Кварк. Так что насчёт информации?

— Ах, да... Сейчас посмотрим... — он включил паэд. — Да, похоже, что она обучалась искусству в провинции Дакур... поехала в столицу изучать... вышла замуж за своего преподавателя Тир Карна... У них родился сын, Берин... А вот тут уже становится интересно: Тир и ребёнок погибли, кардассианцы уничтожили их шаттл на взлёте.

— Чей был шаттл? — спросил я.

Кварк покопался в паэде.

— «Таклан», один из их шаттлов, приписанный к Терок Нор. Зачем кардассианцам уничтожать свой собственный шаттл? — задался вопросом Кварк.

— Продолжайте, — я отпил канара и с удивлением отметил, что моя рука больше не дрожит.

А моя ли это рука? — задумался я.

— Вскоре после этого Ремара присоединилась к Сопротивлению. Не вините её, — Кварк оторвался от экрана, словно только что нашёл причину для несоблюдения сделки.

— Простить и забыть, — ответил я, делая новый глоток канара.

— Мне нравится такой подход, — Кварк наполнил мой стакан.

— Есть что-нибудь ещё? — поинтересовался я.

— Немного... вернулась в школу после отступления войск... работала психологом в социальном центре Михан в столице... стала дабо-девушкой на полставки. Не знаю, в чём секрет, Гарак, но клингоны её обожают. И теперь она работает на одного из величайших предпринимателей в Альфа-квадранте! — закончил он с крайне самодовольным выражением..

Я видел, что ему не терпится начать новый бизнес.

Осушив свой стакан, я отказался от следующего, стоило Кварку потянуться к бутылке.

— Нет, спасибо. Я ценю ваше участие. Вы очень помогли.

— Ценные клиенты достойны особого обслуживания, мистер Гарак... — и Кварк переключился на ввалившегося в бар Морна. — Лёгко на помине...

Уходя, я услышал, как Кварк начинает расписывать новые возможности:

— Морн, старый друг, у меня есть для тебя новость. Ты ведёшь слишком уединённую жизнь. И как я только что говорил мистеру Гараку...

«Таклан». И она была членом Сопротивления.

В памяти всплыл вопрос полковника: чего Ремара нужно от меня?

Я подумал о том, чтобы заглянуть к Кире, но решил, что пока рано. У меня было время на раздумья. Ещё неделя до возвращения Ремара на станцию. К тому времени я буду знать, что делать.

Было уже поздно, но мне не хотелось возвращаться в свои апартаменты. Я решил отправиться на обзорную палубу, где произошло наше первое randevu с Ремара.

Мои чувства к ней становились всё более противоречивыми. До нынешнего момента я не ощущал опасности, но получив информацию от Кварка, я осознал, насколько был наивен.

Когда я поднимался по узкой винтовой лестнице, надо мной навис крупный силуэт. Источник света за его спиной превращал его в гигантскую тень, но я понял, кто это был. Обернувшись, я увидел внизу ещё двоих баджорцев.

Я клял себя последними словами за то, что настолько увлёкся своими размышлениями, что утратил своё пространственное чутьё. Да ещё и перебрал с канаром.

— Всеми любимый кардассианец, — начал Лондар Парва, тот баджорец, которого я подсёк на променаде. — Это о тебе говорят? Никто не хочет обращаться с тобой, как с животным, но им ты и являешься. И если Одо не хочет разбираться с тобой, то придётся мне.

Он начал спускаться по лестнице, пока двое других ждали внизу.

У меня не было выбора. Я бросился по ступенькам вниз и влетел в двоих баджорцев, пытаюсь пробиться напролом. Я почти смог, но Лондар оказался проворным и схватил меня сзади. Они затащили меня в укромную нишу. Лондар стоял передо мной, пока двое других держали мои руки.

— Тебе здесь не место, ложкоголовый, — прорычал он и врезал мне по лицу кулаком.

Оскорбление и удар в сочетании вызвали во мне яркую вспышку. Используя двух держащих меня в качестве опоры, я ударил вперёд обеими ногами, прямым в массивную челюсть Лондара. С громким криком он отшатнулся, а я тем временем освободил правую руку и ударил в нос стоящего слева, затем немедленно подал правым локтём назад в развороте и схватил правого за горло. Он осел, а левый всё ещё цеплялся за мою руку, я ударил его ещё разок, но Лондар уже пришёл в себя и нанёс мне такой удар, что я влетел в стену, находившуюся за моей спиной. Теперь моя левая рука была свободна, и я мог противостоять двоим, придерживаясь стенки. Они замешкались, когда я принял стойку. В возникшей паузе я мог слышать рваное дыхание третьего, пытавшегося привести в норму травмированную глотку. Также я слышал тяжёлое дыхание нас троих и ощущал запах пота тех, кто слишком мало занимается собой, но слишком много пьёт.

— Довольно! — полковник Кира возникла за спинами двух баджорцев с фазером наизготовку.

Лондар и его спутник обернулись. Вокруг полковника начало образовываться небольшое скопление народа.

— Видите? — обратился Лондар к толпе, словно они поддерживали его логику. — Даже баджорцы защищают...

— Что здесь происходит? — потребовала объяснений Кира.

Никто не сказал ни слова. Мы смотрели на неё, восстанавливая дыхание.

— Гарак?

— Ничего серьёзного, полковник. У нас была политическая дискуссия, и мы не сошлись во мнениях.

— Поэтому вы в крови? — поинтересовалась Кира.

И правда, я ощутил во рту привкус крови.

— Политические предпочтения часто имеют последствия, — ответил я.

Полковник недовольно скривилась.

— Лондар?

— Портной напал на нас, — начал он.

— Сразу на всех троих? — усмехнулась Кира, глядя на двух других баджорцев.

Они осторожно кивнули.

— Вы хотите выдвинуть обвинения против него? — поинтересовалась она.

— А что они сделают? Одо ничего не станет предпринимать. Никто не станет, — ещё более расстроенный Лондар затаил свои жалобы.

— Просто убедитесь, что вы не станете вершить самосуд, — предупредила Кира. — И если вы не собираетесь выдвигать обвинения, то отправляйтесь по своим делам, — она указала им в сторону променада, и они угрюмо двинулись прочь.

Лондар напоследок обернулся ко мне, и я одарил его улыбкой.

— Было приятно пообщаться! — крикнул я вслед.

Уверен, что Лондар был настолько исполнен отвращением, что едва не плевался желчью. Я знал, что дело не было личным, но мне следовало быть более бдительным.

Толпа расходилась, но Кира стояла напротив, глядя на меня.

— Вы в порядке? — спросила она.

Я подвигал челюстью и поморщился.

— Не думаю, что что-нибудь сломано. Возможно, выбита пара зубов.

— Почему вы не доложили? — поинтересовалась Кира. — Лондар — опасный парень, он этого не оставит.

— Думаю, лучше этого не делать.

— Вам виднее, — ответила она.

— Что же, пожалуй, мне следует вернуться к себе и ополоснуться, — подытожил я.

— Я как раз иду в ту сторону, я вас провожу, — предложила полковник.

— Премного благодарен.

Мы двинулись в жилое кольцо, и я понимал, что она хочет поговорить о нашей общей знакомой.

— Итак... — начал я. — Как я понимаю, вы с Ремара — старые друзья?

— Что она вам сказала? — встревожено обернулась ко мне Кира.

— Только то, что вы знакомы.

Некоторое время мы шагали молча.

— Мы познакомились в центре беженцев Сигны, — наконец призналась она. — Она потеряла всю семью, и мой отец выделил ей уголок в нашем лагере.

— Добрый жест со стороны вашего отца.

— Он был добрым человеком. Ремара была старше, она помогала заботиться обо мне и братьях. Но друзьями мы не были, — подчеркнула она.

— Она говорила, что вы были близки.

— Пока она не показала своё истинное лицо, — кивнула Кира.

— И каким было это лицо? — поинтересовался я.

— Похоже, люди считают вас умным, Гарак. Может, вы таким и являетесь. Но Ремара знает, как использовать свою внешность, особенно в случае с умными, — Кира остановилась на развилке коридоров. — Мне туда.

— Спасибо за компанию... и за вашу помощь, — поблагодарил я на прощание.

— Тот факт, что она воровка и предательница, похоже, вас не волнует, — она одарила меня жалостной полуулыбкой. — Но, поверьте, Гарак, она замышляет

использовать вас для чего-то. Доброй ночи, — Кира развернулась на каблуках и двинулась быстрым военным шагом — несомненно, в апартаменты Одо.

Конечно же, Ремара меня использует, думал я. Но для чего — понятия не имею.

Предательница и воровка.

Загадка лишь раздражила мой аппетит.

2.12.

Запись:

Тзенкет.

Каждое следующее назначение оказывалось всё дальше от Кардассии Прайм и длилось дольше. Ловал, Целтрис-III, Ламенда Прайм, Кора-II, Орайас-III. Если бы я с самого начала сделал карту своих назначений, каждый вектор уходил бы глубоко в космос. Я задумался, было ли это признаком продвижения в Ордене?

Я сделал то, о чем просил Тейн, и в следующие годы не было более преданного делу агента ночи, чем я. Я шёл туда, куда меня направляли, и оставался там столько, сколько было нужно для завершения миссии, но Тейн ни одним словом не давал понять, доволен он или нет. На самом деле я очень редко его видел, а Милу — еще реже. Эта дистанция между нами и тот факт, что я редко бывал дома, даже облегчили мою работу. Моим главным контактом в Ордене был Лимор Пранг, который с возрастом стал даже менее выразительным, хотя куда уж больше?

Но я знал, что моя преданность и отсутствие хоть какой-то жизни за пределами Ордена беспокоили его. В таких случаях он немногословно предлагал мне навестить провинцию Морфан или ещё какой-нибудь район для отдыха. Я отвечал ему, что подумаю, и принимал следующее назначение... или ухаживал за орхидеями... или прогуливался.

Я начал гулять, когда понял, что мне нужно было найти, где жить и где выращивать орхидеи. Такие места в городе редки, а если и удаётся их найти, то цена чрезмерно высока. Я исследовал каждый сектор, узнавал обо всём, изучая варианты, иногда мозоля народу глаза.

Во время этого процесса случились три вещи: я нашёл место, научился разговаривать с любой личностью и влюбился в город и его различные сектора.

Владельцем дома был старший архонт в отставке — Рокан Дю'Лам, известный, как я узнал позже, своей суровостью ведения суда и приговоров. У него имелась комната в глубине дома, выходящая на скромный участок. Я объяснил, что мои средства ограничены, но что я много путешествовал и с радостью украсил бы растениями неводеланную землю.

— Какими такими растениями? — прохрипел он.

Я был рад, что меня никогда не приводили к нему на суд.

— Мне нравятся эдоссианские орхидеи, сэр.

Он рассмеялся мне в лицо.

— Они здесь не растут! — рявкнул он.

— Позвольте не согласиться, сэр. Уверен, под моей опекой они расцветут.

Он опять расхохотался.

— Вот что я скажу, парень. Если сможешь вырасти здесь орхидеи, сдам тебе комнату по стоимости электричества и ресурсов. Не сможешь — заплатишь столько, сколько я скажу, — было ясно, что этот человек не терпел дураков и хвастунов.

Я глубоко вдохнул и согласился.

Я рад был выехать из подвала, и каждый свободный момент я подготавливал почву к посадке. В день, когда я посадил разветвлённые корни, архонт пригласил подругу, жившую неподалёку, понаблюдать. Это была пожилая женщина, которую я раньше видел с ним, она выращивала на маленьком участке за домом простенькие и хорошо приживающиеся растения. Они оба наблюдали, как я сажаю орхидеи, с беспощадным выражением лиц и ожиданием провала.

Они не говорили мне ни слова, но то и дело шептались друг с другом. В какой-то момент я четко услышал, как женщина сказала: «Думаю, я знаю, что он делает, Рокан».

Когда был посажен последний клубень, они посмотрели на меня и молча зашли в дом. Не оставалось ничего другого, как ждать; но я был уверен, что новый дом теперь будет мне по карману.

За время ожидания между миссиями я часто навещал сады Тарлака и орхидеи Толана в поисках вдохновения. Это было по-прежнему одним из моих любимых мест. Я сидел в том же самом тенистом месте, где он рассказывал мне о первых хебитианцах, созерцая элегантную красоту орхидей и слушая детские голоса, доносившиеся с лужайки. Магия этих цветов поражала меня с того момента, как я их увидел. Таинственность, с которой они раскрывались, слой за слоем... Когда ты уже думаешь, что они не могут стать прекрасней, что ты больше ничего от них не узнаешь, следующий слой цветения превосходит предыдущий, и орхидея меняет личность.

Недавно я начал потакать ещё одной своей слабости — одежде, и я знал, что она у меня появилась благодаря влиянию эдоссианских орхидей. Каждый раз, когда я надеваю хорошо проработанный и хорошо сшитый костюм из ткани, в которой есть плотность и эстетичный стиль, я чувствую себя совершенно другой личностью. Одно из моих любимых занятий — выбирать, что я надену на каждое назначение. Чувствуя тонкий острый аромат, исходящий откуда-то глубоко из-под земли, и наблюдая, как оттенённые пастельные цвета смешиваются и перемешиваются в непрекращающемся потоке, я понимаю, что эдоссианские орхидеи не поддаются описанию и стремятся к состоянию высокого искусства.

— Кел. Кел! Не отходи слишком далеко. Нам пора домой.

Голос пронзил меня, словно ледяной ветер.

Я не хотел смотреть в ту сторону. Та же самая сладость, пронзительная и сильная. Если бы эдоссианская орхидея могла говорить...

Я увидел её, стоящую за лужайкой, с иссиня-черными волосами и в длинной серой струящейся юбке, когда она бежала за маленькой хохочущей девочкой, что пыталась убежать от своей мамы — но знала, что красота игры в том, что всё же не убежит. Мне частично хотелось побежать за ними, а частично — чтобы меня зарыли глубоко в землю.

Почему она? Почему сейчас? С внезапной ясностью я увидел, что вся моя жизнь была защитой от этого самого момента. Я не хотел чувствовать то, что я чувствовал, я не хотел этой непосильной тяжести желания. Я научился довольствоваться случайными грубыми сексуальными контактами, которые охлаждали желание так же, как это делают пища или вода, и жить без ожидания того касания, которое превращает шаблонность в событие.

Наблюдение за Паландин и её дочерью, которые бросали своим танцем любви вызов законам гравитации, разрушило все мои границы, и мои тщательно выстроенные барьеры впервые со времён Бамаррена начали шататься под волшебством безграничных возможностей. В этот момент я понял, что никогда больше не буду удовлетворён. Даже мои любимые орхидеи выглядели, как сорняки.

Я смотрел глазами того, кто не может отвести взгляд от приближающегося ужаса, когда мать настигла дочку и ухватила её своими сильными руками. Они обе смеялись, совершенно не нуждаясь в чьей-то ещё компании, озаряя сады блеском своего счастья.

Паландин и Кел.

И другой.

Который на данный момент не присутствовал, но, конечно, всегда оставался где-то поблизости.

О да, я следил.

Как я мог не следить?

Особенно когда у нас есть ресурсы для отслеживания любого кардассианца. Сейчас Баркан Локар был важным администратором в баджорском оккупационном правительстве. В той же мере, в какой моя тайная работа оставалась в тени (а Тейн позаботился о том, чтобы для общественности я был бюрократом в архиве), Локар был у всех на виду. О, я многое знал о нём. Баджор — богатая ресурсами планета, его эффективные программы умело выжимали её до последней капли. С помощью рабочей силы отживающий свой век аванпост Терок Нор воскрешался и преображался в баснословно продуктивное горнорудное предприятие.

Локар был любимцем влиятельных кардассианцев вроде своего отца — Драбана Локара, а также Прокала Дуката, ключевых фигур Гражданского Собрания и, соответственно, Центрального Командования. На самом деле префектом Торока Нор, перерабатывающей руду станции, был сын Прокала — Скрейн Дукат.

Амбициям и планам Локара не было границ. Да и его пристрастие к использованию всех или к их устранению, кажется, тоже... особенно женщин. Его бескрайняя тирания, которую он обрушивал и на друга, и на врага, была хорошо известна, но, пока его руководство давало такие успешные результаты, никому не было дела до этого. Локар быстро стал неотъемлемой частью вольной коррупции, которую я всё больше вижу и чую на самых высших уровнях нашей системы и которая показывает всю лживость нашей стойкой моралистической наружности.

Возможно, подумал я, когда я завтра покину Тзенкет, я сотру из памяти дорогу сюда. Муж Паландин и отец Кел.

Я наблюдал, как они покидают сады, но стоял, как пригвождённый, и ждал, когда пропасть разверзнется и поглотит меня.

Но этого не случилось. Стемнело, и холод заставил меня покинуть место.

Я зашагал прочь.

Город представляет собой круглое колесо, а сектор Тарлак служит административным центром. Там располагаются общественные места — сады и монументы, правительственные здания. От центра, как неравные куски пирога, отходят шесть секторов. Сначала я забрёл в сектор Палдар, квартал, где находился дом Тейна и дом архонта, у которого я поселился. Это было одно из самых старых поселений, и большинство семей жили здесь поколениями. Бюрократы и чиновники, работавшие в секторе Тарлак, обычно жили в Палдаре. Я прошёл мимо дома Тейна, задавшись вопросом, чувствовали ли себя другие настолько отстранёнными от дома своей молодости. Прохожих было мало, поскольку наступило то вечернее время, когда семьи собираются вместе после долгого рабочего или учебного дня — благочестивые кардассианцы. От этого сектора отдавало нравственностью и большим самомнением.

Я решил не возвращаться к архонту и повернул прямо к периферии, которая служила самой дальней границей города; за чертой лежали поросшие кустарником земли, где были посадочные площадки для шаттлов, военные тренировочные зоны, центры по производству продуктов питания, отдельные фабрики и поселения. Я начал пересекать огромный сектор Аклин (названный в честь неформального основателя современной Кардассии, Трета Аклина), где квартировали военные. Войска маршировали и проходили строевые учения на полигонах, разбросанных по всему сектору, а гражданские зачастую сталкивались с проблемами.

— Куда вы идёте? — требовательно спросил постовой.

— В сектор Торр, — ответил я.

— Почему вы не возьмёте окружной шаттл?

— Я хочу пройти пешком.

— Здесь нельзя пройти, — заявил он. — Вам придётся обойти.

Я двинулся в указанную им сторону.

Я решил вернуться на Периферию и обойти остальной Аклин и прилегающий сектор Мунда'ар, состоявший из похожих на пещеры складов.

Я вошёл в сектор Торр — самый масштабный сектор с самым большим населением, куда кардассианцы приходят за пищей, развлечениями, художественными представлениями, публичными музыкальными и танцевальными выступлениями и другими зрелищами. Изначально здесь должно было обитать служивое сословие, а с течением времени тут появился центр нашей культурной жизни. Улицы заполнили молодые мужчины и женщины, приходящие в различные рестораны и достопримечательные места или уходящие оттуда. Я подумал, что могу затеряться в толпах, заполняющие оживлённые улицы в любое время дня и ночи, и насладиться анонимностью, но толкотня и шум только обострили у меня тошнотворную жалость к себе. Я хотел, чтобы моя жизнь сложилась без нищеты, быть абсолютно самодостаточным, чтобы я мог работать в Ордене и везде находить удовлетворение жизнью — чтобы в ней не было чувства незавершённости. Но как я мог это сделать, когда моей сильнейшей заинтересованностью были орхидеи?

Я ушёл подальше от толпы, в тихие скромные дома по соседству, которые отображали кардассианские идеалы чистоты и экономности. Дороги были узкими и безупречными, даже самые маленькие домики тщательно поддерживали в хорошем состоянии. Воздух наполняли запахи готовящейся пищи, и я понял, что ещё с утра не ел. А ещё понял, что пока не был готов отправиться утром в Тзенкет.

Но к чему мне было готовиться? Решить, какую одежду взять, упаковать её и закрыть дверь за собой. Архонт и его дама будут счастливы ухаживать за орхидеями.

Мне станет лучше, решил я, когда я сяду в шаттл и погружусь в своё назначение. Тогда я смогу забыть *о ней* и заняться работой.

Моё внимание привлекла группа людей. Они входили в большое здание на углу, стараясь оставаться незамеченными. Я понял, что видел такое и раньше... и в этом секторе... и по соседству. Это было после первого собрания группы и встречи с Рамакланом/Маладеком.

Я вздрогнул при мысли о нём.

За мной стояли двое, и я был уверен, что они тоже были частью этой группы. Я импульсивно «устранил» свое присутствие, слился с энергией этой группы и вошёл в неприметную дверь позади.

Оказавшись внутри, мы спустились на один лестничный пролёт в тускло освещённый, но удивительно просторный подвал, в котором лицом к невысокой платформе стояли двадцать пять стульев; на платформе находился только стол. Я сел в заднем ряду и, когда устроился, увидел единственное украшение на стене за платформой: это было крылатое существо с резьбы на камне. Черты лица были теми же, что у маски для декламаций, которую мне дал Толан.

Я опять ощутил дрожь, мне захотелось уйти сейчас же. Я ощутил иррациональное чувство опасности, но комната быстро заполнялась, а я не хотел привлекать к себе внимания. Я почувствовал, что сглупил, поддавшись своему первичному импульсу и придя сюда.

Я осмотрелся.

Сидящий рядом со мной мужчина улыбнулся. Я попытался улыбнуться в ответ, но моё лицо застыло. Я не мог найти источника тревоги — в комнате не было ни намёка на опасность, но меня мутило; казалось, что горло сжали. Мне пришлось прибегнуть ко всем своим техникам, чтобы сдержать растущий страх.

Дверь закрылась снаружи, а свет перешёл на платформу. Спереди двое поднялись со стульев и подошли к столу. Каждый из них, не говоря ни слова, взял маску и долгое время держал её, словно изучая её нейтральное выражение.

Двое обменялись взглядами, кивнули и надели маски.

Затем оба долго изучали друг друга.

Потом они повернулись к нам и подошли к краю платформы, где они встали и охватили взглядом всех и каждого присутствующего. Я не знаю, сколько времени всё это длилось, но осязаемое чувство ожидания нарастало. И, наконец, женщина (или, вернее, та, которая раньше была женщиной, поскольку маски преобразили их обоих в вариации создания, изображенного за ними) начала монотонно декламировать:

*Сила струится во мне,
Дарует мне жизнь,
Оживляет маску Оралия.
Я её гласом звучу,
Я её думы мыслю,
Её любовь чувствую:
Это песнь в честь восхода,
Открытия жизни,
Что правду мудрости дарит
Тем, кого ночные сумраки скрыли.
Мужчина отвечал ей:
Та же самая сила,
Когда против сущего,
Когда против друга,
Рукою моею может его убить,
Дух его моим злом совратить,
От дома моего изгнать:
Жить жизнь свою без Оралия,
Луча путеводного,
Без звена меж нами и тайной —
Значит, жить, не познав волн любви.*

За этим последовала долгая тишина, в это время те двое со статью и мощью личностей, каким-то образом возросшими до статуса легенд, сохраняли свой активный контакт как друг с другом, так и с нами. Они вернулись к столу и повторили вступительный ритуал, поменявшись ролями.

Когда двое заняли свои места, я задался вопросом, как два обычных человека смогли так необычайно расширить свое присутствие? От меня не ускользнула ирония собственного устранённого присутствия.

Кто-то затянул под нос простенькую мелодию. После того, как она повторилась несколько раз, остальные присоединились к пению с запоминающимся полифоническим созвучием. Интенсивность звука постепенно становилась всё сильнее и проникла во всё моё тело. Звук достигал каждой клетки, расслабляя её. Безо всяких сознательных усилий я начал напевать свою собственную гармонию, которая почему-то сочеталась с остальными.

В теле начало ощущаться поднимающееся по спине мягкое тепло, которое бывает, только если выпить достаточно канара. Мои волнения испарились, и я почувствовал связь с этой группой незнакомцев. Интенсивность всё нарастала, вся моя сущность вибрировала с таким ритмичным упорством, что я начал покачиваться в круговых движениях. Я был не один, со мной покачивалась вся комната.

Время от времени голос выкрикивал чьё-нибудь имя, и остальные страстно повторяли его. Когда имён не осталось, энергия начала спадать до тех пор, пока мы не замолчали.

Ещё никогда я не чувствовал такой связи с каждой частью тела.

Женщина, одетая просто, но элегантно — белый жилет, блуза и кюлоты, — вышла на платформу. Её яркие глаза были широко посажены, и её взгляд был яростным, но в то же время добрым. Было сложно определить, сколько ей лет.

Когда она заговорила, в её голосе звучал непринуждённый резонанс, проявляющийся медленно и мягко. У неё был пленительный талант убеждать в том, что в первую очередь она говорит именно с тобой.

— Сегодня вечером я буду вашим Гидом, — начала она.

Пока она говорила, все присутствующие замерли. Её господство казалось таким простым и не требующим усилий. Она рассказала нам, что больные излечились и чтобы мы принесли с собой ещё имен на следующее лечение.

Глядя прямо на меня, она поприветствовала новичков.

Я попытался отразить её взгляд, но он был сфокусирован и легко меня обуздал.

— Чтобы прийти сюда, чтобы посмотреть на всё, что было раньше, нужна смелость. И хотя никто больше не станет прежним, мы можем взять сущность нашего воспитания и дополнить собственные жизни. Мы можем стремиться стать лучшими друзьями и жить с собой и другими, проявляя уважение и понимание того, что каждая душа желает вернуться к истокам. Мы начинали не с порабощения и не с охоты друг на друга. Мы были связаны друг с другом. Мы не знали ни голода, ни потерь, ни одиночества. Мы были связаны, мы заботились, обучали и любили. Нет, друзья, мы не с этого начинали. Но если мы закончим в изоляции и ненависти, даже монумент в Тарлаке не уймёт агонии нашей потерянной души.

Встречу продолжили еще несколько декламаций, пений и чтений из чего-то, что называлось хебитианскими записями («Там всё написано», — утверждала она). После завершающей медитации всё закончилось.

Все встали, но вместо того, чтобы уйти, задержались, разговаривали друг с другом.

Мне хотелось уйти. На место спокойствия, которое я ощутил после «излечения», пришла глубокая тревога, начавшаяся, когда «Гид» обратилась своими замечаниями ко мне напрямую.

Проходя сквозь толпу, я отказывался от любого контакта, который мне предлагали. Я слышал обрывки разговоров и, когда дошёл до двери, решил, что всё это было сентиментальной чушью. Кардассия претерпела великую климатическую катастрофу — и если бы мы не были сильными и не стремились бы приспособиться, то погибли бы вместе со слабыми. А слабые должны погибать, иначе нарушается сохранность расы, и мы становимся добычей.

Бедный запутавшийся Толан. Он был славным малым, но он был садовником, и самое жестокое, что ему приходилось делать — это вырывать сорняки.

— Кто вас прислал? — спросила Гид.

— Друг, — туманно ответил я.

— А, — произнесла она со странным одобрением. — Вы осторожны. Это хорошо. Власти, знаете ли, относятся к нам с неодобрением.

Она улыбнулась мне, и я почувствовал неизъяснимый приступ ненависти.

Как она посмела?

Как она смела назначать себя на главенствующую роль?

Это был суеверный культ, который подрывал фундаментальные положения кардассианской жизни. Он заслуживал быть вне закона.

— Надеюсь, вы присоединитесь к нам снова, — произнесла она с отрешённой важностью, кивнула и повернулась к остальным.

Я быстро поднялся по лестнице и вышел обратно наружу, где я снова мог нормально дышать.

Проходя долгой дорогой в сектор Палдар, я размышлял, стоит ли сообщать Внутренней Безопасности о существовании этого собрания?

2.13.

Ах, доктор, Доминион сравнивал наши дома с землёй, и пока мы восстанавливаемся, мёртвые и дискредитированные возвращаются на родину. После многолетней работы под прикрытием и в изгнании я внезапно оказался ужасно востребованным. Вечером, когда я занимался этой хроникой, меня навестил гость из прошлого — гал Модред. Уверен, вы знакомы с ним по репутации: у него был выдающийся послужной список, омрачённый инцидентом с капитаном Федерации — Пикаром. Он попал в немилость в то же время, когда я застрял на Терок Нор. В совместной операции Ордена и военных мы работали практически вместе. Это была смелая идея с большими шансами на успех. Военным следовало действовать как военным и заняться боем, а Ордену следовало действовать как службе разведки и добыть им информацию, походя на военных. Однако Модред являлся ключевым звеном военной разведки и настаивал на том, чтобы обойтись без участия Ордена. Но он ясно дал понять, что хочет узнать определённые методы, усовершенствованные нами. Конечно, мы неохотно расстались со своими секретами, и после нескольких всё более резких встреч мы решили расстаться и друг с другом. Боюсь, мы никогда не оценивали военную разведку сполна, инцидент с Пикаром только подтвердил наше невысокое мнение о них. У дознавателя, как минимум, должна быть выдержка, чтобы продержаться дальше допрашиваемого.

И всё же я был рад и крайне удивлён, увидев появившегося в дверном проёме Модреда. Я всегда считал его культурным и серьёзным человеком, и, несмотря на его проблемы за последние годы, он всё ещё активно влиял на судьбу будущего Кардассии.

— Какая честь, гал Модред. Мне весьма неловко, что мне нечего вам предложить, кроме стула и чистой воды.

— Очень любезно, Гарак, — Модред уселся на предложенный ему табурет, и я налил ему чашку драгоценной воды.

— Как вы нашли меня? — спросил я.

В ярком освещении моего сарая я видел изрезанное морщинами лицо, глаза не скрывали хронической усталости.

— Ваш некрополь стал предметом обсуждений во всём секторе, — ответил он. — Или вы воздвигаете мемориал бывшему наставнику?

— Пусть думают, что хотят. Кажется, это их успокаивает. Для меня это приносит порядок в весь этот хаос.

— Да. Это и привело меня сюда. У нас были разногласия в прошлом, Гарак, и временами мы оказывались на противоположных сторонах.

Ходили слухи, что он происходил из одной из могущественных семей, которые поддерживали альянс Дуката с Доминионом.

— Но я надеюсь, что мы сможем найти общий язык в этот переходный и решающий исторический момент. Мы должны восстать из этого, — он указал в сторону «некрополя».

— Один миллиард погибших. У нас нет выбора, — добавил я.

— Но мы должны сделать всё как должно! — он был преисполнен твёрдостью и страстью.

Что-то увлекло его.

— У меня нет с вами разногласий, Модред.

— Я знаю. Потому что вы как настоящий кардассианец создаёте порядок из хаоса, чего я не могу сказать о других населяющих сектор, — он внимательно взглянул на меня, я ждал продолжения.

— Вы слышали о движении, желающем ввести методы Федерации для определения нашей новой правящей структуры?

— Нет, не слышал, — без колебаний ответил я.

Я молил, чтобы Пармак не нагрязнул с его неожиданным ночным визитом.

— Каждый сектор будет голосовать за своего лидера. Голосовать, Гарак. Это значит, что простые уборщики будут решать наше будущее так же, как вы или я.

— Так будет в каждом секторе? — поинтересовался я.

Я и не думал, что всё зашло настолько далеко.

— Да. И тогда лидеры от каждого из шести секторов сформируют совет, который будет решать всё: от восстановления инфраструктуры до перевооружения наших военных, каждый из нас будет подчиняться их решениям!

— Звучит как-то слишком просто, да? — заметил я.

— Просто? Это невозможно. Кто эти люди? Алон Гемор? Семья предателей. Корбат Мондриг, сброд класса обслуги. Я не позволил бы им даже чистить мою обувь, что тут говорить о принятии решений, определяющих наше будущее!

Модред действительно изменился с нашей последней встречи; он стал более нервным, поддавался внезапным эмоциональным вспышкам. Мне следовало быть с ним очень осторожным.

— И что вы... предлагаете нам сделать? — мягко спросил я.

— Я поддерживаю контакт с некоей группой, я пока не могу сказать вам их имён, и мы разрабатываем контрнаступление на эту... федеративную модель, — с омерзением выплюнул он.

— И что вы хотите от меня, Модред?

— Вашу поддержку, конечно же. К сожалению, будет нелегко, и нам понадобятся опытные оперативники, — он любезно кивнул в мою сторону. — Также нам потребуется информация. Насколько я понимаю, вы работаете с доктором Пармаком, который очень тесно связан с Гемором.

— Я был приписан к его медподразделению. В такой ситуации партнёров выбирать не приходится, — добавил я.

— Конечно.

Мне показалось интересным, доктор, что Модреду никогда не пришло бы в голову, что я действительно наслаждаюсь своими отношениями с Пармаком. У меня сложилось ощущение, что его предположения обо мне лишь подкреплялись моими делами в Ордене и с Тейном.

— Однако наша работа подходит к концу, — я пожал плечами. — Сейчас мы редко видим друг друга.

— Тем не менее, любая информация окажется полезной... и поможет в вашем деле, — с явным нажимом произнёс он.

В этот момент, доктор, я понял, что никогда не смогу помочь этому народу. Сколько раз за время своего изгнания я слышал это выражение — «поможет в вашем деле»?

Периодически я соглашался, но это ничем не помогало моему делу, возвращению домой, ни на шаг не приближая его.

— И, как вы считаете, Модред, что мне нужно? — заискивающе улыбаясь, спросил я.

Он замешкался, вопрос застал его врасплох.

— Я бы подумал, с учётом прошлых обстоятельств вы бы хотели снискать одобрения... — он снова замешкался.

Кто остался? Модред и его группа?

— Энабрана Тэйна? — предположил я.

Он рассмеялся, но понял, что я имел в виду. Как типично для его класса (и его прошлого в военной разведке) работать по устаревшей модели.

— Позвольте мне разузнать, что я смогу сделать, — пришло время завершить встречу. — Было приятно вновь оказаться в вашем обществе, — Модред встал с табурета и едва не ударился головой о потолок.

Он мне нравился всё меньше.

Я проводил его до двери, чтобы избавиться от его компании как можно скорее.

— Кстати, я передаю привет от вашего старого друга из школы. К сожалению, я не могу назвать вам его имени.

— О, передайте ему мой взаимный привет.

И Модред наконец-то ушёл.

Он ли это? Он до сих пор жив?

2.14.

Запись:

Несмотря на то, что радиальная планировка, включающая шесть районов, сходящихся в общем центре, является достаточно простой, кардассианские мегаполисы плотно застроены сложными коленчатыми лабиринтами зданий, ориентироваться в которых могут только местные жители. Как только я начинал хорошо разбираться в расположении районов и проездов, у меня возникло непреодолимое желание менять жильё через равные промежутки времени. Я мог бы выбирать область и искать место, которое бы наилучшим образом удовлетворяло мою потребность в уединении и страсть к эдоссианским орхидеям. И хотя мои домовладельцы были бы глубоко опечалены моим внезапным отъездом, они были бы в равной степени благодарны мне за подарок в виде бурно цветущих орхидей, которые я бы им оставил. Однако я мало надеялся, что кто-то из этих горожан смог бы выращивать орхидеи, за исключением разве что архонта и его подруги.

Одно из моих основных удовольствий состояло в том, чтобы выбирать кого-нибудь на улице и преследовать его. Частично это удовлетворяло желание, появившееся у меня со времён Бамаррена — перемещаться, не будучи обнаруженным. И желание это стало значительно сильнее после того, как я увидел Паландин и её дочь. Раньше я бы выбрал кого-нибудь, похожего на прогуливающегося, и следовал всё время за ним или за ней. Я бы удостоверился, что признаки моего присутствия минимальны, и перенял настроение и повадки преследуемого. После того, как я почувствовал бы, что физическая мимикрия достигла совершенства, я перенял бы также мысли и чувства персоны. Таким образом, я не только чувствовал себя связанным с другим, но я лишался своих собственных мыслей и эмоций, особенно тех, что приносили боль.

Ведь я никогда не переставал думать *о ней*. Это было ужасное наваждение, и чем больше я приказывал себе остановиться, чем больше использовал приёмы, чтобы отвлечься, тем хуже это получалось. Я часто возвращался в Сады Тарлака в надежде увидеть *её*. Большую часть времени я просиживал среди орхидей Толана напрасно. Но несколько раз она всё же появлялась... ах, как мне описать это чувство? Один поэт однажды сказал: «изысканная боль — жар сердца, живота и гениталий». Грубовато, да, но анатомически верно. Удивительно, как мы можем жить в любом состоянии или ситуации, если верим, что не можем ничего изменить.

Однажды, когда пришли Паландин и Кел, я понял, что Кел уже слишком взрослая для детской площадки. Я видел, что Паландин хотела прийти в Сады больше, чем Кел. Она растянулась на солнце и пыталась убедить Кел подбежать и побороться с ней. Однако Кел уже приобрела вкус к романам и отказывалась от игр, несмотря на все усилия её матери. Перерывы между посещениями Садов всё увеличивались и увеличивались, до тех пор, пока не прекратились вовсе. По моим расчётам, это произошло незадолго до того, как Кел отправили в Институт. За время моих наблюдений их жизнь и её изменения полностью поглотили меня, и я не был уверен, что мне делать дальше.

Когда они уходили из Садов, у меня не возникло вопросов, куда пойти — я преследовал их. Я понимал, что это опасно и моё беспокойство заставляло меня теряться при выборе дальнейших действий. Я знал, что они жили в Секторе Коранум — старейшем

и престижнейшем районе города. Но что я мог делать? Стоять возле их дома у всех на виду?

Вот уж глупость.

Но пути назад не было... моё тело продолжало преследовать их.

Мы прошли через большую многолюдную общественную площадь, где Паландин столкнулась с двумя знакомыми. Они стояли в тени здания Ассамблеи, и мне приходилось следить за своими же коллегами. Наконец женщины двинулись дальше, и на долю секунды промелькнула мысль о том, чтобы уйти в свой кабинет в Зале Записей и отвлечься на огромное количество отложенных поручений, но моё тело упорно следовало за ними. Я не мог их отпустить.

Мы вошли в Сектор Коранум, контраст был внушительным. Величественные старые здания времён раннего Союза, разделённые широкими дорогами. Дома здесь не теснились так вплотную друг к другу, как в Торре. Тонкая работа и щедрый уход за фасадами делали даже прекрасные дома Сектора Палдар скучными и однообразными по сравнению с этими. Здесь располагались дома семей, которые правили Кардассией на протяжении поколений, и они были построены так, чтобы отражать прочность и несомненную долговечность этого правления. Конечно, семья Локар могла жить только здесь.

Пешеходов почти не было, и я понял, что подошёл непозволительно близко, когда Кел оглянулась и наши взгляды практически встретились. Я сделал вид, что заблудился, а они пошли дальше.

Наконец они достигли своего дома — трёхэтажного здания, обновлённая версия старого стиля Союза, с теми же классическими шпилями и высокими окнами. Женщины вошли внутрь, а я внезапно оказался на улице один, заметный бездельник. Будучи уверенным, что никогда не сделаю подобного снова, я продолжил идти в том же направлении. Когда я проходил мимо здания, то оглянулся на его тяжёлую входную дверь, которая не оставляла никакой надежды, что когда-то она может открыться для меня. Мой план состоял в том, чтобы выйти в Сектор Барвонок, центр торговли и бизнеса, через следующий поворот налево, и сквозь него пробраться в Сектор Торр, в мой очередной новый дом. Вызубренная привычка — никогда не возвращаться тем же путем, что пришёл.

— Элим. Элим Гарак!

Её голос раздался за моей спиной, я ускорил шаг.

Я не хотел останавливаться.

Я не хотел смотреть на неё.

Мой разум отчаянно искал способ скрыться, исчезнуть из её поля зрения. Но все мои попытки были обречены на провал. Конечно, она меня заметила. Да я вёл себя так, как будто сам хотел попасться ей на глаза!

— Элим!

В её голосе смешались нотки возбуждения, удивления и раздражения. Она была великолепной спортсменкой и догнала меня очень быстро благодаря своим длинным ногам.

Я обернулся.

— Паландин?

Я тут же вздрогнул от ужасающей неестественности моего притворного удивления.

— Сначала преследуешь меня, а теперь пытаешься сбежать? — её откровенность обезоруживала, — А ты всё тот же клубок противоречий, да?

Я видел, как она пыталась соотнести того Элима, которого знала по Бамаррену, с тем, которого сейчас видела перед собой.

— Уверяю, я просто проходил по сектору, — с трудом ответил я.

— Ага, а визг хонгов — чарующая песнь, — она всё ещё не могла перевести дыхание. — Но, я полагаю, и твоё присутствие у Здания Ассамблеи могло быть невероятным совпадением, — выпалила она и взглянула на меня, ожидая ответа.

Я не мог ответить. Мне стало стыдно.

— Я... я сожалею. Я пытался быть незаметным, — дальше обманывать ей не было смысла.

— Элим, ты забываешь — я училась у тех же преподавателей. Трудно убить старые привычки, — добавила она, самодовольно усмехнувшись.

— Этого больше не повторится, — заверил я её.

— Прогуляемся? — предложила она, заметив вышедшую из дома парочку.

Мы пошли подальше от её дома.

— Ты изменился, — заметила она.

— Прошло много времени. Ты думала, я останусь прежним? — спросил я.

— Нет, — тихо ответила она.

Паландин тоже изменилась. Она осунулась, вблизи были заметны небольшие морщинки вокруг глаз и рта. Она не просто стала старше.

Она так искренне обрадовалась, увидев меня (и я был счастлив заметить такую реакцию)! Но тот былой восторг, который мгновенно оживлял её лицо, ушёл в прошлое. Она была печальна всё время, пока водила меня по тем районам Коранума, в которых я раньше не бывал. По мере нашего продвижения улицы становились уже, а дома, окружающие нас — старше.

— Мне нравится этот район. Это самая ранняя застройка в городе. Тут поворот, — сказала она.

Узкий переулок, почти скрытый внешней стеной, проходил между двумя домами и неожиданно выходил в общественный сад старых деревьями и кустарников. Садик был небольшим, а густота насаждений предавала ощущения изоляции, которая напомнила мне о другом подобном месте.

— Необычно, — отметил я.

— Да, мы с Кел проводим здесь много времени. Или проводили, — поправила она себя так тихо, как будто разговаривала сама с собой. — Здесь я чувствую себя в безопасности.

— Мне это напоминает наше место в Бамаррене, — признался я.

Она засмеялась, и тот самый старый восторг на мгновение вспыхнул в её глазах снова.

— Да! Вот поэтому мне здесь нравится! — но выражение её лица мгновенно изменилось, когда она взглянула на меня, — Мы так ужасно относились к тебе.

— Пожалуйста... — начал я.

— Ужасно, Элим, ты сам знаешь! Мы верили... ну или я верила... — она горько усмехнулась.

Я не стал уточнять, что она имела в виду.

— Это в прошлом, — сказал я.

— Правда? — она криво усмехнулась, — Ну, хорошие новости!

— Мы были детьми, Паландин.

— Да, детьми, стремящимися повзрослеть, — она взглянула на меня снова. — А ты был взрослым уже тогда, Элим. Мы же только притворялись.

— Пожалуйста... — я снова попытался остановить её.

— Нет! Я потеряла тебя как друга, ты и сам это чувствуешь, если я не ошибаюсь, — её взгляд вызывал у меня беспокойство. — Почему ты за мной следил? Почему ты всё это время наблюдал за мной и Кел?

— Ты знала?

Я не мог поверить в то, что слышал. Я-то считал, что был практически незаметен во время своих бдений.

— Конечно, знала. Может, я и не сделала карьеры, но свои уроки выучила хорошо.

В её голосе прозвучала такая горечь, что я забыл о собственном ощущении неудачи.

— Сначала я не знала, что делать. Ты прятался там, среди этих прекрасных орхидей, как твой регнар. Сначала меня это раздражало, а потом я стала ждать тебя, этих твоих... наблюдений.

Я не пытался скрыть противоречивых чувств, захлестнувших меня, когда наши взгляды встретились.

— Почему ты пошёл за нами именно сегодня? — спросила она.

Я изо всех сил старался найти ответ. Она кивнула, как будто подтверждала какие-то свои мысли.

— Скажи, а ты когда-нибудь... дал бы о себе знать, если бы я тебя не окликнула?

— Нет, — ответил я.

Она снова кивнула, на этот раз печально соглашаясь:

— Теперь ты действуешь по собственному плану, да? Это должно быть очень опасно для тебя.

— Для нас обоих. Я уверен, что мне не нужно тебе напоминать... — добавил я.

— Не нужно, — она улыбнулась. — Где ты работаешь?

— В Зале Записей.

— А кем ты там работаешь?

— Аналитиком.

— И что ты анализируешь?

Её не смущали ответы.

— Я бюрократ, Паландин. Я больше не пытаюсь сделать свою работу интересной. Самая приятная часть этой должности — частые путешествия для сбора данных о численности населения. Рождаемость, смертность, всё в таком духе. Но большая часть моей работы — статистический анализ. Я просто убеждаюсь, что отчёты, которые мы получаем, соответствуют фактам, — я произнёс это наиболее безразличным тоном.

— Тебе это нравится? — спросила она.

— Мне нравится путешествовать, — ответил я.

Её лицо исказила гримаса.

— Ты покинул Бамаррен из-за Баркана?

— Меня попросили уйти.

— Почему? — она требовала ответа.

— Мне не сказали причины. Когда я вернулся домой, меня перевели в Институт Гражданской Службы.

— Ну, ты совсем не похож на бюрократа, который сидит целый день на своем стуле.

— Я стараюсь много ходить. И я знаю город также хорошо, как пустоши Мекара.

Она выдавила из себя улыбку и прошла к скамье, скрывающейся в зарослях кустарника. Я видел, что Паландин была расстроена тем, что она считала моим низвержением. Перспективный молодой человек, которого обстоятельства вынудили вести жизнь одинокого чиновника.

— Что насчёт тебя? — спросил я, садясь на землю напротив неё.

— Мы с Барканом были соединены. Я некоторое время работала в сфере безопасности в Министерстве Науки. Мне нравилось. Сколько интриг, сколько плохих лжецов. В Министерстве доминируют женщины, и я добила многого. У меня были отличные перспективы.

— И что случилось?

— Это сложно, Элим, — она пожала плечами. — У тебя есть семья?

— Нет.

— А ты правда действуешь по собственному плану. Я тебе даже завидую.

Она резко встряхнула головой, как будто стараясь сбросить навязчивое насекомое.

— Карьера Баркана пошла в гору быстрее, чем мы могли себе представить. Он получил распределение на Баджор и мы стали много времени проводить вдаль друг от

друга. Он хотел, чтобы мы работали вместе, но прежде, чем я успела получить перевод, родилась Кел.

Она снова пожала плечами. Такая нехарактерная неуверенность.

— Почему ты сейчас не живёшь на Баджоре? — спросил я.

— Стало слишком опасно. К тому времени, когда Кел стала достаточно взрослой для переселения, Сопротивление начало атаковать семьи военных, и Баркан настаивал, чтобы мы оставались здесь, пока они не возьмут ситуацию под контроль.

Я не верил, что это были его истинные мотивы, но попытался скрыть своё сомнение от неё. Однако мои усилия оказались такими же тщетными, как попытки скрыть своё присутствие.

— Ты всё ещё ненавидишь его? — спросила она.

— Ненависть — это слишком крепко сказано.

— Но каждый из нас способен чувствовать это, Элим. Как ты относишься ко мне? — спросила она с такой прямоотой, которая прошла по моему телу, словно электрический ток.

Жар, который я чувствовал раньше в Садах Тарлака, вернулся. Я боялся ответить.

Она опять утвердительно кивнула.

На этот раз она совершенно неправильно поняла меня. Я видел, что она не только ждала моей ненависти, но и принимала её.

Когда Паландин встала, то казалась ниже ростом.

— В конце концов, это была не лучшая идея, правда?

И почему большинство её фраз заканчивались вопросом?

— Что с тобой случилось? — искренне спросил я. — Ты была самой уверенной в себе личностью, которую я когда-либо знал. Даже когда ты принимала то решение в Бамаррене — ни оправданий, ни извинений, ни сожалений.

Внезапно её глаза наполнились слезами.

— Ты думаешь, я преследовал тебя, потому что ненавижу?

Она не смогла ответить. Она стояла передо мной и дрожала.

Я подошёл и обнял её, она не сопротивлялась. Она не шевелилась, позволила мне обвить руками и прижать её дрожащее тело к своему. Прикосновение её тела к моему — это было то, что я не надеялся когда-либо испытать вне своих фантазий. Впервые со времен Бамаррена мне захотелось раскрыть своё присутствие, почувствовать всё, что только было возможно в этот момент, всё, что объединяло нас. Необъяснимо у меня возникло виденье Гида, той самой женщины со встречи.

— Это наш секрет, Элим, — прошептала Паландин.

— Да, — ответил я. — Наш секрет.

Очередной. Но мне казалось, что хуже он не сделает.

2.15.

Запись:

Шифры становились всё сложнее, но собранная информация указывала, что на самой Кардассии начало формироваться масштабное сопротивление. Я ожидал этого, но задумался, почему объединение заняло так много времени. Разве что вся планета сошла с ума, ведь там было множество хороших и благоразумных личностей, которые видели бы насквозь фальшь обещаний Доминиона и предприняли бы меры, чтобы предотвратить неизбежное предательство.

Одо подтвердил мои догадки.

— После попытки Тейна уничтожить родину Основателей нет никаких шансов, что Доминион позволит существовать автономному кардассианскому государству.

Была середина ночи, мы заканчивали разбираться с последними передачами в офисе Одо.

Я вымотался. Иногда мы работали до утра, но, к счастью, сегодня я смогу вернуться в свои апартаменты пораньше и пару часов поспать.

— Конечно, Одо, Основатели должны понимать, что это были действия лишь нескольких отчаявшихся, — рассуждал я.

— Надеюсь, вы не забыли, что вы были одним из тех отчаявшихся, — напомнил Одо.

Я слишком устал, чтобы спорить.

— Кроме того, Гарак, эти действия только подтверждают их веру в ненадёжность твёрдых. Они видели, что кардассианцы делали с другими видами, поэтому их опасения не лишены основания, — он выглядел так, словно ему было пора в его ведро, я редко видел его настолько не в форме.

— Нет, — вздохнул я. — Мы не вызываем доверия у наших соседей.

Я было встал из-за компьютера, когда белиберда на экране наконец-то сложилась в последовательное коммюнике.

— Взгляните, Одо, — я указал на экран. Моё воодушевление я вызвало его интерес: — Это от ворты Вейюна.

Он молча изучал сообщение.

— Он не знает, где Дамар? — Одо был озадачен в той же мере, что и я.

— Да, и, судя по тексту сообщения, желает найти его поскорее.

Я задумался, возможно ли это? Одо был того же мнения.

— Вы предполагаете?.. — начал он.

— Да, что Дамар рассорился с Доминионом. Либо ударился в бега...

— ...либо примкнул к Сопротивлению, — закончил Одо.

— Это многое значит. Дамар — преданный солдат, имеющий поддержку большей части армии. Он не политик, который меняет стороны, как одеяния.

Я ненавидел его, но знал, что он жил строгим военным кодексом чести:

Кардассианским Союзом, верно или неверно. Как ещё он мог следовать так долго за этим психопатом Дукатом? И как ещё оправдать убийство невиновных, например, Зиял?

— Если только это не уловка, чтобы обличить повстанцев, — добавил я.

— Схожу передам эту информацию капитану Сиско, — решил Одо.

— Не будете возражать, если я ему сообщу? — предложил я.

Одо выглядел неважно, ему было нужно вернуться в его жидкое состояние.

— Нет, — через мгновение ответил он. — Есть определённые протоколы...

— Я понимаю.

Я действительно понимал. У них были коды, к которым у меня не было доступа, и они хотели сохранить эту стабильность.

— В таком случае, Одо, я попытаюсь немного поспать. Вы знаете, где меня найти.
— Спасибо за вашу помощь, Гарак, — произнёс Одо своим искренне-официальным

тоном.

В этот час променад пустовал.

Я поднялся на второй уровень, чтобы немного побыть на обзорной площадке перед возвращением в комнаты. Это было единственное место на станции, где я испытывал ощущение открытого пространства.

Ирония ситуации разом и забавляла меня, и раздражала.

Подумать только: бесценный расшифровщик кардассианских передач, содержащих жизненно важную информацию для Федерации, и они даже не доверили мне кода, чтобы разбудить капитана Сиско.

Ну и ладно, быть кардассианцем на этом приостановленном островке запустения никогда не бывало легко.

И я громко рассмеялся.

А что насчёт Одо? Когда я его видел в последний раз, он был метаморфом из вида Основателей, собиравшихся уничтожить Альфа-квадрант. Но у него не только был прямой доступ к капитану, так ещё он спал со вторым командующим лицом на станции.

Я поймал себя на том, что пялюсь на спасательные капсулы, недавно доставившие команду «Дефайанта» в целостности и сохранности, прежде чем благородный корабль был уничтожен. Они были временно пристыкованы и казались маленькими и беззащитными сиротами в ожидании нового дома.

Шум с другой стороны палубы напомнил мне не терять бдительности, на случай если Лондар Парва и его дружки ищут новую возможность «поставить ложкоголового на его место».

Рядом находился турболифт, и я убедился, что он пуст, прежде чем войти.

Но если Дамар поддерживает повстанцев... и если это не уловка...

Я хотел ему отомстить, определённо хотел, но не ценой освобождения Кардассии. И это было не просто освобождение планеты от контроля чужаков. Это больше походило на... более личное. Я хотел того, что получить ещё труднее — искупления.

Двери отъехали, и я, не теряя бдительности, направился по пустующему коридору вдоль спящих комнат к своим собственным.

Пришло время, продолжал прокручивать в голове я.

Пришло время занять своё место среди планет и жителей Альфа-квадранта как цивилизованное открытое общество.

Пришло время исправить повреждения.

«Дорог своевременный стезжок...»

Что? Откуда это выражение?

Как только двери сомкнулись за моей спиной, я ощутил её присутствие. Её запах.

Она стояла у окна, за столом. Это был уже не первый раз, когда она приходила ко мне и дожидалась, пока я работал допоздна.

Но этой ночью было что-то иное. Пропасть между нами разверзлась вновь. Я махнул рукой, чтобы поднять уровень освещения.

— Не стоит, — произнесла она.

— Я не ждал вас до завтрашнего дня.

Стоило глазам приспособиться к темноте, я различил в её руке фазер.

— Кого вы ждали, Ремара?

— Тебя, Элим.

— И я настолько опасен? — я огляделся, чтобы убедиться, что мы одни.

— Садись, — тихо приказала она.

Я попытался обойти её так, чтобы оказаться спиной к окну.

— Туда, Элим, — она указала на стул в углу возле двери. — И без глупостей.

— Боюсь, ваше предупреждение слегка запоздало.

Женщина обошла стол и присела на край, глядя на меня.

— Это допрос? — спросил я.

— Мне было приказано убить тебя, не задавая вопросов, — не терпящим возражения тоном и ровно ответила она.

— Видимо, они из тех, кто не ценит искусства беседы.

Она просто стояла и разглядывала меня. Никогда раньше расстояние между нами не было столь огромным.

— И ты лгал мне о Баджоре. Ты прекрасно знаком с моей родиной.

— Я бы так не сказал, я был там относительно недолго.

— Достаточно долго, чтобы убить моих мужа и сына!

Всё в ней — её волосы, лицо, одежда — было иным, строгим. Никто из знавших её в качестве дабо-девушки не узнал бы её сейчас. Я всегда догадывался, что возвращение дабо-колеса у Кварка было лишь прикрытием... и всё-таки я это проигнорировал. Я достаточно хорошо знал себя и своё ремесло, чтобы понимать, что мои упущения больше не сочтут за случайность.

— Ты же понимаешь, о чём я говорю, верно, Элим? — в её глазах горела такая ярость, которая не утихнет до конца жизни.

Она не была перебежчиком, как считала Кира. Она была террористкой.

— Вы из Кон-Ма, верно?

Она не ответила.

— Я был единственным кардассианцем на этой станции и давно вас ожидал. Что вас задержало?

— Они были на «Таклане», когда ты приказал его уничтожить. С семнадцатью другими, которые просто пытались спастись от здешней каторги.

— Во время войны, когда вы командуете вражеским кораблём и пытаетесь сбежать...

— Да не было войны! — огрызнулась она. — Изнасилования. Убийства. Геноцид. Ещё сегодня у нас были наши жизни, а завтра кардассианцы их забрали!

Гнев Ремара побудил меня к отрицанию.

Я задумался, чего ей стоило постоянно обуздывать свои истинные чувства, когда она преподносила себя как далёкий и желаемый сексуальный объект. Возможно, клингоны неосознанно были привлечены тем, что скрывалось под макияжем и открытым платьем. Обычно события, которые приводят в любое движение сопротивления, также являются теми, которые могут заглушить все чувства. Но страсть Ремара не исчезала.

Конечно, эта страсть была моим шансом избежать её мести, замаскированной под правосудие Кон-Ма. Но я так устал, что мне уже было всё равно. Ещё недавно я фантазировал о возмездии, а теперь меня собираются казнить за кардассианскую оккупацию Баджора. И всё это время я накручивал себя, игнорируя любой знак, как неопытный разведчик.

Возможно, это и было тем искуплением, которое я искал.

— Я прибыл на Баджор на краткий срок, чтобы допросить возможных членов Сопротивления. Оккупация была исключительно военным делом, и они обратились... к моей группе...

— Какой группе? — перебила она меня.

— Не важно, она больше не существует. На допрос привели детей. Исхудавших от голода, одетых в лохмотья. Это позор, даже для обычной некомпетентности военных. Галы потеряли контроль и хватали всех, кого считали причастными к Сопротивлению. Мне хватило одного взгляда, чтобы сказать, что они просто голодны и способны лишь бросаться камнями. Я дал им латины и выбросил обратно на улицы. И мы сказали военным, что мы либо делаем всё своим способом...

— И каким это способом, Элим? — ухмыльнулась она.

Это был тот редкий случай, когда я нашёл её непривлекательной.

— Верным способом, Ремара. Найти нужных людей, вызнать нужную информацию, которую можно эффективно использовать против Сопротивления. Но это означало, что военным пришлось бы передать контроль и, конечно же, об этом не могло быть и речи. Поэтому нас отправили обратно.

— Вас видели в шаттле! — не сдавалась она.

— Мы были на вокзале, когда заключённые баджорцы оглушили свой конвой и угнали шаттл. У них были заложники, они требовали переговоры. Я видел, как гал Торан окончательно утратил всякое достоинство, бросаясь пустыми угрозами в адрес тех, кому уже нечего терять.

— Им было что терять, — она отрицательно покачала головой.

— В этой ситуации, дорогая, они могли бы получить всё и не потерять ничего, — устало пояснил я. — Трюк заключается в том, чтобы им дать как можно меньше и заставить поверить, что они одержали великую победу, но это было непостижимо для Торана. Я вызвался вести переговоры. Беглецы казались разумными. Сам факт, что они не сбежали сразу же и не стали убивать заключённых, подсказал мне, что они ищут выход. Обмен... — я замолчал.

Вот в чём всё дело, подумал я. Все истории начинались с одного и того же, и все имели одинаковый конец.

— Что произошло? — сухо поинтересовалась она.

Ухмылка ушла, возможно, она тоже устала от бремени подобных историй.

— Вы знаете, что произошло, Ремара. Гал Торан не позволил мне участвовать в переговорах. И, несомненно, не стал бы и сам. «С террористами — никогда», заявил он, но на деле он просто не знал, как с ними говорить. У них не было другого выбора, кроме как попытаться сбежать.

— И вы убили их всех, — ещё суше произнесла она.

— Конец истории, Ремара.

Я подумывал рассказать ей, как я потребовал своей личной мести Торану и только сожалел, что она не случилась раньше... но какой от этого толк? Ещё один подлый оппортунист умирает, разрывая очередную дыру в ткани. Что выйдет, кроме возможного усиления урона?

Я встал. Казалось, гравитация на станции усилилась вдвое.

— Если собираетесь меня убить, то валяйте. Так или иначе, я хочу спать.

— Кто отдал приказ? — спросила она.

— А что это изменит? Я отдал, если хотите знать.

Ремара уставилась на меня. Она опустила фазер. Я даже глубоко разочаровался.

— Я была на вокзале, — мягко сообщила она. — Я ждала в очереди на «Таклан», но меня задержали, и мы разделились с Карна и Берингом. Нас отправляли на Терок Нор как семью. Меня и двери отделяло всего несколько пассажиров, когда охранников оглушили и затащили внутрь. Двери закрылись, я осталась снаружи. Я запаниковала. Я кричала и билась в двери вместе с остальными. Кардассианские солдаты начали оттаскивать нас, меня отбросили в сторону, где я спряталась за ограждением в надежде, что дверь откроется, и тогда я смогу проскользнуть внутрь. Оттуда я видела ваш спор с Тораном. Я не слышала вас, но было очевидно, что происходило. Вы ведь были знакомы раньше?

— Да, — ответил я.

— Было заметно, как вы ненавидите друг друга. Когда ты ушёл, я понимала, что они погибнут, — Ремара подошла к окну и посмотрела на звёзды.

Сколько же времени, подумал я, прошло у этого окна в ожидании освобождения от этого печального и мертвенного места.

— Тана Лос сказал нам, что ты здесь. Он до сих пор сидит в баджорской тюрьме и верит, что ты каким-то образом повлиял на его арест. Это и не было секретом, но никто не знал, кто ты и почему остался после кардассианского отступления. Ты был в самом низу терминационных списков, — она обернулась и робко улыбнулась, словно извиняясь. —

До тех пор, пока я не прибыла сюда и не встретила тебя... и узнала. Когда я вернулась обратно и рассказала остальным, они поместили тебя во главе списка и назначили меня исполнителем, — она печально покачала головой и убрала фазер в карман.

Ремара отошла от окна и направилась ко мне.

— Тебе придётся покинуть станцию. Они будут приходить за тобой, пока не преуспеют. Прощай, Элим, — она приложила руку к моему лицу, и я ощутил рвущийся наружу жар.

Быть может, её страсть и была проклятьем для террориста, но она была другой... и она нашла искупление.

— Почему Кира считает вас предательницей и воровкой? — поинтересовался я, когда она повернулась к двери.

— Потому что это правда.

— Вы доносили о центре беженцев?

— Нерис рассказала тебе о Сигне, — она вздохнула и уставилась куда-то сквозь меня, словно видя что-то, ещё больше усиливающее её печаль. — Её отец, Табан, позволил мне жить в их части пещеры. А я отплатила тем, что предала его, — она взглянула на меня, на её губах мелькнула тень улыбки, которую я нашёл такой привлекательной при нашей первой встрече. — Нет, я не доносила, Элим. Я считала Табана осведомителем. Я обнаружила, что он пустил меня жить с ними, потому что получал дополнительную еду и медицинскую помощь от кардассианских властей. В то время у меня был друг в Сопротивлении. Когда я рассказала ему о поставках, мне поручили следить за активностью Табана... и воровать всё, что можно передать более нуждающимся в этом. Однажды Табан поймал меня на краже. Я думаю, что если бы я только призналась ему в том, что делаю и почему, он бы меня простил. Он был добрым баджорцем. Вместо этого я обвинила его в предательстве нашего народа и сбежала, — она умолкла, и мы стояли в вибрирующей тишине станции.

— Вы были очень молоды, — заметил я.

— Уже позже я узнала, откуда Табан получал дополнительные припасы. От жены. Мать Нерис была женщиной для утех у кардассианцев. Это Нерис тебе рассказывала?

— Нет.

— Собственно говоря, она была женщиной твоего старого друга, Дуката, до самой своей смерти.

— Дуката... — осторожно повторил я.

— Поэтому они и получали дополнительные пайки. Либо так, либо быть заклеимёнными, как предатели. Я не виню Нерис, Элим. На её месте я бы тоже не простила.

Она развернулась и вышла через открытую дверь. Частично я желал, чтобы она осталась, но моя усталость могла лишь провожать её взглядом.

2.16.

Запись:

Серость, влажность и пышная растительность. Иногда, когда я вставал в полный рост во время от своей садовой работы, то едва не стучался головой о низкое ромуланское небо. Тейн говорил, что это было идеальным назначением для меня, и, сойдя на Ромул, я отчасти понял, почему: растительность бурно процветает в этом климате. Куда ни бросишь взгляд, кусты, деревья и цветы растут в таком избытке, какого я ещё никогда не видел. Именно этот самый вид и рождает удивительнейшую перемену ожиданий. Поначалу я был уверен, что с моим зрением что-то не так: вместо того, чтобы быть преимущественно зелёным, Ромул был серым.

Моим прикрытием в кардассианском посольстве была работа старшего садовода. Постоянный садовод был отправлен обратно на Кардассию в бессрочный отпуск, во время которого кардассианские растениями занимался бы я. Толан весьма хорошо подготовил меня к такому прикрытию.

Меня звали Элим Вронок, и моя тайная миссия была определена очень чётко: уничтожить проконсула Меррока, главного противника Тейна в Ромуланской империи. Никто не знал — или не говорил наверняка, — почему возникла эта антипатия между Мерроком и Тейном, но была она лютой и неизменной. Я знал, что причина отчасти была в том, что Меррок убеждал ромуланский союз с клингонами сдерживать кардассианцев, вплоть до того, чтобы поделиться с клингонами маскирующей технологией. Об этой технологии, пожалуй, важнейшем ромуланском научном достижении, мы могли только мечтать, особенно об улучшенном генераторе интерфазы, благодаря которому интерфазовый сканер (устройство для обнаружения маскировки, разработанное учёными Федерации) становился бесполезен. Ромуланцы и кардассианцы с неуверенностью рассматривали этот обмен — технология маскировки на усовершенствованное кардассианское оружие, но любой прогресс в переговорах постоянно срывался Мерроком, первым министром обороны.

Было и кое-что ещё: соперничество между Обсидиановым Орденом и его ромуланским эквивалентом — Тал Шиар, разведывательной организацией, возглавляемой безжалостным Ковалом и спонсируемой Мерроком. Соперничество стало настолько напряжённым, что обе организации находились практически в состоянии войны.

— Вронок! — и самым большим удивлением на Ромуле для меня стала личность первого секретаря посольства: Девятый Лубака, инструмент бамарренского предательства от рук его двоюродного брата, Баркана Локара.

Крим Локар, очевидно, остался позади в быстрой барканской гонке и нашёл другую связующую позицию, на этот раз — по передаче надлежащей и тщательно подготовленной «информации» для ромуланского Управления Инопланетных Дел. Он был марионеткой: его рот говорил то, что требовалось. Когда я впервые встретил его, я решил, что миссия провалена. Только посол и моё контактное лицо знали, кто я такой. Но благодаря надменности и самолюбию Локара (которые усугубились за эти годы) он не узнал меня.

— Посол желает видеть вас, — высокомерно заявил он.

— Я сейчас буду, — уверил я его со всем должным почтением.

— Не забудьте перед этим почистить свою одежду, — указывал он мне, как ребёнку.

— Обязательно, — кивнул я.

— Первый секретарь! — поправил он.

— Простите? — я прекрасно понимал, чего он хочет.

— Вы будете обращаться ко мне «первый секретарь», — объяснил он.

Он был уверен, что, раз я садовник, то, следовательно — болван.

— Конечно... первый секретарь, — заулыбался я.

— Кто-нибудь знает, чем вы здесь занимаетесь? — недовольно спросил он.

— Прошу прощения, первый секретарь? — я ощутил лёгкий укол волнения.

Предполагалось, что он ничего не будет знать.

— Тут. В садах, — он нетерпеливо указал на участок, который я подготавливал для посадок. — У вас есть разрешение на эту работу? Она кажется лишней. Сады были в абсолютно приемлемом виде и с Кронимом, — произнёс он, имея в виду предыдущего садовода.

— Уверяю вас, мне дано разрешение... первый секретарь.

— Так поторапливайтесь! — он хлопнул в ладоши. — Мы не можем тратить весь день попусту, — развернувшись, он вошёл в здание.

Я поражался тому, как годы превратили его в нервного гермафродита среднего возраста и задумался: а был ли бы кто-нибудь против, если бы я поместил его в список следующим, после проконсула Меррока?

Когда я вошёл в кабинет посла, он сидел за столом вместе с пожилой ромуланкой. Никто из них не встал.

— Элим Вронок, это сенатор Пелек, — я поклонился и вежливо ждал, пока ко мне обратятся. Сенатор полностью проигнорировала меня, и посол продолжил: — Сенатор основала известный дендрарий, и ей интересно, какие кардассианские растения вы приучаете к ромуланскому климату. Особенно эдоссианские орхидеи.

Я кивнул. Я не выдал никакой реакции, но вот оно, моё «контактное лицо» — ромуланский сенатор. То, что Тейн сумел привлечь на свою сторону чиновника такого высокого ранга, было проявлением мастерства, учитывая отшельническую природу ромуланского общества. Этот вид считал инопланетян низшей формой жизни, и высокомерное отношение, которое все ромуланцы приберегали для чужаков, никогда не было тайной. И правда, я стоял здесь в рабочей униформе трудового служащего посольства, а сенатор смотрела сквозь меня. Я не был достоин даже её надменности.

— Отправьте его в мою резиденцию, — встав из-за стола, приказала она послу. — Мой садовод встретится с ним и получит необходимую информацию, — посол начал кланяться, но сенатор Пелек уже направлялась к двери.

Я начал сомневаться, действительно ли она была контактным лицом. Мог ли её интерес к моим орхидеям быть совпадением? Это всё больше было похоже на работу по контракту, чем на миссию под прикрытием.

— Я работаю здесь два цикла и всё ещё не могу привыкнуть к их высокомерию.

Посол Борнар был мужчиной с явным лишним весом и, казалось, всегда был сонным. Но в этот раз, когда я посмотрел на него, он не спал и был очень внимателен. Мне стало любопытно, сколько ему было известно о моей миссии. Когда он увидел, что я его изучаю, то быстро вернулся к дрёме.

— Спасибо, Вронок, — пророкотал он. — Почему бы тебе не прихорошиться, тогда я отправлю тебя в резиденцию сенатора.

— Да, посол, — уходя, я слышал, как он звал Локара, который ждал за дверью. Когда мы проходили мимо друг друга, он ухмыльнулся в мою сторону.

Более точным титулом было бы «первый лакей», подумал я.

Но меня это не касалось. Спустя недели одного только ежедневного ручного труда по реорганизации садов посольства и уходу за ними контакт наконец-то был инициирован. Но время не было потрачено зря. Я усердно работал, жил по-простому и привёл себя в отличную физическую форму. Я изучил только поверхностную информацию о Мерроке, которую получил от Пранга, но я и сам узнал кое-что.

Добраться до него было непростой задачей; он был очень осторожным, преданным своей семье, а если у него и были недостатки, то они были успешно скрыты. Тот, кто держал свои привычки при себе, без сомнений, организовывал свою жизнь с натренированным вниманием опытного сотрудника безопасности. Это была закрытая

система. Но для этого у нас и были контакты: они должны были знать, как туда проникнуть.

Также я проводил время, пробуя себя в поэзии — интерес, который возродился во мне вместе с отношениями к Паландин. Она не только позволила мне выразить свою страсть, но и была эффективнейшим способом смягчить боль от нашего расставания. Перед тем, как в мою жизнь вернулась Паландин, я с удовольствием брался за эти долгие назначения. Теперь всё, чего я хотел — это завершить работу и вернуться к ней.

— Подождите здесь, — попросил пожилой ромуланский садовод.

Я едва заметил его труды: огромное строения, где мне было велено ждать, было регулируемой средой с самой впечатляющей коллекцией флоры, которую я когда-либо видел. Технология, которая позволяла такому разнообразию существовать в одном месте, была искусной и дальновидной. Я понял, почему дендрарий сенатора был так известен. Серость, которая захлестнула остальной Ромул, сюда не проникала, и различные оттенки красного, фиолетового, зелёного, желтого и синего сверкали и лучились энергией, предупреждением, вспыхивающим каждый раз, когда я шёл или менял угол зрения. Я рассматривал обширное скопление пышной растительности — кустов, деревьев, цветов и лоз, и вздрогнул от ощущения, что на меня тоже смотрят. Кроме визуальной красоты было ещё и ошеломляющее чувство разума... и опасности.

— Отойдите! — резко скомандовал голос.

Я обернулся и увидел сенатора, стоявшую у входа.

— Простите? — не понял я.

— Если не хотите быть ужаленным так, что будете несколько дней помнить, то советую вам отойти от ромийского жала, — я проследил за её взглядом и увидел извивающуюся лиану, выставившую острые шипы и ползущую ко мне по земле. Я сделал шаг назад, и она сейчас же скрылась в кусте, где, очевидно, и обитала.

— Оно может цепляться к небольшим животным, привлечённое их запахом, и быстро высасывать из них жидкости, — сообщила сенатор, рассматривая меня с научной отрешённостью, из-за которой я чувствовал себя, как один из её новых экспонатов.

Её острые черты подчёркивали беспристрастное отношение.

— У нас есть похожее растение, которое...

— Мекарский пилозуб, да, — перебила она. — У нас есть один, сразу за земным эвкалиптом. Но пилозуб разрывает плоть своей жертвы. А жало оставляет иссохшую оболочку, — её речь была чёткой, без излишеств, как и её опрятная аскетичная фигура. — Кроме следа от укола, мёртвое существо выглядит нетронутым. Ваш мекарский пилозуб оставляет весьма неопрятный труп, — презрительно процедила она.

Я ничего не ответил, но оставался начеку. Эта женщина была опасна, и мне пришлось в голову, что эта богатая коллекция растительной жизни из всех уголков квадранта была наглядным отображением её разума. Голос моего разума предупреждал не забывать шевелить мозгами. Я хотел обернуться и посмотреть, что ещё могло ползти в мою сторону.

— Я была убеждена, что вы знаете, что делаете, — произнесла она, нарушив влажную тишину.

— Я польщен этим предположением...

— Сколько времени вам нужно, чтобы довести эдоссианские орхидеи до зрелости? — ведение беседы явно не было её талантом.

Я осмотрелся.

— Я должен буду принести специально подготовленную почву... очень важен ранний утренний свет...

— Сколько времени? — повторила она более резко.

— До полного цветения... — я провел несколько быстрых подсчетов, — потребуется... как минимум шесть месяцев. Если только...

— Если только что?

— Если только нам не получится их обмануть, — ромуланская гравитация сильнее нашей, и её постоянное давление всё только усложнит.

— Ускорив циклы дня и ночи, — заявила она.

Она определённо не была новичком в вопросах такого рода.

— Да, если бы мы смогли ужать два цикла в один...

— Три месяца, — кивнула она, что-то подтвердив про себя и смотря сквозь меня, чем доводила до бешенства.

Мне всё больше казалось, что меня воспринимали, как голограмму.

— За мной, — скомандовала она, резко устремляясь мимо меня.

Я последовал за ней по центральному проходу, наступая точно туда же, куда ступала она. Я узнавал некоторые растения и кусты: либо они были кардассианскими, либо я встречал их на других миссиях. В какой-то момент я остановился при виде ползучего растения, солнцескателя индиго, тоже из пустошей Мекара. Я словно увидел старого друга, и на меня нахлынули воспоминания. Регнары устраивали свои колонии возле корней солнцескателя, но я решил не делиться этим наблюдением с сенатором. Наконец мы вышли на открытое пространство, где, отдельно от соседей, росло растение, выглядящее совсем просто: маленькие белые цветки, овальные маслянистые листья переливались оттенками зелёного.

Я взглянул на сенатора, ожидая объяснений.

— Как я понимаю, при подходящих условиях ваши эдоссианские орхидеи могут быть крайне ядовиты, — произнесла она.

Я был заинтригован этим комментарием. Толан однажды упомянул, что в прошлом орхидеи использовались в низменных целях, но, когда я захотел узнать подробности, он настаивал, что эта информация не нужна мне. Он видел жестокую иронию в том, что настолько красивый и эстетичный цветок могли использовать во зло. Когда я изучал растение, гребни на шее и плечах у меня вибрировали от волнительного восхищения.

— Я ничего не знаю об этом, — признался я.

Она одарила меня взглядом, определяя, насколько правдив мой ответ.

— Никому не удавалось выращивать здесь орхидеи, — произнесла она, по-прежнему изучая меня тёмными глазами. — Я говорила вашему начальнику, что добиться успеха крайне важно. Достаточно уже того, что эту работу будет делать пришелец, но потерпеть неудачу будет просто недопустимо. Вам ясно?

— Да, — убедил её я.

— Точно ясно? — не отступала она.

— Просто скажите, что вы хотите, сенатор. Моё время тоже дорого, и я явился на вашу прелестную планету, чтобы сделать всё, что в моих силах, — с меня было достаточно её завуалированных угроз и высокомерного отношения на сегодня.

Я понятия не имел, как она отреагирует на мой плохо скрываемый ультиматум, но она не была женщиной, с которой я бы хотел проводить своё время.

— Хорошо, Элим Вронок, — её кивок казался практически одобрительным. — Я хочу, чтобы вы немедленно принялись выращивать свои орхидеи. Скажите моему садоводу, Креналу, что вам нужно, и потратьте ваше «драгоценное время» на то, чтобы орхидеи были в полном цвету не позднее, чем через три месяца, — она было собралась уходить, но что-то её остановило.

— Где вы хотите разбить клумбы? — спросила она.

Я осмотрелся и понял, что стою на идеальном месте.

— Было бы хорошо прямо здесь, — признался я.

— В том-то всё и дело. Где угодно, но только не здесь, — её смех был сухим и безрадостным.

Она развернулась и пошла сквозь гущу флоры, которая, казалось, расступалась перед её осторожными деликатными шагами, уступая ей дорогу.

Я вновь взглянул на цветок с белыми звёздочками с маслянистой, почти что искусственной, зеленью листьев. И задался вопросом, как бы почувствовал себя Толан, если бы узнал, как я собираюсь использовать его подарок?

Время летело, когда я погружался в работу.

Кренал был скрытным от рождения, и я уверен, что получать указания от «варвара» только усиливало это; но он был сведущ, всегда готовый оказать необходимую помощь и поделиться информацией. С его помощью я сделал простой навес, которым мы загораживали свет в середине дня на то время, что длились короткие ночи в это время года. Как и ожидалось, я ускорил рост в два раза. Сначала я боялся, что стебли орхидей будут слишком тонкими из-за ускоренного роста, но Кренал создал питательное удобрение, которое соответствовало текущему росту. Он великодушно поделился со мной формулой, и я пользовался ею, выращивая орхидеи при обычных условиях возле посольства. Добавка удобрения делала цветы крепче и более устойчивыми к болезням и вредителям, но проблема заключалась в том, что оно слишком утолщало стебель и ветки и этим портило изящную элегантность орхидеи.

Также Кренал щедро делился информацией о многих неизвестных мне растениях. Терпение, которое он проявлял к моим нескончаемым вопросам, было свидетельством его преданности и гордости. Но когда я спросил его о белом цветке, стоящем в одиночестве, его щедрость испарилась, как испаряется улыбка Кварка, когда говоришь ему, что не можешь оплатить счёт.

— Вам нужно спросить это у сенатора, — вот и всё, что он ответил.

И однажды я спросил.

Время шло к концу установленного срока, и во время одной из своих регулярных инспекций сенатор Пелек выразила удовлетворение нашим прогрессом.

Она уже была готова удалиться.

— А как орхидея связана с белым цветком в форме звезды? — поинтересовался я.

Сенатор остановилась и окинула на меня изучающим скептическим взглядом, которым достаивала меня периодически.

— Кто вас учил? — спросила она.

Я не совсем понял этот вопрос.

— Мой отец, — ответил я.

Я знал, что не прогадаю с этим ответом.

— Он был садовником?

— Да.

— Чем ещё он занимался?

— Только этим, — ответил я.

— Он научил вас выращивать орхидеи и не рассказал об их применении? — её скепсис становился всё более явным.

— Он... был простым человеком. Он совершенно не одобрял мою карьеру, — она кивнула, всё ещё изучая меня — мастерски, но грубо и раздражающе.

Я решил дать ей допуск и на секунду снял маску.

Выражение её глаз изменилось.

— Идёмте, — приказала она и повела меня к тому белому цветку. — Внимательно взгляните на его тычинки. У вас хорошее зрение? — не отвечая, я рассматривал цветки, и в чашечке увидел плотный комок склеившихся семян, разместившихся напротив волосков тычинок и пыльника.

— Этот цветок называется Белой Звездой Ночи. Изначально на Вулкане его прозвали Звездой Смерти, — я невольно подался назад. — Он вам не навредит. Мог бы, но только косвенно. Он выбрасывает ограниченное количество семян, которые отправляются на

поиски подходящего приёмника. Когда семя находит... партнёра, скажем так, оно делает то, что должна делать пыльца — входит по пыльцевой трубке растения-рецептора и продвигается к семязачатку, где и происходит оплодотворение. Но с определёнными цветами в этом процессе есть большое отличие. Получающиеся после скрещивания цветки настолько смертельны, что даже стоять в непосредственной близости от них опасно для жизни.

— И эдоссианские орхидеи — одни из таких цветов, — сенатор молча посмотрела на меня. — А почему вы отделили Белую Звезду от соседей? — поинтересовался я.

— Потому что, если цветок разбросит семена, и они опылят остальных, через какое-то время семян от него больше не будет. Я же говорила, что запасы ограниченные. Мы их бережём. Или вы забыли, зачем вы здесь? — спросила она, как будто я был мало того, что глупым, но ещё и трусом.

— Нет, сенатор. Я знаю, зачем, — осклабилась я сладкой улыбочкой, при виде которой сенатор поджала губы.

Развернувшись, она двинулась прочь.

— Благодарю за урок, — добавил я ей вслед.

Звезда Смерти. В этот момент я вспомнил время после Бамаррена, когда я работал с Толаном в Тарлаке. Я спрашивал, не беспокоился ли он из-за своего статуса.

— Какого статуса, Элим? — Толан удивился, но его ответ дал понять, что вопрос мой был непростительной грубостью. Я пытался извиниться, но Толан всё же хотел ответить. — Ты о том, что моя профессия класса услуги?

— Не оскорбляйся, пожалуйста, — попытался объяснить я. — Я просто думаю, что ты...

— Выше этого? — он указал на клумбу, с которой он работал.

Я ничего не ответил.

— Если бы кто-нибудь попросил тебя сделать что-то, что шло бы вразрез с тем, во что ты веришь, и даже принесло бы тебе боль, как бы ты отреагировал? — спросил он.

— Я бы... отказался... если бы мог, — это был сложный вопрос для молодого кардассианца с глубоким чувством долга.

— За все те годы, что я ухаживал за садами, я никогда не чувствовал боли. Это и есть мой статус, Элим.

Либо Толан отказался выполнить просьбу Тейна, либо Тейн не знал о Белой Звезде Ночи. Иначе почему этот урок давала мне ромуланская старуха?

Момент зрелости, который так ждала сенатор Пелек, приближался. Я точно не знал, как он случится, но с помощью осторожных расспросов узнал, что она решила, что проконсул Меррок слишком уж утратил связь с Кардассией и нуждами её будущего. Это была сложная политическая оппозиция, но всё сводилось к учёному, Пелеку, который хотел более открытого обмена информацией с технологически продвинутой цивилизацией, Кардассией, и воинствующему политику Мерроку, который не доверял кардассианцам и считал, что сможет добиться манипуляциями союза с клингонами с помощью Тал Шиар. Обычно ромуланцы соперничали в открытую, называя это «противостоянием чести», но сенатор считала, что слишком многие влиятельные личности поддерживали Меррока и что подобное противостояние приведёт к кровавой бане. Никто не ожидал подобного тайного заговора, и уж точно никто не ожидал его от сенатора, которая считалась блестящим, хоть и эксцентричным, учёным, которой нравилось коллекционировать растения. Конечно, ирония заключалась в личном союзе Пелек с Тейном и Орденем, и, хотя я лично не знал деталей их соглашения, я был уверен, что сенатор действовала из твёрдой убеждённости в своих принципах, и что политические идеалы были для неё важнее латины, которую можно было получить от потенциально выгодного торгового соглашения.

С приближением окончания моей миссии, я всё чаще думал о долгожданном воссоединении с Паландин. Даже моя поэзия с её страстью, просачивающейся через

ограничения любых структур и форм, не могла сосредоточить моё желание и успокоить нетерпеливость. Иногда я копался в почве и замечал, как мои руки дрожали, словно листья джакары. В такие моменты я останавливался, где бы я ни был, и старался сосредоточиться с помощью дыхательной медитации, которой я научился у Каликса. Четыре быстрых вдоха через нос... задержать дыхание... четыре выдоха через рот. Теперь медленнее... дольше... слить вдохи воедино...

— Десятый Лубака, — видимость вежливости неплохо изменила этот грубый голос, но я узнал его сразу. Либо я настолько утратил контроль над концентрацией, либо мой главный страх только что оправдался.

— Спим на работе, да? — этот голос звучал игриво, уверено, самодовольно.

Будь осторожен со своими сильнейшими страхами, предупреждал однажды Каликс. Я открыл глаза.

— Первый Чарабана, — он располнел и даже при всем свойственном ему изяществе стал более жестоким.

Хищник в самом расцвете сил. С ним был военный гал с такой длинной шеей, какую я когда-либо видел у кардассианца; в глазах говорящего читалась усмешка.

Внезапно я успокоился. Было ли это следствием медитации или осознанием того, что, судя по взгляду Локара, ему ничего не было известно о моих отношениях с Паландин? Я совершенно спокойно встал, глядя ему в глаза.

— Вот так сюрприз, Элим, — он ничего не знал обо мне.

Насколько я понимал, в его глазах я был всего лишь садовником, работающим при посольстве... история встречи со старым школьным знакомым, подававшим надежды, но ушедшим в возню с цветами; история, которую можно рассказать за обедом.

— Что привело тебя на серый Ромул? — с искренним любопытством спросил я.

— Скрейн Дукат, — Локар представил своего длинношеего компаньона, который чуть заметно кивнул. — Элим...

— Вронк, — быстро поправил я. Локар удивлённо взглянул на меня. — Что я могу сказать, Баркан? Когда мы знали друг друга, моя проблема отчасти была... в моём происхождении, скажем так, — я смиренно опустил глаза. — Случился, как ты можешь представить, небольшой скандал, он повлиял на мой внезапный уход из Бамаррена. Но, по крайней мере, я встретил своего настоящего отца перед его смертью. Было вполне приемлемо взять его имя.

— Понятно, — почти прошептал Локар.

История становилась всё интереснее и интереснее. Усмешка Дуката превратилась в гротескный оскал, который, видимо, был его вариацией улыбки.

— Прошу меня извинить, — бросил Дукат Локару, — я пойду приведу себя в порядок перед предоставлением наших данных, — он усмехнулся мне еще раз и вошёл внутрь.

Может, я и ходил с Локаром в одну школу, но что касалось Дуката, то меня он воспринимал, как безродную обслугу.

— Я сейчас на Баджоре. Вице-префект Оккупационных Сил. Это очень богатая планета, Элим. Моя работа — проследить, чтобы всё богатство мудро использовалось. Дукат руководит горнорудными работами на Баджоре, а здесь мы для того, чтобы завершить торговое соглашение, — всё это произнесено по-простому, почти что с уверенностью старых друзей.

Он так хорошо разбирался во всех тонкостях, что без труда доказал своё превосходство.

— Ваш родственник Крим, должно быть, очень полезное связующее звено в этом процессе, — заявил я, наблюдая за его реакцией на слова «связующее звено».

— Да, — с невозмутимым самообладанием ответил он. — У вас двоих, наверно, есть кое-какие интересные воспоминания.

— Боюсь, он меня не вспомнил.

— Правда? — засмеялся Локар. — Это неудивительно. Боюсь, у памяти Крима есть пределы. А вы ему не напомнили?

— Решил не напоминать, — улыбнулся я.

— Понимаю, — он ответил на улыбку улыбкой и взглядом, полным настолько лживого сочувствия, что я едва не засмеялся.

Я уже не был достойным соперником, и он демонстрировал благодушие насытившегося хищника. Это послужило моей цели; я пока не представлял угрозы его главенствующей позиции, и он должен был вскоре забыть обо мне. Но я напомнил себе, что нужно внести правки в записи, чтобы подкрепить историю Вронока о безродном позоре.

— Вы здесь надолго? — спросил я.

— Боюсь, что нет. О соглашении уже почти договорено, нам надо просто подписать всё и выпить их противного эля, — я ответил понимающим смешком.

Да, как тяжелы могут быть обязанности тех, кто у власти. Но я был рад, что он не задержится надолго.

— А как ваша семья на Баджоре? — поинтересовался я.

— Да, вы же знаете Паландин, — довольно заявил он, будто только что вспомнил.

Я бы ему сказал, насколько хорошо знаю.

— Всё непросто, знаете ли. Оккупация стала очень опасной для наших семей.

Особенно с жестокой и трусливой тактикой баджорского сопротивления.

Я опять кивнул с пониманием хорошего слуги: для властных сила действительно сопряжена с ужасной ответственностью и жертвами. Момент «сочувствия» был нарушен появлением запыхавшейся молодой кардассианки.

— Простите за опоздание, Баркан. Транспорт... — острый взгляд Локара заставил её замолчать.

Она перевела взгляд с него на меня, не совсем понимая, что происходит.

— Дукат уже здесь. Подготовьте нашу презентацию, я приду, — холодно приказал он.

— Конечно, вице-префект, — она поклонилась и вошла в посольство.

— Она моя административная помощница. Молода, но весьма хороша.

Я ответил улыбкой.

О, я был в этом уверен. Один только этот неловкий момент подтвердил все слова о его донжуанстве и позволил мне полностью обосновать свою тесную связь с замужней женщиной.

— Было приятным сюрпризом снова встретиться с тобой, Элим, — беседа была закончена, но прежде он обернулся. — Очень хорошая работа. Сады довольно респектабельны.

— Очень мило с вашей стороны, Баркан. Спасибо, — я склонил голову перед этим образцом чистого аристократического обязательства кардассианцев отмечать, когда их стандарты соблюдаются.

Затем я решил задать последний вопрос.

— Как закончился ваш Турнир? — с невинным любопытством поинтересовался я.

Баркан замер возле двери. За исключением того, что его взгляд потускнел, он оставался таким же непоколебимым.

— Просто отлично, Элим. Я здесь благодаря ему, — блестящий ответ.

Я вновь поклонился с выражением искренней благодарности, и он вошёл в здание. На самом деле Турнир закончился ничьёй. Мои источники сообщили мне, что Пифас Лок, перспективный Первый Лубака, во время боя был предан одним из лидеров своей группы, Четвёртым Лубака. Четвёртый был избран лидером, потому что был частью нашего успеха и благодаря своему незаметному проникновению на предыдущем Турнире. Но на этот раз Четвёртого заметили в очень ответственный момент. Предательство подозревали, но подтвердилось оно только тогда, когда Четвёртый появился на Баджоре в качестве

одного из главных помощников Локара и получил титул гала. Гал Торан был тем, за кем Тейн советовал мне приглядывать.

Когда я вернулся к своей работе, то заметил, что руки уже несколько не дрожали. Слабость Локара, недооценивающего своих врагов, позволила мне преодолеть его осторожность.

Более того, я подумал: не отправить ли ему в каюту цветы?

Когда я вернулся из дендрария, Кренал и сенатор ожидали меня.

— Сколько времени уйдёт на подготовку орхидей к транспортировке? — потребовала она.

По её напряженному языку телодвижений я понимал, что мы подошли к развязке.

— Всё будет готово к доставке до полудня. Это даст Креналу и его помощнику время, чтобы всё перевезти и посадить до темноты, — Кренал утвердительно кивнул.

— Внесено одно изменение, — заявила сенатор. — Я хочу, чтобы вы сопровождали Кренала.

— Я? — я был в шоке.

Мы этого не планировали.

— Я не скрывала, что садовод из кардассианского посольства учит нас выращивать эдоссианские орхидеи, — объяснила она, полностью понимая горькую иронию ситуации. — Я даже приводила это как пример того, что наши культуры могут учиться друг у друга. И не секрет, что проконсул хотел бы приглушить свои анти-кардассианские настроения, и, когда я предложила ему включить эти орхидеи в свою коллекцию, он охотно согласился. И еще он выразил большое желание встретиться с вами.

— А что моё начальство думает об этой перемене? — спросил я.

— Это не моё начальство, мне всё равно, что они думают. Единственный начальник, о котором вам сейчас нужно думать — это я! — напряжение сделало её черты лица лишь острее, а глаза — больше.

Она была энергией во плоти и не потерпела бы никаких возражений.

— И нужно ли напоминать, что ничего нельзя проследить причинно-следственной связью? — риторически спросила она.

Я просто улыбнулся её пренебрежению к моей неспособности ясно мыслить. Эта абсолютная вера в свою собственную логику напомнила мне, что ромуланская связь с их вулканскими предшественниками была ещё достаточно крепка.

— За работу! — скомандовала она,

Мы с Креналом подчинились.

Натягивая на руки перчатки, я понял, что вообще-то я был благодарен сенатору. Она и правда была одним из самых эффективных контактов, с которыми я когда-либо работал. Я был благодарен и за то, что участвовал в транспортировке. Благодаря этому я знал, что работа будет выполнена — и что я могу вернуться на Кардассию.

Когда мы прибыли, Меррок стоял у входа в сады. Он оказался не тем, кого я ожидал увидеть. Его сходство с Тейном поначалу даже лишало решимости. Меррок также был тучным и каким-то взъерошенным, что необычно для ромуланца. У него была такая чуткая манера слушать, что из-за его непринуждённой учтивости я забывал, что я — кардассианец. Его простой изношенный рабочий костюм говорил мне о том, что он был серьёзным садоводом.

Когда Кренал и я разгружали различные растения, которые прислала сенатор, и подготавливали почву, Меррок засыпал нас профессиональными вопросами и внимательно слушал, что мы отвечали. Из дома вышли двое детей, и моё сердце ушло в пятки. Мне говорили, что он живёт здесь с женой, которая была прикована к постели какой-то таинственной болезнью. Но, когда он познакомил нас со своими внуками и сказал, что сегодня они возвращаются домой, я испытал большое облегчение. Потому что к сегодняшней ночи случилось бы перекрёстное опыление, и вскоре орхидеи стали бы смертельны в течение одного светового цикла. К завтрашней ночи они вернули бы себе ту

невинную красоту, которая делает их завидным украшением сада преданного своему делу садовода.

Меррок внимательно наблюдал за тем, как я пересаживал орхидеи. Интуитивно он знал, что, пока я выполняю эту деликатную операцию, ему нужно держать вопросы при себе. Я видел, что цветы его очаровали.

— Завтра можете дать им удобрение, которое я вам оставлю. Одна часть удобрения на четыре части воды. Это поспособствует пересадке, — очевидно, что для нашего плана было необходимо, чтобы он в первый день навестил орхидеи, но по его восхищению было заметно, что его и уговаривать не нужно.

— Не сегодня? — спросил он.

— Нет, не думаю. Им и так ко многому нужно приспособиться. К завтрашнему дню они будут готовы к опылению, — объяснил я, завершая последние детали.

Он кивнул, одобряя моё логичное суждение. Я встал, чтобы убедиться, что Кренал посадил Белую Звезду на достаточном расстоянии от орхидеи. Семена уже были выпущены и приняты, не было смысла превращать это смертельное опыление в периодическое событие.

— Что он сажает? — спросил Меррок.

— Кажется, сенатор сказала, что это называется Сладость Звёздного Света, — ответил я.

— Женщины, — усмехнулся он. — Откуда он?

— Откуда-то из Клингонской Империи, кажется.

— Хоть мои сады будут жить в политической гармонии, — рассмеялся он, наслаждаясь иронией ситуации.

Если бы только он знал, насколько смертельна она была. Но его приятная компания заставила меня задуматься: откуда у Тейна появилась к нему такая антипатия?

Когда мы закончили, проконсул пригласил нас попробовать напитки и закуски. Я вежливо отказался, но он настаивал.

— В моём доме никогда раньше не было кардассианца, Вронок, и мне хочется, чтобы ты был первым, — я никак не мог отвертеться.

Мы с Кренаком послушно последовали за ним, задевая руками одежды друг друга.

— Не беспокойтесь об этом. Это честная работа на честной почве, — сказал он, проводя нас внутрь.

Когда я вошёл, молодой мужчина в чёрной униформе и офицер Тал Шиар высокого ранга встретили меня холодными взглядами. Я чувствовал, что Кренал пытается избежать присутствия юноши. Проконсул гордо представил его как своего сына, полковника Меррока. Полковник взглянул на меня с враждебным отрицанием и покачал головой. Очевидно, ранг проконсула был вне досягаемости для его дипломатической подкованности. Мне было жаль, что на следующий день он не поможет своему отцу ухаживать за орхидеями.

— Таминар! — крикнул Меррок, и немедленно явился слуга в ливрее. — Принеси эля.

Слуга беззвучно исчез.

Помещение было вместительным — казалось, что ромуланцы ценили обширные пространства — просто, но элегантно обставленные.

Полковник продолжил сверлить меня взглядом, и я знал, что выражение его неодобрения по поводу моего присутствия было просто делом времени. Ромуланцы гордились своей грубостью, словно знаком почёта.

— А это обязательно, отец? — я был для него словно немой экспонатом. — Эта твоя страсть к растениям привлекает и другие низшие формы жизни, — этот жест был настолько оскорбительным, что я рассмеялся.

Кренак был шокирован моей реакцией, но Меррок смеялся ещё сильнее. Старый проконсул делал миссию не слишком-то приятной для меня.

Он мне искренне нравился.

— Наш друг Вронек не только опытный цветовод, Торал, но и даритель утончённого создания, культивацию которого мало кто в квадранте освоил, — полковник хмыкнул. — К тому же, он — часть жеста примирения от доброго сенатора, — добавил он с тяжёлой иронией.

И они оба рассмеялись.

Да, подумал я, очередной пример смертельно опасной недооценки.

Слуга вернулся с ромуланским элем, каждый из нас взял бокал.

Проконсул объявил тост.

— За успех растений... — он сделал паузу и, когда я уже собирался сделать глоток, с блеском в глазах продолжил, — и за то, чтобы ложкоголовые не выходили за свои границы.

Я улыбнулся и без колебаний отпил из бокала. Локар был прав, ромуланский эль был противным пойлом. Но должен признать, что тост проконсула Меррока помог мне отнестись ко всему происходящему гораздо спокойней.

— Значит, ты провёл с ним какое-то время, Элим. Надеюсь, это было поучительно, — произнёс Тейн по завершению моего доклада.

— Сначала я не мог понять, почему ты его ненавидел, — признался я.

— У меня нет ненависти ни к кому, Элим, — старательно объяснил он. — У меня есть работа — и иногда бывает необходимо уничтожить врагов, которых невозможно переубедить. А он решительно был настроен заблокировать наши интересы в каждом поворотном моменте.

— Был? — уточнил я.

— О да, ты выполнил свою работу. С помощью такого дальновидного ромуланского патриота, как сенатор Пелек, нам удалось значительно замедлить их анти-кардассианскую фракцию. Меррока нашли спустя два дня после того, как ты оставил сарайчик с инвентарём. К тому времени установить причину было невозможно, и было решено, что он умер от осложнений, связанных с возрастом, — я никогда не видел Тейна таким оживлённым. От него веяло триумфом.

— Сообщают, что ещё некоторые решили в тот день понюхать цветы, — посмеивался Тейн.

Я надеялся, что это были не дети.

— О да, мальчик мой — да, ты проделал отличную работу. Очень хорошую работу, — он никогда не хвалил меня с таким безоговорочным энтузиазмом. Он практически лучился родительской гордостью.

— Видишь ли, я это планировал уже давно, Элим. Но Толан не соглашался. Он не брался за назначение и не делился информацией. Но, по счастью, он доверял тебе, Элим. — Тейн похлопал меня по плечу, что означало, что я могу идти.

Когда я шёл на встречу с Паландин в садах Коранума, я чувствовал себя опустошённым. От гордости во мне осталась только тошнота и желчный привкус во рту.

Это меня отравили.

Возможно, той болью, терпеть которую Толан отказался.

2.17.

Страх и изоляция, доктор. Нельзя ощущать одно без другого. Страх перед изоляцией, а сама изоляция — естественная среда страха. Так же, как моим орхидеям требуются тщательно подготовленная почва и защита от болезней и вредителей, так и страху нужны обстоятельства изоляции, чтобы углубиться и прорасти без стороннего вмешательства объединения и отношений. Когда страх готов к цветению в тёмной и одинокой среде, тогда и возникает всевозможное зло, которое только может предьявить наше перепуганное воображение.

Число погибших растёт с каждым днём. Сейчас число уже превысило миллиард. Это цифры, сухая статистика. Я уверен, что, когда вы это прочтёте, доктор, вы будете встревожены. Другие будут рационализировать, что данная цифра соизмерима с плотностью населения Кардассии. А третья группа просто пожмёт плечами: это не их проблемы. Моя реакция, судя по всему, была комбинацией последних двух изречений. Я хочу заниматься делом своей жизни, как и большинство личностей, и что произошло — то произошло и не требует дальнейшей потери сна или аппетита.

Наш медицинский отряд был преобразован в похоронный. Это логическая прогрессия: всем выжившим была оказана помощь, и только мертвецам требуется учёт. В первую очередь, конечно же, вероятность того, что разлагающиеся трупы станут источником болезней. Каждый день я занят самой тяжёлой работой за свою жизнь и понимаю, что ничто не готовило меня к такому. Мои чувства иссякли, мой моральный здравый смысл опустошён и я не скажу, что это не моя проблема, когда вытаскиваю, поднимаю и сбрасываю тела тех, кто когда-то всего лишь хотели заниматься делом своей жизни.

Официальный представитель Федерации предложил дезинтегрировать все трупы. Под предлогом того, что наши погребальные обычаи архаичны и нездоровы. Поначалу я разозлился и хотел хорошенько высказаться в его адрес за его бесчувственность и за то, что его собственная культурная извращённость представляет себе смерть как санитарную обыденность, несовместимую с жизнью.

Но я понял, что и мы не лучше. Мы создали технологии, которые эффективно вызывали смерть на расстояние, мы никогда не несли ответственности за собственные действия, потому что служили великому добру — Кардассианскому Государству.

Полковник Кира как-то говорила мне, сколько баджорцев погибло на протяжении кардассианской оккупации, и мой разум воспринял эту цифру, как бесполезный хлам. Мы действовали на благо государства, говорил я себе, и государство определяет необходимое.

Теперь я понимаю, почему она ненавидела меня.

Что ещё важнее, теперь я понимаю этот неиссякаемый, почти безумный огонь в её глазах.

Большинство из нас, оставшихся, доктор, безумны. Мы должны прийти к порядку, чтобы выжить и выбраться из нашей изоляции. Это единственный способ жить с нашей болью за то, что мы сделали.

Или не сделали.

Каждый из нас принимает груз ответственности, считая, что способен вынести его. Кто-то не принимает ничего, и их быстро поглощает их собственная изоляция, их безумие становится рационализированным злом. Меньшая группа принимает на себя всю ответственность, и их безумие — невыносимое бремя, которое покалечит и, в конце концов, раздавит их. Последние из нас несут то, что им посилено, и оставляют остальное позади.

Что обо мне, доктор, когда труп слишком тяжёл, чтобы его похоронить, я стараюсь напоминать себе позвать кого-нибудь на помощь.

2.18.

Запись:

— Он был последователем? — спросила Паландин.

— Я точно не знаю. Я часто задавался этим вопросом и полагаю, что да. Он был добродушным и простым.

Солнце почти село, и мы оказались полностью скрыты тенью листвы.

— Ты говоришь так, как будто это недостаток, — заметила она.

— Толан был... несколько наивным... суеверным...

Я запутался в своих чувствах к нему, и Паландин взяла ситуацию в свои руки.

— Он твой настоящий отец? — спросила она.

— Почему ты спрашиваешь?

После того, как Локар рассказал ей о нашей встрече на Ромуле, у неё возник ряд вопросов, которые она старалась не задавать.

— Я не знаю. Полагаю, что я пытался провести статистический анализ ромуланских садов.

Мы погрузились в долгое, тяжёлое молчание. Обычно она прекрасно знала, что не стоит ожидать ответа, когда речь идёт о моей трудовой деятельности. Мы оба старались не рисковать чересчур, оставляя некоторое личное пространство, но часто именно оно и становилось барьером. Я был убеждён — она знала, что я куда больше, чем простой аналитик в Зале Записей. Но она также понимала и то, что чем меньше знает о сфере моей деятельности, тем больше у нас шансов сохранить наши отношения. По той же причине я никогда не спрашивал её о Локаре.

Чем меньше информации — тем меньше ущерба в случае, если один из нас будет предан.

— Как там Кел? — спросил я, пытаюсь найти способ обойти барьер.

Она закончила Первый Уровень обучения в Институте Государственной Политики.

— Её могут перевести, — ответила Паландин.

— Правда? — я был удивлён, ведь всё, что я о ней слышал, свидетельствовало, что у неё всё хорошо идёт. — На обучение другой дисциплине?

— Она не знает. Но она недовольна тем, на что ориентирован её курс. Она считает, что политическое образование, которое она получает, готовит только к тому, чтобы работать под началом военных. Она же считает, что всё должно быть наоборот.

Я видел, что это беспокоило Паландин.

— Радикальная идея, но многие граждане Союза чувствуют то же самое. Как реагирует её отец? — поинтересовался я.

— Боюсь, от этой семьи она большой поддержки не получит, — осторожно ответила Паландин.

Я не был удивлен. Помимо того, что я знал о тесной связи семьи Локар с военными, я также знал о группе под названием Братство, в которую входили семьи кардассианской элиты, традиционно связанные с аристократией и военными. Локары были опорой Братства. Отец Баркана, Драбан Локар, почтенный член Совета Детапа, приложил немало усилий, чтобы скрыть своё презрение к руководящему органу, который возглавляют гражданские, и полностью поддержал автономию Центрального Командования Вооружённых Сил. Братство позиционировало себя как добровольное объединение, занимающееся организацией спортивных и общественных мероприятий. Как оказалось, я должен был в любой момент быть готов проверить Братство и слухи о готовящемся заговоре, целью которого было сорвать шаткий достигнутый баланс между Гражданской Ассамблеей и Центральным Командованием.

— А что по поводу твоей семьи? Что они могут сказать? — спросил я.

Паландин рассмеялась:

— Мои родители — пожилые люди, Элим. Когда мы с Барканом были соединены, а я отказалась от своей карьеры, они решили, что их долг выполнен. Они очень ценят Локаров, и всё, что решает старик Драбар — истина для них.

Темнота и нарастающий холод не способствовали настроению. Я встал.

— Кел — сообразительная девочка. Я уверен...

— Ты был на одной из встреч? — спросила она внезапно.

— Каких? — я подумал, что она имеет в виду Братство.

— Последователей Пути Оралия. Был? — её тоска сменилась активным любопытством.

— Да... всего раз.

— Ну, и что думаешь?

— Я... совершил ошибку. Мне не следовало ходить туда.

— Почему? Потому что их объявили вне закона?

— Нет... хотя...

— Хотя — что, Элим? Да скажи уже! — она теряла терпение.

— Мой разум разрывается. Я знаю, что это просто очередной признак того, что я в замешательстве. С одной стороны, я думаю, что они так же обманываются в своём мнении, как Толан Гарак, считая, что хебителианцы были духовно продвинутой цивилизацией. Они вымерли — и это урок, который, я полагаю, мы отлично усвоили.

Мои эмоции очень редко захлёстывали меня так, что я терял над ними контроль. Я почти задохнулся. Это было больше, чем просто гнев на то, что я считал своей слабостью и иллюзией последователей. Мне вдруг захотелось устроить истерику.

— А с другой? — тихо спросила она.

Я покачал головой:

— Мне очень жаль, — выдавил я из себя.

Я даже не мог начать высказывать другие свои мысли.

Паландин улыбнулась:

— Что, если они правы? Что, если они могут помочь нам вернуть в нас что-то благородное? Куда оно ушло?

Мы стояли, глядя друг на друга. Ночной ветер прорывался сквозь листву, и я подумал: что было бы со мной, если бы у меня не было дружбы этой женщины?

— Ты помнишь, как идти? — спросила она.

— Что? Сейчас? — я ощутил, как подкрадывается паника.

— Либо туда, либо на встречу Группы Поддержки Баджорской Оккупации, — засмеялась она с тем восторгом, которого я так долго не слышал в её голосе.

— Это было давно, Паландин. Я не знаю, ходят ли они туда же и встречаются ли этим вечером.

С самого первого дня нашего знакомства её энтузиазм всегда заставлял меня ощущать себя беспомощным.

— Вот и узнаем, да? — она удалялась, и мне ничего не оставалось, кроме как последовать за ней.

— Что за группа поддержки? — поинтересовался я.

— Одинокие женщины, чьи дети либо выросли, либо уехали на учёбу. Мы должны поддерживать наших героев. Но на самом деле мы поддерживаем друг друга.

— Поддерживаете в чём? — наивно спросил я.

— Ты не захочешь этого знать, Элим! — ответила она.

Когда мы покидали сады, мне показалось, что я услышал щелчок. Но всё, что я увидел, оглянувшись — лишь тёмный силуэт листвы, танцующей под порывами ветра в последних лучах света.

Снова найти здание не составило проблемы. Мы стояли на тротуаре рядом с ним, вокруг было темно и тихо.

— Это вход? — спросила Паландин.

— Нет, он с другой стороны, — указал я.

Она быстро обогнула здание и оказалась перед дверью. Когда я догнал её, дверь открылась и в проёме показалась Гид, словно она стояла там, ожидая нас. Я не был уверен, помнила ли она меня, но она тепло отреагировала на восхищённый взгляд Паландин.

— Идёмте, пожалуйста, — предложила она и, не колеблясь, спустилась по узкой лестнице.

На этот раз вместо того, чтобы повернуть налево в главную комнату, мы прошли через незаметную дверь справа. Затем последовали за ней в тёмный коридор, который привёл нас в маленькую комнату с несколькими мягкими стульями и рассеянным тусклым освещением.

Гид предложила нам присесть. Паландин немедленно подчинилась, и на мгновение мой дискомфорт стал таким сильным, что я захотел сбежать. Хотя мы были в комнате одни, я чувствовал движение вокруг себя.

Когда мои глаза привыкли к освещению, я неохотно и неловко опустился на низкое сиденье и увидел, что стены покрыты узором, который и создавал иллюзию движения.

Этот узор начинался в одном углу у самого пола, непрерывно проходил по всем стенам, постепенно поднимаясь выше, пока, наконец, не заканчивался у потолка в том же углу. Он изображал повседневную деятельность представителей другой культуры, живущих в другое время. Эту деятельность выполняли полуобнаженные кардассианцы, какие-то более компактные и утончённые, чем мы. Мой дискомфорт от неудобного низкого сидения и улыбки Гида сменился интересом к изучению узора.

По мере изучения фигур я почувствовал, насколько тяжела моя одежда, насколько она сковывает.

Мы так сильно защищаемся, думал я. Но от чего?

Я одёрнул свои брюки, чтобы скрестить ноги. В этих фигурах не было ничего непристойного, и все они были прекрасны. Руки, ноги, торсы и молодых, и пожилых были обнажены. Они все шли по своим делам — обмениваться, охотиться, собирать, выращивать, строить, воспитывать детей в своих семьях. Их отношения и действия были похожи на наши. Их позы были похожи на наши. Но при этом они достаточно отличались,

настолько, что их можно было назвать архаичными. Последовательность обрядов и действий начиналась с чуда рождения и заканчивалось таинством смерти. Мы с Паландин были очарованы их чувственной пластикой, когда следили глазами за узором, извивающимся по стенам. Было очевидно, что эти личности полны радости и жизненной силы и проживали с ними каждый свой день.

— Хебитианцы, — пробормотала Паландин.

— Празднование циклов, — пояснила Гид.

— Мне хочется встать и присоединится к ним, — пробормотала Паландин. — Но уже немного поздно, да? — её сияющее лицо словно заволокло пеленой печали.

— Для них — да, — рассмеялась Гид. — Но не для нас. Посмотрите, как узор образует спираль во время своего движения по стенам. Ведь то, что он обрывается на вершине, означает только то, что закончился их цикл. То, что вы видите, означает, что каждый новый цикл начинается уже на более высоком уровне, подходящем для следующего поколения. Нашего поколения.

Мы с Паландин посмотрели на место, где закончилась спираль, и попытались представить следующую.

— На этот раз ты выглядишь менее осторожным, — неожиданно заметила Гид.

Она помнила. Я не удивился. Угроза и страх, которые я испытал в присутствии этой женщины в прошлый раз, теперь исчезли.

— Как вас зовут? — спросила Паландин.

— Астреа, — ответила она.

— Элим говорил, что вы Гид.

— Иногда.

— Меня зовут Паландин. Вы сможете помочь мне?

— С радостью, Паландин.

— Что мне делать? — Паландин была по-детски прямолинейной и открытой.

— Вернуться. Вам обоим, — просто ответила она.

Паландин кивнула в знак согласия, и между ними был заключен некий негласный договор. Так просто. Печаль передалась мне. Мне захотелось плакать, мое горло начало сжиматься.

— Всё в порядке, Элим. Вернёшься, когда сможешь. Все движутся по циклу в соответствии со своей судьбой, — Астреа одарила каждого из нас взглядом. — У вас обоих есть работа, которую вам нужно закончить.

Казалось, что вся наша жизнь пролетела за тот короткий момент, который мы сидели в этой комнате, размышляя о работе. Узор двинулся вверх. Я был слишком удивлён даже для того, чтобы спросить, действительно ли это происходит. Фигуры исчезали вверху, а внизу, в начале спирали, появлялись новые. Некоторые из них казались мне знакомыми, но я не понимал, почему. Во мне нарастала энергия, она поднималась по позвоночнику, и у меня закружилась голова. Двумя фигурами могли быть мы с Паландин, но я не был уверен. Меня почти тошнило от энергии, переполнявшей меня. Фигуры завершили цикл и исчезли вверху. Узор завершил движение.

— Спасибо, что пришли.

Головокружение и тошнота исчезли. Моя голова была светлее, я ощущал себя очищенным. Я взглянул на Паландин, и её лицо теперь излучало такой свет, что я отвернулся, смутившись, как будто увидел что-то, что не должен был. Астреа проводила нас из здания.

— Возвращайтесь, — сказала она с той же теплотой, — Мы всегда рады.

На протяжении долгого пути назад в сектор Коранум мы не проронили ни слова. С тех пор, как мы оставили Астрею у дверей, Паландин оставалась всё такой же безмятежной — более безмятежной, чем я когда-либо видел. Но когда она остановилась недалеко от Садов Тарлака и обернулась ко мне, на её лице читалась тревога. Вечер был

похож на сон, в котором содержалось важное послание, и я изо всех сил старался его запомнить.

— Я переживаю за тебя, Элим, сильно переживаю. Но даже с её помощью... как мы можем изменить наш выбор?

Такой простой вопрос заставил всё внутри меня сжаться.

Она подняла руку, и я прижал свою ладонь к её.

Мы простояли там долго. Наконец она кивнула и скрылась в ночной тьме, оставив меня беззащитным перед вопросами, на которые я не мог ответить, и чувствами, которые я не мог контролировать.

— Этой ночью?!

Пранг с неодобрением смотрел на меня. Он сразу понял, что я несобран. Я не был похож на оперативника, готовящегося к важной миссии. На его лице появилось беспокойство, которого я раньше не видел. Я призвал все свои силы, чтобы взять под контроль бушующие во мне эмоции. После ухода Паландин я провёл остаток ночи, сидя на земле возле детской площадки.

Когда Пранг объявил мне, что я уезжаю в провинцию Морфан на Кардассии-II по заданию, результат которого «пока не определён», я не смог взять себя в руки.

— Ты знал, что это неизбежно, — напомнил Пранг.

— Да, конечно, — ответил я.

Я глубоко вздохнул, и мои разрозненные части стали потихоньку возвращаться на свои места.

— Я почти не спал этой ночью. Может, съел что-то не то... — пожал я плечами.

— Не похоже, что ты вообще ешь, — заметил Пранг.

Если Тейн был отцом Обсидианового Ордена, то Пранг был матерью.

— Я в порядке, Лимор. Извини, пожалуйста.

Теперь я полностью владел собой и с облегчением почувствовал, что рабочие обязательства отодвинули в сторону всё остальное. Пранг ещё мгновение смотрел на меня, чтобы убедиться.

— Ты отправляешься в лес Ба`атен в Морфани, где встретишься со своим контактом.

Ба`атен — последний оставшийся в Союзе тропический лес, который стал очень популярным и востребованным местом отдыха у кардассианцев. Для науки было огромной загадкой то, как этот лес всё ещё сопротивлялся изменениям климата.

— Пойдём со мной, — Пранг вывел меня из своего пустого офиса, и мы прошли в исследовательский отдел, где разрабатывались и тестировались все новые технологии.

Миндур Тимот, жизнерадостный старик, руководивший исследованиями, уже ждал нас.

Он хлопнул ладонью по компьютерной панели, за которой работал.

— Ах, Элим! Сегодня мы приготовили для тебя кое-что особенное! Ложись сюда, если хочешь. Головой ко мне.

Я подчинился, так как теперь Тимот хлопнул меня по плечу.

— Я только что откалибровал настройки соединения, — пробормотал Тимот, продолжая работать за панелью.

Свободная его рука теперь ощупывала мой череп за правым ухом. Его многозадачность поистине впечатляла.

— Да. Это твоя молекулярная структура. В другом случае мозг никогда не примет эту маленькую катушку.

Тимот взял в руки небольшое устройство с четырьмя или пятью проволочными катушками, которые расширились от основания вверх.

— А это было бы досадно, правда, Элим?

— Что это? — спросил я.

— Ну, у меня пока нет для этого названия, — со смехом пояснил он. — Пока мы просто зовём это проводник. Я собираюсь закрепить его на узле черепно-мозговых нервов, который транслирует чувства боли и удовольствия.

Он поднёс имплантат к моим глазам, демонстрируя его.

— Более широкая часть будет расположена в субкоре, где кардассианский мозг в своей бесконечной мудрости, — он снова засмеялся, когда перешёл к делу, — решает, что делать с этими удовольствием или болью. С проводником, Элим, твоя боль в определённый момент... заметь, мой мальчик, мы не можем забрать у тебя всю твою боль — это было бы чудовищно! В определённый момент, тот момент, когда она станет настолько сильна, что ты готов будешь сделать или сказать что угодно, чтобы её прекратить, в этот момент проводник активируется и мозг пошлёт поток эндорфинов, чтобы фактически превратить боль в удовольствие. Это удовольствие позволит тебе выдержать самые суровые допросы, и, позволю себе предположить, даже пытки.

Энтузиазм старика достиг максимума, но я был менее воодушевлён. Я перевёл взгляд на Пранга. Я знал, почему мне устанавливают проводник.

— Это из-за моего порога выносливости на усилителе, да? — пробормотал я — скорее утвердительно, чем вопросительно.

— В конце концов, такое устройство появится у каждого агента, — ответил он.

— Не нужно принимать это на свой счёт, Элим, — предупредил Тимот. — Порог выносливости, в отличие от всех полученных навыков, — это то, что не может считаться признаком силы или слабости характера, или каким-то приобретенным преимуществом. Это дано тебе вместе с твоим ростом, весом, физической выносливостью, мальчик мой. Я заверяю тебя, что прибор не доставит никаких проблем до тех пор, пока ты сам не станешь вмешиваться в его работу, поверь мне. Ты ведь мне веришь, Элим?

— Да, Миндур, верю, — он действительно всегда давал мне разумные советы и превосходные технологии. — Продолжайте, пожалуйста, — добавил я.

— Хороший мальчик! — Тимот снова хлопнул меня по плечу.

Когда я стоял на мысе, выходящем на южную часть полуострова и Морфанское море, я понял, что ничто не могло подготовить меня к такому пейзажу. Пышные зелёные заросли, окружённые с трёх сторон аквамариновыми морскими водами, образовали плотный навес, скрывающий под собой огромное многообразие жизни. Эти заросли питал дождь, который не выпадал больше нигде на планете, кроме этого места. Над навесом кружили бесчисленные и разнообразные птицы, образуя причудливый узор. У меня голова шла кругом.

Когда-то большая часть нашей планеты была покрыта такими лесами и населена разнообразными видами, которые в них водились. Я вспомнил хебитанские узоры и пышные пейзажи на них. Конечно, они были другими, живущими в другом мире.

Чем больше отступали леса, тем сильнее мы стремились скрыться. Их мир не нуждался в агенте Обсидианового Ордена, следящем за группой высокопоставленных кардассианцев, которые «случайно» проводили отпуск вместе. В их мире не было Энабрана Тейна, который нацелился на одного из самых своих заклятых врагов — Прокала Дуката, могущественного члена Центрального Командования. И я уверен, в их мире не было отцов, отказывающихся признавать своих сыновей. Если мы живем в следующей спирали жизненного цикла, откуда нам знать, что спираль эта не стремится вниз?

— Прекрасный вид, правда? — раздался знакомый голос за моей спиной.

Меня поразило как и то, что я узнал голос, так и то, как незаметно подкрался мой контакт. Я ждал его, но всё равно не услышал, как он приблизился. Это было неловко. Я обернулся... и это был он.

— Пифас Лок.

Его стройная фигура с тенью насмешливой улыбки на лице оказались удивительно близко.

— Но ты не можешь позволить себе полностью раствориться в этом пейзаже, — сказал он, — иначе кто-то сможет поймать тебя врасплох.

— Например, призрак из прошлого.

— Ты считал, что я мёртв, Элим? — спросил он.

— Я не знал, что думать. Я следил за тобой до Орисии, а затем исчезли все следы твоего существования. Как будто тебя никогда и не было.

— Это так. Но я не стал призраком.

— Каждый раз, когда я делал запрос, его блокировали. А потом до меня дошли слухи, что Орден готовит «агентов-невидимок». Проверить этого я не мог, но всегда подозревал.

Он не ответил. А я и не ждал ответа.

— Рад тебя видеть, Пифас.

— Это был всего лишь вопрос времени, Элим. Идём, я думаю, у меня есть информация, которая поможет нам начать.

Его грация стала ещё более изящной, когда он двинулся в домик, назначенный базой для наших операций. Если было что-то, что могло отвлечь меня от мыслей о нисходящем движении спиралей, то это было появление Пифаса. Когда я следовал за его легкими и беззвучными шагами, я почувствовал, как появляется сила, необходимая мне для выполнения моей задачи.

* * *

— Драбан Локар? — переспросил я.

Пифас кивнул.

— Он и Дукат являются основными вдохновителями Братства.

— Сыновья, Баркан Локар и Скрейн Дукат, тоже в деле?

Пифас опять кивнул:

— У меня была возможность понаблюдать за ними в действии.

— На Баджоре?

— И на Эмпок Нор. Они определённо члены Братства, но они не являются участниками Комплекса, — заверил меня Пифас.

Комплекс — это курорт, который Братство имело в частной собственности и использовало для отдыха своих участников.

— Ты также наблюдал за галом Тораном на Баджоре? — спросил я.

Пифас взглянул на меня и улыбнулся:

— Я был бы удивлён, если бы ты не знал.

— Тейн завербовал тебя вскоре после Турнира, — отметил я.

— Что хорошо для тебя, Элим, и мне сгодится, — скривился он.

— Ты полагаешь, что Тейн нанял и других студентов, которых предал Локар? — спросил я.

Пифас пожал плечами.

— Каким способом можно мотивировать агентов лучше, чем дать им возможность свести старые счета?

— Хорошо, друг мой. Давай посмотрим, сможем ли мы свести некоторые из наших, — заявил я, потирая руки.

Пифас провёл на полуострове достаточно времени для того, чтобы познать множество тайн тропического леса. Это задание идеально подходило его темпераменту. Его неприметное и спокойное поведение на протяжении многих лет сделали его более одиноким, чем когда-либо был я.

Я научился делать себя невидимым, когда это было необходимо для работы, но я всегда чувствовал свою потребность в контакте и знал, что моя ценность как оперативника заключалась как раз в моей способности привлекать внимание, не выказывая угрозы. Пифас же сделал свою невидимость образом жизни — он шёл по миру, как тень. Я не удивился, что Тейн включил именно его в ряды агентов-невидимок.

Нужно было быть особенной личностью, чтобы работать в таких неумолимо анонимных условиях — ни семьи, ни постоянного места жительства, ни постоянной индивидуальности. И я не сомневался, что он был одним из самых ярких агентов Ордена.

Наши отношения продолжились с того же места, на котором они закончились в Бамаррене. Помимо Пранга я не встречал никого, кто говорил бы так много при таком малом количестве слов, как он. Его глаза обладали той глубиной и красноречием, которые могли открыть мне все, что я хотел знать. Как иронично, что моя страсть к разговору была утолена тем, кто так мало говорил.

Когда он потерпел предательство на своём Турнире в Бамаррене, он решил отомстить за Четвёртого, но вскоре понял, что Лубак и Баркан Локар сделали ему одолжение. Пифас не только восхищался способностью Локара подчинять других своей воле, но и признавал за ним ту способность к лидерству, которой сам не обладал. Он собирался отстаивать свой статус Первого, когда Тейн вошёл в его жизнь. Было почти странно, как Тейну удавалось оставаться настолько хорошо информированным о наших успехах в Бамаррене. Я часто задавался вопросом, не был ли Каликс причастен к этому.

С невидимками Пифас нашёл работу своей жизни и казался полностью удовлетворённым ею. Если он и утратил близкую связь с семьёй, то никогда об этом не говорил.

Наше задание было простым: собрать достоверную информацию, которую можно предоставить Совету Детапы и Гражданскому Собранию, чтобы дискредитировать сразу и врага Тейна Прокала Дуката, и также всё Братство.

С этой целью Пифас работал под прикрытием личности Тонаркина Бина — опытного лесного гида, которого Братству порекомендовали как специалиста, неопенимого при планировании развлекательной деятельности. Дукат обожал прогулки и несколько раз встречался с «Тонаркином» для проведения амбициозных лесных походов. Пифас покорила его своей непритязательной уверенностью и знанием леса. А это было немаловажно, потому что в красоте и бесконечном многообразии флоры и фауны, которые привлекали сюда туристов, таилось немало угроз, представляющих серьёзную опасность для непосвящённых.

Планировалось, что до главного похода, в который отправятся несколько членов различных семей Братства, Пифас и Дукат предпримут ещё один, более короткий, для того, чтобы изучить все возможные маршруты. Это устраивало Дуката, который хотел получить более аутентичный опыт единения с дикой природой до того, как к ним присоединятся «женщины и нытики».

После того, как они поселятся в палаточном городке, расположенном недалеко от нашей базы, Пифас найдёт способ дать Дукату временно парализующий препарат, который позволит мне похитить его, а затем вернуть обратно. Времени у меня будет до середины следующего утра, чтобы провести допрос при помощи усилителя, а затем вернуть Дуката туда, откуда похитил. Пифас же во время допроса вернётся в Комплекс и организует поисковую группу. Будет установлено, что старик отошёл от лагеря, облегчился после наступления темноты и подвергся нападению ядовитого плактара. В отчаянии он блуждал до тех пор, пока не зашёл ещё дальше и не потерял сознание. Когда он придёт в себя, он не вспомнит того, что с ним случилось.

— Как видишь, плактар имеет более плоское тело и более длинные ноги, чем тортубиал. — Пифас указал на различия на двух детализированных рисунках. — Этих двоих легко перепутать... и смертельно опасно... Иногда достаточно попадания слюны с языка плактара, в зависимости от количества выделяемого токсина...

Была уже поздняя ночь, и информация не держалась в моей голове.

— Пожалуйста, Пифас, скажи, что мне не надо знать столько же, сколько тебе, — умолял я.

— Это не Мекар, Элим. И это не Кардассия-Сити. Ты понятия не имеешь, что в этом лесу. Пойдёшь ли ты в поход на неделю или понесёшь старика на небольшое расстояние...

Пифас был беспощаден. Он был преисполнен решимости научить меня за несколько дней тому, на что у него самого ушло несколько месяцев — ознакомиться с лесом и его обитателями.

Накануне празднования Победы гала Минока над самурианскими захватчиками, которая традиционно открывает начало самого длинного периода кардассианских праздников, Пифас подготавливал оборудование для ночного похода с Дукатом. Он протянул мне маленький флакон с зелёной жидкостью.

— Думаю, лучше, чтобы он был у тебя.

Я кивнул и взял флакон.

— Если они проведут анализ... — начал я.

— Это синтетический аналог токсина плактара, — ответил он, завязав последний узел. — Что-нибудь ещё?

— Нет, — заверил я его, но увидел, что его это не убедило.

— Важно, чтобы ты замёл все следы между нашей базой и местом, где обнаружат Дуката. И убедись, что доберёшься до городка до наступления темноты...

— Пифас, мы много раз это проходили. Я уже не стажёр.

Может, так было потому, что он привык работать один, но его непрекращающееся повторение деталей говорило мне о том, что он не мог полностью доверять другим людям. Либо это, либо он был самым дотошным человеком из всех, кого я когда-либо знал.

— Удачи, — пожелал он, поднимая оборудование.

Его сила всегда была неожиданностью.

— И тебе, Пифас, — ответил я.

— Кто ты? — глаза старика открылись и сразу сфокусировались на мне.

Либо противоядие оказало такую неожиданную реакцию, либо Дукат обладал феноменальной способностью восстановить своё самообладание. Я подозревал последнее. Всё прошло по плану. Я прибыл в лагерь вскоре после Пифаса и Дуката — незадолго до наступления темноты. Дукат стремился исследовать окрестности. Он был под впечатлением прошедшего дня и находился в месте, которое явно любил. Пифасу было трудно убедить его, что света недостаточно, и что лес после наступления темноты становится слишком опасен.

— Лучше потратить время на то, чтобы построить возможные маршруты и немного отдохнуть, чтобы завтра выйти раньше, — рассуждал он.

Дукат неохотно согласился, и после того, как они провели бесконечное количество времени над топографическими схемами и Пифас терпеливо ответил на бесконечные вопросы Дуката (репутация старика как блестящего военного стратега действительно была заслужена), они, наконец, заняли свои палатки.

Наступило бесконечное ожидание, ожидание какого-то знака того, что Дукат уснул. Наконец негромкий храп из его палатки стал сигналом к действию для меня и Пифаса. Он, как тень, переместился к палатке Дуката, поднял её полог и нанес токсин на заднюю часть правой руки старика. Всё это не сопровождалось ни единым звуком. Когда Пифас вернулся к своей палатке, чтобы одеться, за его спиной раздался голос Дуката:

— Что у меня на руке?

Я и Пифас застыли. Возможно ли, что он оказался устойчивым к препарату? Мы просто стояли и ждали в напряженной тишине, пока наконец не услышали протяжный вздох, похожий на тот, что издает человеческое тело, когда сдаётся смерти. Согласно

нашему плану, я закрепил Дуката стропами и переместил его вес на свои спину и плечи. К счастью, он был худым, жилистым.

Я понёс его тем путем, который дальнейшее следствие определит как маршрут, по которому Дукат вышел ночью за пределы лагеря, чтобы облегчиться. А позже сбился с пути и окончательно заблудился, пытаясь вернуться в лагерь. Пифас проложил следы своего поискового маршрута, и мы должны были встретиться в месте, где Дуката должны будут обнаружить. Оно было относительно недалеко от нашей базы.

Покинув лагерь вместе с Дукатом, я запаниковал, понимая, что оказался в лесу в одиночестве. Тьма оказалась тяжёлой и беспросветной, я почувствовал, что меня будто бы проглотил огромный зверь. Инертное тело Дуката, влажность и обступающая листва мешали дышать. Мне пришлось остановиться, давая телу и глазам время привыкнуть к окружающим условиям. Медленно, во тьме, я начал различать светящиеся знаки, которые мы ранее установили для обозначения нашего маршрута. Я прикинул свой путь, направив все чувства на своевременное обнаружение ночных хищников, которые могут сейчас выслеживать свою добычу. Днём Пифас часто брал меня с собой в лес, но ночью оказалось совсем другое дело. Каждый шорох, каждое неожиданное прикосновение лианы или ветки заставляли моё сердце останавливаться.

Мягкий растительный навес, делающий это место полным жизни днём, ночью превращал его в смертельно опасную зону конкуренции хищников. И те из нас, кто слишком сильно полагался на своё зрение, могли стать лёгкой добычей.

— Ты в порядке, Элим?

Это был Пифас Лок, но я его не видел.

— Да, — солгал я.

Мне хотелось расплакаться от счастья, что я его нашёл.

— Сюда!

Я двинулся на звук его голоса и не успел подумать, что сложно будет следовать за ним в кромешной тьме, как я заметил, что он поместил себе на спину светящуюся метку. В тот момент я действительно оценил его одержимость деталями.

После напряжённого и неуклонного марша мы вышли на тот путь, который вывел нас вверх на крутой гребень. Подъём выдался тяжёлым, но когда лес начал редеть, я почувствовал, что снова могу дышать. Несмотря на то, что моё тело болело от напряжения после затаскивания Дуката на вершину, я почувствовал облегчение от того, что злобная растительность больше не хлестала меня по лицу. Когда мы достигли вершины мыса, то оказались уже совсем недалеко от дома.

— Неважно, кто я! — ответил я, повышая уровень активности усилителя, — Это всё сон, и, как только ты ответишь на все мои вопросы, то снова проснёшься в своём любимом лесу.

Я понял, что имею преимущество перед ним ещё до того, как он пришёл в сознание. Предположение о том, что этот ночной кошмар с наркотиками и сдерживающим полем реален, было для такого солдата, как Дукат, более опасным, чем привычный ему контекст враждебного допроса.

Он сидел на стуле с низкой спинкой в конусе яркого света, пока я оставался в темноте за его пределами. Он щурил глаза, и это дало мне понять, что он не может рассмотреть меня хоть с какой-нибудь ясностью. Но также в его глазах я увидел, что он готов противостоять всей силой своего разума каждому, кто осмелится бросить вызов. Мой лучший шанс с таким опытным и гордым противником заключался в том, чтобы воспользоваться своим преимуществом.

— Прокал Дукат! — резко каркнул я.

Он вздрогнул и попытался проследить за мной взглядом, когда я нырнул глубже в темноту и продолжил движение у него за спиной. Он повернул голову в одну, затем в

другую сторону, но сдерживающее поле помешало ему развернуться и продолжать следить за мной.

— Почему ты здесь? — прошептал я.

Он попытался встать, но когда понял, что не может, так как даже движение его рук ограничено, он просто сложил руки на коленях и попытался максимально расслабиться. В каком-то смысле это было трогательно: старик вернулся к упражнениям по контролю разума, которые изучал в детстве. Я оставался неподвижным и тихим, постепенно, очень медленно, повышая уровень его подсознательного беспокойства.

— Зачем это было нужно? — наконец тихо спросил я.

Тишина затянулась так надолго, что мне пришлось преодолевать собственное нетерпение. Обычно эффективность допроса зависит от чувства потери контроля над временем, от безумного предположения, что это может продолжаться вечно. Но в этом случае я четко осознавал, что должен закончить допрос до утра, когда Пифас будет вынужден связаться с другими и сообщить об «исчезновении».

Но всё же вынужден был ждать его ответа или хоть какой-то реакции для того, чтобы продолжать. Чтобы процедура оправдала мои ожидания. Его дыхание приобрело безумный ритм, я не был уверен, что он всё ещё в сознании. Я переключил усилитель на третий уровень и выставил показатели почти на максимум. Это было уже очень далеко от уровня, на котором обычно проявляется реакция. Настолько далеко, что я даже подумал, правильно ли закрепил устройство на его голове.

Внезапно он перевёл дыхание и издал прерывистый вздох, который прозвучал как свидетельство ужаса. Он задрожал и задержал дыхание на время большее, чем мне представлялось возможным. То, что он испытывал, было ужасающе, но его привычная дисциплина всё ещё позволяла ему держать себя в руках. Признать чувство страха было для такого человека, как он, актом трусости, и я начал подозревать, что он скорее сойдёт с ума или умрет, но не даст того сигнала, которого я жду.

— Вперёд! Вперёд, на фланги! — выкрикнул он. — Это ваш единственный шанс! Вы погибнете, но, по крайней мере, погибнете с честью! Не бегите под их насмешки, под стрельбу в ваши спины! Вперёд! Сражайтесь врукопашную, кусайте, делайте что угодно! Всё, что у вас осталось — знание, что вы сражались до последнего! И умерли, не убегая, как трусы, а прорываясь вперёд! — всё это он выпалил на одном дыхании. Его лицо покраснело от попыток контролировать неконтролируемый ужас. Он закашлялся, и на его губах появилась кровь.

— Вперёд! Покажите им, что не важно, как вы живете! Важно, как вы умираете!

Он начал давиться удушающим кашлем. И был близок к тому, чтобы сломаться. На его глазах выступили слёзы. Его ярость была бессильна, и он знал это. Старик заплакал, как отчаявшийся маленький мальчик, чья истерика не могла повлиять на ситуацию.

— Вы трусливые ублюдки, — прорыдал он хриплым шёпотом.

Его голос угасал.

— Почему вы не умираете, как мужчины?..

Я решил модулировать сигнал усилителя на самый низкий уровень. Я знал риск, который брал на себя. Это могло дать передышку, которая нужна была ему, чтобы пережить ночь. Но его порог выносливости был высок, и он подступал опасно близко к безумию или чему-то похуже. Мне придётся как-то вмешаться в процесс. Иначе он соберёт в кулак всю свою волю и будет сражаться насмерть со всем тем, что я навяжу ему извне. Я должен участвовать в процессе, даже несмотря на риск того, что он меня запомнит.

Я обошёл стул и встал напротив него. Его глаза были закрыты, а тело сжалось, как будто находясь в ловушке последнего кошмарного видения. Я подошёл к краю круга света.

— Зачем ты так пугаешь меня? Что я сделал? — спросил я просто.

Он открыл глаза и прищурился.

— Ты.

Узнал ли он меня?

— Да, я.

Я присел на корточки, чтобы мои глаза оказались на уровне его. Я попытался быть мягче и сгладить все углы.

— Почему мы здесь? Зачем ты привёл меня сюда? Я спал, и я был в безопасности.

— Никакой безопасности! Ты же видел! — прошептал он яростно, глаза его всё ещё видели несуществующую битву.

— Мы никогда не можем спать. Сколько раз я говорил тебе? Они вторгнутся в наши сны, и мы должны сражаться с ними даже во снах!

Он был практически не в себе, но определённо меня узнавал. Я решил следовать интуитивному порыву.

— Что же нам делать? — по-детски спросил я. — Мы спим. Как же нам защитить наши сны?

Гримаса на его лице медленно начала сменяться улыбкой. Я оказался прав.

— Скажи мне, отец, пожалуйста.

В моём голосе стал появляться намёк на чрезмерную и тяжеловесную дикцию его настоящего сына. Я попытался даже максимально вытянуть шею. Я вызвал в своей голове образ сына Дуката настолько чётко, насколько мог, учитывая, что мы встречались всего лишь раз на Ромуле.

— Ты всегда должен быть сильным. Трусость — это болезнь, и они стремятся заразить тебя ею любыми способами. Вспомни, что случилось в Кобиксине. Они сказали, что ведут переговоры с арахнидами. Я сказал — нет!

Голос его опустился до жёсткого шёпота, но он хотел продолжать любой ценой.

— У нас есть преимущество. Истребляй их. Это то, что они хотят сделать с нами. Они превосходят нас численностью, но у нас есть элемент неожиданности. Мы должны его использовать!

Старик снова закашлялся. Его слюна вперемешку с кровью полетела мне в лицо.

— Гал Карн сломался. Он заразился, и мы потеряли наше преимущество, и арахниды вырезали нас, — воспоминание было свежим и горьким. — Вот почему Карну пришлось умереть, сынок. И вот почему нам нужно Братство. Они не смогут заразить нас!

Я стал дышать спокойнее. Вот мы и подошли к сути.

— Кто они, папа? Скажи мне, чтобы я мог их узнать, — умолял я.

— Ты знаешь их! — я ощущал гнев старика. — Сколько раз я тебя предупреждал? Только дураки не слушают!

— Прости, папа, — прошептал я.

— Те же, кто хотят целовать федеральные задницы! Подписывать эти договоры, превращающие нас всех в баб! Опять же, у нас есть преимущество! Но гражданские и предатели смывают его в унитаз!

Его отвращение было поистине разрушительным.

— У нас есть два непримиримых врага, сынок. Как мы будем сражаться с ними, если превратим наших солдат в девчонок? А это именно то, что собирается сделать Ассамблея!

— Да... Федерация, — кивнул я. — Они понимают только силу.

— И клингоны, мальчик! Не забывай о них! — он командовал так, как будто они окружили нас прямо сейчас. — Они тоже понимают силу, и если они думают, что мы лучше будем разговаривать, чем умирать... — Дукат замолчал.

— Я не забуду, отец.

Я стал повышать уровень воздействия усилителя. Я не хотел его потерять. Его глаза расширились, когда новая мысль пришла ему в голову.

— Ты был на Ромуле? — спросил он.

— Был. С Барканом, — добавил я.

— Он хороший. Он хороший, сынок, — старик кивнул. — Но присматривай за ним. Он такой же, как его отец. Если будет более выгодная сделка... — я повысил уровень воздействия.

Его сковал спазм, лицо исказилось.

— Вот как они выглядят! — закричал он. — Вот как они на самом деле выглядят!

Ему не хватало воздуха, и он стал задыхаться, безуспешно пытаясь снова наполнить им легкие. Я решил не снижать уровень воздействия.

— Мы должны... убить их. Переносчики... они распространяют болезнь. Каждый из них. Окружайте Ассамблею! Пусть каждый, кто увидит, никогда не забудет! Гемор... Лэнг... галы, которые стоят за ними... главные предатели!

Дукат сделал усилие, чтобы встать, как будто сам собирался созвать свои войска. Разочарование от того, что он не смог этого сделать, отразилось в его словах.

— Братство должно развиваться сейчас! Семьи должны знать своё место! Поддержка Директората или смерть! Никаких изгнаний! Изгнание — это отсроченное предательство! Править будут те, кто должен править! Прекратить эти переговоры с федератами! Использовать ромуланцев, чтобы посеять раздор! Что они сказали? — вдруг спросил он меня. — Они выступят вместе с нами против клингонов?

— Они сказали... да, да, выступят.

Я не знал, правильный ли это ответ, но пришлось продолжать играть. Приближался рассвет.

— Хорошо. Сначала разберёмся с клингонским симптомом, а потом будем бороться с самой болезнью.

— Федерация, — проговорил я.

— Да, мальчик, Федерация. Но прежде, чем разобраться с ней, мы должны очистить Кардассию...

Его дыхание становилось всё более сдавленным, а голос был сведён к болезненному хрипу. Я боялся, что устойчивый высокий уровень работы усилителя повредит ему настолько, что это вызовет подозрения. Я отключил усилитель. Его глаза закрылись, а лицо расслабилось. Я оставил сдерживающее поле включённым, а сам вышел на улицу, чтобы вдохнуть свежего воздуха. Вне зависимости от того, насколько объективным я старался оставаться, я никогда не мог полностью дистанцироваться от чужого ужаса. Страх — заразная болезнь. Уже почти рассвело, и я знал, что у меня мало времени на то, чтобы вернуть Дуката, пока на место поисков не прибыли другие.

Когда я вернулся, он, казалось, спал. Я выключил сдерживающее поле, спрятав усилитель и записывающие устройства, которые задокументировали «признание» Дуката. Я приготовил меньшую дозу токсина плактара и собирался снова взвалить его себе на спину. Но когда обернулся, я был потрясён тем, что он стоял и смотрел прямо на меня ясным взглядом.

Внезапно он бросился на меня, и когда я споткнулся, стараясь увернуться от его яростного порыва, я чуть было не пролил содержимое флакона на себя. Я отбросил его к стене, и он, ударившись об неё, сполз на пол. У него не было физических резервов, чтобы сохранять своё преимущество. Я повернул его правую руку внутренней стороной и нанёс токсин. Когда я связывал его, он посмотрел на меня.

— Кто ты? — спросил он, второй раз борясь с действием токсина.

Это был старый закаленный в боях воин.

— Твой худший кошмар, — ответил я.

— Ах, — прохрипел он. — Значит, тебя послал Тейн.

Он одарил меня убийственным взглядом, прежде чем потерял сознание. В тот же момент я понял, что не смог заставить его назвать имена всех членов Братства. Но больше меня беспокоило то, как легко он связал меня с Энабраном Тейном.

2.19.

Запись:

Чьи-то руки снимали и срезали с меня одежду. Я был не в силах оказать им какое-либо сопротивление и не мог различить лиц.

— Разденьте его полностью, он мёртв, — раздался голос доктора Башира.

Но я не мёртв, хотел запротестовать я.

Но не мог сформировать слова, чтобы произнести их.

Я был абсолютно беспомощен, и они взяли моё обнажённое тело и швырнули в глубокую яму, на гору других тел.

— О, Элим, — произнесло соседнее тело. — И ты тоже!

Это был Тейн.

— Рано или поздно все мы так закончим, — заметило лежащее подо мной тело.

Это был Толан.

Все тела, лежащие в яме, перешёптывались.

— Но мы живы, — протестовал я с верхушки этого улья. — Что мы здесь делаем?

— Это последняя стратегия, Десятый Лубака, — это был Каликс. — Если сможешь совладать с ней, то найдёшь своё предназначение.

— Но это же ужасно! Это не может быть моим предназначением! Как мне совладать с этим? — взмолился я.

— Твоё предназначение здесь, — сообщил голос Локара. — И ты никогда не должен об этом забывать.

— Просто скользи, Элим. Используй тишину, — посоветовал голос Пифаса.

Я попытался двинуться, чтобы увидеть его, но не смог.

— Прими это, Элим, — сказала мне Мила. — Перестань бороться с тем, кто ты есть, и сможешь двинуться вперёд.

— Но почему? Почему мы здесь? И где Паландин? — прежде чем кто-то смог дать мне ответ, я почувствовал, как мне на грудь упала куча каменистого грунта.

— Это последний, — сообщил сверху доктор Башир. — Засыпьте их и запечатайте яму. Они не должны вернуться, это ради блага квадранта.

— Но почему? — закричал я. — Каликс, как мне совладать с этим?

Ответом мне послужил сыплющийся сверху грунт и тихие перешёптывания.

— Как? Скажи мне! Как?!

Я отпрянул от стола, обливаясь потом и задыхаясь. Я встал и оглядел комнату. Медленно я возвращался в ночную тишь станции. Я уснул за рабочим столом. Я потёр голову в том месте, которым она лежала на грубой поверхности стола. Вероятно, это была моя последняя ночь на станции. Возможно, самая последняя. И столько работы, которую я хотел завершить. Было поздно, но я набрал код на станционном коммуникаторе.

Голос прочистил путь в моём горле, позволяя говорить. Именно то, чего я не смог сделать в моём сне.

— Да? — спросил доктор.

— Простите, доктор, но мне нужно увидеться с вами, — я старался, чтобы мой голос звучал как можно спокойнее.

— Гарак?

— Я очень извиняюсь, но это важно.

— Что случилось? — поинтересовался доктор, пытаюсь уточнить уровень важности.

— Это не экстренная медицинская ситуация. Пожалуйста, я понимаю, что вы сочтёте меня навязчивым.

Какое-то время стояла тишина, и тогда я услышал на заднем фоне другой голос. Эзри Дакс. Они о чём-то перешёптывались. Потом доктор прокашлялся.

— Я сейчас буду, — сообщил он.

— Спасибо, доктор.

Я обернулся к окну, вечной космической ночи. Мои любимые звёзды. И только кошмары во всём своём ужасе могли дать мне чувство радости от того, что я живу на этой станции. Как же иронично, что через пару часов я её покину.

— Это просто беспокойство из-за возвращения на Кардассию, — заверил меня доктор. — И это крайне опасная миссия. Кого-нибудь ранили или, возможно, кто-то погиб? — спросил он.

— Не особо, — ответил я, разливая таркалианский чай. — Если мы утратим свой страх смерти, то потеряем важного союзника.

— Я не знаю, Гарак, — доктор отпил свой чай. — Возможно, вам следует поговорить об этом с Эзри. Я не знаю, насколько я могу быть вам полезен в этом вопросе.

— При всём уважении к Эзри, её не было в моём сне.

— Как и меня, — ответил доктор.

— Как раз наоборот, дорогой друг, вы были.

Он удивлённо взглянул на меня, приподняв бровь. Меня всегда поражало, насколько у него глубокие бороздки ранних морщин для такого молодого человека.

— Надеюсь, вы не буквально.

— Вы были в моём сне, — повторил я.

— Гарак, можете не верить... но смотрите, — доктор глубоко вздохнул. — Моя... личность, символическое представление меня в вашем сне... служило цели, разработанной вашим подсознанием, чтобы удовлетворить некую... потребность. Это никак не связано со мной или с тем, как ваша психика применила меня... тем способом... как писатель использует своего персонажа, — он замолчал и покачал головой.

Идея о том, что он был участником моего сна, пробудила его научную сторону.

— Эта область всегда была большой загадкой. Если бы мне приснился... Гиппократ, вы же не поверите, что сам древний грек явился ко мне? — подначил он.

— Мы одновременно существуем на многих уровнях, доктор. Этот уровень... — я жестом обвёл комнату и находившиеся в ней объекты, — пространственно-временной континуум, кажется, вы его так называете, возможно, самое узкое и маломерное измерение из всех. Но именно в нём мы выбрали отношение друг к другу как к телесным существам, определённым материальным пространством и временными единицами. Оно служит своей цели, да, но его цель определена нашим взаимодействием на других уровнях, глубже и куда сложнее, чем этот.

— Тогда какова цель того уровня? — нетерпеливо спросил доктор.

— Завершить задачу, созданную нашими более объёмными я, — увлечение заиграло в моём голосе, и доктор молча уставился на меня.

— Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам, — процитировал он.

— Кто это? — спросил я.

— Шекспир, — ответил доктор.

— Хм-м, — я согласно кивнул, удивляясь, что хоть раз автор политических заблуждений Юлия Цезаря выдал что-то осмысленное.

— Я никогда не слышал, чтобы вы об этом говорили, — произнёс он. — Я и понятия не имел, что кардассианцы поддерживают подобные идеи.

— Большинство — нет. Но когда-нибудь — станем.

— Значит, вы говорите... как там? Что, этот уровень — конкретное проявление... — он замолчал.

— Того, кто мы есть, доктор. Нашей сущности. Человеческой сущности. Кардассианской сущности. Но мы стали этими существами, становимся, всегда в процессе

становления и на других пространственных уровнях, которые не ограничены понятиями времени и пространства. И главный определяющий фактор нашего становления — это связи. Без связи я болтаюсь сам по себе. Отчуждённый. Отвергнутый — я становлюсь антагонистом. Соединённый — я интегрируюсь. Становлюсь функционирующим членом одного целого.

Доктор задумался, его недавней увлечённости как ни бывало.

— Вы человек науки, доктор. У вас глубокие познания об этом уровне. Я не только о его устройстве. Вы имеете понятие об отношениях, привлекающих и отражающих законах, взращивающих и отравляющих комбинациях. Здоровье и болезни. Целостности и разрозненности.

— В вашем сне, — произнёс он, — я проводил похороны вас и тех людей, с которыми вы были наиболее связаны. Почему?

— Вы говорили «Они не должны вернуться... это ради блага квадранта». С чего бы вам это говорить? — я задал вопрос.

— Я могу думать только... — он замолчал и показал головой. — Простите, Гарак. Это нелегко для меня. Я всё ещё не могу принять, что вам это снилось. Даже при моём участии... драматургом были вы.

— Да, но представьте себя в этой роли. Зачем вам закапывать их и закрывать яму?

Доктор смотрел на меня с ужасом.

— Прошу, сделайте одолжение. Мне очень важен ваш ответ.

— Если вы и другие являетесь носителями какой-то болезни, — он пожал плечами.

— На Земле в четырнадцатом веке была ужасная эпидемия чёрной чумы, уничтожившая почти половину населения Европы. Люди считали, что трупы нужно уничтожать, сжигать, закапывать... потому что только так можно предотвратить распространение болезни...

Мой коммуникатор ожил. Это была Кира.

— Да, командер?

— Вы будете готовы к отбытию в семь часов?

Я вздохнул. Оставалось меньше часа, но у меня не было выбора.

— Конечно.

— Увидимся в 11-м шлюзе. Берите только самое необходимое.

— Лишь мой гигиенический набор и смену нижнего белья, — непринуждённо ответил я.

Кира отключилась.

Доктор изучал меня с таким интересом на лице, которого я не видел уже годы.

— И? Это чёрная чума, доктор? Или просто бред старого шпиона накануне сражения?

— Вы поразительная личность, Гарак.

— И моя благодарность вам никогда не сможет быть выражена в достаточной мере.

Но я попытаюсь, — пообещал я.

— Прошу. Что я такого сделал? — искренне удивился он.

— Тот раз, когда вы расщедрились и нашли способ удалить имплантат из моего мозга, не убив при этом меня...

— Я бы сделал это для каждого, — он перебил меня.

— Я уверен, что это правда, но я не об этом. На протяжении того времени, когда устройство разрушалось, я был уверен, что умираю.

— Вы даже были согласны на это, — напомнил он.

— Также я был убеждён, что всё это сон, и продолжал спрашивать себя, что вы в нём делаете.

Доктор выглядел озадаченным.

— Но то, что вы сейчас говорили, что наши сны — другой способ наших связей?..

— Я забыл. Возможно, это была низший отрезок моей жизни, я забыл многое. Когда я «очнулся» и понял, что буду жить благодаря вам, в тот же момент я начал собирать некоторую важную информацию.

— О снах? — спросил он.

— Да. Но в особенности — о связях, и как они влияют на ход нашей жизни. Вы не только «спасли» мою жизнь, благодаря вам она больше не была невыносимой.

Он помрачнел.

— Что такое, доктор?

— Тот раз, когда я пригласил вас в голокомнату...

— Да, — с нетерпением поддержал я.

— Я никогда не извинялся за свои действия.

— А вам и не нужно! — заявил я.

— Гарак, пожалуйста. Сейчас не время учить меня, как вести себя заправскому шпиону...

— Нет, нет, нет. Наоборот, когда вы подстрелили меня, дорогой друг, это было следующим этапом моего процесса воспоминаний. Я собирался пожертвовать другими, теми, кого вы считали своими друзьями, потому что только так я мог быть уверен, что спасусь сам. Вы противостояли мне. И действительно, вы бы убили меня, если бы это было необходимо.

— Уверен, до этого бы никогда не дошло, — пробормотал доктор.

— Вы бы убили меня, — повторил я. — Ради всеобщего блага.

Клише внезапно обрело совершенно другой смысл для нас обоих.

— Это мой последний рейс на Кардассию. Я не вернусь. Вы были во сне по особой причине. Вы снова помогли мне вспомнить. Спасибо, Джулиан, — я положил руку на его плечо.

— Пожалуйста, — тепло улыбнулся он. — И, к слову. Болезнь переносили не трупы. Позже стало известно, что переносчиками заразы являлись крысы, поедавшие тела.

— Полагаю, в таком случае мы отправимся на Кардассию в поисках крыс, — ответил я.

— Будьте осторожны, Гарак. И присматривайте за моим другом-сорвиголовой, хорошо?

— Не волнуйтесь, мы присмотрим друг за другом, — ответил я.

Он шагнул к дверям.

— Вам действительно снился Гиппократ? — поинтересовался я.

— Да, действительно было.

— И почему я не удивлён? — ухмыльнулся я.

Когда я подошёл к шлюзу, Кира уже была на месте.

— Одо уже в пути. Как вы себя чувствуете? — спросила она.

— Как никогда лучше, командер, — пылко ответил я.

Кира одарила меня внимательным взглядом.

— Никогда не думала, что увижу вас настолько воодушевлённым, Гарак.

— Я наконец-то вспомнил, зачем я здесь.

2.20.

Запись:

— Давай прогуляемся, Элим. Сегодня хороший день, — Тейн ждал меня возле здания Ассамблеи.

— Как скажешь, — с удовольствием согласился я, испытывая лёгкое удивление.

За те долгие годы мы редко встречались за пределами его кабинета; только экстренная ситуация или абсолютное изменение плана могли нарушить этот порядок. Лучи предполуденного солнца проникали повсюду. Не спеша мы шли сквозь поток прохожих, я ощущал единение с окружавшей нас энергией в городском шуме, что казалось почти нормальным. Отец и сын устроили прогулку. Тейн располнел, и я слышал его тяжёлое дыхание.

Он стар, подумал я. Он смертен. Я никогда не думал о Тейне в таком ключе, и я ощутил беспокойство за него, когда мы проходили мимо агрессивной группы прохожих на окраине сектора Коранум. Один из группы почти сбил Тейна с ног, но я бросился ему наперерез и оттолкнул в сторону. Я не предал особого внимания его угрозам, и мы с Тейном двинулись дальше.

— Да, Элим. Я старею, — уже не первый раз он читал мои мысли, это был обычный порядок наших бесед. — Это случится и с тобой. Однажды ты проснёшься и поймёшь, что у тебя остаётся совсем немного сил.

— Для чего? — встревожено спросил я.

— Для того, чтобы привести свои дела в порядок и оставить их, — ответил он. — Но об этом нужно начать думать задолго до того, как наступит этот день, — за его завуалированной полуулыбкой скрывалась несгибаемая целеустремлённость, которая всегда побуждала меня показать себя с лучшей стороны.

— Ты уходишь из Ордена, — выдохнул я.

— Да.

— И куда ты тогда?

Я пытался контролировать внезапное чувство дезориентации, рушившее мою недавно настроенную связь с общественностью.

— В колонию Аравак.

Ну конечно. Его любимые горы в провинции Рогарин.

— А Мила отправится с тобой? — спросил я.

— Да.

Я пытался хоть как-то упорядочить возникшие вопросы.

Я не уделял внимания окружению, и только когда Тейн остановился, я огляделся и понял, где мы находились.

— Стоит вопрос преемственности, Элим. Ордену удавалось следовать по курсу, который был согласован с кардассианской Службой Безопасности. Новому руководству нужно держать прежний курс.

Я не понимал, из-за неуверенности ли в своём будущем или из-за того, что мы находились в садах, где я столько времени провёл с Паландин, но я ощущал неизбежность некой расплаты. Это было так свойственно его манипуляциям. А ведь всего пару секунд назад мне хотелось защищать этого благодушного старика, своего отца. Теперь же... от жёсткой иронии ситуации во рту ощущалась горечь.

— Да, видишь ли, вот в чём проблема, — кивнул он. — Даже две проблемы. Менее серьёзная — то, что ты связан с инцидентом с Прокалом Дукатом. Но мы вполне ожидали, что у него останутся воспоминания о допросе. Чего мы не ожидали, так это того, что вспомнит Баркан Локар. Они, конечно, не могут ничего доказать, но ты нажил влиятельных врагов. Локар твёрдо намерен выяснить, на кого ты работаешь, и они с

молодым Дукатом теперь пристально следят за тобой. Конечно, наша ценность измеряется врагами, и уже это достаточная причина, чтобы сделать тебя преемником, — произнёс он нежным, почти родительским тоном, который всегда выводил меня из равновесия. Тейн прошествовал в тенистую зону отдыха, где солнечные лучи пробивались через заросли старой растительности. Я никогда здесь не был с кем-то, кроме Паландин. С протяжным вздохом он уселся на низкую скамейку в освещенном месте.

— Здесь красиво. Понимаю, почему это место идеально подходит для встреч, — заметил он.

— Я всегда подозревал, что ты узнаешь об этом, — сказал я.

— Но о чём же ты думал? Уж, конечно, не о чём-то долгосрочном. А она — не просто женщина. Она жена Локара. Рано или поздно он узнает. И тебе это известно, правда же? — резко спросил он..

— Да, — ответил я.

Маска добродушия спала, и за ней я увидел его гнев в полной мере.

— А когда он узнает, то твой влиятельный враг превратится в безжалостного. Он не успокоится, пока не уничтожит тебя без остатка, — выплёвывал он мне в лицо слова. — Что ты будешь делать? — требовательно вопрошал он.

— Не знаю, — признал я, собрав в кулак самоконтроль.

— Не знаешь! — воскликнул он с отвращением, которого я не слышал с тех пор, как в детстве не смог запомнить всех деталей одной нашей прогулки. — И я должен передать дело своей жизни тому, кто не видит дальше своей похоти?

— Это не похоть, — возразил я.

— Сентиментальность, — прошипел он. — Ещё хуже. Ты подвергаешь опасности нашу миссию, безопасность нашего народа, и всё из-за каких-то жалких сантиментов. И вместо того, чтобы посвятить жизнь работе, чтобы приобретать закалку лидера, который вдохновляет других и расширяет мировоззрение, ты всё это время играешь в хебитианские фантазии с чужой женой!

— Да. Совсем как Толан! — взорвался я. — Может, он и правда был моим настоящим отцом.

Тейн поднялся так быстро, словно был намного моложе, и мощной хваткой стиснул моё плечо. Его злость переросла в убийственную ярость, и я не мог ничего сделать, кроме как держаться своей точки зрения вопреки боли от его хватки. В его холодных глазах читалось, что я его предал. Хуже того — я его подвёл.

Он отпустил моё плечо и отвернулся.

Меня затрясло всего. Когда он отвернулся, он вернул своё самообладание.

— Ты понижен до статуса разведчика. Тебе дадут время, чтобы доказать свою ценность для организации. Это, конечно, при условии, что ты больше не увидишь эту женщину. И что немедленно будет задействован план по ликвидации Баркана Локара. План, в который не будет замешан Орден. Отныне ты будешь докладывать Корбину Энтеку, — со стороны казалось, что он говорит в коммуникационный чип.

— Кто же будет твоим преемником? — спросил я.

— Он им уже стал. Сегодня ночью я отправляюсь в Аравак.

— Кто он? — настаивал я.

— Пифас Лок, — его взгляд оценивал меня.

Его маска вернулась на место.

— Прощай, Элим, — он развернулся и ушёл.

Я смотрел ему вслед, чувствуя себя полностью опустошённым и думая, как я умудрялся ощущать настолько сильную пустоту. Этот внезапный болезненный поворот фортуны... всё изменилось до неузнаваемости... и всё же... не было злости и жалости к себе ... и не было страха. Только освобождение. Освобождение от секретов. От чистилища, где я был с детства заточён между возложенными обязанностями и чувством

тайных стремлений, смешанного со стыдом. Я чувствовал себя опустошённым... и свободным.

Я должен был увидеть её снова.

— Я ждала тебя, — сказала Мила, когда дверь открылась.

Я проследовал за ней внутрь, но вместо того, чтобы, как обычно, спуститься в подвал, она провела меня в большую центральную комнату, уставленную рядами упаковочных контейнеров.

— Боюсь, мы мало что тебе оставляем, — сообщила она. — Мебель уже унесли.

— Я вообще не ожидал ничего, — я постарался избежать иронии.

— Это твой выбор, Элим, — её голос был также нейтрален. — Можешь и дальше жить в доме.

— Я думал, сюда переедет Пифас.

— Дом принадлежит Энабрану, а не Ордену, — объяснила она. — В таких обстоятельствах ты можешь жить и здесь.

— А ты знаешь об обстоятельствах... Мила?

Она взглянула на меня. И впервые за много лет у нас установился контакт.

Она медленно кивнула.

— Перед тем, как я сделаю свой «выбор», мне понадобится твоя помощь, — сказал я, удивлённый простотой этой просьбы.

Я не злился на Милу, как того хотел бы. Она это увидела и осязательно смягчилась.

— Чем я могу помочь, Элим? — это был беспристрастный вопрос, она тщательно сохраняла между нами дистанцию.

«Ведение хозяйства» для Тейна, в конце концов, предполагало определённые обязательства.

— Ты знаешь... об этой женщине, — я чувствовал неловкость от обсуждения этого с ней, будто мальчик, оправдывающий своё своевольное поведение.

— Жена Локара, — она ничего не выдала, но я, по крайней мере, узнал, что они с Тейном говорили об этом. Может быть, Мила была кем-то большим, чем просто эффективная домохозяйка, которая смахивала пыль с его книг и свитков из кожи.

— Мне нужна твоя помощь, — повторил я.

— Ты видел его сегодня, — утвердительно произнесла она, ставя две чашки в репликатор напитков.

Я кивнул.

— Он был зол, когда уходил сегодня утром.

— Я люблю её, Мила.

— Ты взрослый мужчина, Элим, — я не мог решить, считала ли она, что я этого не знаю, или сама впервые это замечала.

— А Паландин — взрослая женщина, — ответил я.

— Она мне безразлична. Я за тебя волнуюсь! Тебе нужно научиться... — не договорив, она протянула мне чашку, от которой шёл травяной аромат, всегда ассоциировавшийся у меня с ней и Толаном.

Горькая кора и сладкий земляной корень. Влажная плодородная почва.

— ...контролировать себя? — Мила подула на чай.

В ответ на эту очевидную иронию я пожал плечами; я не хотел ввязываться в ссору.

— Знаю. Я правда это знаю, и если бы я как-нибудь мог... просто... забыть... убедить себя, что это плохая идея, и уйти... я бы это сделал...

Мила нервно качнула головой. Она и сама пыталась сохранять контроль.

— Я серьёзно, Мила. Я бы сделал это. Но я постоянно думаю о ней, чувствую её. Особенно наедине с собой.

Мила присела на контейнер, продолжая пить чай. Она избегала моего взгляда. Когда я поставил другой контейнер напротив неё, то почувствовал сильную боль в плече. Оно до сих пор ныло.

— Тейн злится... на меня. Он хочет, чтобы я больше не виделся с ней... и чтобы я убил Баркана, — она всё ещё избегала моего взгляда. — Но ты ведь это знаешь, правда? И ты знаешь, что может быть. Потому что у тебя... есть свои мысли на этот счёт. Да, Мила? — продолжал я.

Она снова отёрнулась от меня. Чай пролился из чашки.

— Нет времени, Элим, — она поставила чашку, вытерла руки о свой фартук и принялась искать, чем бы вытереть пол. — На это нет времени.

— Но имеем то, что имеем, — пожал я плечами. — Меня понизили до статуса разведчика, моей работой пренебрегли, словно она ничего не значит...

— С ней будут считаться, если ты этого захочешь, — сказала она, взяв в руки кусок ткани и отбросив его.

— Но как же жертвы, которые я принёс? Они не считаются? — потребовал я.

— Жертвы? — Мила с досадой сняла фартук, чтобы вытереть чай с пола. — Элим, ты меня поражаешь, — покачав головой, она опустилась на колени и начала рьяно тереть, как будто пролитый чай был вражеским агентом, способным распространить болезни и разрушения.

— Правда? Что ж, рад, что мне всё ещё удастся...

— Жертвы, — прошипела она; её самоконтроль таял на глазах, словно пар, уходящий через узкую щель. — Как называлась та книга, которую ты мне дал однажды? Когда впервые вернулся из Бамаррена? Та, которую ты назвал величайшей кардассианской повестью и настаивал, чтобы мы её прочитали? — Мила всё ещё стояла на коленях, но теперь оскорбляющим её пятном, которое она стирала словами и взглядом, был я. — Каждое поколение одной семьи в важный момент сталкивается с одним и тем же выбором. Они потакают собственным нуждам или служат будущим поколениям? Выбирают ли они комфортную жизнь вместо жизни государства и его миссии? Я прочитала её, Элим. Ты сказал прочитать, и я прочитала.

— «Нескончаемая жертва», — ответил я.

— Да. Точно, — встав, она вздохнула. Мила теперь была тяжелее и двигалась с большей осмотрительностью. Она тоже постарела. — Советую тебе перечитать её.

— На первом месте всегда стоял Тейн, да? Думаю, это было твоей нескончаемой жертвой, — я больше не старался сдерживать иронию.

— Да, на первом месте. И если бы ты хоть что-нибудь знал о жертвах, ты бы понял, почему. Он всегда был самоотверженным. Он никогда не просил остальных делать того, что не сделал бы сам. Он никогда не просил ни о чём, кроме приверженности и преданности, которые он сам отдавал работе.

— Как хорошо, что у него был Толан.

— Толан понимал и принимал свои обязанности, — холодно ответила Мила. — Но он был сентиментален. Как и ты. Это и беспокоило Энаброна.

С печальным пониманием я улыбнулся. Сентиментальный. Да, Тейн и Мила определённо делились друг с другом своими секретами и мнениями.

— Но я не виню Толана. Он был хорошим кардассианцем, — поднимаясь, признал я. Мила смотрела на меня.

— Да. Как скажешь.

Мне захотелось уйти.

— Кроме бед она ничего тебе не принесёт, Элим. Заканчивай сейчас же всё это. Делай, как говорит Энабран, и вернись на своё законное место.

— Своё место, — повторил я.

— И сейчас, Элим. Иначе окажешься в большой опасности, — предупредила она с уверенностью, которая напомнила мне о том времени, когда она привела меня к Тейну после Бамаррена.

Мила всегда знала, что заключалось в сердце нескончаемой жертвы.

— Спасибо за помощь, — пробормотал я, устав от бесконечного сарказма.

— Чего ты хотел от меня?

— Если честно, не помню, — ответил я. — Приятной поездки, — я улыбнулся и поклонился.

— Дай Лимору знать, будешь ли ты здесь жить, — я кивнул.

Да, подумал я, это и будет моим ответом. Моим выбором. Она встряхнула фартук, раздумывая, надевать ли его снова.

— Мила.

Она взглянула на меня и сделала глубокий вдох, словно готовясь к моему вопросу.

— Кем был Толан?

— Моим братом, — она всё-таки решила надеть фартук

Я ушёл.

Ночь была ясной, я сидел среди орхидей «дяди» Толана и смотрел, как Талувийские созвездия пульсируют с небывалой силой. Сильнее, чем прежде, мне казалось, что они не только посылают нам подсознательные сообщения с крайне важной информацией, но и что наша способность расшифровать эти сообщения определит нашу судьбу. В Бамаррене доцент Райлон увлечённо утверждал, что, если бы только мы отвлеклись от суетности нашего предубеждённого разума и сосредоточились бы вместо этого на получении импульса энергии от любого звёздного построения, то самая новая и постоянно развивающаяся часть нашего мозга последовала бы созидательной мудрости Первородного плана.

Выбор был сделан без усилий; план лежал передо мной, будто диаграмма. Я не спрашивал, было ли это моё решение, или же оно вдохновлено Талувийской пульсацией. В этот момент я должен был принять данное и приступить к действию. Сложностью было держаться вдали от Паландин, и, если я это смогу, то план удастся.

В последующие недели я подчинился своему наказанию. Я сообщил Лимору Прангу, что буду жить в доме Тейна, и он встретил моё решение своим обычным отсутствием реакции. Затем я доложил Корбину Энтеку, который когда-то в Бамаррене учился уровнем выше меня. Это был Первый Драбара — один из верных адъютантов Локара. Во время Турнира мы очень плотно работали вместе, и я испытывал к нему огромное уважение. Однажды я спросил его, почему он не остался с Локаром и принял участие в баджорской оккупации.

— У всех есть работа, — вот и всё, что он мог ответить.

Учитывая план, который я начал претворять в жизнь, я должен был быть чрезвычайно осторожным с ним.

— Ты назначен в новую группу, которая встречается сегодня ночью, — сообщил мне Энтек. Я и ждал перевода: разведчик начинает с самого дна, до сих пор же я был лидером своей группы. — Ещё я перенастрою твой коммуникационный чип. Можно взять твой старый? — попросил он.

— Конечно, — ответил я и отдал.

Могло быть и хуже. Энтек был суров и амбициозен, но он не был одним из агентов, которые боялись моего бывшего статуса «сына Тейна» или возмущались им.

— Я благодарен за ваше отношение, Элим. Это могло быть куда более неловко, — с искренним облегчением произнёс он.

— Мы профессионалы, Корбин. Мы приспосабливаемся, когда необходимо, — никто не знал настоящей причины моего унижения, все считали, что Тейн был недоволен моими результатами и что я служил примером того, как наказывается провал.

— Если что-нибудь понадобится — спрашивайте, — добавил он.

— Очень любезно с вашей стороны. Я хотел бы получить кое-какую информацию, если можно, — я притворился, что это было запоздалой мыслью. — Думаю, на сегодняшней встрече будет обсуждаться миссия. Я не хочу знать, что это за миссия, но хочу знать, сколько времени мне отводится на перевод перед назначением, — я был настолько резонным, настолько далёким от просьбы, насколько возможно, но его ответ был крайне важен для моего плана.

Энтек колебался. Он всё же чувствовал себя неловко, подумал я. Я бы никогда не спросил этого у Лимора, и всё усложнялось ещё и тем, что до сей поры я был начальником Энтека.

— Вы уйдёте через два дня, — наконец ответил он.

Я упал духом. Локар вернётся на Кардассию Прайм только на следующей неделе, к началу переговоров по баджорской оккупации.

— Спасибо, Корбин.

— Вам хватит времени? — спросил он.

Его предупредительность была довольно необычна, но я полагал, что он изо всех сил старается, чтобы я не был излишне унижен своим низведением до статуса зонда.

— С некоторыми корректировками придётся подождать, — я поклонился и собрался уходить.

— Полезно ли вам будет узнать, что вы назначены на Баджор? — поинтересовался Корбин.

И в этот момент меня осенило. Да. Я неверно истолковал стеснительность и внимательность Энтека. Я по-прежнему чувствовал на своём плече руку Тейна.

— Да, полезно, Корбин, — я снова поклонился и ушёл.

Вместо того, чтобы сразу уйти, я спонтанно направился по коридору к старому кабинету Тейна. Дверь была открыта, я остановился у неё на пороге, и в тот же момент Пифас оторвал взгляд от теперь гораздо менее захламлённого письменного стола. Лок робко улыбнулся и встал.

— Пожалуйста, заходи, Элим, — предложил он.

Меня удивило, насколько я рад был видеть его. Когда я покидал Бамаррен, я считал, что он был единственным, кроме меня, кто заслуживал стать Первым Лубака, ну а сейчас считал, что он был единственным, кроме Тейна, кто имел право занимать этот кабинет.

— Добро пожаловать в очевидный мир, Пифас, — приветствовал его я.

— Я этого не поддерживал, — не терпящим возражений тоном отрезал он.

— Если бы поддерживал, Тейн тебя никогда бы не выбрал. Он категорически не доверяет политикам. Но, конечно, сам он был прекрасным политиком, — добавил я.

Пифас оценил этот парадокс.

— Я надеялся, что ты решишь остаться, — произнёс он.

— У меня не было выбора. И что я могу в своём возрасте? Прокладывать пустынные тропы в Морфане?

Мы стояли в крошечном непримечательном кабинете, плановом центре стольких действий, затрагивающих жизни всех кардассианцев. Мне было интересно, насколько на самом деле поколение Тейна и Пранга уступало нашему. Я посмотрел на доску котры Пифаса, для которой был отведён отдельный стол. Насколько мне лично казалось, Тейн всё ещё пытался контролировать фигуры.

— Я рад, Пифас, что могу продолжить побеждать тебя в котре.

— Посмотрим, Элим. Посмотрим.

— Что же. Мне пора бы идти.

— Да, — кивнул Пифас. — Будь осторожен, Элим.

— Спасибо. Я очень постараюсь, — когда я снова шёл по коридору, сообщение, оставленное мне Тейном, сделавшим Пифаса своим наследником, стало абсолютно понятным.

Я ждал в темноте, на сей раз напротив орхидей Толана, на противоположной стороне детской зоны. Мила и Тейн были правы насчёт моей сентиментальности. Я не смел вернуться в сады Коранума после последней встречи с Тейном, а сейчас я скрывался в этих кустах, словно шаловливый мальчик, встревожено надеющийся увидеть объект своих запретных желаний. Тейн устроил мне миссию на Баджоре. Как только я скажу Прангу, что буду жить в доме, Тейн посодействует моему выступлению против Локара. И как же всё элегантно продумано. Моим контактом был баджорский двойной агент, который поможет мне организовать убийство Локара, инсценировав это под видом работы рук баджорского сопротивления.

Но я не мог держаться вдали от Паландин. Да, я был сентиментален. Но после смерти Локара мы могли бы называть это иначе.

Она была здесь. Тенистое очертание моих желаний. Моя любовь. Она получила моё сообщение. Паландин стояла лицом к эдосианским орхидеям, и по тому, как она двигалась и держала себя, я видел, что она была напряжена. Я собирался дать ей знать о моём присутствии и тут ощутил еле уловимое движение в кустарниках за орхидеями. Это могли быть грызуны, но вряд ли бы заметил их с такого расстояния. Конечно, я был под наблюдением — это неудивительно. Что было удивительным, так это моя глупость. Я без особой охоты решил не подавать сигнал. Пора было перестать себя вести, как безрассудный ребёнок. Было достаточно смотреть на её тенистое очертание и напомнить себе, что скрывалось на другой стороне моей баджорской миссии.

Отказ от Паландин не станет частью моей нескончаемой жертвы.

Спустя невыносимо долгое время, пока Паландин становилась всё более обеспокоенной, она вдруг перестала расхаживать взад и вперёд и остановилась рядом с моим укрытием и бросила в мою сторону острый взгляд. Я был уверен, что она меня видит, хоть здравый смысл и говорил, что это невозможно. Но она направилась ко мне; видела она меня или нет, она откуда-то знала, что я тут. Она остановилась совсем рядом от скрывавшего меня куста, и меня шокировало её лицо.

Оно было распухшим, всё в синяках. Один глаз совсем заплыл, а в другом было столько боли, сколько хватило бы на десятерых. Я собрал всю свою силу воли, чтобы не броситься к ней с объятиями. Её глаз смотрел на меня, я знал, что она хотела мне сказать что-то настолько важное, что она, если нужно, прождала бы всю ночь. Но я был уверен, что кто-то проследовал за мной сюда и что любой контакт неизбежно бы нас выдал.

Не сейчас, моя дорогая.

Вскоре подал я ей знак.

Она чуть кивнула, печально, и ушла. Я смотрел, как она удалялась в темноту, и каждая клеточка моего тела была настолько возбуждена от ненависти и стремления к мести, что я едва слышал шум позади себя.

Я видел свет над головой и устремился к светящемуся белому центру, окаймлённому розовой короной. Окружающая среда была тяжелее воды — быть может, жидкий газ, тёплый и удерживающий на поверхности, но каким-то чудом я не задыхался. Пока я отталкивался, грёб, пробивался наверх к центру света, я точно знал, что доберусь до места назначения. Я не смел отвести взгляда от светящийся цели, боясь её потерять, но знал, что вокруг меня были тела. Они появлялись где-то на краю поля зрения и исчезали, и я задумался, по пути ли им со мной. Хоть их присутствие ощущалось явно, в темноте не было видно, кто они такие. Они ни разу меня не коснулись, но друг с другом у них была глубокая и приятная связь.

Чем ближе я приближался к свету, тем ярче он становился.

Он стал ослепительно белым и болезненным. Я не мог держать глаза открытыми, но и закрыть их боялся. Наконец я вынырнул на поверхность, свет рассеялся, и я услышал чей-то крик. Осколки света собрались в притянувших их местах, и там из них собрались формы.

— Если он опять так разорётся, мы все оглохнем, — раздался голос от стоящего передо мной силуэта.

Фигура выбросила вперёд руку и ответила мне пощечину. Тёплое приятное ощущение разлилось по моему телу; жидкость, через которую я добирался сюда, теперь была во мне, наполняя меня своей нежной заботой.

— Он пришёл в сознание, — сообщило другое тело, которое вышло из окружающей темноты в полумрак на краю пятна света.

Рука снова взметнулась и ударила меня по лицу.

Снова выброс тёплого удовольствия.

Имплантат, подумал я.

Это допрос.

Военные следователи.

Они даже не могли себе представить.

Мне захотелось рассмеяться, и пришлось сосредоточиться, чтобы привести в порядок свои разрозненные части и связать воедино свою волю.

Я на Баджоре?

— По крайней мере, он перестал улыбаться, — констатировал первый голос.

Теперь я очнулся окончательно. Моя челюсть отвисла, а взгляд затуманился, но с лёгкостью охватывал окружавшее меня в пределе 200 градусов радиуса зрения. Кроме двух кардассианских солдат я смог рассмотреть кого-то третьего, стоящего в темноте слева от меня. Я почувствовал, что внимание остальных сосредоточено на нём. Сзади себя я не ощущал никого. Ближайший солдат схватил меня за плечи и привёл в сидячее положение.

— Внимание сюда! — прокричал он мне в лицо.

Я поморгал, чтобы доказать, что очнулся.

— Он готов, сэр, — уверенно доложил солдат начальнику.

Подумать только, что этим дикарям доверили столь тонкое ремесло допроса.

— Почему ты качаешь головой, Элим? Жалеешь о глупости, из-за которой попал сюда? — я не удивился, услышав его голос.

Удивился лишь тому, столько времени ушло у него. Я был так беспечен. Сентиментален.

— Оставьте нас, — приказал Локар солдатам.

Они переглянулись.

— Он же останется без охраны, сэр, — заявил тот, кто стоял ближе к Локару.

— Мы с Элимом старые друзья. Мы просто поболтаем, — ответил Локар, лучась улыбкой. — Можете идти.

Солдаты ушли, и Локар внимательно уставился на меня в тишине.

— Очень впечатляет, — сказал он, — вся та пытка, которую ты сумел вынести. Но боюсь, что эта твоя улыбочка только разозлила глинна. Помнишь, как мы впервые встретились? Ты улыбался точно так же.

Я ничего не ответил.

Было ли совпадением, что Локар сделал свой шаг как раз тогда, когда я собирался сделать свой? Или меня предали? Кто-то должен был знать, что он вернулся с Баджора. Вот о чем хотела мне сказать Паландин своим разбитым лицом. Они, должно быть, проследили за ней. Где она сейчас? Имплантат не был приспособлен для моих переживаний за её безопасность... и для моей ненависти. Если бы только как-нибудь до него добраться. Я начал просчитывать риски.

В этот момент Локар, расхаживавший по кругу, встал позади меня на таком расстоянии, чтобы легко справиться со всем, что мне хватит глупости предпринять. Я продолжал смотреть строго вперёд. Я должен привести эту ненависть в чётко налаженное стремление.

— Как поживает твоё садоводство? Много ли возможностей в твоей новой профессии? У тебя всё очень хорошо получалось. Когда я покидал Ромул, мне было тебя жаль.

— С твоим высокомерием это несложно, Баркан.

— И правда. Я тебя недооценил. Лишь много лет спустя я выяснил, что тебя нанял Обсидиановый Орден. Я всегда полагал, что...

— Вы полагали, что из-за того, что вы дали мне низкий рейтинг при оценке за Турнир, префект попросит меня уйти. А потом передоложили, что я растворился в классе обслуги, — я позволил давним обидам прорезать в моём голосе, это послужило безмолвным признанием его превосходства, и я знал, что он обратит на него внимание.

— А, да. Всё ещё ж злишься, правда? — он и обратил.

Я чувствовал, как слабела его основная защита. В его глазах я по-прежнему был Элимом, наивным салагой.

— Очевидно, ты так и не извлёк пользы из этих уроков. Жаль. Ты умён, но ты жалок; затаил неуважение и ревность, планируешь месть. И это сделало тебя сентиментальным и эгоистичным. Да, я тебя недооценил. Я упустил тебя из вида, я понятия не имел, что у тебя в профессиональных планах... или в личных. Представь же себе моё удивление, — в голосе Баркана слышалось негодование.

Этого удобного случая я и ждал.

— Откуда вы это узнали? — спросил я.

— Прошу, Элим. Здесь уже ты меня недооценил. Щеголяете своими отношениями на публике, будто потерявшие голову школьники.

— Да, видимо, мудрее было бы вести себя, как знающие неверные супруги, — со вздохом ответил я.

— Ты низший из мусорщиков, Элим. У тебя нет своих привязанностей, поэтому ты подпитываешься эмоциональной уязвимостью других, — возмущение уступило место непримиримой ненависти, которую ожидал Тейн.

Оставалось недолго.

— Что вы собираетесь делать с Паландин?

— Это тебя не касается. Уверен, ты привык задавать вопросы, но, боюсь, больше такого права у тебя нет. Ты обязан отвечать на мои вопросы, — его голос стал жестче, он приблизился ко мне — знак того, что его жажда мести взяла верх над его задачей.

— Отвечу, на что смогу, Баркан, — я постарался, чтобы мой голос звучал удручённо.

— Кто ещё участвовал в похищении и пытках Прокала Дуката? — потребовал он.

— Вы намекаете на то, что я был вовлечён в это? — с недоверием спросил я.

— Не делай из меня дурака. Предупреждаю. Может, болевой порог у тебя и впечатляюще высокий, но всегда найдутся другие способы, которыми можно причинить тебе боль, — предупредил он.

— Баркан, для меня было бы честью вычислить такого предателя, как Дукат. Он заслужил такой участи.

— Поэтому заменой Тейну был выбран Пифас Лок, а не ты? — у Локара определённо был источник информации в Ордене. — Кажется, выбирают кого угодно, лишь бы не тебя. Ты не устаёшь от того, что тебя обходят?

— Я устаю только от предательства, — отрезал я.

— Но ты неудачник, Элим. Даже с покушением на мою жизнь у тебя случился провал.

— Зато не случилось провала с Паландин, — тихо парировал я.

Повисла тишина.

Я не хотел делать свой ход так быстро, но я был готов.

Его шаги приблизились, сильный удар в затылок повалил меня на пол.

— Ты провалился, Элим. Ты даже не представляешь всю степень своего проигрыша, — процедил он с убийственным холодком.

Он пнул меня в поясницу.

Удовольствие вместо боли — странное ощущение. Я простонал и, замерев, остался лежать.

— Вставай! — я не шевелился.

Баркан собирался пнуть мои гениталии, но был слишком зол для точности, и удар пришёлся по бедру. Более сильный и точный удар между правым бедром и рёбрами вышиб из меня дыхание и выпустил очередной поток эндорфинов. Я застонал громче и перекатился туда, где мог видеть ноги Локара из-под прикрытых век. Он тяжело дышал, не столько от усилий, сколько от ярости, которую они выпускали. Он перенёс вес на левую ногу, готовя правую к очередному пинку.

Моя возможность — слово, которое Локар научил меня уважать. Когда в моём поле зрения появилась нога, направленная мне в лицо, я слегка отклонился, схватил его приближающуюся лодыжку обеими руками, со всей силы её выкрутил, и он рухнул лицом вниз. Он пытался дотянуться до дизраптора, но я схватил его сзади за горло и зажал ему трахею. Он схватился за мою руку, и своими усилиями вернуть свободное дыхание он снова и снова перекачивал нас, пока не стал слабеть от нехватки воздуха. Я вложил последние силы в смерть Локара, и всё окрасилось в красный.

А затем в чёрный.

Теперь корона света удалялась от меня. Я возвращался. В этот раз никаких усилий прикладывать не пришлось; меня нёс ласковый успокаивающий поток, и мне было всё равно, куда. Другие тоже были здесь — такие же путешественники, как я, их голоса что-то невыразительно шептали, создавая размеренный звук, распространяющийся в окружающей среде и усиливающий нашу связь. Голоса разговаривали со мной. Их лица, спокойные и любящие, проплывали мимо и освещали тьму. Здесь были все, кого я знал.

Семья.

Лица из детства.

Бамаррен.

Те, с кем был недолго знаком.

Те, кого знал всю вечность.

Любимые.

Ненавистные.

Сейчас мы все были вместе и разделяли одну питательную среду, путешествуя по нашим потокам, пока постепенно не разделились.

Теперь я остался в одиночестве. Темнота стала кромешной, за исключением служившего ориентиром света выше и позади меня. Я не боялся. Я не был одинок. Нежное движение окружающей среды продолжало успокаивать меня. Тьма слабо пульсировала.

А голоса оставались со мной.

Я был готов.

Шур-шур-шур.

Что бы ни случилось, говорили они.

Шур-шур-шур.

Каким бы ни был урон.

Шур-шур-шур.

Всё можно исправить.

Шур-шур-шур.

Не поддавайся видимому.

Шур-шур-шур.

Доверься тайне.
Шур-шур-шур!
Не уступай, говорили они, начиная исчезать.
Шур-шур-шур!
Всё можно...

Я открыл глаза.
Я лежал на полу.
Издали доносился стук.
Помещение оказалось совершенно пустым. Тёмным. Мои глаза видели размыто.
С большим усилием я перевернулся.
Тело было таким тяжёлым и измотанным, что, если бы не боль, я бы не поверил, что это моё тело.

Мой взгляд начал фокусироваться.
Это была другая комната. Я различил чей-то силуэт, распластавшийся на полу рядом со мной. Крики и продолжающийся стук становились ближе.

Где мы находились?
Я с трудом подполз к телу.
Он ещё жив?
Я был словно налит свинцом и опьянён.
Тело лежало лицом вниз.
Я дотянулся до него и перевернул, теперь он лежал лицом ко мне.
Но это лицо формировалось и превращалось в другие лица.
Каждое из них накладывалось на следующее в долгой цепочке, возникающей в темноте.

Маладек.

Меррок.

Молекулярная структура одного уступала место другому.

Прокал Дукат...

Толан.

Они то фокусировались, то снова удалялись во тьму.

Я встряхнул головой, пытаюсь остановить поток.

Хебитианская маска.

Моё лицо.

Я схватил моё «лицо» и закричал в него.

Поток остановился.

Молекулы собрались вместе и сформировали посмертную маску Баркана Локара.

Дверь распахнулась, и меня схватили чьи-то руки.

Часть III

- *Мистер Гарак... почему же вас ещё никто не убил?*
- *Благодаря моему врождённому очарованию?*

3.1.

Запись:

Когда я впервые узнал о своём «распределении» на Терок Нор, я посчитал, что Орден и Тейн придумали мне такое наказание, чтобы я не тратил время попусту. Зачем оставлять меня в живых, если я не служу никакой цели? Я считал, что, так или иначе, им нужен свой представитель на этом забытом форпосте. Рудообрабатывающий комплекс Локара стал прибыльным предприятием на самом краю квадранта, привлекающим различных интересующихся по различным причинам. Есть ли лучшее место для использования услуг всё ещё полезного оперативника, хоть и впавшего во временную немилость?

Военные под командованием гала Скрейна Дуката, рассматривали эту станцию как собственную частную вотчину. Но никто не жаловался до тех пор, пока она обрабатывала двадцать тонн уридия ежедневно. Пока сохранялись такие высокие показатели, никто не собирался выяснять, какие «превышения полномочий» допускались военными к рабочим баджорцам.

Очевидно, что такая продуктивность достигалась при использовании труда баджорцев, которые были низвергнуты до уровня рабов. Также мне стало очевидно, когда я, как лунатик без прошлого и без надежд на будущее, следовал за своими сопровождающими, что здешняя среда губила душу. Как раз под стать моему теперешнему состоянию.

Когда мы вошли в кабинет Дуката, он встретил меня неприкрытым презрением.

— Элим Гарак. Какое грандиозное падение. Добро пожаловать на Терок Нор.

— О! Я пытаюсь посетить все наши форпосты, даже самые незначительные, Дукат.

— Это затянется на более долгий срок, чем простое посещение, поверьте мне. Очень скоро вы пожалеете, что вас не казнили, — декламировал он, глядя на меня как на низшую форму жизни, словно расценивая, подойду ли я в качестве добычи.

Его длинная шея и грубые черты (я уверен, что его гребни могли рассечь до самой кости) придавали ему вид хищника, выжидающего подходящий момент, чтобы убить. Этот взгляд развеял мою былую апатию. Я знал, что он винил меня в казни его отца. По мере того, как длилось посещение, я всё чётче ощущал ядовитую смесь его ненависти и разочарования.

Очевидно, ему приказали не трогать меня, и этот запрет только усиливал его хищный голод.

Дукат прервал зрительный контакт и обратился к подчинённому:

— Отведи его к новой жизни.

Он отпустил нас.

Когда подчинённый Дуката вёл меня по замусоренному променаду, где баджорские рабочие и их кардассианские надзиратели разыгрывали свои ежедневные драмы Раба и Хозяина, я размышлял о том, как моя новая жизнь впишется во всё это. Проходя через захламлённое временное жильё, я заметил, что рабочие и надзиратели одинаково поражены моим появлением. Я не мог поверить, что этой станцией управляли кардассианцы.

Мы переступали через кучи мусора и объедков, которые охранники бросали баджорцам со второго уровня променада, пока те ели, сидя на корточках.

Наша расовая политика всегда была жёсткой, но Дукат довёл ее до крайности, опустив рабочих до уровня животных. Это была поистине тёмная сторона Оккупации. Я

двигался сквозь окружавшие меня боль, страдание и отчаяние. Эта атмосфера стала идеальным дополнением к моему внутреннему состоянию.

Наконец мы дошли до мрачной замусоренной мастерской в конце променада. Она была завалена одеждой, униформами, кусками гниющей ткани. Всё было покрыто какой-то тёмной маслянистой дрянью, также как и вся баджорская часть станции.

— Что это? — спросил я.

— Здесь вы будете исполнять своё назначение.

Плохо, когда подхалим перенимает манеру разговора своего начальника, особенно когда начальник этот имеет риторическую грацию монумента из сектора Тарлак.

— И каково моё назначение?

— Это магазин портного, — объявил он.

— Как вы внимательны! — поддел я.

Он воспринял это как комплимент. Тот самый тип, из-за которого за всеми кардассианцами закрепились репутация отсутствия чувства юмора.

— И ты хочешь, чтобы я прибрался здесь, сжёг всё, превратил это место в информационный центр Терок Нор?

— Члены оккупационных сил приносят сюда свою форму для починки.

Парень никак не мог подобрать слова, но я молчал, чтобы не запутать его ещё сильнее.

— На станции нет портного с того самого момента, как предыдущий, баджорец, однажды решил, что больше не хочет латать наши униформы.

— Я уверен, его назначили на более достойную работу, — я всё же не удержался от сарказма.

— Его казнили, — ответил он.

— Продвижение по службе, — пробормотал я. — Типично для этого места.

Я видел, что парню становится всё более и более неудобно в моём присутствии. Как бы он ни пытался, он не мог изобразить презрительную усмешку Дуката. Прирождённый подхалим.

— И теперь я удостоен чести штопать дырявые формы.

Он утвердительно кивнул:

— Вы окажете жизненно важную услугу кардассианским силам Терок Нор.

— Своевременный стежок, да? — улыбнулся я ему.

Уверен, что я выглядел так, как будто был не в себе. Он нервно переминался с ноги на ногу, бормоча что-то о квотах, стандартах и грязных баджорцах. Я продолжал улыбаться и насчитал у себя в голове около дюжины способов того, как я мог бы закончить его жалкую жизнь в одно мгновение. Наконец он неловко вышел из магазина, оставив меня в одиночестве, в грязи и горах тряпок.

Да. Я понял, что это больше, чем просто наказание.

Это унижение.

Я первый кардассианский раб на Терок Нор.

Моя новая жизнь.

Моё предназначение.

Запись:

Кардассианцы всегда всё тщательно продумывают. Нет места импровизации или случайностям. У всего есть своя функция, и каждая функция служит цели, подходящей для того, что префект Бамаррена называл мозаикой государства. Просто рассмотрите архитектуру Терок Нор, например: диагональная угловатость вынуждает обитателей — и рабочих, и надзирателей — переходить к своим следующим обязанностям. Нет острых углов, и уж точно нет замкнутых участков, в которых мысли и энергия уходят на различные раздумья. Всё продумано так, чтобы подсознательно вести и направлять, и сознательный выбор в нашей повседневной жизни сводится к минимуму.

Но изгнание меняет всё это. Тебя можно подсознательно контролировать, только когда у тебя есть мотивация, смысл в существовании.

Портной.

На Терок Нор у Дуката.

Это у Энабрана Тейна такое чувство юмора? Наказание, соответствующее преступлению? Должно быть, он и правда был очень зол на меня, раз не только отказал мне в достоинстве массовой казни, но и захоронил меня на этой смертной станции и сделал меня столь же бесполезным, как это грязное тряпье.

Не поддавайся видимости.

Я потрянул головой, ощущая нарастающее волнение чувств, которые я хотел оставить скрытыми, и вытащил из потайного кармана устройство, которое обыскивавшие меня дураки не нашли. Я не прислушался к предупреждению Миндура Тимота никогда не трогать имплантат и придумал регулировку, позволяющую мне самому активировать механизм. Я стал большим приверженцем обезболивающей силы имплантата, и, стоя в своём новом доме, я чувствовал, как эндорфины несутся по моей нервной системе, проникая в моё физическое тело и распространяясь по нему. Внезапно я оказался вне своего тела, наблюдая за собственными реакциями — и удивился: как же я постарел.

Запись:

Двери открылись, и в лавку вошёл солдат с котомкой. Я углубился во внутренности компьютера, где переключал схемы, чтобы соединить их со стационарным терминалом, и видел только силуэт пришедшего. Работа была тонкая, и я не хотел терять концентрации.

— Положите в угол к остальной форме, — бросил я, не поднимая головы.

Прежде, чем я мог бы среагировать, котомка отправилась мне в голову и впечаталась в щеку. Это был Дукат.

— Что это? — требовательно спросил он, оглядывая лавку и видя груды одежд. — Ты это латаешь или коллекционируешь?

— Я займусь ими, когда моя лавка будет в порядке, — вставая, ответил я.

— И много времени ещё нужно? — спросил он.

— Пока я не получу нужные инструменты, — ответил я.

Дукат ослабился своей убийственной гнусной улыбкой. Он знал, что я буду тянуть время, расчищая магазинчик. Груда одежды, ждущая моего внимания, росла с каждым днём, приходило множество жалоб. Один солдат пришёл и начал грозить, что покалечит меня, услышав, что я не знаю, когда будет готова его униформа. По правде говоря, у меня не было ни опыта, ни желания для начала новой карьеры, и, когда я не спал, я восстанавливал списанный со счетов компьютер, который, видимо, повредила жалкая попытка саботажа со стороны баджорцев.

— Если бы мне нужен был программист, Гарак, я бы назначил вас им. Но мне нужен портной. Видите разницу? — спросил он, перестаравшись с сарказмом. — Начните обслуживание в ближайшие два дня, или станете первым кардассианцем, работающим на переработке руды, — предупредил он. — Уверен, рабочие-баджорцы будут рады вашей компании.

— Да, конечно же, вы завоевали их умы и души своим милосердным руководством, — приветливо заметил я.

— Два дня, Гарак, или ты сами узнаете про всё их умы и души. Боюсь, на Терок Нор садовник мало кому нужен, — с отвращением произнёс он.

Вместо того, чтобы уйти, Дукат подошёл к панели, над которой я работал, и подобрал одну из отсоединённых схем.

— Кто дал вам разрешение на эту работу? — спросил он, рассматривая схему, как будто понимал, на что смотрит.

— Вы.

— Когда? — он поднял брови с таким изяществом, что мне стало ясно — он долго и усердно трудился перед зеркалом над этим результатом.

— Когда назначили меня восстанавливать эту безрадостную лавку. Кроме инструментов мне нужны инструкции и информация. Куда мне пойти? Думаю, мой баджорский предшественник сейчас со своими Пророками.

Дукат фыркнул и бросил схему к моим ногам. Его взгляд был холодным, почти убийственным.

— Ваша жизнь для меня ничего не значит. Как и жизнь моего отца ничего не значила для вас.

— Простите, я был знаком с вашим отцом? — Дукат собрался схватить меня, но тут же остановился.

Я был впечатлён его самоконтролем; я понимал, сколько энергии было направлено в его ненависть.

— Без обид, — продолжал я, испытывая его. — Прокал Дукат, конечно, был известной военной личностью. Мы все оплакивали его кончину. Но у меня никогда не было удовольствия лично...

— Два дня, — повторил он с убийственным нажимом. — Получите, что вам нужно, согласуйте все закупки с моим помощником, Хадаром, и начинайте работать через два дня. Перейдёте грань, и защищать вас никто не будет, — он кивнул. — Вы дойдёте до

этой грани... и там вас буду ждать я, — он развернулся и быстрым шагом покинул магазинчик.

Запись:

С детства меня учили тому, что каждое событие, каждое обстоятельство, каждое действие и противодействие в жизни — это переплетающиеся нити в моей линии судьбы, и что линия судьбы каждого — всего лишь очередная деталь в тщательно сконструированной кардассианской мозаике. Чем больше я пытаюсь в своих нынешних обстоятельствах отрицать прошлое и историю, которая оказала на меня влияние, тем сильнее она мной овладевает. Даже с имплантатом я не могу забыть, что у этой ссылки есть смысл: иначе жизнь на этой станции хуже, чем смерть.

«Молчание, изгнание и изворотливость».

Выражение одного человека, которое побуждало меня к чтению. Писал он слишком детским, на мой вкус, языком, но это выражение всегда было для меня значимым.

Молчание. Изгнание. Изворотливость. В конце концов, нам всем нужно продолжать свою работу как можем и при любых обстоятельствах. Если латание одеяний наших военных оккупантов было той работой, что требовалась для моего выживания в это время и в этом месте, то с моей стороны было бы не очень уж хитро от неё отказаться. Нет, я решил, что не принесу себя в жертву жажде мести Дуката. Я буду исполнять эту работу, и буду исполнять её настолько хорошо, что стану незаменим для станции... и я выживу. Я отказался быть похороненным заживо в этом унижении.

Впервые с прибытия на Терок Нор я почувствовал энергию, желание принять этот вызов, и я начал выстраивать план действий. Когда компьютер снова заработал, я получил всю необходимую информацию и консультации, но у меня по-прежнему не было современных инструментов. Я быстро выяснил, что только одна личность на станции могла мне помочь добыть то, что мне нужно: ференги и хозяин бара, некий мистер Кварк.

Заведение Кварка я счёл шумным и скучным, заполненным народом, ищущим быстрого решения проблем и простых ответов. И вот он я, ищу свой короткий путь. Я точно пришёл не ради приятной беседы.

— Я ищу мистера Кварка, — сообщил я бармену-ференги.

— А кто его спрашивает? — подозрительно спросил он.

Оказалось, что это и был сам Кварк. Когда я сделал своё предложение, скупость его неморгающих глаз и металлическая резкость в голосе вызвали во мне какое-то беспокойство. Но, углубившись в детали переговоров, я обнаружил, что он был весьма рационален. В вопросе своих приоритетов у Кварка не было притворства, и горе тому, кто вступит с ним в переговоры и не будет настороже. И тому, кто не переварит напиток, который Кварк щедро наливает во время торгов. Но он доставил необходимое, Хадар оплатил, и вскоре у меня были инструменты для своей новой карьеры.

Запись:

Я горжусь тем, что быстро учусь, но даже я был доволен прогрессом, который делал в портновском ремесле. И правда, я могу использовать многие качества, приобретённые мною в Обсидиановом Ордене: терпение, точность, умение рассчитать, как каждая часть вписывается в общую схему. Наверное, я должен быть благодарен Энабрану за то, что он не отправил меня на переработку руды.

Но самым лучшим — тем, что вначале почти сводило меня с ума — было одиночество, тишина, в которой я работал. Хотя я и старался изо всех сил вычеркнуть из своего прошлого всех и вся, я не мог не вспоминать той первичной радости, которую чувствовал в мекарской пустоши. Потому что именно в этой тишине, в то время, как я резал, шил и отмерял, я учился слушать. Не чью-то болтовню, и уж точно не фантазии, которые компилирует моя память, когда я пытаюсь переписать историю. Я слушал те голоса внутри себя, что были скрыты глубже.

Что, к примеру, есть боль, как не ещё один голос, к которому нужно прислушиваться?

Не отождествляй себя с ним.

Держи дистанцию.

Но слушай! Есть информация, которая может помочь мне найти недостающую деталь от любой мозаики, которая может спасти меня от этого кошмара наяву. Потому что в тишине, слушая эти голоса, я учусь переосмыслить себя.

Мои портновские навыки становятся всё лучше, и всё чаще моё одиночество прерывают те, кто швыряет мне свою одежду с таким видом, будто её несовершенство — моя вина. Дукат разнёс молву о том, что я портной в изгнании, и я стал приёмником любой неприязни, оказывающейся в моей лавке.

Но я молчу. Это всего лишь очередные голоса, которые пользуются моим вниманием. Я беру их одежду и безупречно зашиваю. Когда кто-то жалуется, что цена слишком высока (я не стану недооценивать свою работу лишь потому, что ко мне относятся, как к рабу), я просто улыбаюсь — той улыбкой, которой она научила меня. Это успокаивает их, а я тем временем вижу их души насквозь.

О, так или иначе, они платят.

Когда Кварк узнал, сколько я беру за простую подгонку по фигуре, он спросил, как мне это сходит с рук. Я заверил его, что не понимаю, что он имеет в виду... и улыбнулся, пока он наливал новый стакан канара.

Но тишина, в которой я переосмысливаю себя (от начала и до конца, если угодно), непростая. Для того, кто ценит искусство беседы так, как ценю его я, устроить новую жизнь, основанную на силе тишины, требует такой хитрости, о какой я и не мечтал. Но это мой единственный шанс заново собрать мозаику. И я сижу здесь день за днём, работаю, наблюдаю и слушаю... веря в то, что рано или поздно вся информация, нужная для возвращения домой, придёт ко мне.

3.2.

Мы живём в вечных сумерках, доктор. Пылевые облака, поднятые порывами ветра, создаваемыми детонацией по всей планете, объединились и создали сплошную завесу в атмосферном слое. Какое-то время казалось, что в облаках над городом покажется чистое небо, и они разойдутся, но это были лишь временные просветы, которые вскоре заполняли более тяжёлые и плотные после своих путешествий тучи. Теперь у нас серо как на Ромуле, но нет той смягчающей пышности.

Теперь, когда улицы были расчищены, я возобновил свои новые прогулки.

Как раз вовремя, мог бы сказать я.

В последнее время мои сны всё больше беспокоят меня, и я озадачен: насколько сильно это связано с тем, что гал Модред назвал некрополем? И то приглашение Модреда на следующую его встречу, встречу с его коллегами... и моим старым однокурсником.

Он ли это?

После моего изгнания что Пифас, что Паландин пропали из поля зрения. Не важно, как усердно я пытался их искать; пребывая на Глубоком Космосе 9, я не получил информации. Либо мои попытки безжалостно пресекались, либо мне говорили, что они пали жертвами междоусобицы во время оккупации Доминионом. И теперь мне было сильно не по себе от мысли, что они выжили. Я отчасти хотел похоронить тот отрезок моей жизни. Очевидно, защита, возведённая, чтобы пережить изгнание, до сих пор цела.

Я частенько разделяю свои прогулки с доктором Пармаком. Он прелестный собеседник с первоклассным умом. Его взгляды всегда провокационны. Однако у него есть склонность протелезировать Алону Гемора и «Проект Воссоединение» (так они назвали свою группу, чтобы напомнить людям о принципах, сформировавших первичный Союз). Всякий раз, встречая других прохожих на нашем маршруте, Пармак цепляется к ним, пытаясь перетянуть их на сторону Воссоединения. Часто это приводит к оживлённым дискуссиям, и, хотя я и субъективен к мнениям тех, кому бы не помешал новый мозг, чаще всего я наслаждаюсь их перипатетическими политическими перепалками. Это то, чего бы я сам никогда бы не сделал. В некотором отношении он очень похож на вас, доктор. И если бы я нашёл чьё-то мнение невероятно скучным, он бы любезно, но сурово прочитал бы лекцию о ценности терпимости.

— «Воссоединению» интересны все точки зрения, Элим.

— Значит, мы можем ляпнуть любую глупость?

— В подтексте, друг мой. Должен быть политический подтекст, чтобы одно мнение не стояло выше других, затыкая оставшиеся, — терпеливо объяснил он.

— «Проект Анархия» было бы более подходящим именем для вашей группы, доктор, — ответил я.

«О, дорогой мой Элим», — его любимое выражение, обычно произносимое со вздохом и печальным покачиванием головы. Но я слушаю его, потому что его полный оптимизма голос ободряет в нынешних пыли и опустошении.

Однажды я спросил его, чем он привлёк внимание Энабрана Тейна. Я никогда не видел в Пармаке опасного радикала. Оказалось, он был личным врачом Тейна, и этот великий человек его допрашивал, потому что, как предположил сам доктор, «он был обеспокоен тем, что я находился в идеальном положении, чтобы его убить».

— Я думаю, его больше тревожил тот факт, что ты был хорошо знаком с его слабостями, — предположил я.

— Ну, конечно, с его физической немощью, — подтвердил он.

— Что тоже является личностной слабостью, — напомнил я.

— Паранойя, тайны, вся его власть... — доктор покачал головой. — Должно быть, было непросто работать с таким трудным человеком.

Я улыбнулся такому заниженному такту.

— Однажды он пытался меня убить, — сообщил я.

— Правда? Что ты сделал, Элим?

— Я выжил.

Доктор одарил меня озадаченным взглядом.

— Выжил... в смысле? — удивился он.

— В работе со своим отцом, — ответил я.

Доктор остановился и уставился на меня. Его давний страх перед моим взглядом давно прошёл.

— Отец, который убил бы своего сына? — эта мысль ужаснула его.

Мы находились в секторе Барвонок, где когда-то доминировали высокие структуры бизнеса и финансов.

— О, дорогой мой Элим, — на сей раз он произнёс это с сочувствием, лишившим меня каких-либо иллюзий, которые были у меня об Энабране Тейне как об отце.

Окружённый руинами, подавленный низким свинцовым небом, я наконец-то начал сдаваться одиночеству и потерям, которые преследовали мои мечты, сколько я себя помню. Лучше ничего, чем те идеи, что привели нас сюда.

— Возможно, я смогу помочь вашему проекту, доктор.

Сколько бы я не пытался отрицать этого, для меня оно было очередным «заданием». Подобная ирония удивила бы Тейна.

3.3.

Запись:

Моя жизнь обрела ритм и обыденность, которых я никак не ожидал от своей ссылки на Терок Нор. Стоило мне принять решение активно заняться своим новым ремеслом и закупиться нужными инструментами, как я проработал весь день и добрую часть ночи. Быть единственным портным на станции значило, что не было швейной конкуренции и необходимости что-то менять. Стоило мне набить руку, и я понял, что если не изменюсь сам, то вскоре задохнусь в монотонных циклах одних и тех же действий.

И тогда я вновь навестил Кварка с предложением: я с радостью сошью ему новый наряд, если он станет рассказывать, что модельером был я. Он встретил моё предложение дополнением — если бы я ещё смоделировал и пошил одежду для его официантов, он бы удостоверился, чтобы все нуждающиеся в одежде на станции отправлялись бы напрямик ко мне. Я пояснил, что такой масштабный проект не оставил бы мне времени на ремонтные работы, которыми я занимался.

Мы пришли к компромиссу: я согласился пошить костюмы для него и его брата — Рома.

Позже я узнал от Рома, что Кварк предъявил ему счёт за наряд. Когда я выразил возмущение, Ром заверил меня, что уплаченная цена была достаточно разумной.

Также Кварк уговорил меня, что за каждого клиента, пришедшего в мой магазин по его рекомендации, я буду платить ему процент от оговорённой цены.

Он был верен своему слову, и с его помощью у меня стала собираться клиентура.

Запись:

Однажды в магазин вошла земная женщина. Она была состоятельной. Оказалось, что она была членом переговорной команды от лица Федерации, которая работала над деталями передачи власти Терок Нор из-под контроля Кардассии в ведомство совместной администрации Баджора и Федерации. Грузовой контейнер с её униформой был утерян или украден в пути, а первая сессия переговоров должна была начаться на следующий день.

Вот она, возможность.

Мало того, что эти переговоры были мне очень любопытны по личным причинам, но я и мог узнать полезную информацию, которую мог бы передать домой заинтересованным лицам.

Я успокоил её чашкой чая и заверениями, что беспокоиться не о чём. Мы обсудили тип униформы, различные детали, и, когда она была готова, я снял мерку. Разумеется, она в вашей располагающей буквальной манере, в которой люди оценивают других, предположила, что портной — всего лишь портной и никем другим быть не может. Следовательно, она дала мне куда больше, чем требовало снятие мерки. Честно сказать, женщина больше прикрывалась и стеснялась за своё тело, чем за жизненно важную информацию.

И почему Федерация не готовит своих людей лучше, мне до сих пор не понять.

Полагаю, дело в высокомерной вере в то, что нет никого достаточно умного, чтобы их превзойти.

В любом случае, это была возможность.

Молчание, изгнание и изворотливость.

Запись:

— Я передам эту информацию, — сообщил безымянный контакт после того, как получил мой отчёт.

— Я надеюсь, вы найдёте его полезным...

Он отключился ещё до того, как я закончил.

Я зашифровал сигнал, чтобы вдвойне убедиться, что передачу не перехватят.

Я ожидал, что Энтек использует подчинённого для получения моих предложений. И не ожидал взамен никаких обещаний или «новостей из дома». У них должен был быть на станции кто-то из Ордена, контролирующий встречи, но, очевидно, моя информация была более интересной, чем то, что собирали они.

Я задался вопросом, свяжутся ли они со мной?

Однако тем временем я был настроен давить своим уникальным преимуществом, чтобы сохранить их заинтересованность.

Также я решил не переоценивать информацию и не поздравлять себя преждевременно. Я должен был убедиться, что меня не используют.

Женщина была очаровательной и умной собеседницей и давала то, чего мне явственно не хватало с тех пор, как меня сослали на этого парящего паука. Она призналась, что никогда не встречала никого, кто бы так внимательно слушал её, как я.

Я бы отверг это как грубую лесть, за исключением того, что она реагировала на моё молчание, как если бы это были слова. Иногда мне казалось, что она читает мои мысли.

Ещё больше причин для осторожности.

Либо она опытный оперативник, у которого достаточно информации обо мне, чтобы вести гениальную стратегию... Либо — одинокая женщина, которой хочется поговорить с тем, кто её выслушает.

И если это второе, то почему у такой привлекательной персоны, даже по меркам людей, до сих пор нет пары или доверенного лица?

Осторожнее, Элим. Ты прекрасно знаешь, что самый верный путь к твоему сердцу лежит через беседу.

Запись:

За последние несколько суток мы встречались каждый день под предлогом обеспечить её новым гардеробом. Кварк будет крайне рад своей комиссии.

Мы притворяемся, что проводим время вместе по необходимости. Я знаю, почему притворяюсь я, но что до неё...

Вчера я едва не совершил глупую ошибку. Её персональные наброски переговоров с Кардассией (большинство из которых мне было известно) были прекрасны, но, когда она упомянула, что один тип делает ей определённые сексуальные намёки, то я резко выпалил:

— Вероятно, это гал Дукат.

Она была удивлена скоростью моего ответа.

Откуда мне знать?

Я сказал ей, что его поведение в вопросах такого рода печально известно.

Оно так и было.

Властное обращение, которым он склонял баджорских рабынь к сексуальным контактам, вызывало отвращение.

Когда она спросила, почему я отношусь к его действиям со столь явным неодобрением, я, тщательно подбирая каждое слово, объяснил, что на Кардассии мы ценим целостность семьи, и состоящие в браке мужчины придерживаются определённых стандартов. Конечно, я понимал иронию своих текущих обстоятельств, объясняя ей кардассианскую сексуальную мораль.

Приняв мои объяснения, она впала в раздумье и, казалось, опечалилась.

И на этом моменте мне пришлось завершить нашу сессию.

После её ухода я осознал, что мне всё труднее соблюдать моё профессиональное молчание. Я тоже был исполнен печалью... и необъяснимым желанием поделиться чувствами, которые были глубоко скрыты с момента моего изгнания. Её открытость эксплуатировала меня, но также и побуждала раскрыть боль и горечь моих нынешних обстоятельств.

Запись:

— Всё, что я могу вам сказать, что власти довольны вашими данными, — сообщил мне официальный молодой контакт.

Должен признать, что меня восхищало, как его лицо ничего не выражало касательно моего теперешнего статуса. Позволят ли мне или нет присоединиться к грядущему отступлению кардассианцев с Терок Нор?

— Я ценю вашу помощь, но если бы вы могли передать сообщение Пифасу...

И связь со мной снова беспардонно прервалась.

Я в отчаянии ударил по консоли. Как он посмел обращаться со мной, как с обыкновенным связным?! Этот ребёнок!

Я налил канара в стакан. Я не мог позволить скомпрометировать то шаткое равновесие, которое я установил при текущих обстоятельствах. Было слишком легко вернуться в бездну отчаяния.

И тогда я решил. Я должен был получить ответ на свой вопрос, а это значило использовать прибережённый ресурс.

Я ввёл в компьютер длинный код.

Я ждал.

Когда я прочёл ответ, то всё получилось так, как я и ожидал: созданные мной персональные коды редко использовались ещё тогда, когда я был в Ордене. Я перенастроился и ввёл другой код.

И опять принялся ждать. Ответ сообщил мне, что нет опасности перехвата.

И тогда я ввёл последний код.

И ждал, надеясь, что Пифас будет доступен.

Появилось лицо, но это оказался Корбин Энтек.

— Гарак!

Что Энтек делает в офисе Пифаса? За его столом?

— Где Пифас? — спросил я, ощущая, как упало моё сердце.

— Как ты?.. — соединение прервалось, не дав ему договорить.

Его недоумение дало понять, что контакт со мной был последним, чего он ожидал.

Я немедленно перенаправил передачу, чтобы замаскировать свой код, но у них были другие способы сохранить свою добропорядочность.

«Где Пифас?» — повторял я про себя.

Неужели Энтек занял его место главы Ордена?

Неужели моя единственная ниточка оборвалась?

Я должен был сконцентрироваться на дыхании и восстановить моё шаткое равновесие в данных обстоятельствах и разобраться с обширным, как туманность Корллиона, отчаянием.

Запись:

Во время сегодняшней примерки мою клиентку прорвало. Это было необыкновенно. Она призналась, что ей только что сообщили о смерти её отца. Выплёскивая своё горе, она заявила, что разошлась со своим мужем незадолго до начала переговоров. Очевидно, он был гулящим, с самого начала предавшим её доверие, и она годами отрицала эту правду своих отношений.

Я находился в замешательстве.

Такой фонтан эмоций...

Я предложил ей стакан канара, и, к моему удивлению, она приняла его... и ещё несколько.

Из чистой любезности, конечно, я составил ей компанию.

Я не очень хорошо отношусь к эмоциональному обмену, которому регулярно поддаются люди, и меня мало волнуют те, кто смешивает свои семейные обязательства с обязательствами пред государством, но должен признать: меня глубоко тронуло положение этой женщины. Вот она, офицер высокого звания в иерархии Федерации, политически проницательная женщина, способная к беседе на любую тему, раскрывает интимные детали своей жизни мне, её «портному».

В какой-то момент она взглянула на меня и попросила обнять её. И я обнял.

Когда я осторожно обхватил её своими руками, я так боялся её потребности, что старался соблюдать дистанцию. Но ей было не до этого. Она упала мне на грудь, сотрясавшие её тело рыдания вызвали во мне отклик. Я прикусил язык до тех пор, пока не ощутил вкус крови, чтобы не сдаться. На моё счастье, дверь на променад была закрыта.

В конце концов, самообладание вернулось к ней.

Она извинилась, смущённая своим поведением. Я уверил её, что в извинениях нет нужды, предложил закончить с делами на сегодня и встретиться завтра. Она согласилась и ушла.

Я не доложил об этой встрече своему контакту. Я просто стоял посреди магазина, статичный и безмолвный, как один из манекенов с витрины.

Главной мыслью было нетерпеливое ожидание следующей встречи. На столе стояла недопитая бутылка канара, и я решил покончить с ней.

О да, вздохнул я, увлёкся субъектом своего расследования. Нарушение кардинального правила.

Я засмеялся.

Энабран был бы крайне разочарован. И он считал сентиментальным меня раньше...

Бутылка опустела, но эта женщина всё не покидала мои мысли.

Запись:

Сегодня она не пришла на примерку.

Вместо неё в мой магазин вошли двое следователей от Федерации, человек и вулканец, и принялись задавать вопросы о ней.

Невысокий человек с лицом голодной крысы был излишне подозрителен, почти оскорбителен, в то время как вулканец вёл себя с такой формальностью, какая, уверен, была прописана в правилах, регулирующих расследования в Федерации.

По их неуклюжему подходу я быстро понял, что им ничего неизвестно.

Их неопытные вопросы сообщили мне, что они расследуют недавно обнаруженную брешь в вопросе безопасности переговоров. Из-за моего общения с ней они заподозрили меня как источник этой бреши. Когда они спросили, почему мы так часто встречаемся и о чём говорим, я убедил их, что я всего лишь простой портной и все наши разговоры касаются исключительно текущей работы, ничего более. Когда я заметил, что их форма выглядит не очень презентабельно, они лишь фыркнули в ответ, обвинили меня в отсутствии вкуса и покинули лавку.

Они даже не догадывались.

Где этих людей учат ремеслу? В голо-программах?

Однако я беспокоился за неё. Вероятно, следователи проверяли всех членов переговорной команды Федерации, но меня волновало, не предал ли её испытанный ею стресс?

Я ждал до полудня и, когда она так и не пришла, закрыл магазин и направился к Кварку, чтобы узнать последние новости.

Если у меня нет дел, я редко захожу к Кварку. У меня слабая терпимость к шуму и тупости. Поэтому, увидев меня, он предположил, что я пришёл с новым предложением, и я заметил, что он перешёл в деловой режим. В конце концов, он получил кругленькую сумму от моего магазина. Я отказался от предложенного им канара, попросив вместо него чай из красных листьев.

Это его насторожило, он не понимал, чего я хотел, и это пробудило свойственную для ференги подозрительность.

Пока я рассуждал, как лучше обратиться к его информационному банку, в бар вошли те же двое следователей от Федерации и попросили Кварка о беседе. Я притворился, что никогда не видел их раньше, и уверен, что они приняли меня за какого-то другого кардассианца. Для людей мы все на одно лицо.

Они приблизились к Кварку, и я заметил, как он изначально принял оборонительную позицию. Вызванное мною подозрение теперь было обращено к следователям. Уверен, он предположил, что одно из его «развлечений» нарушало какой-нибудь закон Федерации. Но стоило следователям уйти, он сразу же успокоился и вернулся к месту, где сидел я. Я мог и не открывать рта, он жаждал поделиться услышанным.

— Один из переговорщиков от Федерации — шпион! — он драматично сверкнул глазами.

— Вот как?

— Да, я пару дней назад слышал нечто подобное от... источника, — прошептал он, косясь по сторонам. — Похоже, что порядок переговоров просачивается к кардассианцам, все взволнованы, — глаза Кварка не скрывали беспокойства, разделяемого всеми обитателями станции.

Эти переговоры определяют их будущее.

Моё будущее.

— Я поражён. Есть предположения, кто это? — спросил я.

Кварк склонился над стойкой в своей располагающей мелодраматической манере.

— Мой... источник говорит, что у них есть подозрения, но, прежде чем делать свой ход, они хотят раскрыть все контакты подозреваемого.

— Контакты... хотите сказать?... — я изобразил крайнюю озадаченность.

— Все, кто получают и передают информацию, — объяснил он мне, как ребёнку.

— Определённо, вы правы, — ответил я.

Кварк вытаращился на меня. Я уж было подумал, что он собрался использовать меня в своей наименее пристойной голо-программе.

— Что вы слышали? — его лицо оказалось прямо перед моим.

Любое взаимодействие с Кварком всегда было обменом «ты — мне, я — тебе».

— В моём-то магазине? — я допил чай. — Мой дорогой Кварк, всё, что я слышу — шум шагов, доносящийся с променада, — улыбнувшись, я кивнул и направился к двери.

— Очень поэтично! — проорал он мне вслед.

Я боялся, что Кварк в той же мере разочарован моим ответом, сколь я был обеспокоен полученной от него информацией.

Запись:

Я не спал вторую ночь подряд.

С утра по дороге в магазин я отовсюду ощущал сильную напряжённость. Было ли это только со мной, или же весь променад находился во взволнованном, если не сказать взбудораженном, состоянии? Он так и кишел людьми и существами самых разных видов.

Возле реплимата я задумался, не заскочить ли туда перекусить тем, что они предлагали. Однако же мой любимый столик, идеально расположенный напротив шлюза стыковочного кольца, пустовал, и я решил побаловать себя и заказал иданийский пряный пудинг.

Мне нравилось сидеть здесь, наблюдать за прибывающими на станцию и отправляющимися с неё. Это весьма расслабляло... и иногда было весьма полезно, когда появляются те, чьё местонахождение является ценной информацией.

Не успел я устроиться на месте со своим пудингом, как услышал явное возмущение с середины променада. Там стояло такое же столпотворение, и я не мог определить, что послужило источником волнения.

Я съел кусочек пудинга и обернулся к источнику шума: она была там.

Пудинг сразу же потерял весь свой вкус.

Толпа мгновенно разделила её с эскортом, двумя следователями и констеблем Одо, и она просто стояла там.

От обращённого ко мне взгляда моя кровь застыла.

Никакой ярости, никакого упрёка... даже ни капли разочарования. Расслабленное, омрачённое печалью выражение лица — впервые я заметил его, когда мы обсуждали гала Дуката и вопросы морали кардассианских мужчин.

Первой моей мыслью было то, что она должна быть искусным переговорщиком. А второй — что она собиралась разоблачить свой «контакт».

Но она лишь продолжила смотреть на меня своими умными серыми глазами, словно моя кожа была прозрачной, и она могла видеть всю мою душу насквозь.

Следователи схватили её, и она отвернулась от меня, Одо повёл их к шлюзу.

Я обнаружил, что перестал дышать.

Я отставил свой пудинг, заглянул к Кварку за бутылкой канара и направился в свои апартаменты.

Я выпил полбутылки, прежде чем опять смог дышать, и только когда она опустела, я наконец-то задал себе вопрос:

Почему она не предала меня так же, как я предал её?

3.4.

Глубокая печаль, какой давно не испытывал, вспыхнула вновь, когда я брёл по сектору Коранум на встречу с Модредом и группой, которую он назвал Директоратом. Месть Доминиона не пощадила ни одно из этих старых величественных зданий. Возможно, доктор, здесь случилось жестокое правосудие, ведь именно эти семьи с самого начала поддерживали альянс с Доминионом. Но если что и могло ознаменовать конец той Кардассии, какой мы её помним, и символизировало разделённое и обнажённое состояние нашей цивилизации, то это опустошённость первого поселения, «места рождения» Союза.

Печаль ощущалась особенно сильно, когда я брёл через сады Коранума. Вся растительность сгинула в огненной буре, и любые признаки защищённости и цветения обратились в прах.

Я ускорил шаг.

Стоя перед разрушенным зданием, я пытался понять, где находится вход в подвал, описанный Модредом. Судя по количеству одних только разобранных обломков, дом был внушительных размеров. Наконец я пробрался к задней части фундамента первого этажа и нашёл вход, который был сразу и дверью, и входом в подвал.

Тьма поглотила меня, пока я осторожно спускался по лестнице во временную прихожую. Тотчас дверь открылась, в проёме показался Модред.

— О, прекрасно. Я беспокоился, что вы не придёте, — с долей раздражения бросил он.

Я осознал, что затерялся в своих мыслях, когда шёл через сектор. В некотором смысле, доктор, мой новый мир существовал вне времени, особенно при отсутствии моих старых привычек и ориентиров.

— Я хотел убедиться, что за мной не следят, — соврал я.

На прошлой встрече, когда я предложил предоставить полезные сведения о «Проекте Воссоединение», Модред предупреждал, чтобы я соблюдал полнейшую секретность по поводу самой встречи и её места проведения.

— Вы кого-нибудь заметили? — озабоченно спросил он.

— Нет, — ответил я.

На самом деле за мной могла следовать целая армия, а я бы и не заметил. Боюсь, доктор, окружение стало меня заботить столь же мало, сколько и время.

Модред вёл меня по короткому коридору, который когда-то явно был длиннее, но в связи с нынешними жизненными обстоятельствами его урезали.

— Это ваш дом? — поинтересовался я, следуя за ним.

— То, что от него осталось, — ответил он.

Модред открыл дверь, и мы вошли в большое помещение, слабо освещённое парой аварийных ламп. Городу приходилось жить с постоянными проблемами в энергообеспечении, поскольку линии питания постоянно перенастраивались.

По мере того, как мои глаза привыкали к освещению, я смог различить силуэты семерых, сидящих за столом в центре комнаты. Большинство казались знакомыми, и я был удивлён тому, что увидел их здесь. Однако один из присутствующих меня поразил. Двоих я не знал. И моего «приятеля из академии» здесь не было.

— Это — Элим Гарак, некоторые из вас с ним знакомы, — представил меня Модред.

Он предложил мне стул и занял своё место справа от меня.

— Элим Гарак, — повторил сидящий слева от меня. — Насколько полезны ваши портняжные навыки в наши дни? — спросил он.

Это был гал Хадар, он служил помощником Дуката на Терок Нор, слабохарактерный исполнитель, воплощавший всё худшее, что сопровождало оккупацию.

— В нынешних обстоятельствах, Хадар, они приходятся весьма кстати, — ответил я.

Он кивнул, со свойственным ему недоверием изучая меня. Он происходил из одной из старейших семей.

— Интересно, зачем Модред пригласил вас на встречу? — он обернулся к остальным. — Скрейн Дукат утверждал, что Гарак является опасным изменником, ответственным за смерть его отца и Баркана Локара. Нам действительно нужен этот портной?

— Скрейн Дукат сам оказался изменником, — сказал сидящий напротив меня.

Это был гал Ивек, тупой и неулыбчивый солдат, которого я считал погибшим в преследованиях Маки в Пустошах.

— Думаю, мы можем уверенно сказать, что любой, кто был его врагом, имеет право присутствовать здесь. Особенно тот, кто сражался с Дамаром, — он сурово уставился на меня, и я решил не отказываться от его поддержки.

Я услышал разочарованный вздох Хадара и понял, что «Директорат» был далёк от единения.

— Вопрос не в Дукате, а в будущем Союза! — заявил сидящий рядом с Ивеком.

Это был легат Парн. Его взгляд бросал вызов всем присутствующим, что выдавало в нём лидера среди собравшихся. Парн управлял кардассианскими колониями в демилитаризованной зоне после подписания договора с Федерацией; договора, который он с Ивеком считали началом конца после подписания его Кардассией. Они откровенно считали, что сотрудничество с Федерацией окончательно поставило под угрозу нашу решительность.

— Мёртвые — мертвы. Оставшиеся, которые верят в идеалы, ведущие нас тысячелетиями, столкнулись с угрозой полнейшего уничтожения тем самым недугом, который собрал нас в этом прискорбном месте. Идеи Федерации закончат начатое Доминионом, — он опять провоцировал нас.

Я проследил за его взглядом. С другой стороны от Модреда сидела Нал Деджар, волевая женщина с острыми чертами лица, которая была членом последней моей ячейки в Ордене. Однажды она прибыла на Глубокий Космос 9 в качестве сопровождения двух учёных, но не стала со мной связываться. Судя по тому, как она избегала визуального контакта, она и до сих пор не желала общаться. Рядом с ней сидел кто-то с сильно обезображенным лицом; скорее всего, это были свежие ожоги. Один его глаз был полностью скрыт повязкой, и я постарался не показаться бестактным, изучая его. Он и привлекательная женщина, сидевшая по другую сторону от Ивека, были единственными из присутствующих, кто не выглядел знакомым.

И внезапно — Корбат Мондриг, сидевший между женщиной и Хадаром. Учитывая, что Модред считал его всего лишь демагогом, привлекающим внимание класса obsługi старыми обидами и спорной риторикой, я заинтересовался, как группа собирается использовать Мондрига.

— Давайте уясним, что нас объединяет, — провозгласил Парн. — У нас есть свои разногласия. У нас даже были проблемы в прошлом, — произнёс он, уставившись на меня. — Но мы им не позволим встать на пути к нашей общей цели.

— Которая?.. — уточнил я, отвечая взаимным пристальным взглядом.

— Сокрушить любые попытки любых объединений, пытающихся навязать идеалы Федерации, пока мы перестраиваем наше общество, — ответил он.

— Возвращаем его к тому, что было до нашего обречения себя подписью этого договора, — добавил Ивек.

— И, полагаю, поэтому вы и присоединились к нам сегодня, Гарак, — Парн так и не отводил от меня своего взгляда.

— Если позволите, — заговорила женщина, сидевшая рядом с Ивеком.

Я был благодарен ей за вмешательство. Мне нужно было больше времени, чтобы сориентироваться.

Она спросила разрешение у Модреда; видимо, здесь за порядком следил он.

— Конечно, гал Осэтт, — ответил он.

Значит, это Малин Осэтт, понял я. Единственный выживший лидер сопротивления после предательства гала Ревока. Её отвага и изобретательная тактика не только вдохновили её последователей, но также привели её на военную службу после резни в Лакариан-сити, в ходе которой наши солдаты отвернулись от Доминиона в решающий момент.

— Я разделяю обеспокоенность легата Парна в том, что Федерация хочет нас «поглотить», — произнесла она. — Всем нам известно, что их стратегии никогда не были военными, лишь политическими. Сейчас мы ослаблены, уязвимы. Федерация признаёт, что нынешняя дислокация — подходящий момент отравить нас своими демократическими идеями, потому что есть такие личности, как Натима Ланг и Алон Гемор, которые с радостью понесут их идеи в массы.

Натима Ланг, давняя любовь Кварка, вернулась на Кардассию вместе с другими политическими оппортунистами.

— Сейчас мы ранены и уязвимы и, если не будем осторожны, то можем заполучить такой политический строй, который не только опустит нас до гегемонии Федерации, но и уничтожит нашу исключительность.

Гал Осэтт была убедительна, её негромкий голос говорил рациональные вещи. Вот ведь ирония, доктор, она применяла тот же самый аргумент, что я адресовал вам множество раз. Даже сейчас я был частично согласен логичностью её аргумента, особенно когда он исходил от того, кто не был ни дураком, ни оппортунистом.

Гал Модред увидел возможность вмешаться.

— Я считаю, самое время позволить Корбату Мондригу высказаться и объяснить, какую стратегию мы задумали, — он кивнул хлипкому Мондригу, который весь превратился в слух.

— Благодарю, — Мондриг изобразил улыбку, которую не разделяли его близко посаженные глазки. — Если, конечно, остальные не желают выразить свои взгляды, — любезно предложил он.

Единственные, кто ещё не высказался, были Нал Деджар и обезображенный. Из-за её тренированного самообладания и малоподвижного лица Деджар было трудно прочесть. В её глазах не промелькнуло ни искорки узнавания, когда она увидела меня. А лицо мужчины было настолько изуродовано, а тело неподвижно, что его словно здесь и не было. Они оба хранили молчание.

Мондриг кивнул.

— Для меня честь находится с теми, кого я считаю героями Империи, — изрёк он.

— С тем, что от них осталось, — пробормотал Ивек.

Хадар снова вздохнул, и Ивек одарил его тяжёлым взглядом, но промолчал.

— Да, к сожалению, как сказала гал Осэтт, мы тяжело ранены, — Мондриг говорил с почтением, практически подобострастием, но я не доверял подобной манере.

И вот он взглянул на меня:

— И, должен признать, присутствие этого господина меня поражает. Простите меня, — он кивнул в мою сторону, — но в моём секторе Палдар его связывают с Гемором и Пармаком. Если я не ошибаюсь, вы даже проводили собрания проекта «Единения» на вашем... мемориале? — это звучало как вопрос, но его намерения были очевидны.

И теперь внимание остальных переключилось на меня.

— «Проект Воссоединение», — поправил я.

— Да, конечно, — он принял поправку.

— Ути-пути, — не удержался от комментария Хадар.

— Да, я предоставил место для собрания, — признал я.

— Зачем? — поинтересовался Хадар.

— Я восхищён доктором Пармаком. Я работал с ним в медицинском отряде, и когда он спросил, может ли он использовать мой дом для встречи, я дал согласие.

— Зачем? — повторил Хадар с довольным видом опытного дознавателя.

— Потому что я хотел услышать его точку зрения, — ответил я.

— Сколько лет вы прожили на форпосте Федерации? — с нажимом спросил он.

— А ещё я ходил в одно учебное заведение с Алоном Гемором и всегда считал его верным своему долгу.

— Семья предателей! — выпалил Хадар, глядя на собравшихся, словно он нашёл уязвимые места в моём характере.

Я просто улыбался ему, искренне удивляясь его дилетантскими попытками дискредитировать меня. Мои ответы озадачивали меня не меньше. Я собирался играть роль двойного агента, а теперь обнаружил, что на протяжении встречи у меня не хватало энергии для уловок и смены направления.

— Что вы скажете, Гарак? — закинул удочку Парн.

Я улыбнулся ему. Всё, что они делали, было настолько на виду. настолько предсказуемо.

Каждый сектор планировал выборы лидера. И совет сформировали бы из «избранных» лидеров от каждого сектора, который вёл бы дела города и, наиболее вероятно, реорганизовал союз. Общественное настроение по отношению к этому демократичному процессу было слишком сильным, чтобы ему противостоять, особенно когда больше не было армии, чтобы противостоять инакомыслящим. Директорат не станет выступать против голосования, но они могут его обойти, поддерживая своего кандидата на каждых выборах, тем самым создав такой совет, который станет инструментом их воли.

— Что вы нам скажете? — с нажимом повторил Парн.

И тут, доктор, меня охватило странное чувство.

Я смотрел на лица собравшихся. Вот мы, подумал я, сидим в подвале разрушенной цивилизации и ведём дела, словно ничего существенно и не изменилось. Враги всё прежние, «где-то там», замышляют «уничтожить нашу исключительность» и колонизировать нас, установив свой политический строй. И мы сидим в подвале со своими собственными заговорами и непрочными союзами, цепко хватаясь за те самые идеи, что привели нас сюда.

Но какие идеи, доктор? Ничего не осталось. Лишь мечты о власти. Эти лица с их масками. За ироничным исключением обезображенного лица, маски не изменились. Они отражают обычный диапазон скрытых целей, и каждая маска ведёт борьбу за доминирование и господство с энергией, соизмеримой с количеством страха и отвращения к самому себе, что подпитывает и мотивирует персону.

Я расхохотался.

— И чем вас позабавил мой вопрос, Гарак? — поинтересовался Парн, его маска не могла скрыть гнева и жажды власти, которая подпитывала его цель. Он даже не пытался скрывать своё нетерпение по отношению ко мне.

Идеология, мозаика старых идей и мифологии, была на своём месте; границы, определившие священное и приоткрывшие «истину» и то, что считать ересью, были установлены. Всё, что от него требовалось — организовать силовую структуру и определить в ней роль для каждого. Он был специалистом по сделкам, брокером, и он хотел вести свой собственный бизнес, чтобы удовлетворить свою жажду.

Я рассматривал сидящих за столом от лица к лицу, от маски к маске.

Ивек и Осэрт были достойными солдатами, посвятившими себя старым идеалам чистоты и превосходства Кардассии. Но падение системы, опиравшейся на эти идеалы и последующее опустошение, оставили их в состоянии глубокого беспокойства и недоумения. Какова их ответственность в этом перевороте? Кто этот Парн, поспешно собирающий вместе эти идеалы для системы, которая, как они и сами понимали, уже не будет прежней? Но их образование, их обуславливание, с которыми их воспитало общество, у которого для решения всех проблем были заготовлены ответы, позволяло им

обходиться без вопросов до нынешней поры. Парн умело использовал давно расставленные ограничения: по ту сторону находилась демонизированная пустота, в которой доминировали идеи Федерации, выжидающие своего момента для нападения.

Мондриг, в отличие от Ивека и Осэгт, был мелкой фигуркой без сердцевины, марионеткой Парна, его пропагандистом, чьей работой было встать перед народом с маской, отражавшей наши убеждения, наши предрассудки, наши надежды и наши страхи. Он был непревзойденным политиком, который донесёт сообщение таким образом, что мы никогда не ощутим угрозы или давления на нас. Он отчаянно стремился стать частью этой группы, хранилища кардассианской власти, а группа всего лишь хотела использовать его для демагогии, которая бы укрепила его власть ещё больше.

Хадар был дегенератом. Его маска, как и черты лица, не отражала следов прожитой жизни, его мыслей и чувств. Он принимал своё преимущество без вопросов и благодарности своим предкам, которые страстно боролись за свои убеждения. Он ни верил ни во что, кроме своих appetitов. Совершенный паразит.

У Модреда были те же предки, но его маска была более насыщенной, чем у Хадара, потому что он до сих пор не остыл к своим убеждениям, он желал сохранить старый порядок любой ценой, потому что другие варианты для него были непостижимы. Он даже готов был вступить в союз с Мондригом, тем, кому бы он «не позволил бы и обувь почистить», как он выразился сам, если бы это значило восстановление старого порядка. На его маске был виден страх — страх перемен.

Маска Нал Деджар была мне более близка, она отражала мою собственную фанатичную приверженность к «секретам государства». Мы жили в тених, и наши маски были игрой света и тени, как кожа регнара. Мы шли сквозь жизнь как «агенты ночи» Тейна, без каких-либо пристрастий, кроме как к тайнам. И чем более успешными мы были, тем менее заметнее и видимее мы становились, пока и вовсе не занимали место в тени, которая прорезает свет.

И обезображенная маска, самая честная в этом подвале... Единственный здоровый глаз, глядевший на меня из тюрьмы боли и горького разочарования, позволил изучить его маску, наши взгляды встретились.

Это был он, доктор. Это был Пифас.

— Друг мой, — прошептал я.

Думаю, меня услышали только Модред и Нал Деджар.

— Вы хотите нам помочь? — резко спросил Парн, его внимание всё ещё было сосредоточено на моей лояльности к его делу.

Я вспомнил свой разговор с Толаном о цене «статуса».

— Или вы сочувствуете этим революционерам?

— Да, — ответил я, отводя взгляд от Пифаса. — Целиком и полностью, — я встал со стула. — Я не должен быть здесь. Это не моё место. Я извиняюсь за вторжение, — я вновь обратил взгляд к Пифасу.

Я не знал, что ему сказать.

Но даже с помощью одного своего здорового глаза он мог быть достаточно красноречивым.

Не здесь, сообщил он мне. Не сейчас.

Модред тоже поднялся.

— Благодарю, гал Модред, но я смогу найти выход, — я поклонился собравшимся и развернулся к ним спиной.

3.5.

Запись:

С тех пор, как в ходе переговоров стало ясно, что передача Терок Нор под федеральный контроль неизбежна, я принялся ждать какой-нибудь информации касательно моего статуса. Но ничего кроме молчания не дождался. Тем не менее, я был полностью уверен, что моё изгнание закончится вместе с оккупацией и мы все вернёмся на Кардассию Прайм.

Этим утром я решил заняться своими повседневными обязанностями, хотя, конечно, настоящей работы у меня не было. В конце концов, если известно, что кардассианский гарнизон и все гражданские покинут станцию со дня на день, с чего бы кому-нибудь из них оставлять у меня свою одежду? Но у меня ещё оставались модели, которые я создавал по собственным эскизам, и я должен был закончить работу над ними.

Когда я вышел на променад, то испытал шок. Вокруг царил праздник.

Баджорцы, населяющие станцию, очевидно, праздновали всю ночь. Они пели, танцевали, обнимались, шатаясь и восторженно завывая. Всё вокруг было в руинах — они полностью разнесли на куски все свои временные жилища, в которых обитали все те годы. Я слышал шум из бара Кварка, который, видимо, сегодня сделал отличную выручку.

Я нырнул обратно в магазин, когда несколько пьяных празднующих приблизились ко мне. Когда они прошли мимо, я вышел на место, с которого мог хорошо видеть весь Променад. Кардассианцев на нем не было. Единственными присутствующими в форме были сотрудники баджорской милиции и федеральные служащие. Гарнизон вывели ночью. И теперь Терок Нор стал Глубоким Космосом 9.

Я слышал, как кто-то закричал:

— Портной всё ещё здесь!

Я заскочил обратно в магазин и запер за собой дверь. Я стоял в темноте, меня била дрожь.

Ни слова.

Ничего!

Они бросили меня!

Я захотел связаться с кем-то. Протестовать. Но после того, как я отправил свой последний отчёт о ходе переговоров, они отрезали мне связь. Я чувствовал себя абсолютно беспомощным. Какой позор! Элим Гарак, кардассианский портной, прячется от пьяных баджорцев на федеральной станции.

Должен же всему быть предел! Разумеется, моё преступление было серьёзным просчётом. Я игнорировал предупреждения своего начальства, я поддался искушению. Но я посвятил всего себя Государству! Не может быть, чтобы мне не было прощения... не тогда, когда идиоты и мясники процветают!..

Дверной звонок издал сигнал. Я замер.

Я впервые задумался о своём нынешнем статусе.

Разрешат ли мне сохранить свой магазин и продолжать работать?

Хочу ли я этого?

Есть ли у меня выбор?

Сигнал повторился.

— Да?

Какой же жалкой была моя попытка звучать так, как будто ничего не произошло!

— М-мой к-костюм готов?

Это был Ром. Я и забыл, что всё ещё работаю над его костюмом, который он «купил» у брата.

— Секунду.

Я включил свет и дал себе мгновение на то, чтобы решиться впустить его.

Ром начал извиняющимся тоном:

— Я думал, у вас открыто, или мне...

— Не волнуйтесь, конечно же, открыто, — резковато заявил я, доставая его брюки и сюртук. — Я полагаю, вы будете довольны результатом.

Я отодвинул штору и впустил Рома, взявшего одежду, в примерочную. Затем задвинул за ним штору и заглянул под прилавок, чтобы проверить, осталось ли что-нибудь в моей бутылке с канаром.

Но там не было даже бутылки.

— Как вы... эм... узнали, что я всё ещё здесь, Ром?

Я пытался казаться беззаботным, но тревога явно проскальзывала в моём голосе.

— Мой брат ск-казал, что вы остались. Я не б-был уверен, когда увидел, что к-кардассианцы покинули ст-танцию ночью...

По его тону я понял, что ему интересно, почему я остался. Но он стеснялся спросить.

Всё же ференги такие странные. В Роме была та чувствительность и деликатность, которой так не хватало его брату. Есть ли вообще такое понятие, как типичный ференги?

Большинство окружающих считают его простаком, словно это что-то плохое.

Ром вышел из примерочной в своём новом наряде. Определённо я одел его как истинного ференги, и он явно был доволен.

— Скажите, Ром... Они все ушли? Я имею в виду — кардассианцы.

Я больше не пытался скрывать своё волнение, а он, посмотрев на меня с пугающей прямоотой, просто кивнул.

— Д-да. Поздно ночью. Гал Дукат перед-дал станцию под к-контроль Федерации и этого... к-командера Сиско, и... они ушли.

Ему всё ещё было интересно, почему я остался.

— Ну, что, Ром? Брюки и сюртук сидят отлично, правда?

Я одёрнул полы сзади.

— Не натягивайте его так высоко на шею, так и шов разойтись может. И я был бы благодарен, если бы вы сообщили всем заинтересованным сторонам, что я всё ещё здесь и целиком и полностью готов отдаться работе.

— О, конечно... конечно! Мне н-нравится...

Он неуклюже поправил свой новый костюм, и мы вместе вышли на променад, так, как будто это был очередной обычный рабочий день.

Мы попрощались, он удалялся, и я наблюдал, как он гордо шествует через толпу празднующих оборванцев.

Я привязался к нему. Возможность поговорить с кем-то, кто действительно имел в виду только то, что говорил, приносила мне странное облегчение.

Я обратил внимание на группу пьяных баджорцев, которые прервали своё веселье и теперь молча, с враждебным недоверием, глазели на меня. Они задавались тем же вопросом, что и Ром.

Одарив их доброжелательной улыбкой, я вернулся в свой магазин.

Там я сел и попытался заняться эскизом, который все время ускользал от моего внимания. Больше было похоже, что костюм моделировал меня. И я почувствовал, что на данном этапе моей жизни это почему-то уместно.

Хотя я сидел спиной к двери, я услышал, что снаружи собралась толпа. Рокот, исходивший из неё, был низким и угрожающим. И я знал, что моё присутствие послужило причиной этого спонтанного сборища. Поможет ли теперь мне закон, когда Оккупация закончилась и я остался единственным кардассианцем на станции?

Я разбирал отдельные выкрики из толпы, призывающие «принять меры». Я чувствовал, как гнев нарастает, и число этих выкриков всё увеличивается. И они явно пришли сюда не для того, чтобы обсудить недостатки своих штанов.

Я продолжал сидеть за своим рабочим столом, сгорбившись, но мускулы моих плеч и шеи были напряжены. Я стирал один эскиз за другим и начинал новые, пытаясь поймать покрой, который, в свою очередь, стремился поймать меня.

Кто-то отделился от толпы и ворвался в магазин. Я сгруппировался, но не обернулся. Женщина кричала мне на своеобразном баджорском диалекте, которого я совершенно не понимал. Я продолжал работать, сосредоточив всё своё внимание на эскизе, который теперь странным образом оживал. Я чувствовал её гнев, но понимал, что нет никакого способа противостоять ему, не ухудшив моё нынешнее положение, но внезапно в магазин ворвалось ещё несколько баджорцев, и когда кто-то набросился на меня со спины, я вскочил на ноги.

Я налетел на стол, но быстро восстановил равновесие и развернулся, оказавшись лицом к лицу с баджорцем, который тотчас же понял, что нуждается в том, чтобы и остальная толпа разделяла его намерения. Остальные вошедшие стояли за его спиной, и какое-то время ничего не происходило. Никто не говорил и не двигался — мы просто стояли на месте, глядя друг на друга. Ненависть накрыла их единой пеленой, за которой стёрлись все различия и индивидуальность.

В этот момент я понял, что гравитационное поле станции было усилено, а волна ненависти, исходящая от толпы, увеличивала давление ещё сильнее. Мне показалось, что я стал весить вдвое больше. И я уже приготовился быть разорванным на куски.

— Достаточно! — приказал суровый голос.

Констебль станции, оборотень Одо, стоял на вершине лестницы. С присущим ему достоинством он пробирался сквозь толпу, половина которой теперь была уже внутри магазина, а половина — снаружи.

— Разойдитесь, — приказал он им. — Выходите, продолжайте заниматься своими делами.

Два баджорских офицера под его командованием начали выводить вторженцев обратно на Променад. Одо бесцеремонно схватил за шкуру напавшего на меня и передал его одному из офицеров.

— В камеру его, — проинструктировал он.

Когда мужчину выпроваживали, проклятия и угрозы разносились по всему Променаду.

— Вас ранили? — осведомился Одо в своей типичной формальной манере.

— Нет, вовсе нет. Спасибо за вашу заботу и... вмешательство, — ответил я.

Он задержался ещё на секунду, изучая меня, пытаясь ответить себе на вопрос, почему я остался? В отличие от остальных, полагающих, что, раз я кардассианец, то у меня был выбор, Одо знал, что меня бросили.

— Нанесен ли какой-либо материальный ущерб, была ли совершена кража? — наконец спросил он.

— Нет, — ответил я.

Я мало знал о констебле Одо, но был уверен, что он никогда не задаст мне вопроса, выходящего за рамки его профессиональной компетенции. Он всегда держался на расстоянии и вёл себя как тот, кто прекрасно понимает, каково быть изгоем.

— Я уверен, что этого не повторится.

Одо окинул магазин взглядом, задаваясь, я уверен, вопросом о том, кто же вообще будет вести дела с кардассианским портным?

А затем он ушёл — так же бесцеремонно, как и появился.

Помещение опустело.

Я изучил своё отражение в большом зеркале.

Мне придётся кое-что изменить в своей жизни. Во-первых, кажется, я слишком тяжёлый для этого гравитационного поля. Я провёл рукой по своему животу: молчание, изгнание, изворотливость... и меньше пряного пудинга.

3.6.

Директорат не терял времени: в каждом секторе был создан «Корпус Реставрации». Очевидно, его целью было поддержание порядка, пока Кардассия восстановит достаточно «силы воли», чтобы восстановить прежние руководящие структуры. Директорат представлял себя в качестве законного агента этой реставрации, и в каждом секторе Корпус поддерживал лидеров, выбранных Директоратом. В секторе Палдар они выбрали Корбата Мондрига.

В действительности, доктор, Корпус функционирует для устрашения народа в каждом секторе, для принятия этого восстановления и выставления Проекта Воссоединение извращённым Федерацией. Но вместо того, чтобы подчиниться грубым угрозам Корпуса, множество жителей города, да что говорить — всей планеты, сопротивляются и пополняют ряды Воссоединения. Для них «реставрация» означает возвращение к тем условиям, которые и привели нас к руинам и пыли, которые ныне окружают нас и душат.

Впервые в нашей современной истории, доктор, мы сталкиваемся с выбором между двумя различными политическими и социальными философиями. Решающий вопрос — как мы собираемся выбирать? Достигнем консенсуса мирными мерами? Или примемся воевать друг с другом?

Я ожидал, что дело зайдёт в тупик. Я даже предугадал случившееся прошлой ночью, когда мой дежурный ночной кошмар прервал грохот обвала. На секунду я решил, что продолжается атака Доминиона.

Я вскочил и выглянул наружу.

Несколько мужчин в импровизированной форме Корпуса под предводительством одного из помощников Мондрига рушили грубо собанные мемориалы.

Я включил громкую сирену, созданную мной именно для таких случаев.

После собрания Алона Гемора это место стало магнитом для Воссоединения. В поразительно короткий промежуток времени число моих соседей возросло, в том числе сюда переселились и Пармак с Гемором. Неисчислимы мародёры, ожидавшие жестокого противостояния, приготовились к бою. Однако мы решили заранее, что жестокое сопротивление бессмысленно. Ведь дальше последует дальнейшая эскалация насилия до тех пор, пока одна сторона не одолеет другую, и у нас останется меньше, чем то ничего, которое мы сейчас имеем.

Это было жуткое зрелище, доктор: безмолвные фигуры, мужчины и женщины, окружившие фалангу потных противников, готовых биться до смерти. Кардассианцы против кардассианцев — уникальное и пугающее зрелище. Некоторые мародёры были из бывших солдат, последовавших за новыми предводителями, некоторые были просто осиротевшими детьми. Некоторые, вероятно, служили идее реставрации по возвращению Кардассии к её прежней имперской славе. А многие были просто голодны и отчаянны.

Это было опасной тактикой с нашей стороны, доктор, и по мере того, как продолжалось напряжённое молчаливое противостояние, я видел, как росло напряжение на лицах по обе стороны. Что-то обязательно произойдёт, это лишь вопрос нескольких минут...

Внезапно один из юных мародёров покинул строй и набросился на стоящего напротив мужчину. Несколько присутствующих немедленно просились на помощь упавшему.

— Стоять! — приказал Гемор.

И они остановились.

Никто не среагировал, и юный мародёр в полном недоумении застыл над поверженным. Уверен, он надеялся, что его действие будет незамечено в последующей

схватке, но теперь, будучи в центре всеобщего внимания, у него не было другого выбора, кроме как принять единоличную ответственность за свой поступок. Когда он не получил ни указаний, ни одобрений от своего командующего, он не смог вынести пристального внимания и побежал.

Противостояние продолжилось, но среди мародёров разрасталось беспокойство. Молчаливое наблюдение с нашей стороны начало действовать им на нервы.

Если они не собираются сражаться?..

— Ну и дерьмо, — с отвращением пробормотал один из старых солдат.

Он смерил своих спутников и помощника Мондрига презрительным взглядом.

— Дерьмо! — выпалил он куда громче.

Его жёсткое лицо и боевая стойка говорили мне, что у него не было страха перед сражением.

— Я, что, должен биться против женщин? — требовательно обратился он к помощнику.

Отвечая на собственный вопрос, он сплюнул и ушёл в ночь. Его неровная походка и заниженный центр тяжести напомнили мне Каликса.

Помощник Мондрига попытался спасти ситуацию, приказав мародёрам продолжать рушить мемориалы, но старшие последовали примеру седого ветерана и разошлись. Молодые и неопытные осознали, что сторонники Проекта превосходят их числом. И эта дисциплина тоже напомнила мне о Каликсе. Гемор не только научился «удерживать свою позицию» на Арене Бамаррена, но смог научить этому и других.

После того, как остатки Корпуса Реставрации с осторожностью отступили, присутствующие без каких-либо указаний к действию принялись восстанавливать развороченные груды обломков. Когда чей-то голос обеспокоенно произнёс, что он не уверен, как выглядело сооружение до разрушения, я успокоил его, что это не так важно.

Когда мы закончили наше совместное восстановление, уже занялся рассвет, и все принялись расходиться по домам.

Пармак, Гемор и я стояли в тишине меж нагромождениями, анализируя результат нашей совместной работы в первых лучах солнца.

— При всём уважении, Элим, — произнёс доктор, — но теперь мемориал выглядит ещё лучше.

Я кивнул, соглашаясь.

— Право, доктор, — ответил я. — «Реставрация» применима для артефактов и музейных ценностей. Когда дело касается построения нового общества, то я считаю, что сделанное нами ночью более близко к этому определению.

— И мы справились без смертоубийств, — добавил Гемор.

— Это так не по-кардассиански, — заметил я.

Все мы понимали, что это была лишь одна стычка, которой мы смогли избежать. И хоть на данный момент это укрепило наш дух, мы могли только надеяться, что это признак усталости от битв, а не заблуждение.

Вскоре после инцидента Пармак пришёл в сарай Толана и сообщил мне, что гал Модред запросил о встрече между Директоратом и лидерами Проекта Воссоединение.

Он спросил, присоединюсь ли я к ним, но я возразил.

— Учитывая обстоятельства моей последней встречи с ними, — объяснил я, — я считаю, что лучше, если вы с Алоном сами послушаете, что они скажут.

Пармак замолчал, погружившись в раздумья.

— Ты же знаешь, что они собираются сказать, да? — поинтересовался он.

— Знаю, — ответил я. — И вы тоже.

Пармак вновь замолчал, обдумывая мысль.

— Очевидно, они предложат нам какой-то компромисс, — начал он.

— Компромисс, который покончит с вашими идеями, доктор. Ты и сам знаешь, — уверенно добавил я. — Эта группа так отчаянно цепляется за идею о власти, что отказываются признавать её теперешнее отсутствие. Они предложат вам с Алоном важные позиции в их структуре... но это не будет компромиссом.

— Лишь выбором, — он кивнул. — Единственное, что они могут предложить в этой ситуации.

— Когда вы встретитесь с ними, — посоветовал я, — только слушайте. Постарайтесь понять, готовы ли они пойти на риск развязать гражданскую войну. Они в отчаянии, но не все из них оболванились жаждой власти, часть из них понимает, насколько мы истощены. Я предполагаю, что события минувшей ночи обеспокоили их.

— Да, я согласен, — кивнул доктор. — Я пойду к Алону, разрабатывать нашу стратегию. Спасибо, Элим.

— Если на встрече будет мужчина с обезображенным лицом, постарайся вступить в контакт с ним. И пусть его отстранённость тебя не пугает.

— Кто он? — поинтересовался доктор.

— Мой старый однокурсник... и Алона тоже, — ответил я. — Он хороший парень.

— Почему он с ними?

— Я не знаю, доктор. И я очень бы хотел это выяснить.

— И когда мы с ним заговорим?..

— Если будет возможно, передай ему, что мне нужно увидится с ним.

— Я сделаю всё, что в моих силах, Элим, — он замаялся.

— Что такое? — спросил я.

— Гражданская война уничтожит нас, — изрёк он.

— Именно, — я видел, как он ощущал груз своей миссии в полной мере.

— Знаешь что, Элим? Я ни солдат, ни политик. Я — доктор.

— Я знаю. А ещё я знаю, что тебя предал один из прежних лидеров. Единственная наша надежда в том, что подобные тебе смогут предложить альтернативу.

— Но у тебя уже был такой опыт, что...

— Доктор, мой опыт идёт от выживания и компромиссов. Этого уже достаточно на той стороне, но эта не та альтернатива, что создаст новый и прочный союз.

— Да, полагаю, ты прав, — согласился он.

— Да, ты доктор, и в этом твоя сила. Я узнал немного о твоей профессии за последние несколько лет. Не думай, как политик. Думай о планете, как о пациенте, цепляющемся за жизнь из последних сил. Думай, как доктор. Как ты излечишь планету?

Он обдумал сказанное мной с должной ему скромностью.

— Спасибо, Элим, я буду держать тебя в курсе, — и он двинулся прочь.

Группа собравшихся в соседнем строении воспевала имена погибших.

— О, доктор, — я приостановил его. — Ты не можешь идти на встречу в таком виде.

— В каком? — он одарил меня озадаченным взглядом.

Ничего не объясняя, я помог ему снять его заношенное пальто и продемонстрировал продолжительный разрыв ткани. Не обращая внимания на его протесты, я заставил его сесть и ждать, пока я доставал свой швейный набор и штопал дыру.

— Внешность для таких персон очень важна. Ты не можешь позволить им считать, что ты не думаешь о деталях, — произнёс я, завершив работу над разорванным полотном.

Мои подозрения были верны: чем больше Директорат выдвигал свою агрессивную позицию, тем больше подрывалась их поддержка. Жажды к жестокой конфронтации меж выжившими было просто недостаточно, а те немногие, кто хотел достичь своих целей

любыми способами, оказались окружены и изолированы подавляющим большинством, которое не хотело иметь с ними никаких дел.

На встрече с Пармаком и Гемором Директорат наконец-то согласился на избирательное голосование между представителями Реставрации и Проекта Воссоединение в каждом из секторов. За некоторыми исключениями эта изменённая, но радикальная конкуренция пройдёт по всей Кардассии в день празднования основания раннего Союза Третом Аклином.

Это удовлетворило обе стороны, поскольку каждый утверждал, что этот день поддержал и подтвердил законное право события.

Сама процедура выборов была и грубой, и сложной. Члены от обеих сторон станут свидетелями происходящего голосования в назначенных для того районах, а архонты будут следить за подсчётом голосов и выносить решения в любых спорах. К моему удивлению, голосование в секторе Палдар должно было происходить на моём мемориале. Легат Парн, гал Хадар и Мондриг жарко спорили по этому поводу до последнего момента, но, в конце концов, им пришлось согласиться, поскольку они не смогли найти разумную альтернативу (и, что иронично, они были в меньшинстве). Мемориал уже был заявлен как единственное общественное место во всём секторе.

Пармак смог передать моё сообщение Пифасу, который принял его, по словам доктора, никак не отреагировав. Полагаю, Гемор, не получив никакой реакции узнавания от Пифаса, засомневался в моём утверждении, что это был его старый однокурсник — Восьмой Лубака. Что бы ни произошло, его физическое уродство служило маской, отражающей глубокую перемену.

Когда мы с коллегами подготавливали и прибирали мемориал к грядущему дню выборов, я задумался: увидимся ли мы снова?

В голове промелькнула мысль, что я должен включить его имя в воспевания усопших.

— Я считаю, всё готово, — удовлетворённо произнёс Пармак.

Мы выложили путь, которым последуют избиратели, обеспечив упорядоченную процессию.

— Как много горожан мы ожидаем? — поинтересовался я.

Пармак и Гемор удивлённо уставились на меня, и я понял, что подобное нельзя знать наперёд. Мы даже не знали, сколько обитателей осталось в секторе.

— Надеюсь, что завтрашнее голосование даст нам представление, — наконец-то ответил Алон. — Я считаю, нам следует хорошенько отдохнуть, пока не начались выборы. Мы сделали всё, что было в наших силах.

Это было мудрым суждением, но каждый из нас прекрасно понимал, что мы ступили в неизвестность, и было не лучшим решением лечь спать в такой момент. Мы сделали всё, что могли, и, вероятно, было бы лучше оставить каждого из нас наедине со своими мыслями.

Мы пожелали друг другу доброй ночи, и, глядя им вслед, я почувствовал огромнейшую благодарность за то, что у меня была возможность работать с этими мужчинами.

Уже который раз за жизнь я ощущал себя воскресшим из мёртвых.

Я переехал в здание, построенное на месте бывшего кабинета Тейна и практически над подвалом, в котором упокоились останки Милы.

Когда я был ребёнком, мои бесконечные мечтания были сосредоточены на мемориалах Тарлака. Когда я лежал на своём лежаке в подвале дома Тейна, я проигрывал в голове сценарии, которые исполнятся, когда Толан возьмёт меня с ним в Тарлак. В них я всегда был героем, отдающим честь товарищам, павшим в битве, в которой каждый из нас отличился. Я бы рассказывал собравшимся у памятника каждую деталь битвы, присутствующие бы плакали, восклицали и, остолбенев, слушали бы мои пояснения, как мы спасли Союз от неминуемого разрушения. Когда я заканчивал, Мила и Толан вели бы меня через восторженную толпу. Какая ирония, доктор, что эти запретные, безличные мемориалы героев Кардассианского Союза мгновенно заменили груды обломков на развалинах дома моего детства... и что я буду здесь сидеть, мужчина среднего возраста, в попытках оплакать павшего товарища, который ещё способен стоять, но едва ли был узнаваем. И всё же, ирония от перерождения Кардассии с помощью мемориала, построенного из обломков дома Тейна не избежала и меня.

— Элим, — голос был хриплым, сдавленным, но я знал, что это он.

Он был единственным, кто смог бы ко мне так подкрасться. Я обернулся и увидел его: он стоял, опираясь на трость. Рядом держалась молчаливая и безучастная Нал Деджар. Очевидно, она была его постоянным спутником.

— Пифас.

Всё та же насмешливая улыбочка.

— Слишком сильно углубишься в свои думы, и кто-то сможет застать тебя врасплох, — прохрипел он.

— Например, призрак из прошлого.

— Я был близок к этому.

— Мне уже казалось, что ты мне примерещился на встрече у Модреда.

— Уже не такой красивый, да?

— Что произошло? — спросил я.

Он покачал головой, его ехидную улыбку затронула горечь.

— Всё то же, что и с миллионами других. Я был из тех, кому повезло.

Я не стал требовать подробностей. Был другой вопрос, который я хотел задать.

— Я был удивлён, увидев тебя у Модреда.

— Могу представить, — ответил он.

Пифас изучал меня здоровым глазом; я уверен, его удивило моё едва сдерживаемое любопытство.

— Ты — член Директората? — спросил я.

— Бывший.

Я ждал пояснений, но совсем забыл об его дурацкой привычке оставлять вопросы висеть в воздухе без полноценного ответа. На этот раз я хотел выжать из него максимум.

— Что заставило тебя передумать?

— Твои друзья, Элим. Очень впечатляющие личности... и очень убедительные.

— А чего ты ожидал? — поинтересовался я

— Обычных дилетантов, которые никогда не понимают, что на кону... сложный выбор, который должен быть сделан, — пояснил он. — Если честно, я считал, что твоя связь с Проектом Воссоединение была...

— Сентиментальной, — я закончил за него.

Он улыбнулся с пониманием дела.

— Но когда я услышал, что говорили Гемор, которого я всегда уважал, и особенно этот доктор Пармак, мне стало ясно, что мы сражались с арьергардом, считая его лидерской позицией. Парн и Хадар попытались выставить сказанное им за федеральную пропаганду, но Ивек и Осэтт тоже были впечатлены, — опираясь на трость, он осторожно опустил на корточки. — Слушая, как он говорит об ответственности, которая лежит на нас как на выживших пред оставшейся жизнью, я и сам осознал, насколько я ожесточился

и зачерствел, — он умолк и обернулся к Нал Деджар, словно хотел убедиться, что она ещё с нами.

Они обменялись красноречивыми взглядами, которые я не смог трактовать, и Пифас кивнул.

— Нал выходила меня до нынешнего состояния... и частично я хотел бы, чтобы ей не удалось. Пока ваш доктор не заговорил о лечении... для кардассианцев любого уровня. Именно этого и желает тело, сказал он нам... если мы не решим иначе.

Пифас долго сидел, понурился головой.

— Я стал очень жестоким, Элим, — я сидел на камне напротив него и бережно накрыл его ладонь своей.

«Да что с этим местом?» — поразился я.

И тогда я вспомнил, как Пармак сказал: если мы не можем оплакивать, мы не можем двигаться дальше.

— Лечение для любого уровня... — повторил я.

Спустя длительный промежуток времени Пифас обернулся и кивнул Нал Деджар, она шагнула в нашу сторону.

— Я вернусь завтра, — сообщил он.

— Голосовать?

— Зови это как хочешь, — прохрипел он.

Деджар помогла ему подняться. Я начал понимать, насколько ему трудно ходить. Судя по его рукам и тому, как он двигался, всё его тело покрывали ужасные ожоги.

— Ты был в садах в ту ночь, верно? — спросил я.

— Да, — последовал ответ. — Я хотел тебя предупредить.

— Но Тейн бы тебе не позволил.

— Какая теперь разница, Элим? — голос Пифаса звучал почти как прежде, сдвленный сип был едва заметен.

— Ты знаешь, где теперь Паландин? — спросил я.

Он уставился на меня.

— Она ещё жива?

В темноте было трудно разобрать выражение его здорового глаза. Сопровождавшую мой вопрос тишину нарушало лишь прерывистое дыхание. Нал Деджар осторожно изучала меня из-под своей маски безучастности. Даже будучи новобранцем, она поразила меня мощью своего умения сфокусироваться. Пифасу повезло получить её заботу и преданность.

— Та группа, куда ты её водил... — прокашлялся Пифас. — Путь Оралия. Поищи там.

Они медленно двинулись в тених мемориала. Движения причиняли Пифасу не только затруднения, но и боль.

Он следовал за мной и туда? Назначил ли Тейн моего друга моей тенью на все те годы? И имеет ли это теперь значение?

— Спасибо, Пифас, — крикнул я вслед их растворяющимся во тьме фигурам.

Не оборачиваясь, он приподнял свою свободную руку в прощальном жесте.

Я посмотрел вверх.

Первое Талавианское созвездие и Слепая Луна были едва видны. Непривычно было видеть хоть слабый свет, проникающий сквозь пылевую завесу, до сих пор охватывающую планету.

Я вспомнил тот вечер в Садах Бамаррена. Освещение в самый раз, подумал я. Его достаточно для любовников. Я прищурился, чтобы разглядеть слабую пульсацию созвездия. Я пытался просчитать его ритм, чтобы расшифровать скрытый код. Следуя внезапной мысли, я положил руку на своё сердце... и две пульсации синхронизировались. Когда они заработали вместе, я ощутил себя ребёнком, который не делает различий между своими снами и бодрствованием. Для этих коротких, вечных пульсаций...

Лучи раннего рассвета прорезали тьму, и созвездие вместе со Слепой Луной потонули в светлеющем небе. Я услышал голоса и, когда обернулся в их направлении, я увидел, как возле мемориала начинают собираться горожане.

Достаточно света, чтобы начать — подумал я.

ЭПИЛОГ

«...просто Гарак. Простой безобидный Гарак».

Мой дорогой доктор.

Простите ещё раз мою дальнейшую задержку при отправке этого... даже не знаю, как и назвать...

Мемуаров кардассианского портного? Полагаю, это такое же точное описание, как любое другое.

Видите ли, доктор, я серьёзно задавался вопросом, стоит ли посылать вам их или нет. Когда внутренний спор был окончен, я поразился, кем был этот слащавый и эгоцентричный болван?!

Пора повзрослеть! — хотел сказать я ему. — Налаживай свою жизнь.

Ну что, я послушался, и, отправка этого послания поможет моему делу. Как я говорил, я незавершённая личность, собирающая обломки разбитого мира, и хочу попросить вас быть тому свидетелем, потому что вы никогда не станете меня судить столь строго, насколько я критичен к себе. Вы никогда не откажете мне в возможности второго шанса.

Кто-то сказал однажды, что демократия была ошибочным решением для идеального беспорядка... и я полностью согласен. Проект Воссоединение набрал большинство в четырёх секторах из шести, и вместо того, чтобы диктовать свои порядки в политической ситуации, всё погрязло в бесконечных дискуссиях... что потом привело к очередному голосованию!

Это и есть ваша хвалёная демократия, доктор? Быть субъективным к мнению любого, у кого есть рот, чтобы высказаться? Как хоть что-нибудь решается? И, если это, как горячо верят некоторые, гениальный план Федерации для подавления кардассианской активности в квадранте, то она в этом полностью преуспела. Мы настолько увлечены обсуждениями по поводу электроснабжения и утилизации отходов, что нам больше нет дела ни до чего другого.

Но свою жизнь я налаживаю. И, как ни странно, мой дом символизирует мой прогресс. Он стал настоящим мемориалом Миле, Тейну и Толану, но парадокс в том, что я никогда не чувствовал себя таким свободным от их влияния. Куда бы меня не вела линия судьбы, доктор, я больше не чувствую, что моя жизнь лишь следствие выбора, который сделали за меня другие.

Я живу со своими орхидеями, которые украсили набирающие популярность сады моего дома. Их соблазнительные цветы, присутствие детей, приходящих играть на меморил (как я когда-то в Тарлаке), помогают развеять мрачную атмосферу, нависшую, как пылевые завесы, по всему миру. Их голоса, когда они играют, звучат, как музыка, которая всегда помогает мне в работе. Дети прозвали это место «садом портного», и название пошло в народ.

Да, доктор, я продолжил работать по своей «новой» профессии. Как вы можете представить, многое предстоит заштопать.

А что стало с Паландин?

Я заходил в Путь Оралия в состоянии тревожного ожидания. Когда публика заполняла импровизированный зал, я старался быть деликатнее, выискивая её лицо.

Церемония началась, и молодая женщина, чьи глаза и выразительные черты лица выглядели обескураживающе знакомыми, вышла на возвышение и начала читать хебитианские записи.

Это был её голос, доктор.

Это не была Паландин, но у неё был её голос!

И тогда я понял — это была Кел. Она выросла властной молодой женщиной, чья изящная красота гармонично перешла к ней от обоих родителей. Я был совершенно сбит с толку и после окончания собрания не знал, что мне делать. Из её поведения и разговоров с другими было понятно, что она глубоко поглощена как Путём Оралия, так и процессом восстановления. Я хотел представиться ей и спросить о Паландин, но не осмелился. Я боялся, что, зная она правду, она бы видела во мне лишь того, кто убил её отца и разрушил её семью.

Уверен, что это не будет сильной неожиданностью, доктор, когда я скажу вам, что регулярно посещаю собрания Пути Оралия. Теперь, когда эта группа больше не считается незаконной, собрания стали довольно популярны среди тех, кого интересуют хебитианцы и их культура. Кел стала одним из ассистентов Гида, и её работа в маске декламации глубоко впечатляет. Однако Паландин так нигде и не видно, и все мои попытки достать информацию о ней бесплодны. Кел могла быть моим единственным источником, но между нами большая пропасть, и я не уверен, сможем ли мы когда-нибудь её преодолеть.

Что же, на данный момент я счастлив быть свидетелем её духовного роста... и слышать эхо пронзительного голоса, который давным-давно вытянул меня из пучины боли и жалости к себе на тренировочной площадке Бамаррена.

Я расширил свой сарай в бесконечных поисках своего места. И чувствую, что уже близок, доктор, особенно когда совершенствую строения. Одно, ставшее мемориалом Толана, — грубоватое, но эффектное изображение крылатого существа с хебитианского солнечного диска — обращённое к лучам солнца, тянущееся, стремящееся к нему, когда солнечные нити стекают по его телу и соединяются с телами стоящих на шаре фигур, смотрящих вверх на создание, дарующее им это божественное единение... Я закрепил на лице создания маску декламации, которую он мне подарил, и каким-то образом это стало моим личным тотемом. Я надеюсь, что когда-нибудь у вас будет возможность увидеть его.

Ничто не принесёт мне большей радости.

Вы всегда будете желанным гостем, доктор.